Проза Говарда настолько наэлектризована, что все время ожидаешь удара молнии.

Стивен Кинг

РОБЕРТ ГОВАРД

КОНАН®

КРОВАВЫЙ ВЕНЕЦ

Иллюстрации Гэри Джианни

Проза Говарда настолько наэлектризована,
что все время ожидаешь удара молнии.
Стивен Кинг

РОБЕРТ ГОВАРД

КОНАН®

КРОВАВЫЙ ВЕНЕЦ

Иллюстрации Гэри Джианни

МОРЕ ЗАПАДА
ВАНАХЕЙМ
АСГАРД
ГИПЕРБОРЕЯ
ТУНДРЫ
СТЕПИ
ПУСТЫНИ
ГИРКАНИЯ
МОРЕ ВИЛАЙЕТ
КХИТАЙ
ВЕНДИЯ
ИРАНИСТАН
ЗЕМБАБВЕ
ПУНТ
ДАРФАР
КЕШАН
КУШ
СТИГИЯ
ШЕМ
АРГОС
ЗИНГАРА
ОФИР
ХОРАЙЯ
ХАУРАН
КОРИНФИЯ
АКВИЛОНИЯ
НЕМЕДИЯ
БРИТУНИЯ
КИММЕРИЯ
ЗАМОРА
ТУРАН
ЗАРАМУДА
ДЕБРИ ПИКТОВ
ГАНДЕРЛАНД
БОССОНСКИЕ ПРЕДЕЛЫ
ПОГРАНИЧНОЕ КОРОЛЕВСТВО
ЧЕРНЫЕ КОРОЛЕВСТВА
Барахские острова
Мессантия
Остров Сипоко
Южный остров
ХАЙБОРИЙСКАЯ ЭРА

РОБЕРТ ГОВАРД

КОНАН®

КРОВАВЫЙ ВЕНЕЦ

ЭКСМО
МОСКВА
Санкт-Петербург
2010

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
Г 57

Robert E. Howard

Original title: THE BLOODY CROWN OF CONAN

© 2010 Conan Properties International LLC. Used with permission. CONAN, CONAN THE BARBARIAN, HYBORIA and related logos, names and character likenesses are trademarks or registered trademarks of Conan Properties International LLC. All rights reserved.

ROBERT E. HOWARD is a trademark or registered trademark of Robert E. Howard Properties Inc. Used with permission. All rights reserved.

Illustration copyright © 2003 by Gary Gianni

Составитель *А. Жикаренцев*

Оформление *А. Матвеева*

Оригинал-макет подготовлен ООО «ИД «Домино».

Говард Р. И.

Г 57 Конан. Кровавый венец / Роберт Говард ; [пер. с англ. М. Семеновой, К. Плешкова]. — М. : Эксмо ; СПб. : Домино, 2010. — 544 с.

ISBN 978-5-699-39448-7

Роберт Ирвин Говард прославился как создатель жанра, позднее получившего название «меч и магия». Кроме того, он подарил читателям героического фэнтези бессмертную плеяду героев: выходца из Атлантиды Кулла, вождя мятежных пиктов Брана Мак Морна, странствующего пуританина Соломона Кейна. Но самым ярким в этом созвездии стал — без преувеличения, по праву сильного — хмуроглазый могучий варвар, рожденный в снежных горах таинственной Киммерии.

Во второй том историй о Конане вошел единственный роман Говарда «Час Дракона», а также повесть и рассказ в переводе известной писательницы Марии Семеновой. Книга украшена иллюстрациями Гэри Джианни.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

ISBN 978-5-699-39448-7

© М. В. Семенова, К. П. Плешков, перевод с английского, 2010
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2010

Иллюстрации посвящаются Маргарет и Луису Джианни.

Гэри Джианни

Предисловие

Когда я был маленьким, я видел, как человек рушил дом кувалдой. Собственно, даже не дом — скорее следовало бы назвать его хижиной. Я живо помню тот день и соседских ребят, собравшихся во дворе моего друга Джо посмотреть, как его отец будет сносить старую хижину, стоявшую на краю участка. Какой восьмилетний мальчишка отказался бы это увидеть?

Когда я пришел, мистер Лилл уже оценивал размеры предстоящей работы, взвалив на широкое плечо большую кувалду. Сооружение клонилось в его сторону, словно бросая вызов. Возможно, он почувствовал насмешку, поскольку тут же ринулся в бой, превратившись в орудие уничтожения. Размахивая руками, словно мельница, он наносил сокрушительные удары, стремясь нанести максимальный ущерб шатающемуся под ними противнику. Облака пыли и треск ломающихся досок создавали иллюзию фантастической битвы. Меня полностью захватило это зрелище, и сейчас я думаю о том, кто еще из тех мальчишек невольно скрежетал зубами и сжимал кулаки вместе со мной.

© Перевод К. Плешкова.

Когда последний столб рухнул на груду обломков, мистер Лилл вскарабкался на ее вершину, оперся на кувалду и мрачно окинул взглядом дело своих рук.

Оглядываясь назад, могу сказать, что это был великолепный момент, настоящее воплощение Джона Генри, Геркулеса и Самсона. У нас у всех бывал подобный опыт в той или иной форме, и воспоминания эти лучше всего описать как «героический реализм» (термин придуман критиком Луи Менаном). Не считая фантастических элементов, именно эта черта главным образом интересует меня в моей работе с произведениями о Конане — чувство настоящей опасности, романтика и интрига, основанные на осязаемой реальности.

Будучи подростком, через несколько лет после того, как обрушилась хижина, я наткнулся на книгу в мягкой обложке. На ней был изображен человек, который стоял, опираясь на меч, над грудой из тел побежденных противников. И картинка эта напомнила мне нечто знакомое, таившееся в глубинах памяти.

Я вспомнил тот день, и меня охватило неподдельное волнение. Такова порой бывает сила изображений.

Книгой этой, естественно, был «Конан-завоеватель» Роберта И. Говарда, а автором обложки был Фрэнк Фразетта. Так я познакомился с варваром, которого придумал Говард.

С тех пор прошло много лет, и приключения Конана изображались многими талантливыми художниками. Меня вполне удовлетворяла возможность восхищаться их работой со стороны, но шанс поучаствовать лично предоставился сам собой, после того как я проиллюстрировал похождения двух других великих героев Роберта Говарда — Соломона Кейна и Брана Мак Морна. Разве я мог отказаться?

Для меня было немалой честью изображать этих персонажей, и теперь я присоединяюсь к сонму выдающихся иллюстраторов, пытавшихся показать Конана. Сколько бы художников ни добавляли что-то свое к мифу о Конане в кни-

гах, комиксах и фильмах, именно сами оригинальные рассказы и убедительные образы, которые они вызывают в воображении, в конечном счете приводят в трепет читателя. И это можно считать вполне достойной данью писательским способностям Говарда.

Гэри Джианни, 2003

Вступление

«Для меня не существует более интересной литературной работы, чем переписывание истории под маской фантазии»,— писал Роберт И. Говард своему другу Г. Ф. Лавкрафту. И слова эти в определенной степени объясняют особый интерес, присутствующий в его рассказах о неукротимом Конане из Киммерии, ибо именно в них мы наблюдаем историю в виде живого и драматичного повествования.

Что? Конан — история? Да ведь это же фантастика, разве не так? Весь этот мир, известный как «Хайборийская эра»,— всего лишь плод воображения Говарда, верно? Что ж, и да и нет. Конечно, это уникальное литературное творение Говарда — но в него он вложил всю свою любовь к истории, мифологии и романтизму.

Роберт Говард был в высшей степени одаренным, но подчеркнуто коммерческим писателем. Сочинение всевозможных историй, судя по всему, являлось для него чем-то вполне естественным; друзья его детства свидетельствуют, что он руководил их играми еще в десятилетнем возрасте, а друзья его отрочества говорят, что он был прекрасным рассказчиком, способным зачаровать слушателя. Конечно, свидетельства этому мы находим и в его творчестве. И хотя сам он отри-

---

© Перевод К. Плешкова.

цал наличие каких-либо особых художественных мотивов, в его лучших работах присутствует подлинное мастерство. Как отмечал Лавкрафт, «он был выше любой конъюнктуры, которую он мог бы принять как руководство к действию».

Но Говарду пришлось использовать свой природный талант рассказчика, чтобы заработать себе на жизнь; для него было важно, чтобы его труд нашел своего покупателя. В начале 1930-х годов, когда страну охватывала Великая депрессия, его рынок сбыта, дешевые журналы, боролся за свое существование. Те из них, которым удалось выжить, сделали это за счет урезания гонораров или сокращения частоты выхода (и, соответственно, потребности в новых материалах). Как бы ему ни нравилось сочинять исторические рассказы для «Восточных историй», в основном на тему Крестовых походов, и рассказы о древних ирландских воинах, вообще неинтересных для тогдашнего рынка сбыта, они требовали немалых исследований, что он с трудом мог себе позволить. «Каждая страница истории изобилует драмами, которые следовало бы перенести на бумагу,— писал он.— Один абзац может быть наполнен действием, которого хватило бы для целого тома художественного произведения. Однако подобным образом я никогда не смог бы заработать на жизнь; рынок чересчур скуден, требования слишком узки, и мне требуется слишком много времени, чтобы закончить хотя бы один рассказ».

Сколь бы ни был силен интерес Говарда к истории, он не простирался на «цивилизованные» народы. «Когда нация — практически любая — выходит из варварского состояния или еще из него не вышла, у меня сохраняется к ней интерес. Мне кажется, что я понимаю этих людей и могу писать о них умные вещи. Но по мере того как они движутся к цивилизации, моя увлеченность ими ослабевает, пока не исчезнет полностью, и их обычаи, мысли и стремления начинают казаться мне совершенно чуждыми и сбивающими с толку. Так что первые монгольские завоеватели Китая и Индии вызы-

вают у меня напряженный интерес и понимание; но несколько поколений спустя, переняв цивилизацию своих вассалов, они становятся мне полностью неинтересны. Мое изучение истории представляет собой постоянный поиск новых варваров, от эпохи к эпохе».

В первые месяцы 1932 года, во время путешествия в Мишн, штат Техас, в долину Рио-Гранде, к нему пришел ответ: Хайборийская эра, период между затоплением Атлантиды и создавшими наш современный мир катаклизмами, населенный прародителями — подлинными архетипами — всех тех варваров, которых он так любил изучать. Персонаж по имени Конан «возник ниоткуда сразу взрослым и заставил меня взяться за работу по написанию саги о его приключениях». Деяния эти происходят в мире, населенном елизаветинскими пиратами, ирландскими разбойниками и берберийскими корсарами, американскими первопроходцами и казацкими мародерами, египетскими чародеями и последователями таинственных римских культов, средневековыми рыцарями и ассирийскими армиями. Все они были тем или иным образом замаскированы, но без каких-либо попыток действительно скрыть их сущность. Собственно, Говард пытался дать им имена, которые позволили бы читателю без особых усилий догадаться о том, кто они на самом деле,— он хотел, чтобы мы сразу же их узнали, но словно подмигивая: «Мы же знаем, что это всего лишь рассказ, верно? Продолжай!» Разве мог кто-то из читателей не догадаться, что Афгулистан — это Афганистан, или что Вендия — это Индия? Нет, конечно!

Создав Хайборийскую эру, Говард создал мир, в котором его любимые исторические варвары могли поднять мятеж, а он мог сочинять полные действия и драматизма истории, который он так любил рассказывать. Эту блестящую идею, вероятно, мог подсказать ему Г. К. Честертон, чья эпическая поэма «Баллада о белом коне» была одним из любимых произведений Говарда, судя не только по его бурным коммен-

тариям в двух различных письмах к его другу Клайду Смиту в 1927 году, но и по частому использованию цитат из поэмы в качестве эпиграфов или стихотворных заголовков к его рассказам, а также по тому, что он продолжал цитировать ее в письмах вплоть до 1935 года. «Баллада о белом коне» повествует о короле Альфреде и битве при Этандуне, но Честертон отмечает, что «все в ней, что не является открыто вымышленным, как в любой романтической прозе о прошлом, имеет целью подчеркнуть скорее традицию, нежели историю». Поскольку борьба «за христианскую цивилизацию против варварского нигилизма», которую он хотел прославить, «на самом деле шла в течение многих поколений», он создал вымышленных римских, кельтских и саксонских героев, разделивших славу победы с Альфредом. «Главная ценность легенды,— писал он,— состоит в том, чтобы смешать разные века, сохранив общий настрой, увидеть все эпохи одновременно в величественном ракурсе. В этом предназначение традиции — она словно сжимает историю».

Честертон, конечно, вряд ли был первым, кто создал подобное литературное произведение; на ум приходят артурианские романы Кретьена де Труайя и сэра Томаса Мэлори, а еще раньше — скандинавские саги и древняя легенда о Беовульфе. Но, возможно, мотивы, которыми руководствовался Честертон, глубоко запали в сознание Говарда, чтобы реализоваться годы спустя в виде «Хайборийской эры». Говард действительно сочинил эпическую поэму, «Баллада о короле Геренте», которая явилась эхом поэмы Честертона; он описал героическую последнюю битву кельтских племен Британии и Ирландии против вторгшихся на их земли англосаксов. Но лишь после создания в 1932 году «Хайборийской эры» он смог реально воплотить подобную идею в жизнь, превратив историю в то, что Лавкрафт назвал «живой рукотворной легендой».

Поскольку Говард написал достаточно длинную историю Хайборийской эры и прилагал все усилия к тому, чтобы сде-

лать ее мир непротиворечивым, некоторые критики поместили его в категорию авторов, придерживавшихся традиции «фантастических миров», таких как Джордж Макдональд, Уильям Моррис, Лорд Дансени и Дж. Р. Р. Толкиен. Но Хайборийская эра — историческая, а не воображаемая; это попросту ядро, в котором могут сходиться воедино элементы из различных исторических эпох ради сюжета того или иного рассказа. Привлекательность рассказов о Конане отчасти состоит в том, что они выглядят столь реальными, так как мы узнаем мир, в котором Конан действует. К тому же Говард не был литературным стилистом наподобие авторов «воображаемых миров» — он был рассказчиком, предпочитавшим четкий, прямой и простой язык с минимумом описаний. И конечно же, в его лучшей прозе ощущается немалая доля поэзии, что в достаточной мере демонстрирует первая глава «Часа Дракона». Говард вырос на поэзии, которую читала ему мать, и сам был, вероятно, лучшим поэтом среди писателей-фантастов. По словам Стива Энга, «Говард, возможно, чувствовал, что поэзия лучше соответствует его воображению, чем проза. Кажется, его вымышленным героям и злодеям "меча и колдовства" намного естественнее было бы стать воспетыми в песнях, нежели описанными в абзацах текста».

Но в литературе Говарда имелся еще один элемент. «Когда я пишу,— говорил он Э. Хоффману Прайсу,— я всегда стремлюсь быть реалистом». Слова эти могут показаться неуместными в устах автора, больше всего известного по его фантастическим произведениям, но, исследуя собрание его сочинений, мы находим «реалистический» роман, большое количество рассказов о боксе, множество исторических рассказов и вестернов — иными словами, немалую долю реализма. Джек Лондон, вероятно, был его любимым писателем; больше всего известный сегодня по своим приключенческим произведениям, Лондон был также видным социалистом, чья полуавтобиографическая вещь «Мартин Иден», ставшая

прообразом для «Высоких дубов и песчаных холмов» самого Говарда, считается первым экзистенциалистским романом. Другим писателем, которого Говард высоко ценил, был Джим Талли, чьи художественные повествования о его жизни в качестве бродяги, циркового рабочего, боксера и журналиста нашли отражение в работах Говарда. Как Лондон, так и Талли были «детьми дороги», и Говард часто описывал персонажей, в том числе Конана, бросивших в юности родной дом и отправившихся бродить по свету.

В своем содержащем немало плодотворных идей эссе «Роберт И. Говард: искушенный автор героической фэнтези» Джордж Найт предполагает, что Говард принес в фэнтези ту же эмоциональность, которую внесли в детективный роман его современники Дэшил Хэммет и другие,— отважное и непокорное отношение к жизни, выраженное в простой прямолинейной прозе (не без поэзии), темную сущность которой составляет насилие. Конан в его Хайборийской эре имеет много общего с оперативником из «Континентала» на зловещих улицах Сан-Франциско: он действует сам по себе, с циничным и искушенным отношением к жизни, и его сдерживает лишь его собственный строгий моральный кодекс. Он не испытывает почтения к правилам, навязанным властями или традицией, предпочитая жить по правилам, которые помогают ему «поддерживать порядок в мире, катящемся к безумию». Его можно нанять, но невозможно купить. Он, как отмечал Чарльз Хоффман, «Конан-экзистенциалист, независимый и решительный, один во враждебной вселенной». Конан, говорит Хоффман, знает, что жизнь лишена смысла: «Вера моего народа не сулит особой надежды ни здесь, ни в будущей жизни,— заявляет он в "Королеве Черного побережья".— Земное существование есть бессмысленное страдание и борьба, обреченная на поражение...» Но осознание полной бессмысленности каких-либо действий не приводит Конана в отчаяние: он «демонстрирует, как обладающий сильной волей человек может создавать цели, ценности и смысл жизни для самого себя».

В этом, как мне кажется, заключается немалая часть привлекательности Конана. Наша судьба, говорит он, не среди звезд и не в нашей благородной крови, но в нашем желании создавать самих себя. Рассказы в данной книге являются тому превосходной иллюстрацией: в каждом из них Конан оказывается перед выбором и принимает решение не на основе некоей «благородной цели», но того, что, на его взгляд, является правильным в данный момент. Он хватается за любую возможность, чтобы получить желаемое, и отвергает возможности, за которые другие ухватились бы без колебаний. Он — сам по себе и поступает по-своему, не руководствуясь почти ничем, кроме минутной прихоти и своего понимания того, что правильно, а что нет.

Но конечно, в первую очередь своей привлекательностью истории Говарда о Конане обязаны его таланту рассказчика. Его способности захватить читателя и унести его в вихрь повествования непревзойденны. Так что переверните страницу и приготовьтесь к волнующему путешествию по чудесному миру Хайборийской эры.

Расти Берк, 2003

Люди Черного Круга

1

СМЕРТЬ КОРОЛЯ

В душной ночи звон священных гонгов и рев раковин слышался далеко. Слабые отзвуки доносились и в комнату с золотыми сводами, где на устланном бархатом ложе метался Бунда Чанд — король Вендии. Смуглое лицо блестело от пота, пальцы впились в расшитые золотом покрывала. Он был еще молод, и не копьем его ранили, и не яд подсыпали в вино, но глаза застлала мгла неминуемой смерти. У одра короля на коленях стояли дрожащие невольницы, у изголовья склонилась его сестра Деви Жазмина, с глубокой тревогой вглядываясь в лицо брата. С нею был вазам, пожилой дворянин, давно состоящий при королевском дворе.

Когда далекий рокот барабанов достиг слуха Жазмины, она резко вскинула голову.

© Перевод М. Семёновой.

— Жрецы и вся эта суматоха! — вскрикнула Дави с гневом и отчаянием.— Они никчемны, как и лекари! Он умирает, и никто не знает отчего. Умирает — а я, беспомощная, стою здесь... Я готова сжечь город дотла и отправить на смерть тысячи людей ради его спасения!

— Я уверен, любой вендиец умер бы за своего короля, Дави,— тяжко вздохнул вазам,— если бы это помогло. Видимо, его отравили...

— Я уже говорила, это не яд! — выкрикнула она.— С самого детства его охраняли, даже самым ловким отравителям Востока не удавалось до него добраться. Пять черепов белеют на башне Бумажного Змея, доказывая, что никто из них не достиг цели. Ты прекрасно знаешь, десять мужчин и десять женщин пробуют его вина и еду, а покои стерегут пятьдесят стражей. Нет, это не яд, это колдовство. Страшное проклятие...

Она умолкла, потому что король в эту минуту заговорил; его посиневшие губы, правда, не пошевелились, а в глазах не появилось и проблеска сознания, но раздался невнятный и тихий стон, словно взывающий из бездонных, исхлестанных ветром глубин.

— Жазмина! Жазмина! Сестра моя, где ты? Я не могу найти тебя. Всюду темнота и вой вихря!

— Брат! — закричала Жазмина, судорожно хватая его безвольную ладонь.— Я здесь! Ты узнаешь меня?

Она смолкла, видя полное безразличие, завладевшее королем. С его уст сорвался жалобный всхлип. Невольницы заскулили от страха, а Жазмина разодрала на себе одежды.

В другой части города некий человек выглядывал из-за ажурной решетки окна на длинную улицу, освещенную тусклыми факелами. Свет озарял воздетые к небу темные лица со сверкающими белками глаз. Из тысяч уст вырывались долгие причитания.

Мужчина был высок, хорошо сложен и носил дорогие одеяния. Он повел широкими плечами и отвернулся от окна.

— Король еще не умер, но уже слышны траурные песнопения,— сказал он второму мужчине, сидящему на циновке в углу комнаты.

Собеседник его был одет в коричневую тогу из верблюжьей шерсти, сандалии и зеленый тюрбан. Он, равнодушно посмотрев на говорящего, вымолвил:

— Просто люди знают, король не встретит рассвета.

Первый мужчина долго вглядывался в его лицо.

— Не пойму,— сказал он,— зачем я должен был так долго ждать, пока твои хозяева начнут действовать. Если им удалось убить короля теперь, почему они не могли сделать этого на несколько месяцев раньше?

— Искусством, которое ты называешь колдовством, управляют законы вселенной,— ответил человек в зеленом тюрбане.— Даже мои господа не в силах этим пренебречь. Пока звезды не оказались в нужном положении, чары не действовали.

Длинным грязным ногтем он чертил созвездия на мраморных плитах пола.

— Восхождение Луны сулит несчастье королю Вендии, смятение среди звезд. Змея в Доме Слона. При таком положении невидимые стражи покидают душу Бунды Чанда. Открыта дорога в потусторонние королевства. Когда удалось найти точку соприкосновения, той дорогой были посланы могучие силы.

— Точка соприкосновения? — переспросил второй мужчина.— Ты имеешь в виду прядь волос Бунды Чанда?

— Да. Все части тела постоянно пребывают между собой в нерасторжимой связи. Жрецы Асуры давно это подозревали, поэтому отрезанные ногти, волосы и все остальное, принадлежащее членам королевской семьи, предусмотрительно сжигалось, а пепел старательно прятался. Но в ответ на мольбы княжны Косаль, безнадежно влюбленной в

Бунду Чанда, он подарил ей на память прядь своих волос. Когда мои господа решили судьбу короля, прядь похитили из золотого, украшенного драгоценностями ларца, который княжна держала ночью под подушкой, а вместо него положили другую, похожую. Так что княжна подмены не заметила. Потом настоящая прядь выдержала долгое путешествие с караваном верблюдов до Пешкаури и через перевал Забар, пока не попала в руки к тем, к кому должна была попасть.

— Обычная прядка волос,— произнес аристократ.

— Благодаря которой можно извлечь из тела душу и затянуть в безграничные бездны мрака,— произнес человек, сидящий на циновке.

Аристократ с интересом приглядывался к нему.

— Не знаю, человек ты или демон, Хемса,— сказал он в конце концов,— мало кто из нас является тем, за кого себя выдает. Кшатрии знают меня как Керим Шаха, принца из Иранистана, но я всего лишь подставное лицо. Так или иначе, все — предатели, а половина даже не знает, на кого работает. Я, по крайней мере, избавлен от таких сомнений, потому что служу королю Турана Ездигерду.

— А я — Черным Колдунам с Имша,— сказал Хемса,— и мои господа более всемогущи, чем твой король; своим искусством они достигли того, чего он не мог добиться с многотысячным войском.

Жалобные стоны вендийцев неслись к звездному небу, рычание раковин, казалось, изгоняет тьму. В дворцовых парках свет факелов отражался в блестящих шлемах, в изогнутых мечах и украшенных золотом нагрудниках. Все воины Айодии благородного происхождения толпились в огромном дворце и вокруг него, а возле невысоких овальных арок и у каждой двери встало на стражу по пятьдесят лучников со стрелами на тетиве. Но смерть шагала по королевским

покоям, и никто не мог воспротивиться ее беззвучному шествию.

В комнате с золотыми сводами король, мучимый ужасной болью, вскрикнул еще раз. Его голос был совсем слаб и далек. Деви наклонилась над ним, дрожа от ужаса, вызванного чем-то иным, нежели страхом перед смертью.

— Жазмина! — раздался вновь приглушенный, полный страдания крик из темноты.— Помоги мне! Я так далеко от дома! Колдуны завлекли мою душу в исхлестанную вихрем темноту. Они пробуют порвать серебряную нить, связывающую душу с телом. Клубятся вокруг. Их пальцы, словно когти, их красные глаза тлеют во мраке. О, спаси меня, сестра! Их прикосновения жгут, словно огонь! Они уничтожат мое тело и погубят душу! Что их привело ко мне? Ох!

Услышав безграничный ужас в голосе умирающего, Жазмина пронзительно вскрикнула и в отчаянии прижалась к его груди. Тело короля свело в судорогах, с перекошенных губ хлынула пена, а судорожно сжатые пальцы оставили след на плече девушки. Но взгляд короля обрел осмысленность, словно бы ветер на мгновение развеял подернувшую их мглу, и он взглянул на сестру.

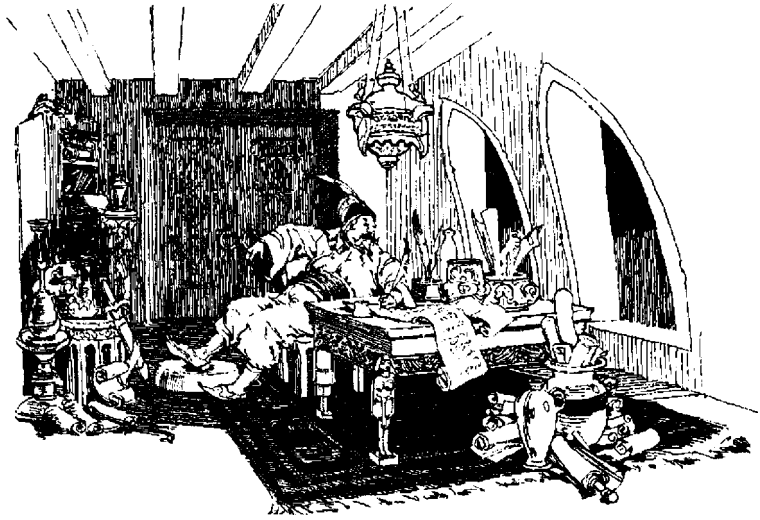
— Брат! — заплакала она.— Брат...

— Спеши! — крикнул он слабеющим голосом.— Я уже знаю причину моей гибели. Я проделал долгое путешествие и все понял. Колдуны из Химелии напустили на меня чары. Они извлекли мою душу из тела и унесли ее далеко, в каменную комнату. Там они пробуют порвать серебряную нить жизни и заключить мою душу в тело ужасного чудовища, которого их заклятия извлекли из тьмы. Ах! Я чувствую их силы! Твой плач и пожатие твоих пальцев вернули меня, но только на минуту. Моя душа все еще держится в теле, но эта связь все слабеет. Скорее убей меня, прежде чем они навсегда поместят мою душу в эту тварь!

— Не могу,— рыдала она, ударяя себя в грудь.

— Скорее, приказываю тебе! — В шепоте послышались прежние повелительные интонации.— Ты всегда повиновалась мне, послушайся и моего последнего приказа! Отправь мою душу в лоно Асуры! Спеши, иначе обречешь меня на вечное пребывание в теле ужасного чудовища. Убей меня, приказываю тебе! Убей!

С ужасом Жазмина выдернула из-за пояса украшенный драгоценными камнями стилет и погрузила по рукоять в грудь брата. Король выпрямился, его тело ослабело, печальная улыбка искривила помертвевшие губы. Жазмина бросилась на застланные камышом плиты, ударяя по ним кулаками. За окном рычали раковины и гремели гонги, жрецы резали свои тела медными ножами.



2

ВАРВАР С ГОР

Чундер Шан, губернатор Пешкаури, отложил золотое перо и внимательно посмотрел на письмо с печатью своего ведомства. Он правил в Пешкаури уже много лет благодаря тому, что взвешивал каждое слово, прежде чем сказать или написать его. Опасность порождала осмотрительность, только осторожные люди долго жили в этом диком краю, где раскаленные равнины Вендии соседствовали со скалами Химелии. Достаточно часа езды на запад или на север, чтобы пересечь границу и оказаться в горах, где правит закон кулака и ножа.

Губернатор, сидя за искусно сделанным столиком из красного дерева, видел в широко открытом окне темно-синее небо, усеянное большими белыми звездами. Зубцы крепостной стены еле различимой темной полосой вырисовывались на фоне неба, а дальние бойницы и амбразуры, казалось, растворялись в нем. Крепость губернатора стояла вне города, охраняя ведущие к нему дороги. Ветерок колыхал

висящие на стенах гобелены, доносил с улиц Пешкаури гомон, обрывки песен и тихий звон цитры.

Беспумно шевеля губами, Чундер Шан перечитывал написанное, прикрывая ладонью глаза от света латунного светильника. Он сразу расслышал топот конских копыт за сторожевой башней и резкий окрик стражника. Занятый посланием, он не придал происходящему значения. Письмо было адресовано вазаму Вендии на королевском дворе в Айодии, и после традиционных восхвалений в его адрес шло следующее:

«Пусть Вашей милости будет известно, я точно выполнил приказ Вашей милости. Семеро горцев заперты в хорошо охраняемой тюрьме, а я непрестанно шлю вести в горы и жду, когда их вождь лично прибудет для переговоров. Но до сих пор он не сделал ответного шага, зато угрожает, что, если заложников не выпустят, он сожжет Пешкаури и — прошу прощения, Ваша милость, — покроет свое седло моей кожей. Он способен на все, поэтому я утроил стражу на стенах. Этот человек не гулистанского происхождения. Я не могу предсказать, что он предпримет. Но поскольку приказ исходил от Деви...»

Губернатор сорвался с кресла и в мгновение ока оказался у сводчатых дверей. Схватился за кривой меч, лежащий в изукрашенных ножнах на столике. И застыл, воздев его в приветствии. Особа, которая так неожиданно вошла, оказалась женщиной. Муслиновые одеяния не могли скрыть дорогих украшений, равно как и гибкости стройного молодого тела. К волнистым волосам, охваченным тройной косичкой и украшенным золотым полумесяцем, была приколота прозрачная вуалька. Черные глаза смотрели сквозь вуаль на ошеломленного губернатора, а ладонь прикрывала лицо.

— Деви!

Губернатор преклонил колено, но удивление и замешательство испортили эффект от столь торжественного момента. Движением руки она приказала ему встать. Он поспеш-

но проводил ее к креслу из слоновой кости, все время находясь в глубоком, почтительном поклоне.

— Государыня! Это в высшей степени безрассудно! — упрекнул ее губернатор.— На границе неспокойно. Постоянные нападения с гор. Государыня, надеюсь, ты прибыла с достаточно большой свитой?

— Большой кортеж сопровождал меня только до Пешкаури,— ответила она.— Там я оставила своих людей и поехала в крепость со своей придворной дамой по имени Гитара.

Чундер Шан охнул от страха.

— Деви! Ты не осознаешь опасности. В часе езды отсюда полно варваров, которые грабят, убивают. Случалось, что на дороге между городом и крепостью похищали женщин и убивали мужчин. Пешкаури — не южная провинция...

— Все же я здесь, цела и невредима,— нетерпеливо прервала его Деви.— Я показала мой перстень с печатью стражнику у башни и тому, кто стоит перед твоими дверьми, они разрешили мне войти без доклада, подозревая, будто я — тайный курьер из Айодии. Не будем терять время. Есть известия от вождя варваров?

— Никаких, кроме угроз и проклятий, Деви. Он осторожен и подозрителен. Считает, что это ловушка, и, пожалуй, его не обвинишь в излишнем недоверии. Кшатрии не всегда сдерживали обещания, которые давали людям гор.

— Он должен принять мои условия! — прервала его Жазмина, сжимая кулаки так, что побелели пальцы.

— Не понимаю.— Губернатор покачал головой.— Когда мне удалось поймать этих семерых горцев, я сообщил, как положено, об их поимке вазаму, и, прежде чем успел их повесить, мне пришел приказ не торопиться и договориться с их вождем. Так я и сделал, но он, как я уже докладывал, не спешит. Эти люди из племени афгулов, но их вождь прибыл с запада, и зовут его Конан. Я передал ему, что завтра на рассвете повешу их, если он не придет.

— Прекрасно! — воскликнула Деви.— Хорошо задумал. Я отвечу тебе, почему я отдала такой приказ. Мой брат...— проговорила она сдавленным голосом, и губернатор склонил голову, почтив тем самым память умершего короля,— король Вендии пал жертвой колдовства. Я поклялась посвятить жизнь мщению убийцам. Умирая, брат навел меня на след, которым я и иду. Я прочла Книгу и разговаривала с безымянными отшельниками из пещеры Иелай. Я узнала, кто и как его убил... Черные Колдуны с горы Имш.

— Боже! — побледнев, прошептал Чундер Шан.

— Боишься их? — Она пронзительно посмотрела на губернатора.

— Кто же их не опасается, государыня,— ответил он.— Это демоны, живущие в безлюдных горах за перевалом Забар. Но предания утверждают, будто они редко вмешиваются в дела простых смертных.

— Не знаю, почему они убили моего брата,— сказала она.— Но я поклялась на алтаре Асуры уничтожить их. Сейчас мне нужна помощь горцев. Без них кшатрийская армия не пройдет на Имш.

— Да,— буркнул Чундер Шан.— Чистая правда. Нам пришлось бы сражаться за каждую пядь земли, а волосатые горцы сбрасывали бы на нас булыжники с любого пригорка и рвали нам глотки в каждой долине. Когда-то туранцы прорвались через Химелии, но сколько их вернулось в Хорусун? Лишь немногие из тех, кто ушел от кшатрийского меча, когда король, твой брат, разбил их конницу над рекой Юмда, вновь увидели Секундерам.

— Поэтому мне необходимо подчинить приграничные племена,— сказала Деви.— Люди, знающие дорогу на Имш...

— Но они боятся Черных Колдунов и обходят ту проклятую гору,— прервал ее губернатор.

— А их вождь, Конан, тоже боится Колдунов? — спросила она.

— Ну, если говорить о нем,— сказал губернатор,— я сомневаюсь, существует ли что-либо, чего бы этот демон во плоти боялся.

— Мне тоже так говорили. Значит, именно он мне нужен. Он жаждет освободить своих семерых человек? Прекрасно, платой за свободу будут головы Черных Колдунов!

Последние слова она произнесла голосом, полным ненависти, ее руки инстинктивно сжались в кулаки. Стоя с гордо поднятой головой и бурно вздымающейся грудью, она казалась воплощением ярости.

Губернатор вновь преклонил колено, зная по своему многолетнему опыту, что женщина, которой владеет такая буря чувств, так же опасна для окружающих, как и разъяренная кобра.

— Будет так, как государыня пожелает,— сказал он.

А когда Деви слегка остыла, он встал и попробовал остеречь.

— Не могу предвидеть поступки Конана. Горцы всегда были беспокойны, а у меня есть основания подозревать, что эмиссары туранцев подбивают их нападать на наши земли. Ведь ты знаешь, государыня, туранцы основали на севере Секундерама и другие города, хотя горские племена все еще не разбиты. Король Эздигерд издавна с жадностью поглядывает на юг и, возможно, собирается благодаря измене достичь того, чего не удавалось силой. Мне пришло в голову, вдруг Конан — один из его шпионов?

— Посмотрим,— ответила Деви.— Если он дорожит своими людьми, то появится на рассвете у ворот, чтобы вести переговоры. Я проведу эту ночь в крепости. В Пешкаури я приехала переодетой, а свою свиту устроила на постоялом дворе, а не во дворце. Кроме них, только ты знаешь о моем прибытии.

— Государыня, я провожу тебя в покои,— сказал губернатор.

Когда они вошли в коридор, он кивнул стоящему у двери стражнику, который, обнажив оружие, двинулся за ними. Перед комнатой их ждала придворная дама, тоже в вуали, как и ее госпожа. Все четверо пошли широким, извилистым коридором, освещенным коптящим пламенем факелов. Подошли к помещениям, предназначенным для знатных гостей, в основном для военачальников и вице-королей, хотя досселе никто из королевской семьи не почтил крепость своим присутствием. Чундер Шана все время мучила мысль, что комнаты совсем не подходили для такой высокопоставленной особы, как Деви. И хотя она старалась, чтобы в ее присутствии он чувствовал себя свободно, он все же испытал облегчение, когда государыня его отпустила. Низко кланяясь, он вышел. Потом созвал всех слуг, которые были в крепости, и велел заботиться о гостях, а еще, хотя не сказал, кто столь важные особы, поставил перед их дверью отряд копьеносцев, а вместе с ними воина, который ранее охранял дверь в его собственную комнату. Сбитый с толку всеми этими событиями, он забыл заменить его другим стражником.

Прошло несколько минут после ухода губернатора, когда Жазмина вспомнила, что забыла кое о чем сказать ему. Ее интересовал человек по имени Керим Шах, дворянин из Иранистана, который перед прибытием ко двору Айодии непродолжительное время жил в Пешкаури. Смутные подозрения относительно этого аристократа подкреплялись его присутствием теперь в Пешкаури. Жазмине подумалось, не следил ли за ней Керим Шах от самой Айодии. Но, будучи совершенно непредсказуемой, она не стала вызывать губернатора к себе, а вышла в коридор и направилась к нему.

Чундер Шан тем временем вернулся в кабинет, закрыл дверь и подошел к столу. Взял свое письмо к вазаму и порвал на клочки. И тут же услышал тихий шорох на парапете за окном. Подняв глаза, на фоне звездного неба увидел нечет-

кий силуэт. В комнату ловко спрыгнул человек. В сиянии светильника блеснуло длинное острие.

— Тихо! — остерег его голос.— Не шуми, или отправлю к праотцам.

Губернатор опустил руку, потянувшуюся к лежащему на столе мечу. Он знал быстроту и мастерство горцев в обращении с забарскими кинжалами.

Пришелец оказался высоким мужчиной с могучим телосложением, что не мешало ему быть гибким и ловким, словно барс. Одет он был как горец, но суровые черты лица и голубые глаза не гармонировали с нарядом. Чундер Шан таких раньше не видел; чужак наверняка не принадлежал ни к одной из восточных рас — скорее всего, он был варваром с далекого запада. Однако его манера вести себя выдавала в нем натуру дикую и необузданную, такую же, как и у длинноволосых горцев, живущих на возвышенностях Гулистана.

— Ты приходишь ночами, словно вор,— прокомментировал губернатор.

Понемногу уверенность возвращалась к нему, хотя он не забывал, что в пределах слышимости нет ни одного стражника. Но горец об этом знать не мог.

— Я взобрался на стену крепости,— рявкнул чужак.— Страж вовремя выставил голову над зубцами, мне оставалось ударить по ней рукоятью кинжала.

— Ты Конан?

— А кто ж еще? Я прибыл для переговоров с тобой. Итак, видит Кром, я здесь! Держись подальше от стола, а то я выпущу кишки!

— Я только хочу сесть,— ответил губернатор, осторожно опускаясь в кресло из слоновой кости, которое отодвинул от стола.

Конан непрерывно кружил по комнате, подозрительно поглядывая на дверь и пробуя ногтем острие длинного кинжала; он ступал иначе, чем афгулы, почти неслышно. Не при-

бегая к излишней восточной учтивости, сказал с грубоватой непосредственностью:

— У тебя семеро моих людей. Ты отказался принять предложенный мной выкуп. Чего же ты, демон тебя побери, хочешь?

— Поговорим об условиях,— осторожно ответил губернатор.

— Условиях? — В голосе пришельца появилась опасная угрожающая нотка.— В чем дело? Разве я не предложил тебе золото?

Чундер Шан рассмеялся:

— Золото? В Пешкаури столько золота, сколько ты отродясь не видал.

— Ты лжешь,— отпарировал Конан.— Я видел золотильщиков в Хорусуне.

— Ну, больше, чем видел кто-либо из афгулов,— поправился Чундер Шан.— А это только капля в море богатства Вендии. Так зачем же нам жаждать золота? Будет больше пользы, если мы повесим этих бандитов.

Конан в сердцах выругался, его бронзовые мускулы напряглись, словно канаты, а длинное лезвие задрожало в руке.

— Я расколю твой череп, как спелую дыню!

Глаза горца заблестели от гнева, но губернатор только пожал плечами, хотя и не отрывал взгляда от сверкающего острия.

— Ты без труда можешь поступить так и, возможно, даже успеть скрыться. Но семерым пленникам твой поступок ничем не поможет, мои люди непременно повесят их. А ведь они — вожди афгулов.

— Знаю,— сказал Конан.— Все племя грызет меня, как стая волков, мол, я мало делаю для их освобождения. Скажи прямо, чего ты хочешь, или — о Кром! — если не будет другого способа, соберу всю орду и приведу их к воротам Пешкаури!

Видя гневный блеск в его глазах, Чундер Шан не сомневался: стоящий перед ним варвар способен на все. Губернатор не верил, что даже самая многочисленная орда горцев сможет взять город, но вовсе не желал опустошения своей провинции.

— Есть одно поручение для тебя,— сказал он, подбирая очень осторожно слова.— Ты должен...

Губы Конана искривились в ухмылке, он отпрыгнул назад и повернулся лицом к двери. Острым слухом он уловил тихий шорох приближающихся шагов. В ту же минуту дверь внезапно распахнулась и в комнату вошла стройная женщина в шелках. Она прикрыла за собой дверь и замерла, увидев горца.

Чундер Шан сорвался с кресла, ощущая, как его сердце судорожно сжалось.

— Деви! — безотчетно крикнул он, на мгновение потеряв голову.

— Деви! — повторил варвар.

Губернатор понял намерения Конана, крикнув в отчаянии, схватился за меч, но горец двигался с убийственной быстротой урагана. Он бросился на губернатора и ударом по голове свалил его на пол, потом сгреб мускулистой рукой онемевшую Жазмину и прыгнул к окну. Чундер Шан, в отчаянии пробуя подняться, какую-то минуту еще различал на фоне неба отчаянные взмахи рук схваченной Деви.

— Попробуй-ка теперь повесить моих людей! — триумфально крикнул Конан.

Спрыгнул на зубцы стены и исчез. Губернатор только услышал пронзительный крик Жазмины.

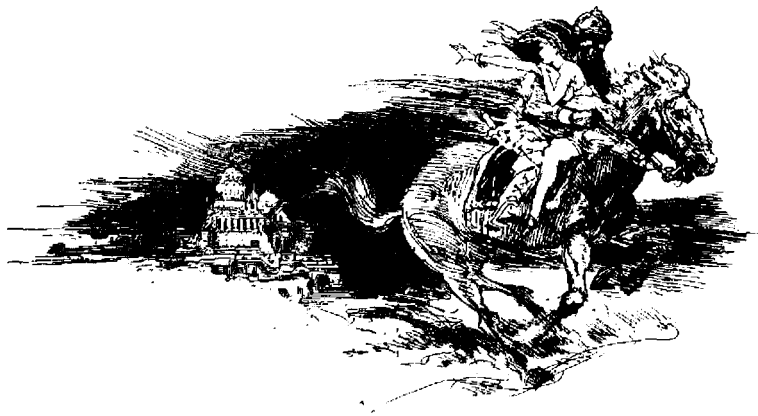
— Стража! Стража! — закричал он.

Потом встал и, шатаясь, подошел к двери и с трудом выбрался в коридор. Эхо разносило его крики, созывая воинов, которые вытаращили глаза при виде губернатора, державшегося за разбитую, окровавленную голову.

— Воины, на коней! — ревел он.— Похищение!

Несмотря на весь ужас положения, ему хватило ума не выдавать всей правды. Он стоял, словно окаменев, слыша стук копыт за окном, отчаянные крики девушки и победные вопли варвара.

Потом он помчался вниз по лестнице, за ним бежали ошеломленные стражники. Во дворе крепости у оседланных коней всегда располагался отряд конников, готовых каждую минуту ринуться в погоню. Чундер Шан лично возглавил эскадрон, хотя ему пришлось обеими руками держаться за луку седла из-за сильного головокружения. Он не выдал, кем являлась похищенная, сказал только, что дворянку, носящую королевский браслет, похитил вождь афгулов. Хотя злодей быстро скрылся из глаз, унося свою жертву, они-то знали, куда он поедет,— конечно же, по дороге, ведущей прямо к ущелью долины Забар. Ночь была безлунная, слабый свет звезд падал на стоящие вдоль дороги домики крестьян. Черные контуры крепостных бастионов и башен Пешкаури остались за спиной у всадников. Далеко впереди взметнулась черная стена гор Химелии.



3

ХЕМСА ПРИБЕГАЕТ К ЧАРОДЕЙСТВУ

В суматохе, царящей в крепости, когда стражников призвали к оружию, никто не приметил, как придворная дама, сопровождавшая Деви, выскользнула через главные ворота и растворилась в темноте. Высоко подняв юбки, она помчалась в город. Бежала она не по дороге, а напрямик через поле и пригорки, огибая заборы и перепрыгивая через ирригационные канавы с ловкостью профессионального бегуна. Прежде чем она достигла стен Пешкаури, стук копыт всадников за пригорками затих. Девушка не пошла к главным воротам, возле которых, опершись на копья, напрягали взор стражники, вглядываясь в темноту и стараясь понять причину замешательства, завладевшего крепостью. Она пошла вдоль стены, пока не добралась до места, с которого увидела возносящуюся меж зубцов башню. Тогда она приставила ла-

донь к губам и издала тихий, необычный и странно резкий звук.

Почти сразу же из амбразуры высунулась чья-то голова и вдоль стены спустилась длинная веревка. Девушка схватилась за нее, вставила ногу в петлю и помахала рукой. Быстро и плавно ее втащили на отвесную каменную стену. Уже через минуту она стояла на плоской крыше дома, прилегающего к зубчатой крепостной стене вокруг Пешкаури. У открытых ставней мужчина в тоге из верблюжьей шерсти спокойно сматывал веревку, словно ему не стоило труда втащить взрослую женщину на пятнадцатиметровую стену.

— Где Керим Шах? — выдохнула она.

— Спит внизу. Ты принесла весть?

— Конан украл Деви из крепости и увез ее в горы! — выпалила она.

На лице Хемсы не отразилось никаких чувств, он только кивнул головой, обвязанной тюрбаном, и сказал:

— Керим Шах будет доволен, когда узнает об этом.

— Подожди! — Девушка обняла его за шею.

Она тяжело дышала не только от бега. Ее глаза пылали во мраке, как два черных алмаза. Она приблизила свое лицо к лицу Хемсы, он принял ее объятия, но не ответил.

— Ничего не говори гирканцу! — выдохнула она.— Мы сами воспользуемся ситуацией. Губернатор и его люди поехали в горы, но с таким же успехом они могли бы преследовать духа. Чундер Шан никому не сказал, что похитили именно Деви. Кроме нас, в Пешкаури и в крепости никто ничего не знает.

— А какая в этом польза для нас? — сказал в раздумье мужчина.— Мои господа послали меня вместе с Керим Шахом, дабы я помогал ему в каждом...

— Помоги себе! — крикнула она с яростью.— Сбрось ярмо!

— Ты хочешь сказать... я должен оказать неповиновение моим господам? — пробормотал он, и девушка, прижавша-

яся к его груди, почувствовала, как Хемса содрогнулся от ужаса.

— Да! — Она со злостью встряхнула его.— Ты тоже колдун! Почему же ты должен быть невольником, направлять свои силы и искусство только на возвеличивание других? Пора уже самому воспользоваться всем этим!

— Нельзя! — Хемсу лихорадило.— Я не принадлежу к Черному Кругу. Только по приказу моих хозяев я осмеливаюсь пользоваться знанием, которым благодаря им располагаю.

— Но можешь использовать его намного лучше! — упорно убеждала она.— Сделай то, о чем тебя прошу! Конан похитил Деви, чтобы держать ее заложницей и обменять на пойманных семерых вождей. Убей их, тогда Чулдер Шан не сможет использовать их для выкупа Деви. Потом подадимся в горы и отнимем ее у афгулов. Их ножи не помогут против твоего колдовства. Мы возьмем выкуп, сокровища вендийских королей будут наши, а когда их получим — обманем кшатриев и продадим Деви королю Турана. Мы станем богатыми, ты и вообразить себе не можешь такого богатства! Будем в состоянии заплатить наемникам. Займем Корбул, выбьем туранцев с гор и вышлем наши войска на юг. Мы будем властителями империи!

Хемса тоже начал тяжело дышать, дрожа, как лист, в ее объятиях. Крупные капли пота стекали по бледному лицу.

— Люблю тебя! — страстно крикнула она, крепко прижимаясь к нему.— Сделаю тебя королем! Из любви к тебе я изменила своей госпоже, из любви ко мне измени своим магистрам! Почему ты боишься Черных Колдунов? Полюбив меня, ты уже нарушил один из их запретов! Нарушь и остальные! Ты так же могуществен, как они!

Даже человек изо льда не выдержал бы такого огня страсти и ярости в ее словах. С невыразительным возгласом Хемса прижал к себе девушку и осыпал градом поцелуев.

— Я сделаю так! — сказал он охрипшим голосом.

Он пошатывался, словно захмелев от обуревающих эмоций.

— Сила, которой наделили меня магистры, будет служить не им, а мне! Мы завладеем миром! Миром...

— Ну идем же! — Осторожно выбираясь из его объятий, она взяла его за руку и повлекла к люку в крыше.— Мы должны быть уверены, что губернатор не успеет обменять семерых афгулов на Деви.

Хемса пошел за ней, как в трансе, они спустились по лестнице и оказались в небольшой комнате. Керим Шах неподвижно лежал на ложе, прикрывая лицо согнутой в локте рукой, словно ему мешал неяркий свет медной лампы. Девушка схватила Хемсу за руку и быстрым жестом провела ребром ладони по шее. Хемса поднял было руку, но потом, изменяясь в лице, покачал головой.

— Я ел его соль,— шепнул он.— Кроме того, он нам вряд ли помешает.

Они с девушкой вышли за дверь, ведущую на узкую крутую лестницу. Когда их осторожные шаги затихли, Керим Шах поднялся с ложа, вытерев пот со лба. Он не боялся удара ножом, но Хемсы боялся, как ядовитого гада.

— Люди, устраивающие на крышах заговоры, должны помнить, что говорить следует тише,— шепнул он себе.— Хемса восстал против своих господ, а ведь только через него я мог с ними общаться, значит, на их помощь уже нечего рассчитывать. Отныне действую на свой страх и риск.

Он встал, быстро подошел к столу, достал из-за пояса перо и пергамент, потом начертал несколько коротких предложений:

«Косра-хану, губернатору Секундерама. Киммериец Конан похитил Деви Жазмину и отправился в афгульскую деревню. Есть шанс схватить Деви, чего так давно жаждет король. Не откладывая, вышли три тысячи верховых. Буду ждать их с проводниками в долине Гурашах».

Достал из золотой клетки голубя и тоненькой ниткой прикрепил к лапке свернутый в маленькую трубочку пергамент. Затем быстро подошел к окну и выпустил птицу в ночь. Голубь затрепетал крыльями, обрел равновесие и исчез в темноте. Схватив плащ, шлем и меч, Керим Шах вылетел из комнаты и сбежал вниз по крутой лестнице.

Здание тюрьмы в Пешкаури находилось за массивной стеной, в ней были только одни, обитые железом и расположенные в полукруглом портале, ворота. В висящем над порталом светильнике горели смоляные щепки, а возле двери на корточках сидел стражник со щитом и копьем, опираясь головой на древко и время от времени позевывая. Вдруг стражник вскочил на ноги. Он дал бы голову на отсечение, что не сомкнул глаз, и все же перед ним стоял человек, появления которого он не заметил. На мужчине была тога из верблюжьей шерсти и зеленый тюрбан на голове. В неверном свете факела казалось, что его глаза горят страшным огнем.

— Кто там? — спросил стражник, выставляя вперед копье.— Кто ты?

Пришелец не выказывал смятения, хотя острие копья упиралось в его грудь. С необычайным вниманием он вглядывался в стражника.

— Что ты обязан делать? — спросил он вдруг.

— Охранять ворота! — машинально ответил тот сдавленным голосом и замер, как изваяние, глаза остекленели, взгляд сделался отсутствующим.

— Неправда! Ты должен слушаться меня! Ты посмотрел мне в глаза, и твоя душа теперь принадлежит мне. Открой дверь!

Словно каменный, с лицом, застывшим в удивленной гримасе, стражник повернулся, вынул из-за пояса большой ключ, повернул его в огромном замке и широко распахнул ворота. Потом встал поодаль, глядя перед собой остекленевшими глазами.

Из тени выскользнула женщина и нетерпеливо положила руку на плечо пришельца.

— Скажи ему, пусть даст нам консй, Хемса,— шепнула она.

— Зачем? — ответил Хемса. Чуть-чуть повысив голос, он сказал стражнику: — Ты исполнил, что должен был исполнить. Теперь убей себя!

Воин, как в трансе, оперся концом копья о землю у стены и прислонил узкое лезвие к животу. Медленно, флегматично налег на него всей тяжестью, острие прошило его насквозь и вышло между лопатками. Воин пару раз дернулся в конвульсиях и замер, торчащее из тела копье походило на ствол какого-то страшного дерева.

Девушка глядела на происходящее с мрачным восторгом, пока Хемса не схватил ее за плечо и не повлек за собой. Факелы освещали узкое пространство между стенами — внутренней и внешней. Внутренняя находилась ниже, в ней было много несимметрично расположенных дверей. Охранник медленным шагом подошел к открывающимся воротам, чувствуя себя в полной безопасности и ничего не подозревая, пока из темноты перед ним не появился Хемса с девушкой. Колдун не тратил время на чары, но его спутнице и сейчас показалось, что она — свидетель колдовства. Стражник грозно замахнулся копьем и уже открыл рот, чтобы закричать; на крик прибежал бы отряд стражников из караульной, но Хемса левой рукой отбил древко, как соломинку, в сторону, а его правая рука описала короткую дугу, словно мимоходом коснувшись шеи воина. Стражник рухнул с переломанной шеей на каменную мостовую, не издав даже крика.

Хемса больше не обращал на него внимания. Подошел к первой же двери и прислонил раскрытую ладонь к массивному бронзовому замку. Дверь с треском уступила. Идя следом за Хемсой, девушка увидела, что по толстому тиковому дереву пошли трещины, бронзовые засовы погнуты и вы-

рваны из гнезд. Даже сорок воинов, бьющих тысячефутовым тараном, не смогли бы нанести большего разрушения. Опьяненный свободой, Хемса играл своей чудесной силой, радуясь ей и тешась, как молодой вояка с избытком темперамента использует силу своих мускулов в рискованных выходках.

Выломанная дверь вела в маленький дворик, освещенный светом факелов. Напротив двери они увидели толстую решетку из железных прутьев. Заметили волосатую руку, схватившуюся за решетку, и белки блестящих в темноте глаз. Хемса мгновение помедлил, вглядываясь в темноту. Потом сунул руку за пазуху и высыпал на каменную мостовую горсть блестящей пыли. Вспыхнул зеленый огонь, освещая дворик. Вспышка высветила фигуры семерых людей, неподвижно стоящих за решеткой, осветив каждую деталь их поношенной одежды и орлиные черты заросших, бородатых лиц. Никто из них не отозвался, но в глазах у них стыл ужас, волосатыми руками они крепко сжимали прутья.

Огонь погас, но блеск остался, дрожащий блеск зеленого шара, пульсирующего и трепещущего на камнях у ног Хемсы. Узники не могли оторвать от него взгляда. Шар постепенно вытянулся, превратился в спираль из ярко-зеленого дыма, который изгибался и скручивался, как огромная змея. Эта лента вдруг превратилась в облако, медленно двигаясь по каменному полу прямо к клетке. Узники смотрели на него широко открытыми от ужаса глазами, дрожь отчаянно сжавшихся на прутьях пальцев передавалась клетке. С раскрытых губ горцев не слетало ни единого звука. Зеленая тучка доползла до решетки, закрывая ее от глаз девушки. Как туман, проникла она сквозь прутья и окутала горцев. Из густых клубов раздались сдавленные стоны, словно бы кто-то погружался под воду.

Хемса дотронулся до плеча девушки, которая смотрела широко раскрытыми от удивления глазами на происходя-

щее. Она обернулась и машинально пошла за ним, все время оглядываясь через плечо. Мгла стала рассеиваться; прямо возле решетки была видна пара обутых в сандалии ног, торчащих вверх, а также неясные абрисы семи неподвижно лежащих в беспорядке тел.

— А сейчас оседлаем верховую лошадь, она быстрее любого из скакунов, взращенных в конюшнях смертных,— сказал Хемса.— Будем в Афгулистане еще до рассвета.

4

ВСТРЕЧА НА ПЕРЕВАЛЕ

Деви Жазмина не могла припомнить ни одной подробности своего похищения. Внезапность и быстрота происходящих событий ошеломили ее, в памяти остались только отдельные моменты: объятия могучих рук, горящие глаза похитителя и его дыхание, обжигающее шею. Прыжок через окно на зубцы стены, бег по ступеням и крышам, парализующий страх высоты, ловкий спуск по канату, привязанному к зубцу (похититель спустился по нему в мгновение ока, перебросив онемевшую жертву через плечо),— все это оставило в памяти Деви лишь невыразительный след. Немного лучше она помнила быстрый бег человека, который нес ее с легкостью, тень деревьев, прыжок в седло дико ржущего балканского жеребца. Потом была бешеная скачка и стук копыт, высекающий искры на каменистой дороге, ведущей через предгорья.

Когда она вновь обрела ясность мысли, внутри закипели ярость и стыд. Она пребывала в отчаянии. Правители золо-

тых королевств на юге от Химелии почитались почти как боги, а она ведь — Деви Вендии! Безудержный гнев взял верх над страхом. Девушка разъяренно вскрикнула и стала вырываться. Она, Жазмина, переброшена через луку седла горского вождя, словно обычная девка, купленная на торжище! Конан только обнял ее покрепче, и Жазмина впервые в жизни подчинилась силе. Конан взглянул на нее и широко улыбнулся. В свете звезд сверкали белые зубы. Свободно опущенные поводья лежали на развевающейся гриве жеребца, который мчался по усеянной валунами дороге, напрягая в последнем усилии все мускулы и сухожилия. Но Конан без труда, почти небрежно, удерживался в седле.

— Пес! — выкрикнула Жазмина, пылая от гнева, стыда и бессилия.— Ты имеешь дерзость... смеяться! Заплатишь головой! Куда меня везешь?

— В деревню афгулов,— ответил тот, оглядываясь через плечо.

Вдали, за пригорками, которые они проехали, на стенах крепости мелькали огоньки факелов; он заметил также отблеск света, значит, открыли большие ворота. Конан громко засмеялся, смех его звучал, как рокот водопада.

— Губернатор выслал в погоню за нами конников,— сказал он с насмешкой.— О Кром, прихватим их на маленькую конную прогулку! Как ты думаешь, Деви, поменяют они семерых горцев на кшатрийскую княжну?

— Скорее вышлют армию и повесят тебя вместе с твоим демоновым племенем,— разозлилась она.

Он радостно засмеялся и, усаживаясь удобнее, сильнее прижал ее к себе. Но Жазмина сочла это новым оскорблением и возобновила борьбу, пока не пришла к выводу, что попытки освободиться только смешат его. Кроме того, от возни воздушные, развевающиеся на ветру шелковые одежды были в ужасном беспорядке. Она решила: лучше хранить надменное спокойствие — и погрузилась в гневное молчание.

Но гнев сменило удивление, когда они достигли выхода в долину Забар, зияющего, словно брешь, в темной стене скалы, которая загородила им дорогу. Казалось, какой-то гигантский нож вырезал проход в сплошной скале. По обе стороны вознеслись на сотни футов крутые склоны, пряча выход в долину в кромешной тьме. Даже Конан не мог разглядеть в темноте ничего, но, зная, что за ним погоня из крепости, и помня дорогу наизусть, он не придерживал коня. Огромный зверь еще не выказывал признаков усталости. Словно молния, они промчались через долину, взобрались на хребет. Затем переправились через ущелье, где предательский сланец провоцировал на неосторожный шаг, осыпаясь на дорогу.

В густой темноте Конан не мог заметить засаду, устроенную забарскими горцами. Они с Жазминой как раз проезжали возле темного проема одной из боковых балок, когда в воздухе просвистело копье и с глухим звуком вонзилось в круп мчащегося коня. Огромный жеребец споткнулся, пронзительно заржал и на всем скаку рухнул на камни. Но Конан, заметив летящее копье, отреагировал с быстротой молнии. Он соскочил с падающего коня, держа девушку в объятиях, чтобы она не поранилась о сланец. Приземлился на ноги, втолкнул пленницу в расщелину и обернулся, выхватив кинжал.

Жазмина, сбитая с толку внезапностью событий, не понимая, что, собственно, произошло, увидела нечто черное, появившееся из темноты, услыхала топот ног на скале и шорох осыпающихся камешков. Заметила блеск стали, короткий обмен ударами, и в темноте раздался ужасный хруст, когда Конан размозжил противнику голову.

Киммериец отпрыгнул и притаился под скалой. В темноте слышалось какое-то движение, и вдруг зычный голос заревел:

— Что такое, псы? Хотите улизнуть? Вперед, проклятые! Взять их!

Конан вздрогнул, глянул в темноту и закричал:

— Яр Афзал?

Раздались удивленные возгласы и тихий вопрос:

— Конан, ты?

— Да! — засмеялся киммериец.— Иди сюда, старый бандит. Я убил одного из твоих людей.

Между скал началось замешательство, мелькнул огонек, выросший в светлое пламя факела, и, мерцая, стал двигаться к ним. По мере того как он приближался, все яснее в темноте проступало бородатое лицо. Человек, державший факел, поднял его повыше и вытянул шею, вглядываясь в сланцевый лабиринт, в другой руке он держал огромную кривую саблю. Конан вышел вперед, пряча кинжал, а незнакомец, завидев его, радостно рявкнул:

— Да это Конан! Выходите из-за скал, псы! Это Конан!

В круге света появились и остальные: дикие бородатые оборванцы с угрюмыми взглядами, с длинными ножами в руках. Жазмину они не заметили, киммериец заслонил ее своим могучим телом. Выглядывая из-за его спины, девушка впервые за эту ночь ощутила, как по телу поползли от страха мурашки. Эти мужчины походили скорее на волков, чем на людей.

— На кого ты охотишься ночью, Яр Афзал? — спросил Конан здоровяка, который, словно бородатый вампир, оскалил зубы.

— Кто знает, что может попасться в темноте? Мы, вазулы,— ночные птицы. А как твои дела, Конан?

— У меня пленница,— ответил киммериец и, отодвинувшись в сторону, открыл съежившуюся Жазмину.

Протянув длинную руку в расщелину, он вытащил дрожащую вендианку.

Жазмина потеряла прежнюю величавую осанку. С опаской поглядывая на кровожадные лица, испытывала подобие благодарности к человеку, который властно обнимал ее.

Кто-то поднес поближе факел, стало слышно шумное сопение, при виде девушки у горцев перехватило дух.

— Она моя пленница,— предостерег Конан, многозначительно поглядывая на лежащего за кругом света человека, только что убитого им.— Я ехал с ней в Афгулистан, но вы убили моего коня, а за мной — кшатрийская погоня.

— Поехали в нашу деревню,— предложил Яр Афзал.— В ущелье спрятаны кони. Нас в темноте никто не выследит. Говоришь, погоня недалеко?

— Близко, уже слышен стук копыт по камням,— ответил Конан.

Вазулы не стали терять время, сразу же погасили факел, и оборванные фигуры утонули во мраке. Конан схватил Деви на руки, она не сопротивлялась. Острые камни ранили ее изнеженные ноги, обутые в мягкие туфельки. Она чувствовала себя слабой и беззащитной в этой глубокой тьме, царящей над огромными вершинами.

Чувствуя, как она дрожит под холодным дуновением воющего в ущелье ветра, Конан сорвал с плеча истрепанный плащ и завернул в него девушку. Вместе с тем, предостерегая, шикнул ей на ухо, приказал молчать. По правде, она не слышала тихого стука копыт, который уловило чуткое ухо горца, но была слишком испугана и подчинилась.

Она не видела ничего, кроме нескольких затуманенных звездочек высоко вверху, но по сгущающейся темноте поняла, что они очутились в тесной балке. Услышала звуки: это шарахались кони. После короткого обмена мнениями Конан оседлал коня убитого воина. Поднял девушку к себе в седло. Тихо, как призраки, вся банда выехала из ущелья. Мертвые конь и человек остались на дороге; полчаса спустя их нашли всадники из крепости, признали в убитом вазула и сделали соответствующие выводы.

Прижимаясь к груди похитителя, Жазмина не могла одолеть сон. Несмотря на неровность дороги, то вздымающейся

в гору, то спускающейся в низину, конная езда обладает определенным ритмом, который в сочетании с усталостью и потрясением от избытка событий нагоняет неодолимый сон. Жазмина совсем потеряла ощущение времени и пути. Они ехали в полной темноте, в которой время от времени она замечала абрисы гигантских скальных стен, возносящихся вверх, словно черные бастионы или огромные брустверы, почти достигающие звезд. Время от времени она чувствовала пустоту зияющей пропасти, и ее пробирало холодное дуновение веющего среди недосягаемых вершин ветра. Постепенно все покрыла мягкая сонная мгла: и стук конских копыт, и скрип упряжи казались нереальными отзвуками сонного бреда.

Жазмина с трудом осознала, что кто-то снимает ее с коня и несет по ступенькам. Потом ее опустили на что-то мягкое и шелестящее, положили под голову нечто похожее на свернутый плащ и заботливо укрыли. Она услышала смех Яр Афзала:

— Ценная добыча, Конан. Достойная вождя афгулов.

— Я ее взял не для себя,— послышался ворчливый ответ.— За эту девчонку я выкуплю из плена семерых моих вождей, демон их побери!

Это были последние слова, которые она слышала, прежде чем заснуть глубоким сном.

Она спала в то время, когда вооруженные всадники прочесывали погруженные во тьму горы и решали судьбу королевства. Этой ночью мрачные ущелья и овраги наполнились звоном подков мчащихся коней, свет звезд отражался на шлемах и кривых саблях.

Несколько призрачных фигур на тощих конях притаились в непроглядной тьме оврага, ожидая, пока вдали стихнет топот копыт. Их предводитель, хорошо сложенный мужчина в шлеме и плаще, расшитом золотом, остерегающе под-

пял вверх ладонь, дожидаясь, пока всадники проедут мимо. Потом тихо засмеялся:

— Должно быть, потеряли след! Или сообразили, что Конан уже в деревне афгулов. Много нужно будет воинов, чтобы выкурить его из этой лисьей норы. На рассвете здесь появится много отрядов.

— Если будет схватка, будут и трофеи,— сказал кто-то за его плечами на иракзайском диалекте.

— Будут и трофеи,— ответил человек в шлеме.— Но сначала мы должны попасть в долину Гурашах и подождать конницу, которая еще до рассвета выйдет из Секундерама.

Он пришпорил коня и выехал из оврага, его люди двинулись следом — как тридцать призраков.

5

ЧЕРНЫЙ ЖЕРЕБЕЦ

Когда Жазмина проснулась, солнце стояло высоко в небе. Девушка не вскочила с кровати, оглядываясь вокруг пустым взглядом и соображая, где она находится. Проснувшись, она сразу припомнила все события, произошедшие накануне. От долгой езды болели все кости, а тело все еще ощущало объятия мускулистых рук мужчины, который так далеко ее увез.

Она лежала на овечьей шкуре, прикрывающей ложе из листьев, брошенных на хорошо утоптанный глиняный пол. Под головой у нее был свернутый тулуп, а одеялом служил потрепанный плащ. Она находилась в огромном помещении с неровными, но толстыми стенами из неотесанных валунов, скрепленных между собой высушенной на солнце болотной грязью. Могучие балки поддерживали такой же крепкий потолок, в котором она заметила прикрытый крышкой лаз. В толстых стенах щурились узкие бойницы. Была также и дверь — огромная плита из бронзы, несомненно украденная с какой-нибудь вендийской сторожевой башни. Напротив двери виднелся широкий грот, отделенный от комнаты крепкой деревянной решеткой. За ним Жазмина увидела

прекрасного черного жеребца, жующего сухое сено. Дом служил одновременно крепостью, жильем и конюшней.

В другом конце комнаты девушка в кафтане и мешковатых горских штанах сидела на корточках у небольшого костра, жаря полоски мяса на железной решетке, лежащей на камнях. Над костром в потолке находилось закопченное отверстие, через него выходила часть дыма, остальной расползался голубоватыми прядями по комнате.

Горянка через плечо бросила взгляд на Жазмину, показывая лицо со смелыми красивыми чертами, потом вернулась к своему занятию. Снаружи послышались мужские голоса, и через минуту в дом вошел Конан, отворив дверь ударом ноги. Утренний свет осветил могучую фигуру, и Жазмина заметила еще несколько деталей, которые ускользнули от ее внимания ночью. Его одежда была чистой и незаношенной. Широкого бакарийского пояса с торчащим кинжалом в резной оправе не постыдился бы и князь, а сквозь расстегнутую рубашку виднелась сталь туранской кольчуги.

— Твоя пленница проснулась, Конан,— сказала вазулка.

Киммериец что-то буркнул под нос, подошел к огню и сгреб полоски баранины на каменную тарелку. Сидевшая на корточках у огня горянка улыбнулась ему и отпустила какую-то шутку, он оскалил зубы и, зацепив девушку ногой, опрокинул ее на землю. Похоже, такие незамысловатые шутки доставляли вазулке удовольствие, но Конан уже не обращал на нее внимания. Достав откуда-то огромную краюху хлеба и медный жбан с вином, отнес все Жазмине, которая поднялась на ложе, с изумлением глядя на него.

— Не очень подходящие харчи для Деви, моя милая, но лучшего у нас нет,— буркнул он.— По крайней мере, это наполнит твой желудок.

Он поставил миску на землю, и вдруг Деви ощутила, что страшно голодна. Без лишних слов она, скрестив ноги, уселась на полу и, поставив миску на колени, начала есть пальцами, которые отныне должны были заменить ей столовые

приборы. Между прочим, умение приспосабливаться — одна из черт настоящего аристократа. Конан стоял, заложив руки за пояс, глядел на нее сверху вниз, он никогда не сидел по-восточному, скрестив ноги.

— Где я? — спросила она.

— В доме Яр Афзала, вождя Курума,— ответил он.— Афгулистан лежит в добрых двух милях на запад отсюда. Мы останемся здесь на какое-то время. Кшатрии прочесывают горы, ищут тебя, горцы уже вырезали пару отрядов.

— Что ты намерен делать?

— Задержаться здесь, пока Чундер Шан не согласится выпустить моих конокрадов,— объяснил он.— Женщины вазулов выжимают чернила из листьев шоки, и вскоре ты сможешь написать губернатору письмо.

Жазмину охватил внезапный прилив гнева, когда она подумала о злом капризе судьбы, ведь ее план превратился в ничто, она стала узницей именно того человека, которого хотела сделать исполнителем своей мести. Она отшвырнула миску с остатками еды, вскочила на ноги, сжав от злости зубы.

— Никакого письма писать не буду! Если ты не отвезешь меня назад, они повесят семерых твоих людей и еще тысячу!

Вазулка подавилась смехом, а Конан грозно нахмурил брови, и тогда открылась дверь и вошел Яр Афзал. Вождь вазулов был такого же роста, как и Конан, и более крепкого телосложения, но рядом с мускулистым киммерийцем выглядел увальнем. Он погладил свою рыжую бороду и многозначительно посмотрел на горянку, которая тут же встала и вышла из дома. Яр Афзал повернулся к приятелю.

— Эти проклятые псы все рощут, Конан,— сказал он.— Хотят, чтобы я тебя убил, а за девушку взял выкуп. Говорят, она благородная, это видно по одежде. Спрашивают, почему афгульские псы должны все получить, если мы рискуем, пряча ее в нашей деревне?

— Одолжи мне коня,— ответил Конан.— И мы уедем.

Яр Афзал фыркнул:

— Ты думаешь, я не смогу добиться от моих людей послушания? Я приказываю им танцевать в одних рубашках, когда они меня злят. Они не любят тебя, это правда, так же как и прочих чужеземцев, но я-то прекрасно помню, ты когда-то спас мне жизнь. Пошли к ним, Конан, только что вернулся разведчик.

Конан подтянул пояс и вышел с вождем на улицу. Они закрыли за собой дверь. Жазмина выглянула через бойницу, увидела открытое пространство, потом ряд хижин из камня и болотной тины, голых детей, играющих среди валунов, и высоких стройных горянок, занятых своими делами.

Тут же, у дома вождя, увидела заросших волосами оборванцев мужчин, сидевших на земле полукругом, лицом к двери. В нескольких футах от них стояли Конан с Яр Афзалом и слушали мужчину, сидящего со скрещенными ногами. Воин хриплым голосом говорил с вождем на вазульском диалекте, Жазмина понимала его с трудом, хотя частью полученного ею образования была наука языков Иранистана и родственных гулистанских диалектов.

— Я говорил с дагозанцем, прошлой ночью он видел огромный конный отряд,— рассказывал разведчик.— Тот сидел ночью в засаде около того места, где вождь Конан наткнулся на нашу засаду. Дагозанец слышал, что говорили всадники. Был среди них и Чундер Шан. Они нашли убитого коня, и один из воинов узнал в нем коня Конана. Они нашли также труп вазульского воина. Пришли к выводу, что вазулы убили Конана и похитили девушку, поэтому отряд решил прекратить погоню в Афгулистан. Но они не знали, из какой деревни мертвый воин, а мы не оставили следов, которыми могли бы воспользоваться кшатрии. Потом они поехали к ближней деревне вазулов, к Югре, сожгли ее и убили много людей. Но воины Коюра в темноте напали на них,

нанесли им большой урон и ранили губернатора. Оставшиеся кшатрии улизнули под покровом ночи в долину Забар, но еще до восхода солнца вернулись с подкреплением, и с утра в горах идут стычки. Говорят, вендийцы собирают большую армию, хотят очистить горы вокруг Забара. Воины всех племен острят ножи и устраивают засады на каждом перевале до самой долины Гурашах. Кроме того, Керим Шах повернул в горы.

Вокруг раздались тихие восклицания, и Жазмина плотнее приникла к бойнице, услышав имя человека, давно возбуждавшего ее подозрения.

— Куда он направился? — спросил Яр Афзал.

— Дагозанец не знал. С ним триста иракзаев из равнинных деревень. Они где-то в горах.

— Иракзаи — шакалы, собирающие остатки из львиной пасти,— заворчал Яр Афзал.— Бросаются на деньги, которые Керим Шах горстями разбрасывает среди приграничных племен, покупая людей, как коней. Не люблю его, хотя он наш родственник из Иранистана.

— Нет,— сказал Конан.— Я знаю его давно. Он гирканец, шпион Эздигерда. Если я его поймаю, повешу на тамариске.

— А кшатрии?! — выкрикнул один из сидящих в полукруге воинов.— Мы должны сидеть по дворам и ждать, пока нас отсюда выкурят? В конце концов они узнают, в какой деревне держат девушку. Забарцы нас не любят, они помогут кшатриям.

— Пусть только появятся,— буркнул Яр Афзал.— Мы удержим ущелье против конницы.

Один из мужчин вскочил на ноги и погрозил Конану кулаком.

— Мы должны рисковать, а все плоды пожнет он! — заорал человек.— Мы за него должны сражаться?

Конан встал над ним, слегка наклонившись, посмотрел прямо в заросшее лицо. Кинжал он не вытаскивал, но ле-

вую руку держал на ножнах, со значением обнажив рукоятку.

— Я никого не прошу сражаться за меня,— ответил спокойно.— Вытащи оружие, если ты отважен, паршивый пес!

Вазул отпрыгнул, фыркнув, как кот.

— Попробуй дотронуться до меня, и эти пятьдесят человек разорвут тебя на части! — закричал он.

— Что?! — зарычал Яр Афзал, багровея от гнева.— Разве ты вождь Курума? Выходит, вазулы подчиняются приказаниям какого-то несчастного ублюдка, а не Яр Афзала?

Воин съежился, а непобедимый вождь подскочил к нему, схватил за горло и начал душить, пока лицо жертвы не стало сине-фиолетовым. Потом в ярости швырнул его оземь и встал над ним с саблей в руке.

— У кого еще есть сомнения? — зарычал он и обвел всех воинственным взором, а его соплеменники угрюмо уставились в землю.

Яр Афзал презрительно крякнул и втолкнул оружие в ножны жестом, полным презрения. Потом со злостью пнул лежащего на земле подстрекателя, исторгнув из него вопль боли.

— Обойдешь посты на скалах и узнаешь, не заметили ли они чего,— приказал он.

Мужчина удалился, дергаясь от страха и скрежеща зубами от злости.

Яр Афзал взгромоздился на камень, бормоча себе под нос. Конан стоял возле него, широко расставив ноги, заткнув пальцы за пояс, прищуренными глазами глядя на столпившихся вокруг воинов. Они угрюмо смотрели на него, не осмеливаясь больше провоцировать гнев Яр Афзала, но ненавидя чужака так, как это могут только горцы.

Мужчина обогнул ряд хат, подгоняемый злыми замечаниями и смехом женщин, которые были свидетелями его поражения, потом быстро пошел вверх по дороге, вьющей-

ся меж валунов и скал. Едва он дошел до первого поворота и скрылся с глаз насмешников, как остановился точно вкопанный и раскрыл рот от удивления. Ему не верилось, чтобы кто-то из чужаков смог проникнуть в долину Курум не замеченным соколиноокими наблюдателями... И все же на низком уступе скалы возле дороги сидел незнакомый мужчина в тоге из верблюжьей шерсти и зеленом тюрбане.

Вазул хотел крикнуть, а его рука уже схватила за рукоять нож. Но его глаза встретились с глазами чужака, крик замер в горле, рука бессильно опустилась. Он стоял будто статуя, вглядываясь в даль остекленевшим взглядом. Несколько мгновений они стояли неподвижно, потом человек в зеленом тюрбане начертил пальцем на камне таинственный знак. На скале рядом с символом что-то заблестело — появился сверкающий, словно шлифованный уголь, шар. Человек в тюрбане поднял его и бросил вазулу, который безотчетно схватил его.

— Отнеси это Яр Афзалу,— сказал незнакомец.

Воин машинально развернулся и зашагал обратно, держа в вытянутой руке черный шар. Над краем уступа появилась голова девушки, которая с удивлением и страхом смотрела на колдуна, впервые испытывая такие чувства.

— Зачем ты это сделал? — спросила она.

Хемса ласково погладил ее черные волосы.

— Ты, наверное, все еще опешломлена ездой на воздушном коне, раз сомневаешься в моей мудрости? — рассмеялся он.— Пока жив Яр Афзал, Конан в безопасности в деревне вазулов. Их много, и ножи их остры. Я задумал кое-что поумнее, чем просто убить киммерийца и отнять у вазулов девушку. Не надо быть чародеем, можно и так угадать, что сделают вазульские воины с Конаном, когда моя жертва подаст вождю Курума шар Езуда.

Тем временем Яр Афзал, стоя перед своим домом, прервал тираду на полуслове, с удивлением и неудовольствием увидав воина, высланного обойти дозоры.

— Я же приказал тебе обойти посты! — зарычал вождь.— Ты не мог этого сделать так быстро!

Воин не отвечал, он стоял неподвижно, невидящими глазами глядя на вождя и протягивая ему руку с зажатым в ней черным шаром. Конан, взглянув через плечо Яр Афзала, шепнул что-то и хотел схватить вождя за руку, но прежде, чем он успел что-либо сделать, вазул в порыве гнева ударил воина кулаком, свалив его на землю. Черный шар выпал из руки воина и покатился под ноги Яр Афзалу, который только теперь заметил его. Он наклонился и поднял шар с земли. Остальные воины, с удивлением поглядывая на товарища, увидели, как их вождь наклоняется, но не заметили, что он поднял.

Яр Афзал выпрямился, взглянул на шар и хотел запихнуть его за пояс.

— Отнесите этого дурака в дом,— приказал он.— Он похож на человека, наевшегося лотоса. Глядел на меня таким пустым взглядом. Я... А-а-а!

В правой ладони вождь вдруг почувствовал какое-то странное трепетание. Что-то там менялось, двигалось, жило. Его пальцы больше не сжимали гладкий, блестящий шар. Он боялся взглянуть туда, язык его присох к гортани, и ладонь не хотела раскрываться.

Изумленные воины вдруг увидели, как глаза Яр Афзала ужасно расширились и кровь отхлынула от лица. С его губ, спрятавшихся в густой рыжей бороде, сорвался крик боли, вождь запнулся и рухнул словно пораженный громом, вытягивая перед собой правую руку. Он упал лицом на землю, а между его разжатых пальцев выползал паук с волосатыми конечностями и туловищем, блестящим, как шлифованный уголь.

Мужчины заревели и отшатнулись от него. Пользуясь моментом, паук дополз до трещины в скале и исчез.

Воины в недоумении переглянулись. Вдруг среди шума послышался громкий, непонятно откуда звучащий повелительный голос. Позже каждый из присутствовавших там и оставшихся в живых мужчин утверждал, что это кричал не он, но только слова эти слышали все:

– Яр Афзал мертв! Смерть чужаку!

Призыв сплотил горцев. Сомнения, недоверие и страх растворились в приливе неутолимой жажды крови. В небеса взлетел разъяренный крик, когда все вазулы поддались повелительному кличу. С горящими от ненависти глазами они бросились вперед, хлопая полами плащей и поднимая ножи для удара.

Конан столь же быстро отреагировал, в мгновение ока он очутился у дверей дома. Но горцы были слишком близко, и, находясь уже на пороге, он повернулся и отбил удар полуметрового ножа. Проломив нападавшему голову, уклонился от удара другого ножа, распоров живот его обладателю, левой рукой свалил на землю очередного противника, а острием кинжала, который держал в правой руке, пронзил еще одного и изо всех сил ударил спиной в закрытую дверь. Нож на лету отколол щепку от дверного косяка прямо над его ухом, но дверь под нажимом могучего тела уступила, и киммериец спиной влетел в дом. В то же мгновение бородатый горец, нанося удар, потерял равновесие и растянулся во весь рост на пороге. Конан наклонился, схватил его за одежду и, отбросив его в глубь комнаты, толкнул дверь в лицо наступавшим. Раздался хруст сломанных костей, в следующий момент Конан задвинул засовы и поспешно обернулся, чтобы отразить нападение мужчины, который уже вскочил с пола и как бешеный бросился на него.

Жазмина забилась в угол, с ужасом смотря на дерущихся, они то влетали в комнату, то выкатывались оттуда, по-

рой почти падая на нее. Комнату наполнил скрежет и блеск стали, а снаружи толпа нападавших выла, как стая волков, ударяя кинжалами по медной двери, бросая в нее камни. Кто-то притащил ствол дерева, и дверь задрожала под тяжелыми ударами.

Девушка закрыла уши руками, глядя на все безумными глазами. Борьба не на жизнь, а на смерть, происходившая в доме, одержимый вой снаружи приводили ее в состояние помешательства. Жеребец ржал и бил подковами о стены своей загородки. Он повернулся и ударил копытами между прутьев как раз в тот момент, когда горец, отскочив назад во время убийственной атаки киммерийца, прикоснулся спиной к перегородке. Позвоночник вазула треснул в трех местах с хрустом высохшей ветки, и воин упал на Конана, сбив его с ног, оба рухнули на глиняный пол.

Жазмина вскрикнула и прыгнула вперед. События развивались столь стремительно, что ей показалось, будто оба они мертвы. Она была уже рядом с воинами, когда Конан оттолкнул труп и начал вставать. Схватила его за плечо, дрожа как в лихорадке:

— Ты жив! Я думала... думала, он тебя убил!

Конан посмотрел на побледневшее, обращенное к нему лицо и широко раскрытые черные глаза.

— Почему ты дрожишь? — спросил он.— С чего бы тебе переживать, жив я или нет?

На лице Жазмины сразу же появилась тень надменности, она отодвинулась, делая жалкую попытку казаться прежней Деви.

— Предпочитаю уж лучше тебя, чем эту стаю волков, воющих снаружи, — ответила она, показывая на дверь, вокруг которой начали крошиться камни.

— Долго не выдержит,— заметил Конан, потом быстро обернулся и подошел к перегородке, за которой находился жеребец.

Жасмина сжала кулаки и затаила дыхание, глядя, как он отодвигает в сторону сломанные прутья и входит к буйному животному. Жеребец встал на дыбы, ощерив зубы, забил копытами и пронзительно заржал, раздувая ноздри, но Конан подпрыгнул и, с нечеловеческой силой схватив его за гриву, заставил стоять спокойно. Конь фыркал, его била нервная дрожь, но он дал возможность надеть на себя упряжь и украшенное золотом седло с широкими серебряными стременами.

Киммериец повернул коня и позвал Жасмину. Она осторожно приблизилась, держась подальше от копыт жеребца. Конан орудовал у каменной стены загородки, тихо говоря девушке:

— Здесь есть тайная дверь, о ней даже вазулы ничего не знают. Яр Афзал однажды показал мне ее, когда напился. Она выходит прямо в ущелье за домом. Ха!

Он потянул за невзрачного вида выступ скалы, и вся часть ее отодвинулась внутрь на смазанных маслом железных рельсах.

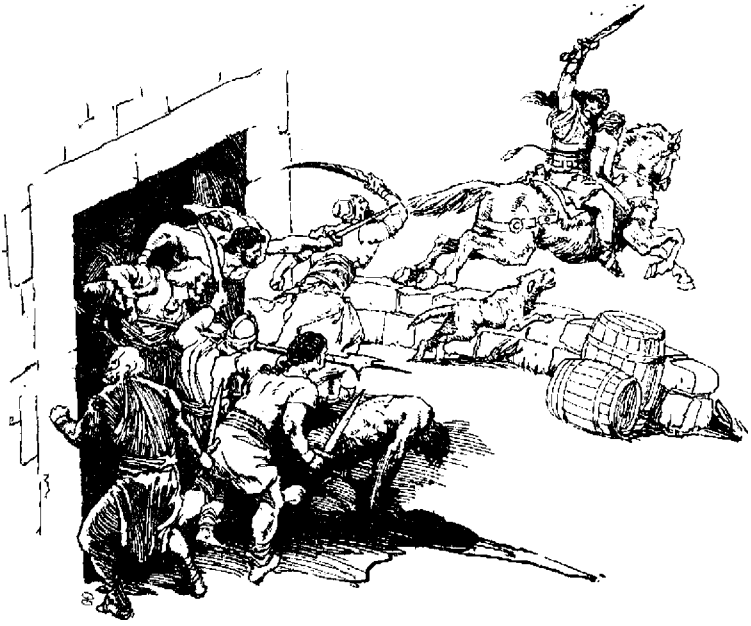
Выглянув в проем, Жасмина увидела узкую расщелину в скальной круче, вертикально вздымающуюся на несколько футов за задней стеной дома.

Конан вскочил на коня, поднял девушку, усадил перед собой. За их спиной толстая дверь, охнув, как живое существо, с шумом упала, через проем ввалилась толпа орущих воинов с кинжалами в руках.

Огромный жеребец вылетел из дома и погнал ущельем, вытянувшись струной на бегу, с хлопьями пены на морде.

Этот маневр застал вазулов врасплох, точно так же, как и тех, кто крался ущельем. Все произошло столь быстро, что человек в зеленом тюрбане не успел уступить дорогу. Он упал, сбитый мчащимся конем, а его спутница пронзительно вскрикнула. Конан видел ее всего лишь мгновение: стройная темноволосая красавица в шелковых шароварах

и нагруднике, шитом драгоценностями, вжавшаяся в стену расщелины. Черный конь мчал, будто несомый вихрем, унося киммерийца и его пленницу, а кровожадный вой горцев, когда они выбежали следом через потайную дверь в ущелье, сменился криками изумления и отчаяния.



6

ГОРА ЧЕРНЫХ КОЛДУНОВ

— Куда мы теперь? — Жазмина, прижатая к похитителю, попробовала сесть прямо в качающемся седле.

С легким стыдом она призналась себе, что прикосновения его мускулистого тела ей не так уж неприятны.

— В Афгулистан,— ответил он.— Это далеко, но конь доставит нас без труда, если мы не наткнемся на твоих друзей или врагов моего племени. Сейчас, когда Яр Афзала нет в живых, эти проклятые вазулы будут преследовать нас по пятам. Странно, что погони за нами еще не видно.

— Кто тот человек, которого ты сбил? — спросила она.

— Не знаю. Никогда раньше его не видел. Он наверняка не гулистанец. Не знаю, что он там, демон его побери, делал. Там еще была девушка.

— Да.— Жазмина свела брови.— Не пойму. Она моя придворная дама по имени Гитара. Думаешь, она хотела мне помочь? И этот человек — ее друг? Если да, то вазулы схватят их обоих.

— Что ж,— проговорил Конан,— мы ничего не можем сделать. Если вернемся, то вазулы сдерут с нас шкуру. Не пойму, как девушка могла забраться так далеко в сопровождении всего лишь одного мужчины, да и то, судя по одеянию, ученого. Что-то здесь не так. Тот человек, которого Яр Афзал избил, а потом послал в обход постов, двигался, как лунатик. Я видел в Заморе жрецов, совершавших ужасные обряды в тайных святынях Езуда,— у их жертв был такой же взгляд. Жрец посмотрит кому-либо в глаза, пробормочет несколько заклятий, и человек начинает вести себя, словно живой труп, таращится стеклянными глазами, исполняет все приказы. Кроме того, я видел, что было в руках у этого человека, то, что поднял Яр Афзал. Похоже на большую черную жемчужину, такие носят девушки из храма Езуда, танцующие перед черным каменным пауком, которому поклоняются. Яр Афзал держал в ладони нечто подобное. А когда упал замертво, из его пальцев выскользнул паук, похожий на божество Езуда, только меньших размеров. Потом, когда вазулы стояли, не зная, как поступить, кто-то крикнул, чтоб меня убили. Я знаю, тот голос не принадлежал никому из воинов или женщин, толпившихся у хижин. Кажется, он прозвучал сверху.

Жазмина ничего не ответила. Посмотрела на суровые очертания высящихся хребтов и задрожала. Печальный пейзаж наполнил ее душу отчаянием. В столь мрачном, пустом краю могло произойти все, что угодно. Людям, рожденным на горячих равнинах богатого Юга, многовековые традиции внушали веру — эту землю окутывает туман тайны и опасности.

Солнце сияло высоко в небе, донимая отчаянной жарой, и все же внезапные порывы ветра, казалось, срывались с ледяных круч. На мгновение Жазмина услышала свист вверху, он не походил на свист ветра, и, посмотрев на Конана, вглядывающегося в небо, поняла, и он удивлен не меньше. Девушке показалось, будто по голубому небу промчалась

неясная тень, словно что-то быстро пролетело у них над головами, но она не была уверена. Конан незаметно проверил, хорошо ли вынимается кинжал из ножен.

Они поехали по едва приметной тропе, опускающейся в глубокое ущелье, вряд ли солнечные лучи достигали его дна. Порой тропа взбиралась так высоко на крутые склоны, что казалось, они вот-вот осыплются под ногами, или вела по острым как нож граням, со склонами по обе стороны тропы, ведущими в бездонные, завешенные голубоватой мглой пропасти.

Солнце уже клонилось к закату, когда они достигли узкого тракта, вьющегося между склонами. Конан натянул поводья и направил коня на юг, почти перпендикулярно прежнему направлению их пути.

— Эта дорога ведет в деревню Галзаев,— объяснил он.— Женщины ходят здесь по воду. Тебе нужна новая одежда.

Поглядев на свою легкую одежду, Жазмина решила, что он прав. Ее туфельки из парчи были изорваны, так же как платье и шелковое белье, которые теперь мало что прикрывали. Одеяние, подходящее для улиц Пешкаури, не очень-то годилось для каменистой Химелии.

Доехав до поворота, Конан слез и помог Жазмине сойти с коня. Они ждали довольно долго. Наконец Конан, довольный, кивнул головой, хотя девушка ничего не заметила.

— Идет женщина,— сказал он.

Жазмина во порыве испуга схватила его за руку.

— Ты... ты не убьешь ее?

— Как правило, я женщин не убиваю,— ответил Конан,— хотя некоторые из этих горянок — сущие волчицы. Нет,— улыбнулся он, словно услышав хорошую шутку,— я ее не убью. Клянусь Кромом, даже заплачу ей за вещи! Как тебе это нравится?

Он достал горсть золотых монет и спрятал их обратно, оставив самую большую монету. Деви с облегчением кив-

нула. Ей казалось обычным явлением, что мужчины убивают и гибнут, но при мысли о том, что она могла бы стать свидетельницей убийства женщины, по телу пробежала дрожь.

Наконец из-за поворота вышла высокая худая галзайка, несущая огромный пустой бурдюк. Завидев их, она остановилась как вкопанная, бурдюк выпал у нее из рук. Она сделала движение, словно собиралась обратиться в бегство, но сейчас же сообразила, что Конан слишком близко, ей не удастся улизнуть, и спокойно осталась стоять, глядя на них со страхом и любопытством.

Конан показал ей золотую монету.

— Если отдашь свою одежду,— сказал он,— получишь эту монету.

Горянка отреагировала сразу же. Широко улыбнувшись от удивления и удовлетворения, она с типично горским презрением к условностям охотно сбросила с себя вышитую безрукавку, сняла пышную юбку, брюки и рубашку с широкими рукавами, а также кожаные сандалии. Свернув все в узел, отдала сверток Конану, который передал его удивленной Жазмине.

— Иди за скалу и переоденься там,— приказал он, еще раз доказывая этим, что он не химелийский горец.— Сверни платье в узел и принеси мне, когда переоденешься.

— Деньги! — визгливо потребовала галзайка, с жадностью протягивая руку.— Золото, которое ты обещал.

Киммериец бросил ей монету, она поймала ее, куснула для пробы, потом спрятала в волосы, наклонилась, подняла бурдюк и пошла дальше по дороге, лишенная стыда, равно как и одежды.

Конан ждал с некоторым нетерпением, пока Деви впервые в жизни оденется сама. Когда она вышла из-за скалы, он помянул Крома от изумления, и Жазмина ощутила прилив странного волнения при виде нескрываемого восхищения, написанного у него на лице. Она почувствовала стыд,

замешательство и укол тщеславия, а от его горящего взора ее бросило в дрожь. Конан положил тяжелую ладонь на плечо и, повернув Деви, оглядел со всех сторон.

— О Кром! — сказал он.— В тех ниспадающих, неземных одеяниях ты казалась холодной, равнодушной и далекой, как звезды! Сейчас ты — женщина из плоти и крови! Ты ушла за скалу как Деви Вендии, а вышла как горская девушка — но в тысячу раз прекраснее, чем все девки Забара! Была богиней, теперь — женщина!

Он с силой хлопнул ее по заду, и Жазмина, приняв это за знак своеобразного уважения, не оскорбилась. Вместе с одеждой она словно сама изменилась. Ею овладели до сих пор сдерживаемые чувства и желания, словно бы, сбрасывая королевские одежды, она избавилась от уз предубеждений и условностей.

Но Конан не забывал о грозящей опасности. Чем больше они удалялись от Забара, тем менее правдоподобной была встреча с киатрийскими отрядами, но он все равно постоянно прислушивался к отголоскам, свидетельствовавшим о том, что мстительные вазулы из Курума идут по их следам.

Устроив Деви в седле, Конан сам вскочил на коня и снова направил его на запад. Сверток с одеяниями Деви он зашвырнул в тысячефутовую пропасть.

— Почему не отдал одежду девушке? — спросила она.

— Всадники из Пешкаури прочесывают горы. Горцы будут в ответ нападать на них, а те — уничтожать непокорные деревни. Они могут направиться и на запад. Если бы они нашли девушку, которая носит твою одежду, то пытками заставили бы ее говорить, и она могла бы их навести на наш след.

— А что она сейчас будет делать? — спросила Жазмина.

— Вернется в деревню, скажет, что на нее напали. Скорее всего, за нами вышлют погоню. Но вначале она должна пойти набрать воды: если она осмелится вернуться без нее,

будет избита. Это дает нам запас времени. Нас не поймают. Еще до захода солнца мы пересечем границу Афгулистана.

— Здесь совсем не видно следов людских селений,— заметила Жазмина.— Даже для Химелии район слишком безлюден. Мы не встречали ни одной проложенной людьми дороги с тех пор, как покинули тракт, на котором встретили галзайку.

В ответ он показал рукой на северо-запад, где она увидела вершину, окруженную остроконечными скалами.

— Имш,— сказал Конан.— Горские племена предпочитают строить свои деревни подальше от этой горы.

Жазмина окаменела.

— Имш,— шепнула она.— Гора Черных Колдунов!

— Так говорят,— ответил он.— Я еще никогда так не приближался к ней. Мы отклонились на север, чтобы не столкнуться с кшатрийскими воинами, которые могли бы углубиться аж до этих мест. Нахоженный путь из Курума в Афгулистан лежит на юге. Этот путь — старый, его редко кто использует.

Жазмина пристально вглядывалась в далекую вершину. Сжала кулаки так, что ногти впились в ладони.

— Сколько ехать отсюда до Имша?

— Остаток дня и целую ночь,— ответил он с улыбкой.— Хочешь туда поехать? Клянусь Кромом, там не место для простого смертного, судя по тому, что рассказывают горцы.

— Почему они не соберутся и не убьют демонов? — спросила она.

— С мечами против колдовства? И потом, колдуны не вмешиваются в людские дела, если им не вставляют палки в колеса. Я никогда не видел ни одного из них, хотя разговаривал с людьми, которые клялись, что их встречали. Говорят, на восходе или закате солнца среди скал замечали жителей Имша — высоких молчаливых мужчин в черных тогах.

— А ты? Побоялся бы на них напасть?

— Я? — Такая мысль показалась ему неожиданной.— Ну, если б они мне перешли дорогу, то вышло бы: либо я, либо они. Хотя у меня с ними пока нет повода ссориться. Я прибыл в горы, чтобы собрать людей, а не воевать с колдунами.

Жазмина ничего не ответила. Смотрела на гору словно на врага, гнев и ненависть вновь переполняли ее. Она старалась придумать, как настроить против хозяев Имша человека, во власти которого сейчас находилась. Может, найдется способ достичь поставленной цели? Дели не могла ошибиться в выражении его диких голубых глаз, когда он смотрел на нее. Не одно царство пало оттого, что белые женские ручки тянули за нити судьбы...

Вдруг она вздрогнула и показала пальцем:

— Смотри!

Над далекой вершиной поднялось еле заметное облачко необычной формы. Матово-алое, с искрящимися золотыми прядями, оно не переставая вращалось, вибрировало и внезапно сжималось. Через минуту, сверкая в солнечных лучах, оно превратилось во вращающийся конус. Потом тот оторвался от снежной вершины горы, как разноцветное перо проплыл по небу и исчез в голубом бездонье.

— Что это? — неуверенно спросила девушка.

— Здешние называют такой вихрь «Ковер Имша», я не знаю, что это означает, — сказал Конан.— Однажды я видел, как сотен пять местных жителей удирали, словно сам демон наступал им на пятки. Они попрятались в скалах и пещерах, увидав, как эта ярко-красная туча срывается с вершины. Что...

Они проехали мимо трещины, настолько узкой, что казалось, будто кто-то рассек скалу ножом, и остановились на широком выступе, по одну сторону которого был потрескавшийся скат, по другую — высокая круча. По уступу проходила заброшенная дорога, ведущая вниз; скрытая скальными хребтами, она вновь появлялась через равные промежутки

пути. Выехав из расселины, которая вела на уступ, черный жеребец захрапел и стал как вкопанный. Конан пришпорил его, но конь только фыркнул и замотал головой, дрожа и напрягая мускулы, словно наткнулся на невидимую преграду.

Киммериец выругался и спрыгнул на землю, придерживая Жазмину. Двинулся вперед, выставив перед собой руку, словно ожидая встретить препятствие. Но ничто не преграждало им путь, хотя, когда он попробовал потянуть коня за уздечку, тот пронзительно заржал и рванулся назад. Вдруг Жазмина вскрикнула, и Конан, повернувшись на каблуках, схватился за кинжал.

Он не заметил приближения кого-либо, но перед ним стоял мужчина, одетый в тогу из верблюжьей шерсти и зеленый тюрбан. Конан хмыкнул от удивления, узнав в незнакомце человека, которого сбил в ущелье у вазульской деревни.

— Кто ты, демон тебя возьми? — спросил Конан.

Он заметил, что зрачки незнакомца непривычно расширены, неподвижны и с магнетической силой притягивают внимание.

Колдовство Хемсы основывалось на подчинении мыслью, как и большая часть восточной магии. Бесчисленные поколения жили и умирали с неколебимой верой в возможности и силу подобного воздействия. Создавалась столь гнетущая атмосфера страха, что человек, воспитанный в традициях Востока, столкнувшись с колдуном, оказывался беспомощен.

Но Конан родился и вырос в других землях. Восточные традиции для него ничего не значили, он являлся представителем иной цивилизации. В Киммерии такое колдовство не было даже мифом. Наследие, которое подготавливало жителя Востока к подчинению мысленному внушению, на варвара с Севера не действовало.

Он понимал, что именно пробует сделать Хемса, но удар его необыкновенной силы ощущал как слабые невидимые путы, настолько тонкие, что мог их разорвать, будто паутину. Поняв враждебные намерения колдуна, он вырвал из-за пояса кинжал и набросился на него.

Но умение подчинять оказалось не единственным оружием Хемсы. Глядя со стороны, Жазмина не заметила хитрых уверток или колдовства, благодаря которым человек в зеленом тюрбане смог уклониться от страшного удара в живот. Узкое острие прошло у него под мышкой, но стоило Хемсе прикоснуться открытой ладонью к шее Конана — киммериец с грохотом рухнул на землю.

Но удар не убил его. Он смягчил удар от падения, подставив левую руку, одновременно стараясь сделать Хемсе подножку. Тот уклонился, отскочив назад. Вдруг Жазмина громко крикнула, увидев, как из-за скалы выходит женщина и встает рядом с человеком в зеленом тюрбане. Крик радости замер на губах у Деви, когда она увидела злобу, отразившуюся на лице Гитары.

Конан медленно поднялся, ошеломленный ударом, нанесенным по всем правилам искусства, забытого задолго до погружения Атлантиды в пучину океана, такой удар запросто сломал бы шею обыкновенному человеку. Хемса внимательно, слегка потеряв уверенность, посмотрел на Конана. Маг убедился в своей силе, когда оказывал сопротивление орде разъяренных вазулов в расщелине у деревни Курум, но стойкость киммерийца, пожалуй, слегка поколебала его новообретенную веру в себя. Магия все же основывается на победах, а не на поражениях.

Хемса двинулся вперед, подняв руку... и вдруг замер, глядя вверх широко раскрытыми глазами. Конан, Жазмина и девушка Хемсы тоже невольно посмотрели в том направлении. По горным склонам скатывалось алое конусовидное облако из блестящей пыли. Лицо Хемсы стало не-

пельным, рука задрожала и безвольно упала. Стоящая рядом Гитара, чувствуя, что с ним происходит, испытующе взглянула на колдуна. Алое облако сползло по склону горы и, описав большой полукруг, приземлилось на уступе между Конаном и Хемсой, который со сдавленным криком отшатнулся, увлекая за собой девушку, судорожно схватив ее за плечо.

Облако некоторое время висело на месте, вращаясь с ошеломляющей скоростью. Потом неожиданно исчезло, а на скале появились четверо мужчин. Невероятно, невозможно, но все же это были не духи, не привидения, а четверо высоких мужчин с выбритыми головами, в черных длинных тогах. Они молчали, согласно кивая головами, похожими на птичьи, и смотрели на Хемсу. Но стоящий за их спинами Конан почувствовал, как в его жилах стынет кровь. Он медленно попятился, пока не уперся спиной в дрожащего жеребца, а рукой не смог обнять испуганную Деви. Ни единого слова не было произнесено. Вокруг, словно тяжелый покров, лежала тишина.

На лицах с птичьими чертами застыло выражение беспристрастности, взгляды оставались неподвижно-сосредоточенными. Хемсу лихорадило, ноги его крепко упирались в скалу, а мускулы были напряжены. Пот струями стекал по его смуглому лицу. Правой рукой он изо всех сил сжимал что-то спрятанное под коричневой тогой. Левой рукой он судорожно вцепился в плечо Гитары. Девушка не дрогнула, не издала ни звука, хотя пальцы Хемсы впились в ее тело, словно когти.

Прожив неспокойную жизнь, Конан наблюдал сотни битв, но никогда не видел, чтобы четыре демона, объединив усилия, сражались с себе подобным. Но киммериец едва ощущал природу этой кошмарной битвы. Прижатый к степе, окруженный своими бывшими господами, Хемса сражался за свою жизнь, употребляя самые головокружительные спо-

собы и знания, приобретенные в течение долгих, мрачных лет послушничества.

Он был сильнее, чем сам ожидал, а желание спастись высвободило неожиданные запасы энергии. Страх и отчаяние увеличили эту силу. Он шатался под безжалостным напором четырех пар глаз, но не уступал им поля битвы. Его лицо исказила звериная гримаса боли, а тело изгибалось, словно его колесовали. Это была битва душ, извращенных разумов, которые проникли в пучину мрака и узнали там черные звезды, рождающие кошмары.

Жазмина понимала это лучше, чем Конан, и догадывалась, почему Хемса мог выдержать направленный удар четырех Колдунов, способных расщепить на мельчайшие кусочки скалу, где он стоял. Причиной тому была девушка, он прижимал ее к себе со всей силой отчаяния. Она — якорь спасения его измученной души, сокрушаемой волнами эмоций. Сила Хемсы в его слабости. Любовь к девушке, пусть внезапная и осуждаемая, единственная нить, связующая его с остатками человеческого, служила опорой для воли, создавая цепь, которую не могли разорвать враги, по крайней мере, не могли разорвать того звена, которым был Хемса.

Они поняли это раньше его, один из колдунов перевел взор на Гитару. Сопротивления он не встретил — девушка сжалась и поникла подобно засохшему листу. Ведомая повелительным наказом, она вырвалась из объятий любовника прежде, чем он понял, что происходит. Тогда началось самое ужасное. Гитара пятилась к краю обрыва, уставившись пустыми черными глазами на колдунов. Хемса застонал и потянулся к ней, попав в расставленную ловушку. Он не мог собраться с мыслями, чтобы отбить атаку противников. И в тот же миг превратился в побежденного, став игрушкой в их руках. Девушка продолжала отступать, неуверенно, как во сне, а Хемса, спотыкаясь, шел за ней, напрасно пробуя ее поймать, всхлипывая от отчаяния.

Девушка замерла на самом краю пропасти, стоя неподвижно, а Хемса, упав на колени и причитая, полз к ней, протягивая вперед руки, чтоб удержать ее. Уже почти прикоснулся к ней одеревеневшими пальцами, но один из чернокнижников громко рассмеялся. Девушка зашаталась, и сознание на мгновение вернулось к ней, в ее глазах застыл смертельный ужас. Она вскрикнула, попробовала ухватиться за протянутую к ней руку любовника и не смогла этого сделать — с глухим криком упала в пропасть.

Хемса добрался до края пропасти и безумным взглядом посмотрел вниз, беззвучно шевеля губами. Обернулся и долго смотрел на своих мучителей широко раскрытыми глазами, в которых не было ни искры человеческого. Потом с криком, от которого стали трескаться скалы, бросился на чернокнижников, держа нож в поднятой руке.

Один из колдунов шагнул вперед и топнул ногой — раздался глухой треск, перешедший в оглушительный рев. В том месте, где он ударил ногой, раскрылась и стала мгновенно увеличиваться трещина. С оглушительным звуком выступ скалы рухнул вниз. Среди падающих камней мелькнул и Хемса, отчаянно взмахивая руками, потом все исчезло под лавиной, с грохотом сползающей в бездонную пропасть.

Четыре мага сосредоточенно смотрели на потрескавшийся край пропасти, потом вдруг обернулись. В это время Конан, сбитый с ног внезапным землетрясением, вставал и помогал подняться Жазмине. Ему казалось, он двигается очень медленно и столь же медленно соображает. Он был ошеломлен. Знал, что должен немедленно посадить Деви на черного жеребца и помчаться как вихрь, но его телом и мыслями овладела непонятная тяжесть.

Потом чернокнижники повернулись и посмотрели на него, подняв руки, и Конан с ужасом увидел: их фигуры расплываются, становятся туманными и невыразительными, затем исчезают в пурпурном дыму, который вдруг стал

клубиться. Пурпурное облако скрыло магов... И вдруг Конан сообразил, что алый туман окружает и его, услышал крик Жазмины и пронзительное ржание жеребца. Страшная сила вырвала Деви из его объятий, а самого Конана швырнула о камни, когда он наугад стал разить кинжалом. Наполовину оглушенный, он увидел, как конусообразное облако возносится над вершинами, быстро удаляясь. Жазмина исчезла вместе с четырьмя колдунами в черных одеяниях. На выступе скалы остались только Конан и испуганный конь.

7

ПО ДОРОГЕ НА ИМИШ

Со страшными проклятиями Конан вскочил на спину брыкающегося жеребца. Посмотрел на склон, поколебался и двинулся в том же направлении, в котором намеревался ехать до того, как его задержал Хемса. Но теперь он пришпорил жеребца. Конь помчал, словно только так мог избавиться от страха. Они неслись сломя голову по выступу, где вилась вдоль скалы узкая дорога над пропастью. Дорога бежала зигзагом, лепилась к неровной скале, и в какое-то мгновение далеко внизу Конан увидел то место, куда упала лавина: огромная груда разбитых камней и валунов у края гигантского обрыва.

До дна долины было все еще далеко, когда он домчался до длинного и широкого ребра, ведущего на другой склон, словно мостик. Он поехал по нему. По обе стороны лежали почти вертикальные склоны. Он видел перед собой тропку,

а где-то внизу тропа спускалась со склона на дно долины и, сделав огромный крюк вдоль русла высохшей реки, возвращалась под скалу, на вершине которой сейчас находился Конан. Киммериец проклял необходимость делать крюк, но спускаться вниз напрямик было бы самоубийством.

Киммериец пришпорил измученного коня и вдруг услышал где-то внизу стук подков. Придержав коня, осторожно подъехал к краю пропасти и заглянул в ущелье, образовавшееся, когда здесь протекала река. По сухому руслу ехали пятьсот крепких, вооруженных до зубов бородатых мужчин на полудиких конях. Наклонившись над краем тридцатифутовой пропасти, Конан окликнул их.

Всадники приостановились, задрали головы, и по каньону пронеслось глухое ворчание. Конан не терял времени.

— Я еду в Гхор! — крикнул он.— Не рассчитывал встретить вас, псов, на этой дороге. Езжайте за мной, поедем на Имш и...

— Предатель! — хором завопили афгулы.

— Что такое? — свирепо прорычал он.

Увидел искаженные ненавистью лица и вытащенные из ножен сабли.

— Предатель! — дружно отозвались они.— Где семеро вождей, схваченных в Пешкаури?

— В губернаторской тюрьме,— ответил Конан.

В ответ услышал вой сотен глоток, звон оружия и крики, из которых никак не мог понять, чего от него хотят. Ревя, как буйвол, перекрывая шум, он гаркнул:

— Тысяча демонов! Пусть кто-то один скажет, чтоб я мог понять, в чем дело!

Худой, старый вождь взял на себя эту задачу: сначала погрозил саблей, потом бросил Конану обвинение:

— Ты не позволил нам напасть на Пешкаури и отбить наших братьев!

— Вы глупцы! — рявкнул разъяренный киммериец.— Даже если бы вам удалось взобраться на стены, в чем я силь-

но сомневаюсь, то пленников повесили бы раньше, чем их удалось бы освободить!

— И ты сам поехал торговаться с губернатором! — завыл афгул, кипя злобой.

— И что с того?

— Где наши вожди? — кричал старый вождь, махая саблей.— Где они? Их нет в живых!

— Что? — Конан чуть не упал с коня от изумления.

— Их нет в живых! — подтвердили пятьсот жаждущих крови глоток.

Старик завертел саблей над головой.

— Их не повесили! — кричал он.— Вазул в соседней клетке видел, как они погибли! Губернатор прислал чернокнижника, который убил их своим колдовством!

— Ложь! — ответил Конан.— Губернатор не осмелился бы. Когда я разговаривал с ним прошлой ночью...

Эти слова прозвучали очень некстати. Остервенелое вытье и проклятия взвились под небеса.

— Да! Ты поехал к нему один! Чтобы предать нас! Это правда! Вазул удрал через дверь, сломанную чернокнижником, и все рассказал нашим разведчикам, которых встретил в Забаре. Мы послали их искать тебя, когда ты вовремя не вернулся назад. Когда они услышали рассказ вазула, то вернулись на Гхор, а мы оседлали коней и пристегнули мечи.

— И что вы хотите делать, глупцы? — спросил Конан.

— Отомстить за наших братьев! — завыли они.— Смерть кшатриям! Убить предателя!

Рядом с Конаном посыпались стрелы. Он поднялся на стременах, снова пробуя перекричать шум, после чего, злой и разочарованный, повернул коня и поскакал назад. Бросившиеся за ним афгулы, изрыгающие проклятия и угрозы, были слишком разъярены и не сообразили, как попасть на то ребро, по которому ехал Конан. Им следовало направиться в противоположную сторону, обогнуть поворот и кропотливо взбираться крутой дорогой наверх. Когда они наконец

повернули назад, их бывший вождь уже почти достиг того места, где ребро переходило в горный уступ.

Оказавшись над обрывом, Конан не поехал дорогой, которой сюда добирался, а направился по еле заметной тропке, покрытой валунами. Он не проехал по ней далеко, конь фыркнул и бросился в сторону, увидев тело, лежащее на дороге. Конан удивился, что в изувеченном человеке еще теплится жизнь, он даже пытался говорить, с трудом шевеля губами. Одни боги тьмы, управляющие судьбами чернокнижников, знали, каким образом Хемса смог выбраться из-под огромной кучи камней и подняться по крутому склону на дорогу.

Ведомый странным побуждением, киммериец слез с коня и склонился над колдуном. Хемса поднял окровавленную голову, а в его странных глазах, подернутых мукой и мраком приближающейся смерти, появились проблески сознания.

— Где они? — просипел он.

— Вернулись в замок, на Имш,— буркнул Конан.— Забрали с собой Деви.

— Пойду! — бормотал несчастный.— Пойду туда. Они убили Гитару, а я убью их... аколитов. Четверых из Черного Круга... и самого властелина! Убью... всех убью!

Он попробовал протащить дальше свое искалеченное тело, но даже его непобедимая сила воли была уже не в силах оживить переломанные кости, держащиеся только на порванных сухожилиях и изодранных мускулах.

— Иди за ними! — бормотал Хемса, из его рта шла кровавая пена.— Иди!

— Я и намерен это сделать,— сказал Конан.— Хотел созвать афгулов, но они накинулись на меня. Иду на Имш один. Отниму у них Деви, даже если мне собственными руками придется разнести на кусочки эту проклятую гору. Когда я захватил Деви, то не думал, что губернатор осмелится прикончить моих вождей, но, похоже, ошибался. Он заплатит

мне за это головой. Сейчас она мне уже не нужна как заложница, но...

— Пусть падет на них проклятие Изиля! — выдохнул Хемса.— Иди! Я, Хемса... умираю. Подожди, возьми мой пояс.

Искалеченной рукой он начал копаться в своих лохмотьях, и Конан, поняв его намерения, наклонился и помог снять с окровавленного тела пояс странного вида.

— В пропасти держись золотой жилы,— бормотал Хемса.— Пояс надень. Мне его дал стигийский жрец. Он поможет тебе, хотя меня подвел. Разбей хрустальный шар с четырьмя плодами граната. Берегись превращений владыки... Иду к Гитаре... она ждет меня в аду...

С этими словами он умер.

Конан посмотрел на пояс, сплетенный из волос, не похожих на конские. Скорее всего, пояс сплели из черных женских волос. В плотных сплетениях блестели маленькие драгоценные камешки, таких он еще никогда не видел. Пряжка была странной: в форме плоской клиновидной головы змеи, покрытой мелкими золотыми чешуйками.

Когда Конан взглянул на подарок, холодная дрожь пробежала у него по телу. Он замахнулся, чтобы выбросить его в пропасть, но, подумав, застегнул на бедрах, пряча под своим широким бакарийским поясом, который носил всегда. Потом сел на коня и двинулся дальше.

Солнце спряталось за вершину. Конан взбирался в горы, длинные тени, словно широкий плащ, покрывали долины и уступы скал внизу. Он уже приближался к вершине, когда впереди услышал стук подкованных копыт. Он ни минуты не колебался. На самом деле тропа была так узка, что огромный жеребец не смог бы повернуть назад. Киммериец обогнул выступ скалы и оказался на более широком отрезке тропы. Раздался целый хор предостерегающих криков, но жеребец Конана уже прижал испуганного коня к скале. А Ко-

нан железной хваткой сдавил руку ездока, замахнувшегося ножом.

— Керим Шах! — произнес Конан, и в глазах его зажглись яркие огоньки.

Туранец не сопротивлялся, рука киммерийца сжала его плечо. За Керим Шахом ехал отряд иракзаев на тощих конях. Они смотрели горящими глазами на незнакомца, загородившего им дорогу, и держали наготове луки и кинжалы, но не спешили пускать их в ход из-за опасной близости зияющей у их ног пропасти.

— Где Деви? — спросил Керим Шах.

— Тебе не все равно, гирканский шпион? — усмехнулся Конан.

— Знаю, я в твоих руках,— сказал Керим Шах.— Я ехал с горцами на север, когда мы попали в засаду на перевале Шализах. Многие мои люди были убиты, остальных гнали, как стадо шакалов. Когда мы избавились от преследователей, направились на запад, к перевалу Амир Жехун, а сегодня утром наткнулись на бродившего по горам вазула. Он совсем спятил, но прежде, чем умер, мы многое узнали из его беспорядочного бреда. Он сказал нам, что остался единственным уцелевшим из той банды, которая помчалась за вождем афгулов и пленной кшатрийкой в ущелье у деревни Курум. Все время говорил о человеке в зеленом тюрбане, которого сбил конь афгула. А когда на того человека напали вазулы, он погубил их, уничтожив, как язык пламени пожирает тучу саранчи. Каким образом этот вазул уцелел, не знаю, и он тоже не знает, но из его бреда я понял, что Конан из Гхора был в Куруме со своей королевской пленницей. А когда мы пробирались через горы, встретили голую гадзайку с бурдюком. Она сказала, что огромный воин, похожий на вождя афгулов, заставил ее отдать одежду для вендианки. Девушка утверждала, ты поехал на запад.

Керим Шах не счел нужным рассказать, что он как раз ехал на условленную встречу с отрядом туранской конни-

цы, когда горцы перекрыли ему дорогу. Дорога к долине Гураиах через перевал Шализах длинней, чем дорога, ведущая через перевал Амир Жехун, но эта последняя пересекала земли афгулов, которых Керим Шах предпочитал избегать, по крайней мере, пока не соединится с армией. Отрезанный от дороги, ведущей на перевал Шализах, он все же ехал этим небезопасным путем, пока весть, что Конан со своей пленницей еще не достиг Афгулистана, не склонила его к мысли повернуть на юг и совершить дерзкий поход в глубь гор в надежде встретить киммерийца.

— Скажи лучше, где Деви? — предложил Керим Шах.— У меня военное преимущество...

— Пусть только хоть один из твоих псов дотронется до тетивы, и я сброшу тебя в пропасть,— пообещал ему Конан.— Кроме того, тебе не поздоровится, если ты меня убьешь. Меня преследуют афгулы, и, если ты избавишь их от удовольствия поймать меня, они спустят с тебя шкуру. А Деви попала в руки к Черным Колдунам с Имша.

— К Таруму! — тихо выругался Керим Шах, впервые теряя свою невозмутимость.— Хемса...

— Хемса мертв,— произнес Конан.— Его прежние господа вместе с каменной лавиной спустили его в ад. А теперь уйди с дороги. С радостью убил бы тебя, но сейчас спешу на Имш.

— Поеду с тобой,— сказал вдруг туранец.

Конан рассмеялся ему в лицо:

— Ты думаешь, я тебе доверяю, гирканская собака?

— А я и не прошу об этом,— ответил Керим Шах.— Нам обоим нужна Деви. Ты знаешь мои побуждения: король Ездигерд жаждет присоединить ее королевство к своей империи, а я — забрать в свой сераль. Я знал тебя еще как предводителя степных разбойников и понимаю, что тебя интересует — грабежи на большой дороге. Ты хочешь опустошить Вендию и потребовать от них огромный выкуп за Жазмину.

Может, мы на время, не питая никаких иллюзий относительно друг друга, объединимся и попробуем вырвать Деви из рук колдунов? Если это нам удастся и мы останемся в живых, то решим в поединке, кому она достанется.

Киммериец какое-то время смотрел на него, сузив глаза, потом кивнул головой и отпустил его руку.

— Согласен. А твои люди?

Керим Шах повернулся к молчащим иракзаям и произнес:

— Этот человек и я намерены отправиться на Имш и сражаться с чернокнижниками. Едете с нами или остаетесь и даете возможность афгулам, которые идут по пятам за своим вождем, содрать с себя шкуру?

Горцы приняли известие Керим Шаха с угрюмой покорностью. О своей судьбе они догадались уже на перевале Шализах, когда свистящие стрелы дагозаев принудили их к бегству. Слишком часто вспыхивали кровавые распри между людьми из долины Забар и жителями гор. Их отряд был слишком мал, без помощи ловкого туранца они не могли прорваться к приграничным деревням. Иракзаи считали себя мертвецами, поэтому дали ему ответ, который могли дать только пропащие люди:

— Мы пойдем с тобой, чтобы умереть на Имше.

— Значит, в путь, да благословит нас Кром! — произнес Конан, беспокойно озираясь по сторонам и приглядываясь к темно-синим теням густеющего сумрака.— Афгульские волки были в двух часах езды за мной, но мы потеряли слишком много времени.

Керим Шах тронул с места коня, спрятал меч в ножны и осторожно развернулся. Через минуту все двинулись в гору так быстро, насколько было возможно. Наконец они выехали на хребет в миле от того места, где Хемса задержал Конана и Жазмину. Тропинка, которой они приехали, даже для горцев оказалась довольно опасной, и поэтому Конан с Жазминой избрали тогда другую дорогу. Керим Шах двинулся

по ней, считая, что и киммериец сделает то же самое. Даже Конан вздохнул с облегчением, когда последний поворот остался за спиной. Они ехали словно череда призраков, меряющих заколдованное королевство теней. Только тихий скрип кожаной упряжи и побрякивание стали давали знать об их присутствии, а через какое-то время мрачные горные склоны снова опустели, бездушные и молчаливые в свете звезд.

8

ЖАЗМИНА БЕЗУМНО ИСПУГАНА

Жазмина едва успела вскрикнуть, когда почувствовала, как алый омут втягивает ее, с неимоверной силой вырывая из рук киммерийца. В тот миг у нее перехватило дыхание. Страшная воздушная волна оглушила, ослепила, отняла язык и слух. Она едва соображала, что очутилась где-то высоко и летит с ошеломляющей скоростью. Ей казалось, она сходит с ума, потом закружилась голова, и она потеряла сознание.

Когда Деви пришла в себя, еще было живо воспоминание о перенесенном ужасе, она громко вскрикнула и вскинула руки, словно защищаясь от падения. Ее пальцы сжали мягкую ткань, и девушка, почувствовав глубокое облегчение, огляделась вокруг.

Она лежала на подиуме, покрытом черным бархатом, в огромной мрачной комнате со стенами, увешанными темными гобеленами, на которых с поразительной достоверностью были изображены извивающиеся тела драконов. Высокий свод комнаты тонул в густом полумраке, а тени, залегшие в углах, создавали ощущение зловещего ужаса. На первый взгляд казалось, что здесь нет окон и дверей или они скрывались за кошмарными гобеленами. Жазмина не могла понять, откуда сочится слабый свет, позволяющий увидеть об-

становку. Огромная комната — царство тайн, теней и мрачных утлов, из которых, казалось, полз неясный удушающий страх.

Наконец Жазмина увидела в нескольких футах от себя, на втором, чуть меньшего размера возвышении, мужчину, сидящего со скрещенными ногами, он задумчиво поглядывал на нее. Длинная тога из черного бархата, шитого золотом, окутывала фигуру, руки были скрыты рукавами одеяния, на голове — бархатная шапка. Его лицо, спокойное и кроткое, казалось довольно привлекательным, глаза слегка блестели и вместе с тем были немного затуманенными. Он с каменным выражением лица приглядывался к Жазмине и совсем никак не отреагировал на то, что она пришла в себя.

Жазмина ощутила, как по ее телу побежали мурашки от страха. Оперлась на локти и посмотрела на незнакомца.

— Кто ты? — неуверенно и беспомощно спросила девушка.

— Властелин Имша,— ответил человек глубоким, звучным голосом, напоминающим спокойные удары колоколов храма.

— Зачем я здесь? — спросила она.

— Разве ты не искала меня?

— Если ты — один из Черных Колдунов, то да! — дерзко ответила она, убежденная, что он и так читает мысли.

Человек тихо засмеялся, а Жазмина содрогнулась от страха.

— Ты хотела направить детей гор против Колдунов Имша! — рассмеялся он.— Я вижу твои мысли, княжна. Твой слабый человеческий ум переполняют смешные мечты о мести!

— Вы убили брата! — В голосе Деви растущий гнев боролся со страхом.— Зачем? — Она сжала кулаки и задрожала от злости.— Жрецы говорят, Колдуны Имша выше человеческих дел. Зачем вы убили короля Вендии?

— Разве простой смертный может понять мотивы Колдунов? — холодно ответил властелин.— Мои аколиты в храмах Турана, приобретшие власть над жрецами Тарима, настаивали, чтобы я действовал в пользу короля Ездигерда. По определенным причинам я согласился. Как я должен объяснять причины, побудившие меня к такому решению, дабы ты поняла их своим слабым умом? Все равно не поймешь.

— Я понимаю одно: брат мертв! — выкрикнула Жазмина с болью и ненавистью.

Она поднялась на колени и пронизывала его взглядом широко открытых глаз, как пантера, приготовившись к прыжку.

— Так пожелал Ездигерд,— холодно молвил колдун.— Мой временный каприз поддержал притязания туранца.

— Ездигерд твой вассал? — Жазмина пробовала скрыть охватившие ее чувства.

Она нащупала нечто твердое, скрытое под складками бархата. Незаметно переменила позу и засунула руку под покрывало.

— Разве пес, сжирающий объедки под стеной храма, может быть вассалом бога? — ответил владыка.

Казалось, он не видит незаметных движений девушки. Под складками покрывала Деви нашарила то, что показалось ей рукояткой стилета. Жазмина наклонила голову, пытаясь скрыть блеск торжества в глазах.

— Но хватит с меня Ездигерда,— сказал властелин.— Я нашел лучшее развлечение... Ха!

Жазмина прыгнула, как кошка, с диким криком, стараясь нанести убийственный удар. Но споткнулась и упала, растянулась на полу, смотря на человека, который чуть не стал ее жертвой. Тот сидел на подиуме, даже не шевелился, с его лица не сходила загадочная улыбка. Жазмина подняла дрожащую руку и взглянула на нее широко раскрытыми глазами. В руке был не стилет, а цветок золотого лотоса с помятыми лепестками и сломанным стеблем.

Она отшвырнула лотос, словно ядовитую змею, и на коленях отползла от колдуна. Вернулась на подиум, не без основания полагая, что это больше подходит княжне, нежели ползание по полу у ног чернокнижника. Взглянула на него с ужасом, ожидая реакции.

Но властелин не шелохнулся.

— Вся материя одинакова для того, кто располагает ключами от врат Космоса,— загадочно изрек он.— Для сведущих в Искусстве нет вещей неизменных. По его воле в неземных садах зацветает сталь или цветок сверкает острием меча в лунном свете.

— Ты демон,— всхлипнула она.

— Нет,— засмеялся он.— Я родился на этой планете очень давно. Когда-то был обычным человеком, и на протяжении долгих тысячелетий служения Искусству я не утратил всех признаков человеческого. А человек, углубившийся в Черное Искусство, сильнее демона. Я человек, но царствую над демонами. Ты видела Колдунов из Черного Круга; если я скажу тебе, из каких отдаленных королевств я призвал их и от какой судьбы охраняет их мой заколдованный кристалл и золотые змеи, ты потеряешь рассудок от ужаса. И только я один — их господин. Хемса мечтал о величии — бедный глупец, разбил ворота и летал вместе со своей любовницей с вершины на вершину! Но если бы я его не убил, в один прекрасный день он смог бы стать таким же могучим, как и я.

Он снова рассмеялся.

— А ты, глупое создание, строила козни, желая послать волосатого вождя горцев на покорение Имша! Милая шутка, если бы мне пришло это в голову раньше, я и сам постарался бы, чтобы ты попала к нему в руки. Даже тогда, когда он схватил тебя, ты не отказалась от мысли сделать его своим орудием, намереваясь использовать свои женские чары. Но если не брать во внимание твою глупость, все же ты — женщина, на которую приятно посмотреть. Я намерен держать тебя здесь своей невольницей.

Услышав такие слова, наследница гордых императоров крикнула со стыдом и злостью:

— Не посмеешь!

Издевательский смех стегнул ее, как кнут.

— Король не посмеет растоптать червяка на своей дороге? Глупая, твоя гордость для меня не более чем стебелек на ветру. Я целовал царицу тьмы. Ты видела, как я расправляюсь с теми, кто мне сопротивляется?

Съежившись от страха, девушка стояла на коленях на бархатном покрывале. Свет померк, в комнате потемнело. Лицо Колдуна Имша стало ужасным. В его голосе появились повелительные нотки.

— Никогда тебе не покорюсь! — произнесла она с дрожью, но решительно.

— Покоришься,— ответил колдун с жесткой уверенностью.— Страх и боль приучат тебя к покорности. Я буду стегать тебя ужасом и кошмаром до предела твоей выносливости, пока ты не станешь в моих руках словно воск, мягкой и податливой на каждое пожелание. Ты изведаешь страдания, которых не довелось перенести ни одной смертной, пока каждый мой приказ не станет для тебя волей богов. Вначале ты вернешься в свое забытое далекое прошлое, в свои предыдущие воплощения.

При этих словах все вокруг замельтешило перед глазами испуганной Жазмины, волосы на голове встали дыбом, язык примерз к нёбу. Откуда-то долетел глубокий, зловещий удар гонга. Драконы на гобеленах, извергнув голубое пламя, исчезли. Сидящий на подиуме властелин превратился в бесформенную тень. Серый полумрак сменился густой, мягкой, почти осязаемой темнотой, пульсируя странным светом. Жазмина не могла уже разглядеть властелина. Она ничего не видела. Только неясно ощущала, что стены и потолок отдаляются от нее, исчезают.

Потом где-то в темноте появилось пламя, оно то зажигалось, то гасло, как светлячок. Затем увеличилось, посветле-

ло, стало ослепительно белым. Потом вдруг разлетелось дождем искр, которые тем не менее не рассеивали мглы. В комнате все же остался слабый отблеск, позволяющий заметить растущий из каменного пола черный гибкий стебель. На глазах у ошеломленной Жазмины растение распустило широкие листья, и огромные черные одурманивающие цветы склонились над сжавшейся на подиуме девушкой. Черный лотос в мгновение ока вырос из каменной плиты так, как он вырастал в таинственных джунглях Кхитая.

Широкие листья колыхались со зловещим шелестом. Цветы склонялись над Жазминой, словно разумные создания, танцуя на бледных стеблях. Еле различимые на фоне густой, непроницаемой тьмы, они порхали над ней, как гигантские бабочки, непонятным способом давая ощутить свое присутствие. Их одуряющий запах кружил голову, и Жазмина попробовала сползти с подиума, но тут же судорожно прильнула к нему, когда пол наклонился под невероятным углом. Деви с ужасом вскрикнула и судорожно сжала руки, но неведомая сила разжала ее пальцы. Ей казалось, что рассудок помутился, а весь мир рассыпался в прах. В черной ледяной пустыне она была лишь дрожащей былинкой разума, уносимой ветром, который грозил задуть слабое пламя жизни, как дыхание бури гасит горящую свечу.

Потом она ощутила внезапное движение, когда былинка, в которую она превратилась, смешалась с мириадами других, рождая жизнь в болоте первобытной жизни. В созидающих руках Природы она вновь превратилась в мыслящую единицу, медленно кружась по бесконечной спирали своего существования.

Охваченная ужасом, увидела и узнала свои предыдущие воплощения и вновь переживала их. Снова шла по длинной, изнурительной дороге жизни, увлекаемая в забытое прошлое. Вновь, дрожа, сжималась в первобытных джунглях перед началом Времен, догоняемая кровожадными существами. Одетая в шкуры, брела по колено в воде через топ-

кое рисовое поле, сражаясь за драгоценные зерна с птицами. Разрыхляла заостренным колышком неподатливую землю и бесконечно наклонялась над ткацким станком в хижине.

Она видела пылающие города и с криком убегала от убийц. Бежала, нагая и окровавленная, по горячему песку, ее тащили на аркане ловцы рабов, она узнала жгучие прикосновения грубых рук к ее телу, стыд и муку внезапного желания. Она кричала под ударами кнута, стонала, посаженная на кол; сойдя с ума от ужаса, вырывалась от палача, клонящего ее голову на плаху.

Она узнала родовые муки и горечь преданной любви. Перенесла все мучения, обиды и несчастья, которые мужчина причинял женщине на протяжении тысячелетий, перенесла презрение и злобу, которыми женщина может отплатить мужчине. И все время осознавала, кем является, хотя это сознание жгло, как удары кнута. Будучи всеми созданиями, которыми она была в прошлом, она вместе с тем знала, что она — Жазмина. Ни на секунду Деви не забывала, кто она. Являлась одновременно нагой рабыней, согнувшейся под ударами бича, и гордой владычицей Вендии. И страдала она не только как рабыня, но и как Деви Жазмина, чей гордый характер ощущал удары бича, словно прикосновения раскаленного железа.

Одна жизнь срослась с другой в бурлящем хаосе перевоплощений, а каждая следующая несла свое бремя несчастий, стыда и страданий, и так было, пока она не услышала, словно издалека, свой пронзительный крик, словно один долгий крик боли, эхом несущийся сквозь века. Тогда она проснулась на покрытой бархатом постели в темной комнате.

В кошмарной полумгле она вновь увидела подиум и сидящую на нем фигуру в черных одеяниях. Слегка склоненную голову сидящего прикрывал капюшон, а его узкие плечи едва вырисовывались в царящем сумраке. Жазмина не различала деталей, но вид капюшона вместо бархатной шапочки пробудил в ней неясную тревогу. Она напрягла зрение и ощу-

тила страшный, перехватывающий дыхание страх: у нее появилось ощущение, что не властитель Имша спокойно сидит поодаль...

Вдруг фигура шевельнулась и встала, поглядывая на нее сверху. Наклонилась и обняла длинными руками, скрытыми широкими рукавами черной тоги. Жазмина с молчаливой яростью сопротивлялась, изумленная и испуганная худобой обнимающих рук. Голова в капюшоне наклонилась к повернутому лицу девушки. Жазмина пронзительно вскрикнула, охваченная ужасом и отвращением. Ее обнимали костлявые руки, а под капюшоном она увидела воплощение смерти и разложения — череп, обтянутый истлевшей, как древний пергамент, кожей.

Жазмина вскрикнула еще раз, потом, когда лязгающие, ощерепные челюсти приблизились к ее устам, потеряла сознание.

9

ЗАМОК ЧЕРНОКНИЖНИКОВ

Над белыми вершинами Химелии взошло солнце. Группа всадников приостановилась у подножия длинного склона. Высоко над их головами на склоне горы вздымалась каменная башня. Выше ее стояли стены еще более мощной крепости, находящейся у самой границы вечных снегов, покрывающих вершины Имша. В этой картине было что-то нереальное: алые склоны тянулись к фантастическому замку, казавшемуся отсюда детской игрушкой, а сверкающая белизной вершина за ним вонзалась в холодное голубое небо.

— Оставим коней здесь,— произнес Конан.— Подъем лучше одолеть пешком, кони устали.

Он соскочил с черного жеребца, который стоял на широко расставленных ногах, опустив голову. Всю ночь они мчались вперед, подкрепляясь остатками еды из своих вьюков

и останавливаясь только для того, чтобы немного отдохнули лошади.

— В башне живут аколиты Черных Колдунов,— сказал Конан.— Или, как их еще называют, цепные псы своих господ. Они не будут сидеть сложа руки, когда увидят нас на склоне.

Керим Шах взглянул на дорогу, по которой они приехали: она пролегала довольно высоко на склоне Имша. Туранец напрасно старался увидеть в этом лабиринте какое-либо движение, которое говорило бы о приближающейся погоне. Афгулы, скорее всего, потеряли в ночи след своего вождя.

— Что ж, пошли!

Они привязали коней к тамаркскам и без лишних слов двинулись в гору. Отовсюду они были видны как на ладони. На голом склоне никто не мог укрыться. Хотя там могли прятаться другие живые существа.

Они не прошли и пятидесяти шагов, когда из-за небольшого камня выскочило рычащее существо с пеной, сочащейся изо рта, и глазищами, налитыми кровью. Конан шел первым, но пес не напал на него. Проскользнув рядом, он бросился на Керим Шаха. Туранец отпрыгнул в сторону, и огромный зверь упал на идущего следом иракзая. Воин крикнул и заслонился рукой. Бестия повалила его на спину, разрывая ему руку, и через секунду сама свалилась под ударами дюжины сабель. И все же не прекращала попыток вцепиться в челюсть следующей жертве, пока не была буквально разрублена на куски.

Керим Шах перевязал раненому разорванное плечо, внимательно посмотрел на него и молча отвернулся. Присоединился к Конану, и они продолжили подъем.

Потом Керим Шах сказал:

— Странно, что пес забрался аж сюда.

— Здесь нечего жрать,— согласился с ним киммериец.

Они оба обернулись и посмотрели на раненого воина, идущего в толпе иракзаев. Его темное лицо блестело от по-

та, искаженные гримасой боли губы приоткрывали ощеренные зубы. Конан и Керим Шах снова посмотрели на возносящуюся перед ними каменную башню.

На вершинах лежала сонная тишина. Ни на башне, ни на стенах стоящего за ней, похожего на пирамиду строения они не заметили ни малейшего движения. Мужчины шли в напряженном молчании, как по краю вулкана. Керим Шах снял с плеча огромный лук, который разил за пятьсот шагов. Иракзаи потянулись к своим лукам — они были легче и разили на меньшее расстояние.

Но им еще не удалось подойти к башне на расстояние лета стрелы, когда что-то неожиданно упало на них с безоблачного неба. Пролетело очень близко от киммерийца, он даже почувствовал прикосновение крыльев, но не он, а следующий за ним иракзай зашатался и упал, истекая кровью из разорванной артерии. Сокол, с крыльями цвета полированного металла, с окровавленным, изогнутым, как сабля, клювом, вновь взмыл в небо и внезапно замер, когда зазвенела тетива лука Керим Шаха. Птица рухнула камнем, но никто не смог бы указать того места, куда она упала.

Конан наклонился над несчастным, но тот уже умер. Никто ничего не успел сказать, не было смысла обсуждать ни этот случай, ни то, чего еще никогда доселе не случалось,— чтобы сокол напал на человека. В душах диких иракзаев бешенство состязалось с фатальной апатией. Волосатыми руками они сжимали свои луки и бросали мстительные взгляды в сторону башни, которая, казалось, издевается над ними.

Следующее нападение не заставило себя ждать. Все увидели, как из-за края башни выкатилось белое дымное облачко и поплыло вниз по склону. За ним появились другие облака. Они выглядели безобидными, как пушистые шарики мутной пены, но Конан отодвинулся в сторону, избегая столкновения с первым облачком. Один из иракзаев, идущий сле-

дом, размахнулся и рубанул тучку мечом. Раздался оглушительный грохот. Клуб дыма исчез в ослепительной вспышке, а от слишком любопытного воина осталась только кучка обугленных, почерневших костей. Сморщенная ладонь все еще сжимала рукоять из слоновой кости, но клинок расплавился и испарился в страшном огне. И все же воины, даже стоявшие рядом с жертвой, совершенно не пострадали, они были только ошеломлены и ослеплены внезапной вспышкой.

— Взрывается от прикосновения металла,— произнес Конан.— Смотри, они приближаются!

Склон над ними был почти покрыт спускающимися шариками. Керим Шах натянул тетиву и послал в самую их гущу стрелу. Пробитое стрелой облако взорвалось, как мыльный пузырь, брызгая огнем. Остальные воины последовали примеру туранца, и через несколько минут на склоне бушевала буря, разили громы и молнии, сыпавшие дождем искр. Когда белые клубы исчезли, в колчанах у воинов осталось не так уж много стрел.

Они яростно взбирались в гору по обугленной и почерневшей земле, огибая те места, где голая скала превратилась в лаву от взрывов. Наконец они оказались на расстоянии полета стрелы от башни и растянули ряды, нервно оглядываясь вокруг: какую еще неожиданную ловушку им устроят.

На стенах появилась одинокая фигура, несущая десятифутовый медный рог. Хриплый рев, покатившийся по склону, походил на звуки трубы в Судный день. Сейчас же из подземных глубин ему отозвались глухой грохот и шум. Земля под ногами воинов затряслась. Иранцы на дрожащем откосе запатались, как пьяные, крича от ужаса, но Конан с бешеным блеском в глазах и с кинжалом в руках ринулся по склону, прямо к двери в стене. Сверху раздавались издевательский рев и завывание огромного рога. Керим Шах подтянул стрелу к уху и отпустил тетиву.

Только туранец мог сделать такой выстрел. Звук рога внезапно смолк, и в воздухе раздался высокий, пронзительный крик. Стоящая на башне фигура в зеленой одежде зашаталась, хватаясь за торчащее в груди длинное древко, потом перевалилась через парапет и рухнула вниз. Огромный рог покатился и повис на краю стены. Вторая фигура в зеленой тоге подскочила, чтобы схватить рог. Снова зазвенела тетива, и вновь эхом ей отозвался крик агонии. Второй аколит, падая, задел рог локтем, и он разлетелся на куски у подножия башни.

Конан с такой быстротой преодолел пространство, отделяющее его от двери, что еще не смолкло эхо от шума падения, а он уже бил острием своего ножа в дверь. Инстинктивно отскочил, когда сверху вылили на него расплавленное олово. В следующую минуту он снова атаковал их с удвоенной яростью. Тот факт, что враги прибегли к обычным видам обороны, придал ему силы. Значит, колдовство аколитов все же не безгранично. Может, они уже исчерпали все запасы своих чар?

По скату взбежал Керим Шах, следом за ним шатающиеся воины. На бегу они выпускали стрелы, которые со свистом перелетали за стену или ударялись о зубцы. Толстое тиковое дерево уступило под ударами киммерийца, он осторожно заглянул внутрь, приготовившись к худшему. Увидел овальную комнату, ведущую наверх крутую лестницу, широко открытую дверь, за ней склон... и спины полдюжины одетых в зеленое людей, убегающих изо всех сил.

Конан завыл и прыгнул внутрь, но тут же инстинктивно бросился в сторону. Огромный каменный блок с грохотом рухнул на то место, где он только что коснулся ногой пола. Киммериец побежал вдоль стены, криком призывая остальных следовать за ним.

Аколиты покинули первую линию обороны. Обежав башню, Конан увидал их зеленые силуэты высоко вверху. Дыша

жаждой мести, он помчался за ними, а Керим Шах с иракзаями наступали ему на пятки. Минутное ликование заставило их забыть о своем врожденном фатализме, при виде удирающих врагов они завыли, как стая волков.

Башня стояла на нижнем крае узкого плато, почти незаметно наклоненного к откосу. Через несколько сот ярдов плато вдруг кончалось глубокой расщелиной, абсолютно незаметной снизу. В эту расщелину и спрыгнули аколиты, даже не замедлив бега. Несколько минут спустя преследователи также стояли на краю рва, отделяющего их от замка Черных Колдунов. Насколько видел глаз, в обе стороны лежала пропасть шириной в тысячу и глубиной в пятьсот футов, с вертикальными стенами, вероятно, идущая вдоль всей вершины Имиа. Она была до краев наполнена блестящим туманом.

Конан взглянул вниз и выругался, заметив одетых в зеленое аколитов, поспешно проходивших по сверкающему, словно серебро, дну долины. Их силуэты казались смазанными и невыразительными, словно они погружены в глубокую воду. Они шли цепочкой, направляясь к противоположной стене обрыва.

Керим Шах натянул лук и выпустил засвистевшую стрелу. Но она, попав во мглу, наполнявшую расщелину, внезапно потеряла скорость и, отклонившись от заданного курса, упала далеко от цели.

— Если они смогли туда спуститься, то и мы сможем! — сказал Конан стоящему рядом с ним Керим Шаху, который с удивлением наблюдал за полетом своей стрелы.— Я видел, они прошли этим путем...

Напрягая взгляд, он заметил внизу нечто, напоминающее золотую нить, растянувшуюся по всей ширине каньона. Аколиты шли вдоль этой нити, и вдруг киммериец припомнил ранее непонятные слова Хемсы: «Держись золотой жилы!» Наклонившись, он нашел на краю расщелины тонкую по-

лосу: жила золотого месторождения, лежащего прямо на поверхности, сбегала вниз и шла через серебряное дно ущелья. Он увидел кое-что еще, чего не мог заметить из-за особенного преломления света,— золотая жила шла вдоль карниза, спускающегося до самого дна и снабженного углублениями для рук и ног.

— Ах вот как они спустились вниз,— сказал Керим Шах.— Они, значит, не могут летать по воздуху. Пойдем за...

В эту минуту укушенный псом мужчина издал ужасный крик и, оскалив зубы, бросился на Керим Шаха. Из его рта лилась пена. Туранец проворно, словно кот, отскочил в сторону, а взбесившийся рухнул головой вниз в пропасть. Остальные воины в изумлении подбежали к краю пропасти. Мужчина не пошел вниз камнем, а медленно плыл сквозь розовую мглу, как человек, погружающийся в воду. Конечности его судорожно дергались, а лицо, искаженное конвульсиями лицо выражало скорее боль, чем бешенство. Наконец он упал на блестящее дно пропасти и остался недвижим.

— В расщелине подстерегает смерть,— пробормотал Керим Шах, отшатнувшись от розовой мглы, которая почти доставала ему до ног.— Что теперь, Конан?

— Идем дальше! — невесело ответил киммериец.— Аколиты — обычные люди: если мгла не убила их, значит, и нас не убьет.

Он подтянул пояс и невольно дотронулся до подарка Хемсы. Свел брови и грустно улыбнулся. Он совсем забыл о нем, и все же именно пояс трижды спасал его, подставляя другие жертвы.

Аколиты достигли противоположной стены и поползли по ней, как большие зеленые мухи. Конан взошел на платформу и стал осторожно спускаться. Розовая туча окутала ноги и поднималась выше по мере того, как он спускался по карнизу. Он ощущал ее вокруг себя, как густой туман во влаж-

ную ночь. Когда она уже доставала до шеи, он поколебался, потом с головой окунулся во мглу. В тот же миг стал задыхаться, неумолимая сила не давала ему вздохнуть, сдавив ребра в смертельном объятии. Конан в отчаянии подпрыгнул, борясь за жизнь.

Керим Шах наклонился, что-то говорил ему, но Конан не слышал и не обращал на него внимания. Он мысленно перебирал в памяти указания умирающего Хемсы. Попробовал нащупать золотую жилу и обнаружил, что, спускаясь, сошел с нее. Заметил ряд углублений для рук и ног в карнизе. Встав точно на жилу, начал спускаться вновь. Розовая мгла снова окутала его. Голова его тоже окунулась во мглу, но, стоя на золотой жиле, он по-прежнему мог дышать. Увидел вверху лица глядящих на него товарищей, слегка размытые в блестящем тумане. Жестом приказал им следовать за ним и быстро стал спускаться, не ожидая, пока они последуют его примеру.

Керим Шах вернул меч в ножны и пошел следом за киммерийцем, а иракзаи поспешили за ним, скорее опасаясь потерять предводителя и проводника, чем какого-то подвоха, который мог их ожидать в расщелине. Они спустились на дно пропасти и пошли по серебристой равнине, ступая по золотой полосе, как люди, идущие по проволоке над пропастью. Шли, словно по невидимому туннелю, наполненному воздухом. Со всех сторон их окружала смерть.

Тропинка, по которой скрылись аколиты, вела к карнизу по другую сторону расщелины и исчезала за его краем. Они двинулись туда, приготовившись к встрече с неизвестной опасностью, таящейся среди острых камней на краю обрыва. Их ждали там вооруженные ножами аколиты. Возможно, они достигли некой границы, преступить которую не могли. Может, стигийский пояс, опоясывающий Конана, лишил их заклятия силы. Или, осознавая, что за поражение будут наказаны смертью, они решили использовать последний шанс и с ножами в руках выскочили из-за скал.

Началась кровавая битва, оружием в которой было не искусство чернокнижников, а обычные клинки. Звенела сталь, со свистом опускались лезвия, рассекая плоть, мускулистые руки наносили могучие удары, лилась кровь, а по телам упавших топтались сражающиеся. Как выяснилось потом, только один из иракзаев истек кровью и умер, но аколиты полегли все до одного,— изрезанные, порубленные на куски, сброшенные в пропасть, они медленно опускались на сверкающее внизу серебристое дно. Победители, стерев с лица кровь, огляделись. Кроме Конана и Керим Шаха еще четверо иракзаев вышли из битвы невредимыми.

Они стояли меж скал, образовавших зубчатый край расщелины. Вьющаяся отсюда по невысокому склону тропка вела к широкой лестнице, сделанной из зеленых шестифутовых камней, напоминающих нефрит. Ступени выводили на широкую галерею из такого же полированного камня, а за ней — этаж за этажом — вздымался замок Черных Колдунов. Казалось, его вырубили из отвесной скалы ущелья. Архитектура замка поражала великолепием, хоть и была лишена украшений. Немногочисленные окна прикрыты ставнями. Нигде никаких признаков жизни, ни одного дружественного или враждебного существа.

Очень осторожно они пошли по тропе, понимая, что приближаются к змеиному логову. Иракзаи шагали точно в трансе, словно шли на верную смерть. Даже Керим Шах молчал. Только Конан, казалось, не осознавал, каким беспрецедентным нарушением традиций были их действия, какую огромную брешь они пробили в общепринятых взглядах.

Он взошел по блестящим ступеням и по широкой зеленой галерее подошел к обитой золотом двери из тикового дерева. Окинул внимательным взглядом верхние этажи вздымающейся перед ним огромной пирамиды замка, потянулся к медной ручке и с кривой усмешкой отдернул руку. Ручка была сделана в виде змеи, приготовившейся к броску.

Конан заподозрил, что металлический гад может ожить от прикосновения.

Одним ударом он отрубил ручку, и медный звон упавшей на камень змеи отнюдь не рассеял его подозрений. Концом кинжала он отбросил ее и вновь повернулся к двери. Вокруг царила полная тишина. Солнце блестело на горных вершинах, покрытых снегом. Высоко вверху кружил ястреб, черная точка в небесной сини. Кроме него единственными живыми существами были люди, стоящие перед обитой золотыми листами дверью,— маленькие фигурки на галерее из зеленого нефрита на склоне огромной горы Имш.

Холодный ветер, прилетевший с ледников, хлестнул, развевая обрывки их одежды. Кинжал Конана ударил в массивную дверь. Эхом откликнулись скалы на удар. Киммериец бил раз за разом, пробивая металлические листы и тиковое дерево. Через несколько минут он уже смог осторожно заглянуть внутрь. Увидел просторную комнату с голыми стенами из шлифованных камней и мозаичным каменным полом. Здесь были лишь столики из шлифованного эбенового дерева и каменный подиум. В противоположном углу он разглядел следующую дверь.

— Оставь охрану у дверей,— велел он.— Идем внутрь.

Керим Шах приказал одному из воинов стоять на страже, тот с луком наготове вернулся на середину галереи. Конан вошел в замок, за ним туранец и три иракзая.

Страж сплюнул, пробормотал что-то себе под нос и вздрогнул, услышав тихий издевательский смех. Подняв голову, увидел на втором этаже фигуру в черном, презрительно поглядывающую на него. Иракзай быстро натянул тетиву и выпустил стрелу, попав в обтянутую тогой грудь. Колдун, продолжая смеяться, вырвал стрелу из тела и небрежным жестом швырнул лучнику. Воин отпрыгнул, инстинктивно выставив руку. Его пальцы сомкнулись на возвращенной стреле. Иракзай пронзительно вскрикнул. Прямая стрела

вдруг стала гибкой, словно размякла в руке. Он попробовал отшвырнуть ее, но поздно — холодные кольца обвились вокруг запястья, а наконечник впился в мускулистое плечо. Воин еще раз крикнул, лицо опухло и покраснело, а глаза приготовились вылезти из орбит. В страшных конвульсиях он растянулся на полу и замер.

Мужчины, уже было вошедшие в замок, бросились назад. Конан быстро подошел к высаженным дверям и стал как вкопанный, ничего не понимая. Товарищам показалось, что киммериец сражается с воздухом. Не видя перед собой никакой преграды, он все же ощутил под пальцами скользкую, гладкую поверхность и понял — выход закрыт кристаллической прозрачной плитой. Он видел через нее неподвижно лежащего на галерее стражника с оперенной стрелой в плече.

Конан поднял кинжал и ударил в невидимую стену; удивленные иракзаи заметили, как острие отскакивает со звоном от невидимой преграды, словно сталь натыкается на что-то твердое. Конан прекратил попытки пробиться. Он знал, даже легендарный меч Амир Курума не смог бы сокрушить эту невидимую преграду.

В нескольких словах он объяснил это Керим Шаху. Туранец пожал плечами:

— Обратная дорога нам отрезана, мы должны искать другой путь. Значит, идем вперед, не так ли?

Конан кивнул, повернулся и зашагал к двери в противоположной стороне комнаты. Он догадывался, что идет навстречу неизбежной смерти. Поднял кинжал, желая ударить в дверь, но та тихо открылась, словно подчиняясь чьему-то велению. Конан перешагнул через порог и оказался в огромном зале. Вдоль стен тянулись блестящие колонны, а в ста футах от двери начинались широкие нефритовые ступени лестницы, сужающейся кверху, словно пирамида. Он не знал, что находится дальше, но, чтобы зайти на ступени,

ему следовало пройти мимо странного алтаря из черного камня. Четыре огромные золотые змеи свились в кольца на четырех углах, словно стражи легендарных сокровищ, клиновидные головы были обращены к четырем сторонам света. Но на алтаре, который они стерегли, покоился только хрустальный шар, наполненный чем-то вроде дыма, в нем плавали четыре золотых плода граната.

Увиденное пробудило у Конана неясное воспоминание, но он не успел вдуматься в подсказки памяти, завидев на нижних ступеньках лестницы четверых людей в черных одеяниях. Он не заметил появления Колдунов, они просто возникли здесь, согласно кивая птичьими головами, высокие, худые. Руки и ноги скрывались под складками многочисленных одеяний.

Один из них поднял руку, рукав сполз, открывая... вовсе не руку. Вопреки своей воле Конан замешкался. Он встретил силу, не похожую на силу Хемсы, и не мог сделать ни шагу вперед, хотя чувствовал, что может отступить назад, если захочет. Его друзья тоже остановились и выглядели еще более беспомощными, чем он, будучи не в состоянии сделать ни одного движения.

Чародей с поднятой рукой кивнул одному из иракзаев, и тот, словно в трансе, двинулся к нему, сжав меч в бессильно опущенной руке. Когда воин проходил мимо Конана, тот, вытянув руку, загородил ему дорогу. Киммериец был намного сильнее иракзая и в обычных условиях с легкостью смахнул бы его, как муху. Но сейчас воин оттолкнул его руку, будто стебелек травы. Дошел до ступеней и встал на колени, отдавая меч и наклоняя голову. Колдун взял у него оружие. Блеснуло острие на взмахе. Голова иракзая упала с плеч и с глухим стуком покатилась по черному мраморному полу. Из рассеченных артерий хлынула кровь, потом тело осело и, широко раскинув руки, распростерлось на полу.

Нечеловеческая ладонь вновь поднялась и позвала следующего иракзая, который, шатаясь, двинулся навстречу смер-

ти. Жуткая сцена повторилась, и второе обезглавленное тело распростерлось рядом с первым.

Когда и третий воин прошел мимо Конана, направляясь к своей гибели, киммериец, у которого набрякли жилы на висках от напрасных усилий преодолеть удерживающий его невидимый барьер, вдруг почуял, что пробуждаются неизвестные, благоприятные для него силы. Ощущение пришло без предупреждения, неожиданно, но он ни на минуту не сомневался в нем. Левая рука киммерийца невольно дотронулась до стигийского подарка Хемсы, и он моментально ощутил прилив энергии: воля к жизни и гнев взыграли в нем с нарастающей силой.

Третий иракзай уже превратился в труп, и отвратительный палец качнулся вновь. Конан почувствовал, как невидимый барьер треснул. Он исторг дикий крик, и накопившаяся в нем злость нашла выход в молниеносной атаке. Он ринулся на колдунов, сжимая левой рукой волшебный пояс с отчаянной силой, так тонущий держится за плывущее дерево. Длинный клинок в правой руке сверкал, как солнечный луч. Стоящие на ступеньках Колдуны не шелохнулись. Даже если они и были удивлены, то не подали виду, смотрели холодно и равнодушно. Конан не терял времени на ненужные раздумья, что он сделает с ними, когда они окажутся в пределах досягаемости. Его охватила жажда убийства, он хотел только одного — вонзать острие в тела врагов, утопить их в крови.

Он находился уже в паре шагов от ступенек, где, издевательски усмехаясь, стояли Колдуны. Конан набрал воздуха в грудь, ярость росла в нем с каждым вздохом. Он как раз был рядом с алтарем, обвитым золотыми змеями, когда, словно блеск молнии, его озарило воспоминание о таинственных словах Хемсы, словно кто-то прошептал ему на ухо: «Разбей хрустальный шар».

Он отреагировал почти машинально. Между побуждением и действием не прошло и сотой доли секунды, даже наи-

величайшие из чернокнижников не смогли бы прочесть за столь малый срок его мысли и помешать. Ловко, по-кошачьи, в прыжке он сменил направление атаки и с треском опустил кинжал на хрустальный шар. Тотчас же почувствовал почти осязаемое дыхание ужаса, плывущее со ступеней, от алтаря или же от самого хрусталя. Слух разрезало пронзительное шипение позолоченных змей, которые вдруг ожили и, поднимая жуткие головы, пробовали кусаться. Но разъяренный Конан был для них неуловим. Сверкающий клинок перерезал чудовищные тела одно за другим и ударил по хрустальному шару. С громовым раскатом кристалл взорвался, осыпаясь дождем огненных осколков на черный мрамор пола, а золотые плоды граната, словно освобожденные из пут, взлетели под высокие своды и исчезли.

Безумный, звериный, чудовищный рев эхом прокатился по огромному залу. Четыре черные фигуры на ступенях извивались, корчились в конвульсиях. Колдуны перестали двигаться. Конан знал, они мертвы. Он посмотрел на алтарь и хрустальные обломки. Четыре безголовые золотые змеи по-прежнему обвивали алтарь, но в их металлических телах не осталось и следа жизни.

Керим Шах, которого во время сражения Конана отшвырнула невидимая сила, медленно поднялся с колен. Покачал головой, чтоб избавиться от звона в ушах.

— Ты слышал звук, когда разбил шар? — спросил он.— Словно вместе с ним в замке разбились тысячи хрустальных зеркал. Похоже, в этих золотистых плодах граната хранились души чернокнижников? А!

Конан обернулся, видя, что Керим Шах хватается за меч и показывает куда-то рукой. На лестнице появилась новая фигура. Незнакомец, тоже одетый в черную тогу, но из расшитого бархата, а на голове у него была остроконечная шапка. На красивом лице читалось невозмутимое спокойствие.

— Кто ты, демон тебя возьми? — спросил Конан, глядя на незнакомца.

— Я властелин Имша! — ответил тот голосом, напоенным жестокой радостью и звучащим, как праздничный колокол.

— Где Жазмина? — спросил Керим Шах.

Властелин взорвался смехом.

— И зачем, труп, тебе это знать? Или ты так быстро забыл о моей силе, которую я когда-то тебе передал, что прибыл сражаться со мной, бедный глупец? Пожалуй, я должен вырвать твое сердце, Керим Шах!

Он протянул руку, и туранец пронзительно вскрикнул в смертельной муке, зашатался, будто пьяный. Вдруг раздался звон разлетающихся звеньев кольчуги и треск ломающихся костей, из его груди хлынул поток крови, а сквозь огромную дыру в разорванных тканях выстрелило что-то алое и влажное — прямо в выставленную ладонь властелина, как кусок железа, притягиваемый магнитом. Туранец сполз на пол и перестал шевелиться, а властелин Имша со смехом швырнул под ноги киммерийцу еще бьющееся человеческое сердце.

Конан выругался и с рычанием бросился к лестнице. От пояса Хемсы исходила волна силы и безграничной ненависти, помогающая ему преодолеть внушение, с которым он столкнулся на лестнице. В воздухе повисла отливающая металлическим блеском мгла, он окунулся в нее, словно пловец, опустив голову, прикрывая лицо и крепко сжимая в левой руке кинжал. Напрягая слезившиеся глаза, чуть повыше на ступеньках различил фигуру чернокнижника, как отражение в быстротекущей воде.

Конана толкали и швыряли неизвестные силы, их было трудно постичь разумом, но он ощущал поддержку извне, которая неудержимо вела вперед против воли колдуна и его собственной слабости.

Он достиг вершины лестницы и сквозь серо-металлическую мглу увидал перед собой лицо колдуна и страх, сквозящий в неуверенном взгляде. Конан прорвался сквозь мглу, и кинжал в его мускулистой руке молниеносно рванулся вверх. Острие разодрало тогу властелина, тот отпрянул со сдавленным криком.

Вдруг на глазах изумленного киммерийца чернокнижник исчез — попросту исчез, как мыльный пузырь. Только по ступеням скользнула какая-то длинная колеблющаяся тень.

Конан прыгнул за ней на узкую лестницу, ведущую вверх. Но не смог бы объяснить, что туда проскользнуло. Бешеная ненависть приглушила отвращение и страх.

Он побежал по широким коридорам с голыми стенами из полированного нефрита. Перед ним мелькнула длинная тень, пропав за дверными портьерами. Одновременно с этим в глубине одной из комнат раздался испуганный женский крик. Конан помчался что было силы к двери и в следующий миг оказался в помещении за портьерой.

На краю покрытого бархатом подиума сжалась Жазмина, крича от ужаса и отвращения, пытаясь защититься от нависшей над нею змеи. Со сдавленным криком Конан метнул в змею кинжал.

Гад молниеносно обернулся и бросился на него подобно ветру, летящему меж высоких трав. Длинный кинжал пробил ему шею, рукоятка торчала с одной стороны, а острие — с другой, но это, казалось, только усилило ярость жуткой твари. Она наклонила голову к человеку, который осмелился сопротивляться, и, оскаливая брызжущие ядом клыки, попробовала укусить его. Но в тот же миг Конан выхватил из-за пояса стилет и изо всех сил ударил острием снизу вверх.

Сталь пробила нижнюю челюсть чудовища и застряла в верхней, словно приколов челюсти друг к другу. Тотчас же огромное тело гада обвило киммерийца. Не имея воз-

можности пустить в ход зубы, змея попробовала его задушить.

Левая рука Конана была прижата к телу змеиными кольцами, но правая оставалась свободной. Крепко упираясь в землю широко расставленными ногами, он схватил торчащую в теле змеи рукоятку кинжала и выдернул его. Как бы угадывая нечеловеческим умом намерения противника, бестия начала извиваться, напрягаться, силясь захватить и свободную руку противника. Но длинное острие поднялось и опустилось с быстротой молнии, почти перерезав надвое огромное тело змеи.

Прежде чем киммериец смог ударить снова, гибкие кольца выпустили его из своих объятий и чудовище скользнуло по плитам, истекая кровью. Конан прыгнул за ним, поднимая оружие, но убийственный удар поразил только воздух, потому что извивающийся гад скользнул в сторону и ударил головой в перегородку из сандалового дерева. Одна из плит подалась: длинное, истекающее кровью тело скользнуло в щель и исчезло. Киммериец тут же несколькими ударами пробил в перегородке дыру и заглянул в темное помещение. Черного жуткого гада след простыл. Остались только лужа крови на мраморных плитах и кровавые следы, ведущие к замаскированной в стене двери. Это были следы босых ног...

— Конан!

Он повернулся на пятках — и в самый раз, чтобы поймать в свои объятия Деви Вендии, дрожащую от страха. Она пробежала через всю комнату и бросилась ему на шею.

От всех этих происшествий взыграла горячая кровь киммерийца. Он прижал девушку к груди с силой, которая в иных обстоятельствах вызвала бы болезненную гримасу, и запечатлел на ее устах неожиданный поцелуй. Жазмина не сопротивлялась. Место Деви заняла обычная женщина. Закрыв глаза, она утонула в его диких, горячих поцелуях, от-

даваясь волне страсти. Он прервался, чтобы набрать воздуха, и взглянул на нее, напуганную и прекрасную.

— Я знала, что ты придешь за мной,— сказала она.— Ты не мог бросить меня одну в этом логове демонов.

Услышав эти слова, Конан вспомнил, где они находятся. Поднял голову и напряг слух. В замке на Имше царила тишина, но эта тишина была напоена угрозой. Опасность подстерегала в каждом углу, издевательски ощеривалась из-за каждой портьеры.

— Лучше пойдем-ка отсюда, пока есть время,— сказал он.— От этих ран погибло бы любое существо и даже человек, но не чернокнижник. Нанесешь ему удар, а он отползет, как раненая змея, в надежде из какого-то источника снова зачерпнуть яда.

Он поднял девушку на руки и понес, словно ребенка, по блестящему нефритовому коридору и лестнице, с напряженным вниманием выискивая вокруг новые признаки опасности.

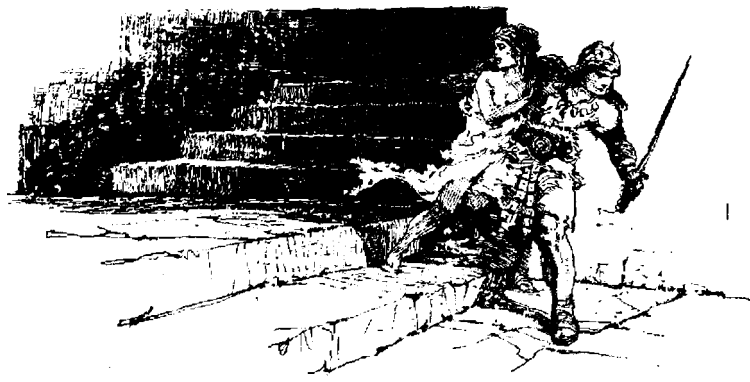
— Я встретила властелина Имша,— испуганно прошептала Жазмина, вспоминая пережитый ужас и крепче обнимая спасителя.— Он насылал на меня чары, пытаясь сломить мою волю. Самое страшное — это гниющий труп, который хватал меня... потом я потеряла сознание и пролежала так не знаю сколько времени. Когда пришла в себя, услышала внизу шум и крики, а потом змей вполз в комнату и... ах! — Она задрожала.— Каким-то образом я поняла, что это не видение, а настоящая змея хочет меня убить.

— Да уж, змея точно не была видением,— с уверенностью ответил Конан.— Он понял, что проиграл, и предпочел убить тебя, лишь бы не отдать мне.

— О ком ты говоришь «он»? — спросила она неуверенно.

Жазмина вдруг вскрикнула, прижимаясь к Конану, и забыла о своем вопросе. Увидела лежащие у подножия лест-

ницы трупы. Останки колдунов отнюдь не являли собой приятное зрелище: они съежились и почернели, а распахнувшиеся одеяния обнажили их ноги и руки, не имеющие ничего общего с человеческими. Жазмина побледнела и спрятала лицо на широкой груди Конана.



10

КОНАН И ЖАЗМИНА

Конан быстро пересек зал, еще одну комнату и добрался до двери, ведущей на галерею. Заметил, что пол здесь устлан мелкими блестящими осколками. Хрустальная плита, закрывавшая выход, рассыпалась. Киммериец припомнил оглушительный звон, с которым он разбил лежавший на алтаре шар, и догадался, что в тот момент рассыпались все хрустальные вещи в храме, и какое-то неясное, скрытое в подсознании ощущение подсказывало ему правду о печальной связи между Колдунами Черного Круга и золотыми плодами граната. Он ощутил, как по спине пробежали мурашки, и поспешил выбросить все из памяти.

Он вышел на галерею из зеленого нефрита и с облегчением глубоко вздохнул. Ему нужно еще преодолеть расщелину, но, по крайней мере, он уже мог видеть сверкающие на солнце белые вершины и огромные склоны, тонущие в море голубоватого тумана.

Иракзай лежал в том же месте, куда упал: бесформенное пятно на гладкой сверкающей поверхности. Спускаясь вниз крутой тропкой, Конан с удивлением взглянул на солнце, которое еще не миновало зенита, хотя ему казалось, что с момента, когда он вошел в замок Имш, прошли долгие часы.

Он осознавал острую необходимость спешки, им руководила не слепая паника, а инстинктивное чувство опасности. Он ничего не сказал Жазмине, а девушка казалась успокоенной, получив возможность склонить голову на его широкую грудь, чувствуя себя в безопасности в могучих объятиях. Конан на мгновение замер на краю расщелины и, нахмурив брови, глянул вниз. Переливающийся туман в пропасти не был розовым и искрящимся. Он стал мутным, серым и призрачным, как тень жизни в израненном человеке. Киммерийца посетила странная мысль, что колдовство чернокнижников связано с их личностью больше, чем игра актеров с жизнью обычных людей.

Но далеко внизу равнина по-прежнему блестела матовым серебром, а золотая полоса сверкала неугасимым блеском. Конан взвалил Жазмину на плечо, против чего она не возражала, и стал спускаться вниз. Быстро спустился по платформе и пробежал по отзывающемуся эхом дну распадка. Он был уверен, погони не миновать и единственный шанс уцелеть — как можно быстрее переправиться по узкой полосе, прежде чем раненый властелин подвергнет их какой-либо опасности.

Когда он взобрался на противоположную стену и встал на краю, то вздохнул с облегчением и поставил Жазмину на землю.

— Дальше ты можешь идти сама,— сказал он.— Дорога все время идет под уклон.

Девушка украдкой бросила взор на сверкающую пирамиду по ту сторону: замок Имш вздымался на фоне заснеженного склона как цитадель молчания и зла.

— Конан из Гхора, ты чародей, раз победил Черных Колдунов с Имша? — спросила Жазмина, когда они стали спускаться по тропе.

— Это все пояс, который дал Хемса перед смертью,— ответил киммериец, обнимая крепкой рукой талию девушки.—

Да, я нашел его на дороге. Пояс необычный, я покажу тебе, когда придет время. Против некоторых заклятий он оказался бессилен, но очень мне помог, хотя добрый кинжал — самое лучшее заклятие.

— Но раз ты с помощью пояса победил властелина,— сказала Жазмина,— то почему не повезло с ним Хемсе?

Конан покачал головой:

— Кто знает? Хемса был слугой властелина, может, это и ослабило его силы. Надо мной он не имел такой власти, как над Хемсой. Но я бы не сказал, что я победил. Правда, он удрал, но я боюсь, мы с ним еще встретимся. Хочется, чтобы от его владений нас отделяло как можно большее расстояние.

Он обрадовался, найдя стреноженных коней у тамарисков, там, где их оставили. Быстро отвязал их, оседлал черного жеребца и посадил перед собой девушку. Остальные кони, набравшись сил на выпасе, дружно двинулись за ними.

— А что теперь? — спросила она.— В Афгулистан?

— Как бы не так! — грустно улыбнулся он.— Не знаю кто, возможно губернатор, убил семерых моих вождей. Глупцы афгулы думают, будто я причастен к этому, и, пока я не смогу доказать их ошибку, они будут преследовать меня, как раненого шакала.

— А что со мной? Если вожди мертвы, я не нужна тебе больше в качестве заложницы. Ты убьешь меня в отместку за них?

Он окинул ее сверкающим взглядом и рассмеялся, услышав такое нелепое предположение.

— Едем к границе,— сказала она.— Там афгулы тебе угрожать не будут...

— Да, прямо на вендийскую виселицу.

— Но я королева Вендии,— напомнила она ему. В ее голосе на мгновение появились повелительные интонации.— Ты спас мне жизнь. Получишь награду.

Слова прозвучали не так, как она хотела, и лишь привели Конана в негодование.

— Прибереги свои сокровища для придворных лизоблюдов, княжна. Если ты госпожа равнин, то я — господин гор и не сделаю ни шагу к вендийской границе!

— Ты был бы там в безопасности...— заявила она с недоверием.

— А ты вновь стала бы Деви,— прервал он ее.— Нет, благодарю, предпочитаю тебя такой, какой вижу сейчас,— женщиной из плоти и крови, едущей со мной в седле.

— Но ведь ты не можешь меня задержать! — воскликнула она.— Не можешь...

— Подожди и убедишься! — бросил он горько.

— Но я заплатила бы тебе огромный выкуп.

— К демонам твой выкуп! — сказал он грубо, крепче сжимая ее гибкую талию.— Во всем королевстве Вендии не могло бы найтись ничего, что я желал бы так же, как тебя. Я украл тебя, рискуя жизнью, и, если твоя дворня желает вернуть королеву, пусть приезжают в Забар и отнимут силой.

— Но ведь у тебя нет людей! — выкрикнула она.— Тебя преследуют. Как ты защитишь себя, не говоря уже обо мне?

— Есть еще у меня друзья в горах,— ответил он.— Вождь куракчаев спрячет тебя в надежном месте, пока я не договорюсь с афгулами. Если они не захотят меня выслушать, то — клянусь Кромом! — поеду с тобой на север, к степным разбойникам. Прежде чем попасть на Восток, я был их вождем. Я сделаю тебя королевой Вольной Степи!

— Не хочу,— сопротивлялась она.— Ты не можешь меня заставить...

— Если эта идея так тебе неприятна,— сказал он,— почему ты так охотно подставляла свои губы для поцелуев?

— Даже королева может быть всего лишь женщиной,— шепнула она, покраснев.— Я — королева, я должна прежде

всего жить интересами моего королевства. Не увози меня в чужие края. Возвращайся со мной в Вендию.

— А ты сделаешь меня своим королем? — спросил он с иронической улыбкой.

— Но обычаи...— замялась она.

— Да, обычаи цивилизованных людей не позволяют тебе сделать то, что ты хотела бы. Выйдешь замуж за какого-нибудь старого, морщинистого короля с равнины, а я поеду своим путем, взяв с собой на память воспоминания о нескольких украденных поцелуях! А?

— Но ты можешь поехать в мое королевство,— беспомощно повторила она.

— Зачем? — спросил он со злостью.— Протирать задом золотой трон и слушать лесть глупо улыбающихся выскочек в бархатных одеяниях? И что тебе это даст? Послушай: я родился в горах Киммерии, где живут варвары. Был наемным воином, корсаром, разбойником. Кто из королей объездил столько стран, провел столько битв, любил стольких женщин и добывал такие трофеи, как я? Приехал в Афгулистан, чтобы собрать орду и опустошить южные королевства, в том числе и твое. То, что я стал вождем афгулов, было лишь началом. Если мне удастся с ними помириться, в течение года за мной пойдет еще с дюжину других племен. Если нет — возвращусь в степь и вместе с разбойниками буду грабить приграничья Турана. А ты поедешь со мной. К демонам твое королевство, обходилось же оно как-то, когда тебя еще не было на свете!

Сидя в седле в его объятиях и глядя ему в лицо, Жазмина чувствовала пробудившееся в душе дерзкое желание, равное по силе его страсти. Но предки, сотни царствовавших поколений, ставили запрет!

— Не могу! Не могу! — бессильно повторяла она.

— У тебя нет выбора,— уверял он ее.— Поедешь... Что такое, разрази меня Кром?!

Имш остался далеко за спиной, теперь они ехали по высокому ребру, разделявшему две долины. Они находились как раз на вершине скального гребня, откуда хорошо была видна долина по правую сторону. Там шла отчаянная битва. Сильный ветер дул им в спины, поэтому шум битвы был плохо слышен, но и так снизу доносился звон сабель и стук копыт.

Тысячи закованных в сталь всадников гнали перед собой отряд потрепанных воинов, которые убегали, как стая волков, огрызаясь на нападавших.

— Туранцы! — воскликнул Конан.— Это отряды из Секундерама. Что они здесь делают, демон их побери?

— А кого они преследуют? — спросила Жазмина.— И почему они так яростно дерутся? При таком преимуществе врага у них нет никаких шансов.

— Это мои сумасшедшие афгулы,— буркнул Конан, хмуря брови.— Они знают, что попали в ловушку.

Действительно, афгулы находились в тупике. Долина постепенно сужалась, переходя в глубокий овраг, заканчивающийся небольшой котловиной, окруженной крутыми, непреодолимыми стенами. Наездников в тюрбанах загоняли в ту расщелину. Не имея другого выхода, они пятились туда шаг за шагом под дождем стрел и градом ударов. Туранцы теснили их решительно, но не слишком сильно. Они знали ярость доведенных до отчаяния горцев и прекрасно понимали безвыходность ловушки. И, узнав, из какого племени воины, они захотели их окружить и принудить сдаться.

Их эмир был человеком дела. Когда он достиг долины Гурашах и обнаружил, что ни противника, ни эмиссара нет на месте встречи, он пошел дальше, доверяя своему знанию гор. Всю дорогу его войско сражалось с враждебно настроенными горцами, и многие деревни теперь зализывали раны. Эмир знал, что, скорее всего, ни он, ни один из его копьеносцев не вернется живым в Секундерам, потому что со всех

сторон их окружают враги. Но он собирался выполнить приказ — любой ценой отнять у афгулов Деви и доставить ее Ездигерду в качестве невольницы. А если приказ окажется невыполнимым, с честью погибнуть, отрубив ей голову. Конечно же, обо всем этом пара, глядящая на них с хребта, не имела ни малейшего понятия. Конан вертелся в беспокойстве.

— Почему они, демоны, дали себя загнать в ловушку? — спрашивал он.— Знаю я, что эти псы делали здесь: охотились на меня. Они заглядывали в каждую долину и, прежде чем успели опомниться, попали в ловушку. Несчастные глупцы. Они и в ущелье будут обороняться, но долго не продержатся. Когда туранцы затолкают афгулов в котловину, то сделают с ними что захотят.

Шум снизу усилился. Яростно обороняющиеся афгулы в узком ущелье на короткий миг задержали одетых в броню всадников, которые не смогли бросить на них все свои силы.

Конан мрачно нахмурился и беспомощно завертелся в седле, поигрывая кинжалом. Наконец он сказал без обиняков:

— Деви, я должен пойти туда. Найди какое-нибудь укрытие, где переждешь, пока я вернусь. Ты говорила о своем королевстве... ну, не буду делать вид, что считаю этих волосатых демонов своими детьми, но, кроме всего прочего, какие ни есть, они мои люди. Вождь никогда не покидает своих, даже если они предают его. Им казалось, они правы, обвиняя меня... К демону, я не буду стоять в стороне и смотреть, как их вырезают! Я все еще вождь афгулов и докажу это! Спущусь вниз в ущелье.

— А я? — запротестовала она.— Ты увез меня из моей страны, а сейчас хочешь покинуть в горах одну?

Конан мучительно раздумывал.

— Это правда,— сказал он грустно.— Кром его знает, что я сейчас должен делать.

Жазмина легко наклонила голову, и на ее прекрасном лице появилось странное выражение.

— Слушай! — вдруг воскликнула она.— Слушай!

Ветер донес до их слуха слабые отзвуки фанфар. Они взглянули в долину с левой стороны и заметили там длинные колонны всадников. Они ехали по дну долины, сверкая на солнце сталью копий и шлемов.

— Вендийская конница!

— Их тысячи! — сказал Конан.— Давно уже кшатрийские отряды не забирались так далеко в горы.

— Они ищут меня! — выкрикнула Жазмина.— Дай мне коня! Я поеду к ним. С левой стороны спуск не такой крутой, можно съехать вниз. Ты иди к своим и скажи, пусть продержатся еще несколько минут. Я направлю конницу в долину и ударю по туранцам! Возьмем их в клещи. Быстрее, Конан! Неужели ты хочешь, чтобы люди погибли из-за твоих желаний?

Его глаза горели дикой страстью, но он соскочил с коня и отдал поводья.

— Ты выиграла,— крикнул он.— Мчи, как тысяча демонов!

Жазмина свернула на склон по левую руку, а он побежал по ребру, пока не достиг длинной потрескавшейся расщелины, в которой кипела битва. Ловко спустился вниз, используя углубления и выступы на скале, чтобы в конце концов спрыгнуть в гущу сражения. Вокруг раздавались крики, лязганье стали и ржание лошадей.

Едва ноги коснулись земли, киммериец завыл, как волк, схватился за украшенную золотом узду, уклонился от удара сабли и вонзил кинжал в сердце всадника. В следующую минуту он уже сидел в седле, выкрикивая яростные приказы ошеломленным афгулам. Они какую-то минуту глядели на него с раскрытыми ртами, потом, видя опустошение, которое он производит среди врагов, вновь принялись драть-

ся, без возражений принимая его возвращение. В пылу битвы не было времени на лишние вопросы.

Все новые и новые ряды всадников в остроконечных шлемах и позолоченных кольчугах вступали в ущелье, узкий распадок был полностью забит скопищем людей и коней; сражающиеся спибались грудь в грудь, отбиваясь короткими ножами, нанося смертельные удары, когда удавалось размахнуться в такой толчее. Упавшие воины уже не поднимались, затоптанные сотней копыт. В такой битве все решала грубая сила, а вождь афгулов имел ее за десятерых. В такие минуты люди охотно подчиняются укоренившимся привычкам, и горцы, привыкшие видеть Конана своим вождем, воспрянули духом.

Но численное преимущество все же имело значение. Напирающие сзади ряды туранской конницы теснили передних в глубь узкого ущелья, под сверкающие лезвия сабель афгулов. Горцы медленно пятились, оставляя за собой горы трупов. Сражаясь и убивая, Конан не переставал задавать себе вопрос, от которого стыла кровь: сдержит ли слово Жазмина? Она ведь могла присоединиться к своим воинам и повернуть на юг, бросив киммерийца и афгулов на верную смерть. Но наконец, когда, казалось, прошли годы мучительного сражения, в звоне стали и криках гибнущих прорезался новый звук. С пением труб, от которого затряслись горы, с нарастающим стуком копыт пять тысяч вендийских всадников ударили по коннице Ездигерда.

Один этот удар разбросал туранские полки по сторонам, разбил их, смял и разогнал по всей долине. В мгновение ока волна атакующих подалась из ущелья, туранцы повернулись, чтобы поодиночке либо группами броситься в омут битвы. Но когда пронзенный кшатрийским копьем эмир сполз на землю, наездники в остроконечных шлемах потеряли боевой дух и, ожесточенно погоняя коней, попробовали прорваться сквозь кольцо нападавших. По мере того как их отряды разбегались, победители-вендийцы бросались за ними

в погоню, и вся долина и невысокие склоны были усыпаны отступающими и преследователями. Те из афгулов, которые еще могли держаться в седлах, вырвались из ущелья и присоединились к погоне, без возражений принимая неожиданный союз, так же как они приняли возвращение изгнанного вождя.

Солнце уже пряталось за вершины Химелии, когда Конан в изодранной одежде, в забрызганной кровью кольчуге и с влажным от крови кинжалом в руке прошел через побоище и подошел к Деви Жазмине, ожидавшей его на краю пропасти в окружении своей свиты.

— Деви! — крикнул он. — Ты сдержала слово, хотя, признаюсь, были минуты, когда я думал... Берегись!

Огромный ястреб, как молния, упал с ясного неба, ударом крыла сшибая всадников с седел. Искривленный, как сабля, клюв целил в шею Жазмины, но Конан оказался быстрее: короткий бег, тигриный прыжок, бешеный удар окровавленного кинжала — и ястреб с ужасным человеческим стоном закачался в воздухе, потом рухнул в пропасть, чтобы через тысячу футов разбиться на камнях. Падая и разрезая крыльями воздух, он принял обличье человека в развевающейся черной тоге.

Конан блестящими глазами смотрел на Жазмину. Из многочисленных ран на его мускулистых руках и ногах сочилась кровь.

— И снова ты — Деви,— сказал он, не обратив внимания на столпившийся вокруг нее цвет рыцарства и осклабившись при виде окаймленного золотом, тонкого, как паутинка, покрова, который она набросила на платье горской девушки.— Я должен поблагодарить тебя, ты спасла более трех сотен моих бандитов, которые убедились, что я не предавал их. Благодаря тебе я снова могу думать о завоеваниях.

— Я по-прежнему должна тебе выкуп,— сказала она, глядя на него сверкающими глазами.— Я заплачу тебе десять тысяч штук золота...

Он оборвал ее резким, нетерпеливым жестом и, вытерев кинжал, засунул его в ножны.

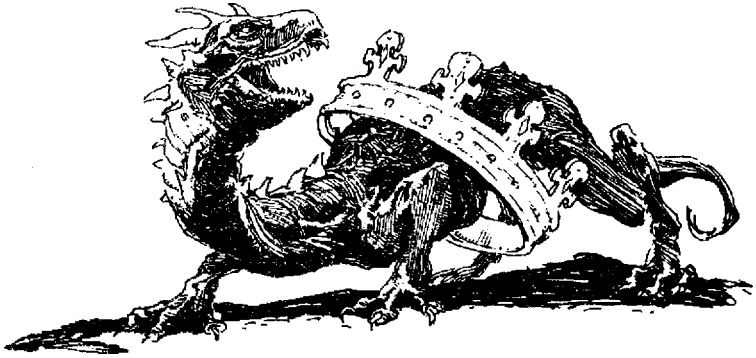
— Я сам возьму выкуп,— заявил он,— и сам определю способ и время оплаты. Я получу его в твоем дворце в Айодии, а приеду туда с пятьюдесятью тысячами воинов,— хочу быть уверенным, что получу все сполна.

Она засмеялась, натянув поводья.

— А я встречу тебя на берегу Юмды со ста тысячами!

Глаза Конана выражали восхищение и восторг, когда он отодвинулся в сторону и повелительным жестом поднял руку, показывая Жазмине — путь свободен.

Час Дракона



К небу взвивается знамя со львом, падает в гибельный мрак.
С шелестом крыл пролетает дракон, в грозных рожденный ветрах.
Груды пробитых, раздавленных тел, блеск исковерканных лат —
В поле, где с треском ломалось копье, с лязгом крошился булат.
Сон вдруг покинул забытых богов, пыль обвалилась с ресниц,
Ощупью мертвые руки нашли выход из горных темниц.
Звезды бледнеют, предчувствуя ад; смертные обречены.
Час торжества наступает для вас, ночи и страха сыны.

1

СПЯЩИЙ, ПРОБУДИСЬ!

Дрогнуло пламя длинных тонких свечей. По стенам заметались черные тени. Всколыхнулись бархатные занавеси, потревоженные неосязаемым дуновением. Четверо мужчин стояли у стола из черного дерева, на котором покоился зеленый нефритовый саркофаг. В четырех воздетых руках горели зловещим сине-зеленым огнем черные свечи. Снаружи была ночь, слышался стон ветра, блуждающего меж голых деревьев.

© Перевод М. Семёновой.

Напряженная тишина царила в чертоге, лишь тени беззвучно метались по стенам. Четыре пары горящих глаз неотрывно смотрели на саркофаг, на поверхности которого корчились таинственные иероглифы, будто оживая в неверном блеске свечей.

Человек, стоявший в изножье саркофага, склонился над ним и повел свечой, словно пером, чертя в воздухе мистический символ. Затем он вставил свечу в подсвечник чернёного золота подле саркофага и, пробормотав некую формулу, недоступную слуху сообщников, опустил широкую белую руку в складки мантии, отороченной мехом. Когда он извлек руку, всем показалось, будто он держит на ладони сгусток живого огня.

Трое других приглушенно ахнули.

— Сердце Аримана! — прошептал темноволосый крепкий мужчина, стоящий у изголовья саркофага.

Державший камень тотчас вскинул руку, призывая всех к тишине.

Где-то далеко тоскливо завыла собака, по ту сторону надежно запертых дверей послышались крадущиеся шаги. Но ни один из четверых не отвел взгляда от крышки саркофага, над которой человек в отделанной горностаями мантии водил в воздухе огромным пламенеющим камнем, вполголоса произнося заклинание. Слова заклинания были древними еще в те времена, когда море сомкнулось над Атлантидой. Сияние камня слепило глаза; никто не понял, что именно произошло, но резная крышка с внезапным грохотом разлетелась на части, раздробленная чудовищной силой, рвущейся изнутри. Четверо мужчин тотчас склонились над саркофагом, с жадностью разглядывая сморщенную, иссохшую мумию. Сквозь истлевшие повязки виднелась бурая кожа, туго натянутая на кости. Руки и ноги мумии походили на ветви мертвого дерева.

— И ты хочешь оживить это? — Коротышка, стоящий по правую руку, сопроводил свои слова коротким язвительным

смешком.— Да оно же рассыпется от прикосновения! Мы глуп...

— Тихо! — повелительно прошипел держащий огненную драгоценность.

Его глаза были расширены, на высоком бледном лбу выступил пот. Он наклонился и, не прикасаясь руками, опустил на грудь мумии пламенеющий камень. Потом отступил назад, не сводя с нее напряженного, почти яростного взгляда. Его губы шевелились, беззвучно произнося слова волшебства.

Сияющий камень, мерцая, сверкал на безжизненной, иссохшей груди. Но вот смотревшие изумленно втянули воздух сквозь плотно сжатые зубы. Ибо прямо на глазах у них началось жуткое преображение. Мумия начала расти, наливаться, обретая плоть. Повязки рвались на ней, рассыпаясь коричневой пылью. Распрямлялись усохшие члены. Постепенно светлела бурая кожа...

— О Митра! — прошептал стоящий слева высокий желтоволосый мужчина.— По крайней мере, он не был стигийцем! Хотя бы в этом мы не ошиблись.

И вновь воздетый палец, дрожа, призвал к тишине. Собака снаружи больше не выла. Она скулила, словно ей приснился дурной сон; потом стих и скулеж, зато желтоволосый явственно расслышал скрип двери — так, словно с той стороны на нее навалилась неодолимая сила. Он уже начал поворачиваться, протягивая руку к мечу...

— Остановись! — прошипел человек в горностаевой мантии.— Не разрывай цепи! И не подходи к двери, если тебе дорога жизнь!

Пожав плечами, желтоволосый повернулся обратно — и замер, потрясенный увиденным. В нефритовом саркофаге лежал живой человек — высокий, хорошо сложенный, нагой мужчина с белой кожей, темными волосами и бородой. Он лежал неподвижно, открытые глаза были бессмысленны, точно у новорожденного. Камень искрился и пылал у него на груди.

Человек в горностаях слегка пошатнулся, точно сбрасывая с плеч непосильную тяжесть.

— О Иштар! — выдохнул он.— Он в самом деле Ксальтотун! И действительно ожил! Валерий, Амальрик, Тараск! Вы видите? Видите? Вы сомневались во мне, но я справился! Да, нынче мы вплотную приблизились к раскрывшимся вратам преисподней, силы тьмы дышали нам в спину — о, они до последнего следовали за ним. И все-таки мы сделали это! Мы вернули к жизни величайшего из колдунов...

— И несомненно, обрекли свои души на вечную муку,— пробормотал смуглый коротышка Тараск.

Желтоволосый Валерий рассмеялся резким, неприятным смехом:

— Какие муки могут быть горше жизни? Считай, все мы прокляты с колыбели. Да и кто откажется продать свою жалкую душонку за трон?

— В его взгляде нет разума, Ораст,— сказал здоровяк.

— Он только что пробудился,— ответил Ораст.— Разум еще пуст после долгого сна... какое там сна — ведь он был мертв! Мы вызвали его дух из бездны тьмы и забвения. Надо поговорить с ним.

Он наклонился над саркофагом и, вперив взгляд в широко раскрытые темные глаза лежавшего внутри, медленно произнес:

— Пробудись, Ксальтотун!

Губы воскрешенного дрогнули и шевельнулись.

— Ксальтотун? — повторил он неуверенным шепотом, словно ощупывая перед собою дорогу.

— Ты — Ксальтотун! — старательно убеждал Ораст ожившего колдуна.— Ты — Ксальтотун из Пифона, города в Ахероне.

Далекое пламя встрепенулось в темных глазах.

— Я тот, кто был Ксальтотуном,— послышался шепот.— Я мертв.

— Ты — Ксальтотун! — вскричал Ораст.— Ты не мертв более. Ты — жив!

— Я — Ксальтотун,— жутко прошелестело в ответ.— Но я умер. Там, в Стигии, в городе Кеми, в своем доме.

— И отравившие тебя жрецы забальзамировали твое тело, не тронув ни единого органа! — воскликнул Ораст.— Велико было их черное искусство, но теперь ты снова живешь! Сердце Аримана вернуло тебе жизнь, возвратив твой дух из пустых пространств вечности.

— Сердце Аримана! — Огонек воспоминания разгорелся ярче.— Варвары похитили у меня...

— Память возвращается к нему,— пробормотал Ораст.— Поднимите его из саркофага!

Остальные повиновались после некоторого колебания. Нехотя прикоснулись они к ими же воссозданному человеку. Их пальцы ощутили твердую, мускулистую плоть, пышущую полнокровной жизнью, но легче от этого никому почему-то не стало. И все-таки они усадили древнего колдуна. Ораст же обрядил его в темно-фиолетовую мантию, усыпанную золотыми звездами и полумесяцами, а потом повязал ему на голову златотканую ленту, перехватив волнистые черные пряди, падающие на плечи. Оживший не воспротивился ни словом, ни жестом; дал усадить себя в высокое кресло, напоминавшее трон, с высокой спинкой черного дерева, серебряными подлокотниками и ножками в виде когтистых позолоченных лап. Он сидел неподвижно, лишь в темных глазах медленно разгорался разбуженный разум. Казалось, два затонувших светоча всплывали со дна бездонных колодцев, наполняя странным свечением полонившую их тьму.

Ораст исподтишка покосился на сообщников, с болезненным интересом вглядывавшихся в своего удивительного гостя. У этих людей были железные нервы: они выдержали испытание, способное свести с ума человека менее закаленного. Ораст знал с самого начала: он сговаривался с воинами, чье проверенное мужество не уступало способности к злу, которая таилась в их душах, и необузданному власто-

любию, способному смести любые законы. Ораст вновь обратил взгляд на человека, занявшего черный трон. Как раз в это время тот наконец заговорил.

— Я помню...— произнес он сильным, звучным голосом по-немедийски, со страшным архаичным акцентом.— Я — Ксальтотун. Я был верховным жрецом Сета в городе Пифона, что в Ахероне. Сердце Аримана... мне приснилось, будто оно снова обретено. Где оно?

Ораст вложил кристалл ему в руку, и великий маг глубоко вздохнул, вглядываясь в глубины камня, пылающего у него на ладони страшным огнем.

— Давным-давно Сердце похитили у меня,— проговорил он.— Алое Сердце ночи, властное спасти или проклясть. Издалека прибыло оно, из дальних времен. Никто не мог противостоять мне, пока оно находилось у меня. Но его похитили, и пал Ахерон, я же изгнанником бежал в мрачную Стигию. Я многое помню, но многое и позабыл... Я пребывал в далеком краю, за непроницаемыми туманами, за безбрежными океанами мрака. Какой теперь год?

— Завершается год Льва,— ответил Ораст,— со времени падения Ахерона минуло три тысячи лет.

— Три тысячи лет! — пробормотал маг.— Так долго! Но кто вы такие?

— Я — Ораст, бывший когда-то жрецом Митры. Он — Амальрик, барон Тора, что в Немедии, это — Тараск, младший брат немедийского короля, а высокий молодой человек — Валерий, законный наследник престола Аквилонии.

— Зачем вы вернули меня к жизни? — спросил Ксальтотун.— Чего вы от меня хотите?

Теперь не могло быть никакого сомнения — он воистину ожил: пристальный взгляд говорил о деятельной работе ясного, бодрствующего ума. Да и в поведении не осталось и намека на неуверенность и сомнение. Его вопрос был прям: должно быть, он хорошо знал — люди не склонны давать что-либо даром. Ораст ответил ему с той же прямотой:

— Сегодня мы отворили врата преисподней и, освободив твою душу, вернули ее в тело, ибо нам нужна твоя помощь. Мы хотим, чтобы Тараск взошел на трон Немедии, а Валерий завладел короной Аквилонии. Твое искусство некроманта должно нам помочь.

Но цепкий ум Ксальтотуна не пропускал ни единой мелочи.

— Ты, Ораст, и сам наверняка не новичок в нашем искусстве, раз уж сумел меня воскресить. Как вышло, что жрец Митры умело пользуется Сердцем Аримана и заклинаниями Скелоса?

— Я более не жрец Митры,— ответил Ораст.— Занятия черной магией послужили причиной моего изгнания из Ордена. Если бы не присутствующий здесь Амальрик, меня, всего вероятнее, сожгли бы как колдуна. Лишение жреческого сана, однако, развязало мне руки, и я приступил к дальнейшим занятиям. Я объехал Замору, Вендию и Стигию, я прошел населенные призраками джунгли Кхитая. Я читал книги Скелоса, переплетенные в железо, спускался в глубочайшие колодцы и беседовал с незримыми существами. Безликие видения говорили со мной в смрадной черноте джунглей. Наконец во внутренней Стигии, в посещаемых демонами подземельях гигантского храма Сета, мне попался на глаза твой саркофаг. Я изучил искусство, способное вдохнуть жизнь в твое иссохшее тело. Изъеденные плесенью манускрипты поведали мне о Сердце Аримана... Целый год потратил я на его поиски — и вот оно здесь!

— Тем непонятнее, зачем тебе понадобилось возиться со мной.— Ксальтотун не сводил с Ораста пронизывающего взгляда.— Почему ты сам не использовал силу, заключенную в Сердце?

— Потому,— ответствовал жрец,— что сегодня его секретов не знает никто. Даже легенды прошлого ни единым намеком не говорят о том, как пробудить мощь камня. Я знал только одно — Сердце способно возвратить жизнь, но бо́ль-

шие откровения мне недоступны. Я смог использовать его лишь для того, чтобы воскресить тебя. Нам нужны твои познания, Ксальтотун. Лишь ты знаешь Сердце и его жуткие тайны!

Ксальтотун покачал головой, задумчиво вглядываясь в рдеющие глубины камня.

— Мои некромантические познания в самом деле превосходят познания всех прочих людей, вместе взятых,— сказал он наконец.— Но и я в полной мере не овладел силой кристалла. В прежней жизни я и не пытался взывать к Сердцу — лишь хранил его, чтобы оно не было использовано против меня. Когда же по прошествии лет камень все-таки похитили, то в руках убранного перьями шамана дикого племени оно развеяло всю мою магическую мощь... Потом Сердце исчезло неведомо куда, я же был отравлен стигийскими жрецами, так и не успев его отыскать.

— Оно хранилось в пещере под храмом Митры в Тарантии,— сказал Ораст.— Найдя твои останки в подземном храме Сета, я одолел еще немало извилистых путей, прежде чем мне удалось обнаружить Сердце. Заморийские воры, отчасти защищенные моими заклятиями,— лучше не упоминать, где я их вычитал,— выкрали твой саркофаг из самых котлов тех, что охраняли его во мраке. Долго путешествовал он с караваном верблюдов, на галере, на повозке, запряженной быками, и прибыл наконец сюда, в этот город. Те же воры — вернее, уцелевшие в исполненном ужасов путешествии — похитили и Сердце Аримана из охраняемой демонами пещеры под храмом Митры. Вся их ловкость, все могущество моих заклинаний едва не оказались бессильны... Лишь один сумел выбраться живым из проклятого подземелья. Из рук в руки передав мне камень, он умер в мучениях, пытаясь в предсмертном бреду рассказать все ужасы, представшие его глазам... Во всем свете нет людей, столь же верных данному слову, как заморийские воры! И даже с помощью моих заклинаний никто, кроме них, не был способен выкрасть Серд-

це из тайника, в котором демоны тьмы стерегли камень три тысячи лет со дня падения Ахерона!

Откинув голову, Ксальтотун уставился немигающим взглядом в пространство, словно пытаясь прозреть минувшие века.

— Три тысячи лет! — повторил он.— Сет всемогущий! Поведайте же мне, что переменилось в мире!

— Варвары, уничтожив Ахерон, основали новые королевства,— начал рассказывать Ораст.— На развалинах империи возникли три державы — Аквилония, Немедия и Аргос, называемые так по основавшим их племенам. Древние королевства Офира, Коринфии и западного Кофа, подчинявшиеся когда-то ахеронским владыкам, с распадом империи вновь обрели независимость.

— Что же сталось с ахеронским народом? — спросил Ксальтотун.— Когда я бежал в Стигию, Пифон лежал в руинах и сандалии варваров попирали залитые кровью города Ахерона — великие города!

— В горах еще живут разрозненные племена, которые похваляются, будто ведут свой род от ахеронцев,— ответил Ораст.— Все остальные были сметены с лица земли моими предками-варварами. Видишь ли, они достаточно натерпелись в те времена от королей Ахерона.

Жестокая и жуткая улыбка искривила губы пифонца.

— О да! Множество варваров — мужчин и женщин,— крича от ужаса, умерло на алтарях под этой самой рукой! Я видел, как на главной площади Пифона складывались пирамиды из их голов, когда короли возвращались из походов на запад, везя добычу и ведя толпы нагих пленников.

— О да,— кивнул головою Ораст.— И когда настал день возмездия, мечи не ведали отдыха. Итак, Ахерон пал, а Пифон с его пурпурными башнями стал всего лишь полузабытой легендой. Но на руинах родились и возвысились юные королевства. И вот мы вызвали тебя из прошлого, дабы ты помог нам управлять этими королевствами. Быть может,

ты не найдешь в них чудес древнего Ахерона, и все-таки они могучи, богаты и вполне заслуживают того, чтобы сражаться за них. Смотри! — И Ораст развернул перед магом карту, с немалым искусством нарисованную на тонком пергаменте.

Ксальтотун, только взглянув, в изумлении встряхнул головой:

— Я смотрю, изменились самые очертания земли! Так нечто знакомое иной раз видишь во сне неузнаваемо искаженным...

И тем не менее,— указывая пальцем, продолжал Ораст,— вот Бельверус, столица Немедии, где мы ныне находимся. А вот здесь пролегли границы Немедии. На юге и юго-востоке лежат Офир и Коринфия, к востоку — Бритуния, а на западе — Аквилония.

— Это карта мира, который мне совсем незнаком,— еле слышно прошептал Ксальтотун.

Но от Ораста не укрылся зловещий огонек ненависти, промелькнувший в темных глазах.

— Это карта мира, который ты поможешь нам изменить,— сказал он магу.— Для начала нам требуется посадить Тараска на трон Немедии. Мы хотим достичь сего без борьбы и таким образом, чтобы даже тени подозрения не пало на нашего ставленника. Нам не нужна гражданская война, она опустошила бы страну. А нам следует беречь силы для завоевания Аквилонии. Если король Немедии и его сыновья умрут естественной смертью — скажем, от чумы,— Тараск, будучи ближайшим наследником, взойдет на трон без какого-либо сопротивления.

Ксальтотун молча кивнул, и Ораст продолжил:

— Следующая наша задача много трудней. Невозможно возвести Валерия на аквилонский трон без войны. Между тем эта страна очень грозный противник. Она населена воинственным и стойким народом, закаленным в постоянной борьбе с пиктами, зингарцами и киммерийцами. Пятьсот лет Аквилония и Немедия то и дело воюют между собой, и последнее слово неизменно оставалось за аквилонцами.

Теперешний же их король — самый знаменитый воин западных стран. Он чужестранец, обычный искатель приключений, силой захвативший корону во время народной смуты. Собственными руками он задушил короля Нумедидеса прямо на троне. Его имя Конан. Говорят, в бою перед ним не может выстоять ни один человек. Истинным наследником аквилонского трона остается Валерий: он состоит в родстве с прежней династией, но был сослан Нумедидесом и много лет прожил в изгнании. Тем не менее многие аквилонские бароны втайне приветствовали бы свержение Конана, ибо в нем нет ни капли благородной крови, не говоря уже о королевской. Увы, простые люди и дворянство внешних провинций верны Конану беззаветно. И все-таки, если войска Конана будут разгромлены в неизбежном сражении, а сам он убит, полагаю, сделать Валерия королем будет нетрудно. Ведь Конан не принадлежит к какой-либо династии — он всего *лишь авантюрист-одиночка*!

— Хотел бы я взглянуть на этого короля,— задумался Ксальтотун, поглядывая на серебристое зеркало, вставленное в стенную панель.

В зеркале ничего не отражалось, но, судя по выражению лица Ксальтотуна, он прекрасно понимал его назначение. Ораст кивнул головой с гордостью ремесленника, удостоившегося похвалы великого мастера.

— Постараюсь показать,— сказал он.

И, усевшись перед зеркалом, принялся вглядываться в стеклянные недра, где через некоторое время замаячила смутная тень. Со стороны это могло показаться чудом, но Ксальтотун знал, что зеркало всего лишь отражало мысль Ораста — точно так же, как магический кристалл воплощает идею волшебника.

Расплывчатая тень неожиданно обрела удивительно ясные очертания. Взглядам смотревших предстал широкоплечий гигант, разодетый в шелка и бархат, как и положено королю: царственные львы Аквилонии горели золотом у него на груди, а густую гриву черных волос венчала корона. Но

под шелками перекатывались железные мышцы, и громадный меч у бедра подходил ему гораздо больше, нежели королевские атрибуты. Под широким лбом горели неукротимым пламенем ярко-синие глаза. Его лицо было лицом воина: смуглое, иссеченное шрамами, оно выглядело достаточно зловеще, а бархатные одежды не могли скрыть грозной, стремительной мощи.

— Этот человек не принадлежит к хайборийской расе! — воскликнул Ксальтотун.

— Он киммериец, один из тех дикарей, что живут на севере, на окутанных мглою горах.

— Когда-то мне приходилось сражаться с его предками,— пробормотал Ксальтотун.— Даже короли Ахерона не сумели их покорить...

— Они и по сей день остаются сущим проклятием для южных соседей,— ответил Ораст.— Конан же — истинный сын своего народа. До сих пор его никто не мог победить.

Ксальтотун промолчал. Он смотрел вниз, в алое пламя, трепетавшее и бившееся у него на ладони. Снаружи опять завыла собака — протяжно, с безысходной тоской...

2

ДУНОВЕНИЕ ТЬМЫ

Начало года Дракона ознаменовалось войной, мором и смутой. Тень смерти бродила по улицам Бельверуса, не щадя ни купца за прилавком, ни раба в его хижине, ни рыцаря за пиршественным столом. Лекари беспомощно разводили руками, в народе же говорили, что адское наказание ниспослано свыше — за грехи прелюбодеяния и гордыни. Болезнь разила по-змеиному смертоносно и быстро. Тело жертвы покрывалось лиловыми пятнами, затем быстро чернело. Несколько минут — и человек валился наземь в агонии и, прежде чем смерть уносила прочь душу, успевал ощутить смрад гниения собственного тела. Жаркий южный ветер завывал над страной, в полях иссыхал урожай, скот падал и не мог больше подняться.

Люди в слезах призывали Митру, бога солнечной справедливости, и шепотом винили во всем короля. Ибо по Немедии прошел слух, будто в ночной тиши дворца Нимед со-

вершал запретные обряды и предавался отвратительным оргиям. А потом смерть, ухмыляясь, вступила и во дворец, и жуткие испарения клубились у ее ног. В одну ночь умерли король Нимед и трое его сыновей, и грохот траурных барабанов заглушил мрачное позвякивание колокольчиков на тележках, что тащились по улицам, подбирая разлагающиеся трупы...

В ту же ночь, перед самым рассветом, губительный ветер, дувший несколько недель кряду, перестал зловеще шуршать шелковыми занавесками. С севера примчался ураган и с ревом обрушился на городские башни. Молнии слепили глаза, чудовищный гром сотрясал землю и небо, стеной надвигался ливень. Утро, однако, занялось чистое, умытое и зеленое; обожженная зноем земля на глазах укутывалась травой, жаждущие хлеба напились и воспряли, и — самое главное — прекратился мор: могучий ураган бесследно развеял заразу.

По мнению народа, боги удовлетворились гибелью нечестивого Нимеда и его потомства. И когда Тараск, младший брат покойного, венчался на царство в громадном коронационном зале, башни Бельверуса содрогались от восторженных криков толпы. Немедийцы были счастливы — теперь на трон взошел король, на котором пребывала милость богов.

Вихрь праздничного веселья и воодушевления прокатился из конца в конец по стране; не стоит удивляться, когда следом за подобными вспышками разражается завоевательная война. Никто и не удивился, когда король Тараск отменил перемирие, заключенное предшественником с западным соседом, и начал собирать войска для нападения на Аквилонию. Глашатаи на всех перекрестках кричали о благородных целях этой войны. Король Тараск намеревался заступиться за Валерия, объявляя его единственным законным престолонаследником. Не врагом, но другом шел он на Аквилонию, желая спасти народ от тирании узурпатора, к тому же чужестранца.

Кое-кто, конечно, криво усмехался, выслушивая подобное; кое-где передавался из уст в уста некий слушок, касавшийся закадычного королевского друга Амальрика, чье неизмеримое личное богатство, похоже, щедрой рукой лилось в изрядно-таки поиздержанную казну дворца... Но таков был почти религиозный восторг черни, боготворившей Тараска, что мало кто обращал внимание на подобные разговоры. А если иные умные головы и посещала грешная мысль — уж не Амальрик ли истинный правитель Немедии?..— у таких умников хватало осторожности не высказываться вслух. Так что подготовка к войне шла своим чередом при полном одобрении народа.

Собрав союзников, король двинулся на запад во главе пятидесятитысячного войска. Сверкали рыцарские доспехи, развевались над гордыми шлемами цветные султаны, мерно шагали арбалетчики в кожаных куртках и копейщики в нагрудниках и стальных касках. Вступив в аквилонские пределы, они взяли пограничный замок и сожгли три деревеньки в горах. Но всего в десяти милях от границы, в долине реки Валкий, перед ними стеной встали войска Конана, короля Аквилонии,— сорок пять тысяч рыцарей, лучников и простых воинов, цвет и слава аквилонского оружия. Лишь рыцари Пуантена, ведомые графом Троцеро, еще не подоспели из отдаленного юго-западного угла королевства, где лежали их земли. Тараск ударил без предупреждения: нашествие последовало сразу за его воззваниями к народу, без объявления войны.

Два войска расположились друг против друга в обширной неглубокой долине, окаймленной отвесными скалами. Берега обмелевшей реки, извивавшейся по дну долины, заросли ивами и тростником. Слуги и повара с обеих сторон, идя за водой, выкрикивали оскорбления и кидались камнями через реку.

Последние лучи солнца играли на золотом, с вышитым алым драконом знамени Немедии. Оно развевалось на вет-

ру у палатки короля Тараска на холмике возле утесов, ограничивающих долину с востока. Но тень западных скал широким пурпурным покровом окутала шатры аквилонцев и черный с золотым львом стяг, реявший над палаткой их короля.

Ночью по всей долине горели костры, а ветер нес зов боевых труб, лязганье оружия и резкие оклики часовых, которые шагом разъезжали туда и сюда вдоль заросших плакучими ивами берегов.

Содрогнувшись всем телом, проснулся король Конан и с коротким криком вскинулся на постели, хватаясь в предрассветном мраке за меч. Полководец Паллантид, вбежавший в шатер, обнаружил своего короля сидящим на ложе — а ложе это, правду сказать, представляло собою всего лишь шелк и меха, брошенные на деревянный топчан. Ладонь Конана сжимала рукоять меча, на необычно побледневшем лице блестели капли пота.

— Государь! — воскликнул Паллантид.— Что случилось?

— Что в лагере? — спросил Конан.— Часовых выставили?

— Пятьсот всадников не спускают глаз с реки, государь,— ответствовал полководец.— Немедийцы не пробовали воспользоваться темнотой. Как и мы, они ждут рассвета.

— О Кром! — пробормотал Конан.— Я проснулся с таким чувством, точно злой рок готов свершиться надо мною в ночи.

И он поднял глаза к огромному золотому светильнику, заливающему мягким сиянием ковры и бархатные занавеси, составлявшие убранство большого шатра. Они с Паллантидом были одни — никакой паж или слуга не спал на коврах возле королевского ложа. Но глаза Конана горели тем особым огнем, что вспыхивал в них в минуты величайшей опасности, а меч подрагивал в могучей руке.

— Прислушайся! — прошипел король.— Слышишь? Крадущиеся шаги...

— Семь рыцарей охраняют твой шатер, государь,— сказал Паллантид.— Никто не сможет приблизиться к нему незаметно.

— Снаружи — да,— проворчал Конан.— Но, по-моему, шаги раздавались *внутри*!

Изумленный Паллантид быстро обежал глазами шатер. По углам бархатные занавеси тонули в густой тени, и тем не менее, если бы там прятался кто-нибудь лишний, полководец разглядел бы. Он покачал головой:

— Здесь никого нет, господин мой. Да и откуда бы? Ты спишь посреди верного тебе войска.

— Я видел, как смерть поразила короля посреди тысячной толпы,— пробормотал Конан.— Она кралась незримо...

— Должно быть, государь, тебе сон привиделся,— в немалом смущении сказал Паллантид.

— Вот именно,— буркнул Конан.— И страшен был этот сон. Нынче ночью я заново прошагал весь тот долгий и трудный путь, что привел меня к аквилонской короне.

Он умолк. Паллантид смотрел на него, не решаясь заговорить. Король оставался неразгаданной загадкой для полководца, как, впрочем, и для большинства своих цивилизованных подданных. Паллантид знал: много странных и страшных дорог было в богатой на приключения жизни короля, прежде чем каприз судьбы усадил его на аквилонский престол!

— Я вновь видел поле битвы, на котором родился,— задумчиво подперев огромным кулаком подбородок, заговорил Конан.— Я видел себя в набедренной повязке из шкуры пантеры, мечущим копье в горного зверя. Я снова был наемником, гетманом козаков с реки Запорожки, корсаром, опустошавшим берега Куша, пиратом с Барахских островов и вождем горцев Химелии... Все эти люди, которыми я когда-то был, прошли передо мною в ночи, и шаги их отбивали

мне похоронный марш по гулкой земле. И клубились, летя сквозь мой сон, ужасные призраки, и далекий голос издевался надо мной... Под конец же я увидел себя лежащим на своей постели, а надо мной склонилась бесформенная фигура, закутанная в покрывало. Я не мог шевельнуться... и вот откинулся капюшон, и ухмыляющийся череп уставился мне в лицо. Тогда-то я и проснулся!

— Недобрый сон, государь,— поневоле содрогнувшись, сказал Паллантид.— Но это всего лишь сон, и не более!

Конан покачал головой, не отрицая, но и не соглашаясь. Он происходил из варварского народа и, соприкоснувшись с цивилизацией, отнюдь не утратил инстинктов и суеверий, унаследованных от предков.

— Я видывал немало дурных снов,— сказал он,— и большинство их было бессмысленно. Но, клянусь Кромом, нынешний не таков! Хотелось бы мне, чтобы скорей началась и кончилась эта битва, и кончилась победоносно. Дурное предчувствие снедает меня с тех самых пор, как от черного мора скончался король Нимед. Почему с его смертью прекратился мор?

— Люди говорят, его непотребства...

— Люди, как обычно, глупы,— перебил Конан.— Если бы мор поразил всех, кто грешил,— именем Крома, некому было бы пересчитывать уцелевших! Жрецы внушают нам, что боги справедливы,— так если мор послали в наказание королю, с какой стати богам поражать пять сотен крестьян, купцов и дворян прежде, чем добраться до Нимеда? Или они разили вслепую, подобно воинам, угодившим в туман? Клянусь Митрой! Если бы я действовал так же, у аквилонцев давно уже был бы новый король! Нет, Паллантид, черный мор не обыкновенная зараза. Я знаю: он таится во тьме стигийских гробниц, и лишь маги способны его вызывать. Я был воином в армии принца Альмарика и участвовал в стигийском походе. Из тридцати тысяч воинов пятнадцать

тысяч пали под стигийскими стрелами, а остальных унес точно такой же мор, налетевший с юга на крыльях черного ветра. Я единственный, кто остался в живых.

— Но в Немедии умерло всего лишь пять сотен, — возразил Паллантид.

— Тот, кто вызвал мор, сумел и остановить его по своей воле,— отрезал Конан.— Я уверен, за всем этим таится какой-то план. Кто-то распространил мор, а затем прекратил... когда Тараск благополучно взошел на трон, приветствуемый как избавитель страны от гнева богов! Кром! Нет, здесь не обошлось без могучего и насквозь черного разума. Скажи-ка мне, что говорят о том чужестранце, с которым, по слухам, все время советуется Тараск?

— Его лицо скрыто вуалью,— отвечал Паллантид.— Говорят, он чужестранец, прибывший из Стигии.

— Из Стигии! — хмурясь, повторил Конан.— Я бы сказал, скорее из преисподней... Э, а это еще что такое?

— Трубы немедийцев! — вскричал Паллантид.— А теперь и наши трубят! Наступает рассвет, государь, полководцы выстраивают войска для битвы! Да пребудет над нами благословение Митры, ибо многие уже не увидят, как солнце опустится за хребты...

— Оруженосцев ко мне! — Конан быстро вскочил на ноги, сбрасывая бархатный халат; близость боя, казалось, рассеяла мрачные предчувствия короля.— Иди к войску и проследи, все ли готово. Я подойду, как только надену доспехи.

Цивилизованные люди, которыми он повелевал, никак не могли объяснить себе иные привычки своего короля — в частности, его настойчивое стремление почевать одному в покое или шатре. Паллантид вышел, лязгая доспехами, надетыми еще в полночь. Быстрым взглядом окинул пробудившийся лагерь: повсюду звякали кольчуги, меж длинных рядов палаток шевелились неясные тени людей. Звезды еще украшали западную половину неба, но на востоке уже трепе-

тали розовые знамена рассвета, и на их фоне вздымались и опадали шелковые складки немедийского флага с вышитым на нем драконом.

Покинув Конана, Паллантид направился к небольшой палатке поблизости, в ней ночевали королевские оруженосцы. Разбуженные трубами, они один за другим выскакивали наружу. Паллантид как раз собирался поторопить их, но не успел. Из шатра короля послышался крик и тотчас же звук тяжелого удара, а потом — шум падения тела... и негромкий, медленный смех, от которого кровь заледенела в жилах отважного полководца.

Паллантид крутанулся на месте и кинулся обратно в шатер. Крик вырвался у него, когда он увидел могучего государя беспомощно распростертым на коврах. Громадный двуручный меч короля лежал у самой ладони: шатровый столб, перерубленный пополам, красноречиво говорил о том, куда был направлен удар. Паллантид на всякий случай выхватил из ножен собственный меч и тщательно осмотрел все углы. Однако шатер оказался пуст — так же пуст, как и тогда, когда он из него выходил.

— Государь!

Паллантид бросился на колени подле сраженного великана.

Глаза Конана были широко раскрыты. Он узнал верного полководца, губы его шевельнулись, но не смогли издать ни звука. И похоже, он не мог пошевелиться.

Снаружи донеслись голоса. Паллантид быстро поднялся и шагнул к дверной занавеске. Перед ней в ожидании стояли королевские оруженосцы и один из рыцарей, охранявших шатер.

— Мы слышали крик,— извиняющимся тоном обратился к Паллантиду рыцарь.— Надеюсь, с королем ничего не случилось?

Паллантид смерил его пристальным взглядом:

— Ты уверен, что ночью никто не входил в шатер и не выходил из него?

— Никто, кроме тебя, господин мой,— отвечал рыцарь.

У Паллантида не было причин сомневаться в честности охранника.

— Король споткнулся и выронил меч,— коротко сообщил он.— Отправляйся на место.

Когда рыцарь удалился, полководец незаметно поманил к себе шестерых оруженосцев и, впустив их внутрь, плотно задернул вход. Юноши как один побледнели при виде распростертого на полу короля. Быстро вскинув руку, Паллантид заставил их сдержать восклицания.

Сам он вновь склонился над Конаном. Тот страшным усилием сумел оторвать голову от земли. Жилы вздулись на висках и на шее, но все-таки он проговорил, вернее, невнятно пробормотал:

— Тварь... тварь, там, в углу!

Паллантид в ужасе огляделся. Но пламя светильника озарило лишь бледные лица оруженосцев, разбрасывая по углам шатра бархатные тени... Пусто!

— Там ничего нет, государь,— сказал Паллантид.

— Было... там, в углу,— с трудом выговорил король, мотая головой в тщетной попытке подняться.— Человек... или что-то похожее на человека... весь в повязках, как мумия... в истлевшем плаще с капюшоном... Я видел только глаза... он прятался там, в темном углу. Я и его сначала принял за тень, но успел разглядеть глаза. Они блестели, будто два черных алмаза! — Речь короля постепенно становилась яснее.— Я бросился на него, занося меч, но промахнулся вчистую — одному Крому известно, как такое могло произойти! — и снес столб. На миг я потерял равновесие, и он перехватил мое запястье... его пальцы жгли, словно раскаленное железо... Вся сила тотчас покинула меня, а пол словно взмет-

нулся навстречу и ударил, точно дубиной. Он исчез... я остался лежать... будь он проклят, я не могу пошевелиться!

Паллантид поднял бессильную руку исполина, и мурашки побежали у него по спине. На запястье короля сияли отметины длинных, тонких пальцев. Что за рука могла оставить подобный след на столь ширококостном, мускулистом запястье? Паллантид припомнил жуткий, медленный смех, который послышался ему, когда он вбегал в шатер, и капли холодного пота выступили на лбу полководца. Смеялся не Конан!

— Демон...— прошептал один из оруженосцев.— Люди говорят, дети тьмы сражаются на стороне Тараска...

— Тихо! — сурово прервал его Паллантид.

Снаружи меркли звезды, уступая рассвету. С гор потянул легкий ветерок и донес согласный клич тысячи труб. При этом звуке жестокая судорога прошла по телу поверженного гиганта. Вновь мучительно вздулись жилы на висках — Конан силился разорвать невидимые оковы, но не хватало сил.

— Наденьте на меня латы... привяжите меня к седлу! — прошептал он.— Я еще поведу вас в атаку!

Паллантид покачал головой.

— Господин...— Один из оруженосцев коснулся одежды полководца.— Если все узнают о том, что стряслось с государем, мы пропали. Только он мог повести нас сегодня к победе.

— Помогите мне перенести его на постель,— сказал полководец.

Юноши повиновались. Заботливо опустили они беспомощного исполина на меховое ложе и укрыли шелковым плащом. Тогда Паллантид повернулся к шестерым оруженосцам и долго вглядывался в их бледные лица, прежде чем заговорить.

— Запечатаем наши уста печатью молчания: никто не должен узнать о произошедшем здесь, в шатре,— сказал он

наконец.— Ибо от этого зависит судьба Аквилонского королевства! А теперь пусть один из вас приведет сюда Валанна, предводителя пеллийских копейщиков.

Оруженосец, к которому он обращался, поклонился и поспешил вон. Паллантид остался у постели короля. Между тем снаружи ревели трубы, грохотали барабаны, взлетал к рассветному небу гомон многих тысяч людей. Спустя некоторое время вернулся оруженосец и привел с собой человека — высокого, широкоплечего воина, могучим сложением напоминавшего самого короля. У него даже были такие же густые черные волосы, но тем сходство и ограничивалось: в отличие от Конана, сероглазый Валанн совершенно не походил на него чертами лица.

— Внезапная болезнь сразила короля,— кратко пояснил ему Паллантид.— Тебе оказана великая честь: ты наденешь его доспехи и поскачешь в них во главе войск. Никто из воинов не должен знать, что не сам король ведет их вперед!

— За подобную честь и жизнь не жалко отдать,— потрясенно заикаясь, пробормотал Валанн.— Коли будет на то воля пресветлого Митры... А я уж не подведу!

И вот на глазах поверженного короля, в горящем взгляде которого смешались бессильная ярость и унижение, раздиравшие ему сердце, оруженосцы сняли с Валанна шлем, поножи и кольчугу, чтобы взамен того обрядить в королевские вороненые латы и рыцарский шлем с забралом и черным плюмажем, венчавшим навершие в виде крылатого дракона. Поверх лат накинули шелковую мантию с золотыми королевскими львами, вышитыми на груди, и в завершение опоясали Валанна широким мечом с дорогими камнями на рукояти, что висел в парчовых ножнах на ремне с золотой пряжкой.

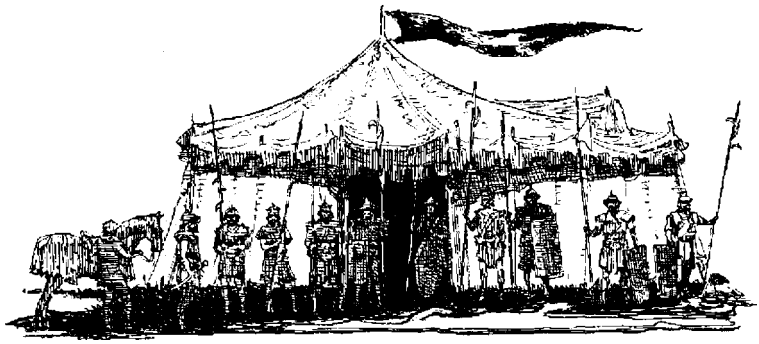
Слаженно трудились оруженосцы, а за стенами шатра перекликались трубы, звенело оружие и разносился низкий гортанный рев: полк за полком выстраивались для боя...

И вот уже полностью снаряженный Валанн преклонил колена и склонил увенчанную плюмажем голову перед королем, недвижно лежавшим в постели.

— Государь мой,— сказал он,— да не попустит Митра, чтобы я обесчестил доспехи, доверенные мне нынче!

— Принеси мне голову Тараска, и я сделаю тебя бароном! — прозвучало в ответ.

Страдание сорвало с Конана тонкий налет цивилизованности, обнажив истинные черты. Он яростно скрипел зубами, глаза его кровожадно горели — сущий варвар, только что спустившийся с киммерийских холмов.



3

И СОДРОГНУЛИСЬ УТЕСЫ...

Когда из королевского шатра появился исполин в черной броне, аквилонское войско уже стояло в полной готовности — длинные, плечом к плечу сомкнутые шеренги пеших копейщиков и всадников, закованных в блестящую сталь. Когда же он вскочил в седло вороного жеребца, с трудом удерживаемого четверкой оруженосцев, войско разразилось восторженным ревом, от которого вздрогнули горы. Рыцари в позолоченных латах, копейщики в кольчугах и шлемах, лучники в кожаных камзолах с длинными луками, зажатыми в левой руке,— все они, потрясая оружием, громовым кличем приветствовали своего воинственного короля.

Войско на другом берегу тем временем не спеша спускалось по отлогому склону к реке. Пряди утреннего тумана завивались вокруг копыт, и мерцала сквозь туман стальная броня.

Аквилонское войско также не спеша двинулось навстречу врагу. Размеренный шаг покрытых панцирями коней сотрясал землю. Утренний ветер расправлял шелковые складки знамен; длинные пики щетинились, словно густой лес; пестрели флажки, развевавшиеся у наконечников.

Королевский шатер осталось охранять лишь несколько суровых воинов, закаленных битвами и умевших держать

язык за зубами. Остался с Конаном и юный оруженосец: он стоял у двери, выглядывая наружу сквозь узкую щелку. Кроме нескольких посвященных, о том, что на громадном жеребце во главе полков скакал вовсе не Конан, во всем многотысячном войске не ведала ни одна живая душа.

Силы аквилонцев были выстроены в обычном для них порядке. В середине помещался ударный кулак — тяжеловооруженные рыцари, по бокам двигались конные латники, усиленные копейщиками и стрелками. Стрелками в аквилонской армии были боссонцы из западных провинций страны — невысокие крепкие люди в кожаных куртках и железных шлемах.

Немедийцы двигались подобным же строем. Два войска приближались к реке, постепенно выдвигая фланги вперед. В центре аквилонского войска, над головой рослого всадника, закованного в вороненую сталь, трепетало и билось королевское знамя — золотые львы на черном поле.

Сам же король Конан стонал от душевной муки на постели в своем шатре, и языческие проклятия сыпались с его языка.

— Войска сходятся, государь,— глядя в щелку, рассказывал ему оруженосец.— Слышишь, трубы гремят? Восходящее солнце слепит мне глаза, отражаясь от шлемов и наконечников копий... Река кажется алой, и, видит небо, ей в самом деле суждено покраснеть еще до вечера!.. Вот вступили на берег... тучи жалящих стрел закрывают солнце, государь! Отлично, лучники! Верх за боссонцами! Слышишь, как кричат?

И действительно, перекрывая рев труб и лязг доспехов, издалека долетел слитный грозный крик, с которым боссонцы одновременно натягивали и спускали тетивы.

— Их арбалетчики пытаются отвлечь наших стрелков и прикрыть своих рыцарей, ибо те уже въезжают в реку,— продолжал оруженосец.— Берега здесь отлогие; я вижу, как боевые кони ломятся сквозь кусты... Клянусь Митрой, наши стрелы не пропускают ни единой щелочки в их броне! Пада-

ют люди, и кони бьются, пытаясь выбраться из воды. Там неглубоко и течения особого нет, но они тонут в тяжелых доспехах, затоптанные мечущимися конями... А теперь двинулись наши! Аквилонские рыцари вступили в реку и рубятся с немедийскими! Вода бурлит, достигая брюха коней, оглушительно гремит меч о меч...

— Кром! — в муке выдохнул Конан.

Жизнь мало-помалу возвращалась в его тело, но подняться с постели по-прежнему не было сил.

— Фланги сошлись,— рассказывал оруженосец.— Копейщики и меченосцы врукопашную бьются в воде, а лучники, стоя позади, стреляют, стреляют... Видит Митра, немедийским арбалетчикам приходится нелегко! А боссонцы, государь, берут прицел повыше, чтобы стрелы падали в глубине вражеских рядов! Их центр не может продвинуться ни на фут, а битва на флангах идет уже на том берегу!

— Кром! Имир и Митра! — метался на постели король.— Боги и демоны! Чего бы я не отдал только за то, чтобы оказаться там,— пусть даже мне было бы суждено погибнуть после первого же удара!

Битва бушевала и гремела до самого вечера того долгого и жаркого дня. Склоны долины содрогались от топота атак и контратак, от посвиста стрел, треска копий и щитов. Аквилонское войско стояло насмерть. Лишь один раз его принудили было откачнуться от берега, но ответный удар рыцарей под королевским черным знаменем, летевшим над гривой вороного коня, быстро восстановил равновесие. Ни дать ни взять — железная крепость высилась на правом берегу речного потока; и наконец охрипший от волнения оруженосец сказал королю, что немедийцы начали отступать.

— Их фланги в смятении, а рыцари уклоняются от рукопашной. Твое знамя двинулось вперед! Рыцари въехали в воду! Клянусь Митрой, Валанн ведет войско на тот берег!

— Глупец! — простонал Конан.— Это может быть и ловушкой! Ему следует просто удерживать позицию, а на рас-

свете Просперо подоспел бы сюда с пуантенскими ополченцами...

— Рыцарей встретил шквал стрел, но они не дрогнули, государь! — возбужденно выкрикивал оруженосец.— Они несутся вперед... они уже на том берегу! Скачут вверх по склону! Паллантид бросил фланги через реку, следом за ними, больше он ничего сделать не может... Знамя со львами плещется и вьется над схваткой... Немедийские рыцари, кажется, решили остановиться и дать отпор... но нет, не выдержали, повернули коней. Их левое крыло беспорядочно отступает, наши копейщики добивают их на бегу! Я вижу Валанна — как он рубится, государь! Никто больше не обращает внимания на Паллантида — все следуют за Валанном. Людям кажется, что это ты, государь, ведь он не поднимает забрала... Но он дерется не так самозабвенно, как может кому-нибудь показаться! Вот он созвал к себе пять сотен рыцарей, цвет нашего войска. Он видит то же, что я отсюда: основные силы немедийцев в панике отступают, но в скалах, прикрывающих их справа, есть теснина, по которой можно выйти к ним в тыл! И всего-то горстка копейщиков прикрывает вход в ущелье! Вот наши прорвались сквозь их реденькую цепочку и скачут прямо туда...

— Засада! — в бешенстве зарычал Конан, шаря по постели руками и пытаясь хотя бы сесть.

— Нет, государь! — захлебывался восторгом юный оруженосец.— Я отлично вижу все немедийское войско! Они попросту забыли про эту теснину! Откуда им было знать, что их оттеснят так далеко? Дурень, дурень Тараск, так оплошал! Я вижу флажки на пиках наших рыцарей, показавшихся с той стороны, за спинами немедийцев. Сейчас они ударят на них сзади и втопчут их в пыль... О Митра! О Митра, что это?

Он пошатнулся, с трудом устояв на ногах; ходуном заходили стены шатра. Издали, сквозь гром сражения, докатился низкий, неописуемо зловещий гул.

— Утесы колеблются, государь! — испуганно завопил оруженосец.— Боги мои, что там? Река вспенилась и вышла из берегов! Качаются горные пики! Земля уходит из-под ног, опрокидывая людей и коней... Скалы! Скалы рушатся, государь!

Чудовищный рокот катящихся глыб заглушил его голос. Ощутимо задрожала земля. Крики смертельного ужаса достигли ушей короля.

— Скалы обрушились, государь! — Лицо юноши стало мертвенно-бледным.— Обвалились прямо в ущелье и раздавили всех... Черное знамя мелькнуло меж падающих валунов... исчезло... Слышен победный клич немедийцев, ну да, ведь они уничтожили пятьсот лучших рыцарей Аквилонии... А это что за крик?

И Конан внятно разобрал многоголосое, отчаянное:

— Король пал! Король пал! Бегите, бегите! Король пал!

— Ложь! — Конан задохнулся от ярости.— Собаки, трусы, скоты! Ох, Кром, если бы я мог встать!.. На четвереньках, с мечом в зубах доползти до реки!.. Что там, мальчик? Неужели бегут?

— Да, государь! — всхлипнул оруженосец.— Мчатся обратно к реке, шпоря коней! Они сломлены, они как пена, несомая ураганом... Государь, Паллантид пытается остановить их, но его сминают... затаптывают! Они бросаются в воду: рыцари, копейщики, лучники — всех перемешало безумное бегство... Немедийцы висят на плечах и косят их, косят...

— Пусть же дадут отпор, выйдя на этот берег! — зарычал король. Кое-как он сумел приподняться на локтях: от страшного усилия пот ручьями потек у него по вискам.

— Нет, государь, они уже не могут! — плакал оруженосец.— Они сломлены... О боги, боги, и зачем я дожил до этого дня! — Но тут он вспомнил о своем долге и окликнул воинов, что непоколебимо стояли охраной вокруг шатра короля, наблюдая за битвой, которую вели их товарищи: — Живо приведите коня и помогите мне усадить в седло государя! Мы не должны здесь задерживаться!

Но прежде чем воины успели выполнить приказание, волна бегущих накатила на лагерь. Рыцари, лучники и копейщики опрокидывали палатки, спотыкались о короба и веревки — а между ними, рубя направо и налево, неслись конные немедийцы. Падали смятые шатры, сразу в нескольких местах вспыхнул огонь, и, конечно, без промедления начался грабеж. Суровые воины, сторожившие королевский шатер, отчаянно отбиваясь, умерли под градом ударов там же, где и стояли, и копыта коней победителей промчались по их изуродованным телам.

Но оруженосец плотно задернул дверную занавеску, и в безумии всеобщей резни никому не пришло в голову, что внутри еще есть кто-то живой. Вверх по долине унеслась кровавая клокочущая волна, и выглянувший наружу оруженосец заметил небольшую группу людей, целеустремленно двигавшуюся прямо к шатру.

— Государь! — прошептал юноша.— Сюда идет сам король немедийский с четырьмя спутниками и оруженосцем! Он хочет сам принять твою сдачу, мой государь.

— К демону сдачу! — заскрипел зубами король.

С величайшим трудом он заставил себя сесть. Спустил ноги с ложа — и встал, качаясь как пьяный. Оруженосец кинулся на помощь, но Конан отпихнул его прочь.

— Дай лук! — прохрипел он, указывая на длинный лук и колчан со стрелами, висевшие на столбе.

— Но, государь...— в величайшем смятении осмелился возразить оруженосец.— Ведь битва проиграна! Тебе надлежит сдаться с достоинством, приличествующим человеку королевских кровей...

— Я не королевских кровей! — зарычал Конан.— Я варвар и сын кузнеца!

Выхватив у юноши лук и стрелу, он кое-как доплелся до выхода из шатра. Он был почти обнажен, если не считать коротких кожаных штанов и рубахи без рукавов, распахну-

той на широченной волосатой груди. Но из-под спутанной гривы черных волос страшным огнем горели синие глаза. Таким грозным мужеством всяло от короля, что оруженосец попятился: благоговея перед своим господином, он боялся его больше, нежели всего немедийского войска.

Шатаясь и широко расставляя ноги, чтобы не упасть, Конан рванул дверную занавеску и вышел наружу, под тент. Король Немедии и его спутники, как раз сошедшие с коней, замерли на месте, с изумлением взирая на неожиданно представшее перед ними видение.

— Я здесь, шакалы! — услышали они рык киммерийца.— Я — король! Попробуйте-ка взять меня, сукины дети!

И прежде чем они успели опомниться, он натянул лук и спустил тетиву. Оперенное древко затрепетало в груди рыцаря, стоявшего подле Тараска.

— Проклятье! — выругался Конан.— Ну? Берите меня, если посмеете!

Покачнувшись на непослушных ногах, он привалился спиной к столбу и обеими руками поднял перед собой меч.

— Клянусь Митрой, это действительно король! — вырвалось у Тараска.

Быстро оглядевшись вокруг, он рассмеялся:

— Тот, другой, был просто одет в его доспехи! Живо вперед, псы! Принесите мне его голову!

Трое воинов — судя по их эмблемам, королевские стражники — ринулись на Конана. Один из них походя взмахнул булавой, замертво уложив беднягу оруженосца. Двоим другим повезло меньше. Первый, подскочивший к аквилонскому королю, едва успел занести меч: Конан встретил его страшным ударом наотмашь. Клинок разрубил звенья кольчуги, как полотно, и отсек руку немедийца вместе с плечом. Тело рухнуло вперед, угодив под ноги товарищу. Тот споткнулся,

выпрямиться ему было не суждено: меч Конана пронзил его насквозь.

Тяжело дыша, Конан высвободил клинок. Короля сотрясала дрожь, широкая грудь тяжело вздымалась, по лицу и по шее ручьями тек пот. Но свирепые глаза вдохновенно горели:

— Иди сюда, бельверусская гнида! Мне до тебя не дотянуться! Подойди и умри!

Тараск замешкался, поглядывая то на уцелевшего воина, то на своего оруженосца — худого и мрачного человека в черной кольчуге. Потом все-таки шагнул вперед. Он намного уступал гиганту киммерийцу силой и статью, но на нем был надет полный доспех, а искусство Тараска как фехтовальщика было известно во всех западных королевствах.

Оруженосец удержал его за руку:

— Не рискуй жизнью понапрасну, мой повелитель. Я позову лучников, и они расстреляют варвара, точно дикого льва.

И никто из них не заметил колесницы, которая подъехала во время схватки и остановилась чуть позади. Один Конан видел ее, и странный холодок пробежал у него по спине. Даже в вороных конях, впряженных в колесницу, смутно угадывалось нечто нездешнее. Но не кони приковали взгляд короля, а человек, стоявший на колеснице. Он был высок и превосходно сложен, облачен в длинное, ничем не украшенное шелковое одеяние. Складки шемитского головного убора скрывали черты лица — видны были лишь темные магнетические глаза. В белых руках угадывалась немалая сила: они твердо держали вожжи, смиряя вздыбливавшихся коней. Чем дольше глядел Конан на незнакомца, тем более внятно предупреждал его первобытный инстинкт. Он явственно ощущал недобрую мощь, исходившую от человека на колеснице. Так высокая трава, волнующаяся в безветренный день, говорит о приближении опасной змеи.

— Привет тебе, Ксальтотун! — обернувшись, воскликнул Тараск.— Смотри, вот аквилонский король! Оказывается, он не погиб под обвалом, как мы полагали.

— Знаю,— ответил Ксальтотун.

И, не позаботившись объяснить, откуда он это знает, спросил:

— И что ты намерен с ним делать?

— Позову лучников, и пусть расстреляют,— сказал немедиец.— Покуда он жив — он слишком опасен!

— И все-таки даже пес бывает полезен,— проговорил Ксальтотун.— Возьмите его живым.

Конан хрипло рассмеялся.

— Иди сюда и попробуй,— предложил он ахеронцу.— Если б не мои ноги, я бы выкорчевал тебя из колесницы, как дровосек дерево. Живым ты меня не получишь!

— Боюсь, он говорит правду,— вставил Тараск.— Он же варвар, бессмысленный и свирепый, точно раненый тигр. Я позову лучников.

— Смотри и учись,— сказал Ксальтотун.

Его рука нырнула в складки одежд и извлекла наружу нечто блестящее — какой-то полированный шарик. Внезапным движением Ксальтотун метнул его в Конана. Киммериец с презрением отмахнулся мечом... но шарик, едва коснувшись клинка, с громким треском взорвался. Полыхнуло слепящее белое пламя, и Конан без сознания рухнул на землю.

— Он мертв? — В тоне Тараска скорее звучало утверждение, а не вопрос.

— Нет,— ответствовал Ксальтотун.— Всего лишь оглушен. Он очнется через несколько часов. Прикажи своим людям связать его по рукам и ногам и бросить в мою колесницу.

Тараск кивнул, и воины исполнили приказание, ворча на неподъемную тяжесть. Ксальтотун набросил на безжизненное тело бархатный плащ, полностью укрыв короля от случайного взгляда, и собрал вожжи.

— Я еду в Бельверус. Передайте Амальрику, что я буду с ним, если понадоблюсь. Но поскольку Конан устранен, а его войско разгромлено, я полагаю, для завершения завоевания хватит и простого оружия смертных. Вряд ли Просперо приведет сюда более десяти тысяч воинов: прослышав о нынешней битве, он, несомненно, отступит к Тарантии. Ни Амальрику, ни Валерию о пленнике не говорите. Пусть думают, что Конана раздавили рухнувшие скалы!

Тут он уставился на королевского стражника и смотрел на него так долго и пристально, что воин принялся нервно переминаться.

— Что это там у тебя на животе? — спросил Ксальтотун.

— Как что? Пояс, с твоего позволения, господин...— ошеломленно выдавил стражник.

— Лжешь! — Смех Ксальтотуна был безжалостен, точно разящий клинок.— Это ядовитая змея. Глупец, ты подпоясался змеей!

Тот наклонил голову, недоуменно тараща глаза, и, к его ужасу, пряжка ремня ощерила истекающие ядом клыки и зашипела ему в лицо. Вместо ремня тело воина опоясывал отвратительный гад. С диким криком стражник ударил ладонью по оскаленной морде, почувствовал, как входят в тело клыки... и, застыв в столбняке, тяжело повалился наземь.

Тараск смотрел на него без всякого выражения. Он видел простой кожаный ремень и пряжку с острым язычком, впившимся в руку воина. Ксальтотун обратил свой гипнотический взор на оруженосца Тараска. Тот затрясся, серея лицом, но король вмешался:

— Не надо. Ему можно доверять.

Чародей натянул вожжи, разворачивая коней:

— Во всяком случае, пусть произошедшее останется тайной. Если я буду нужен, пусть Альтаро, слуга Ораста, вызовет меня, как я научил. Я же буду в твоем дворце в Бельверусе.

Тараск приветственно поднял руку, но выражение его лица, пока он глядел вслед удалявшейся колеснице, было не из приятных.

— Почему он пощадил киммерийца? — прошептал до смерти напуганный оруженосец.

— Я и сам могу лишь предполагать,— проворчал Тараск.

Невнятный шум продолжавшейся битвы скоро стих в отдалении. Закатное солнце венчало утесы пламенеющей алой каемкой, и скоро колесница затерялась в синей тени, надвинувшейся с востока.

4

«ИЗ КАКОЙ БЕЗДНЫ ТЫ ВЫПОЛЗ?»

Долгая поездка на колеснице Ксальтотуна прошла мимо сознания Конана. Он лежал точно мертвец и не слышал, как бронзовые колеса лязгали о камни горных дорог, затем шуршали в густой траве плодородных долин и как, наконец одолев изломанные хребты, эти колеса равномерно застучали *по широкой, вымощенной белым камнем дороге*, вьющейся среди роскошных лугов до самых стен Бельверуса.

Лишь перед рассветом жизнь начала понемногу возвращаться к нему. Он услышал невнятный шум голосов и тяжелый скрип громадных петель. Сквозь разрез бархатного плаща, которым он был накрыт, проник неверный факельный свет. Конан разглядел громадную черную арку ворот и бородатые лица воинов. Пламя факелов играло на их шлемах и наконечниках копий.

— Господин! Чем кончился бой? — с живым интересом спросил кто-то по-немедийски.

— Победой,— был краткий ответ.— Король Аквилонии убит, а войско разбежалось.

Стражники взволнованно зашумели, но все голоса заглушил гром колес, быстро покатившихся по каменным плитам. Бронзовые ободья высекали снопы искр: хлеща кнутом, Ксальтотун погнал своих скакунов под арку ворот. И все-таки Конан расслышал, как один из воинов пробормотал:

— От самой границы до Бельверуса между закатом и рассветом! И кони почти не вспотели! Видит Митра, они...

Однако голоса отдалились, и снова слышались только цокот копыт и стук колес по безлюдной почной мостовой.

Конан запомнил услышанное, но ни одной мысли оно в нем не породило. Он был подобен бессмысленной кукле, которая все видит и слышит, но не способна понять. Свет и звук ничего не значили для него. Потом он вновь впал в глубокую летаргию и лишь смутно почувствовал, как колесница остановилась посередине окруженного высокими стенами двора и множество рук подняли его, понесли куда-то сначала по винтовой каменной лестнице, затем по длинному полутемному коридору. Шепот, осторожные шаги, какие-то непонятные шорохи раздавались кругом... но далеко, далеко, и он был совершенно к ним безразличен.

А потом он пришел в себя окончательно — сразу, толчком, с полной ясностью в голове. Он прекрасно помнил битву в горах и ее исход и вполне представлял себе, где оказался.

Он лежал на бархатном диване, в своей одежде. Но руки и ноги отягощали цепи, которых даже он не мог разорвать. Комната, в которой он находился, была убрана с мрачной роскошью: на стенах красовались черные бархатные шпалеры, на полу — толстые фиолетовые ковры. Ни окон, ни дверей Конан не заметил. Лампа резного золота, подвешенная к высокому потолку, неживым светом заливала чертог.

В неясном свете фигура человека, сидевшего против Конана в серебряном кресле, похожем на трон, казалась не вполне реальной; прозрачная шелковая накидка придавала ей

некую расплывчатость очертаний, но бородатое лицо вырисовывалось ясно и четко, что тоже казалось неестественным в мертвом сиянии лампы. Казалось, странный нимб играл вокруг головы человека, заставляя рельефно выделяться черты, делая их единственной реальностью в таинственном, призрачном покое.

И лицо его было великолепно — точеное, классически прекрасное. Впрочем, в безмятежном спокойствии угадывалось нечто тревожащее: некий намек на сверхчеловеческие познания и такую же сверхчеловеческую уверенность в себе. И пугающее чувство узнавания шевельнулось в глубине сознания Конана. Нет, он хорошо знал, что никогда прежде не видел этого человека. Тем не менее его черты кого-то напоминали, словно Конан наяву повстречал видение из своих худших кошмаров...

— Кто ты? — с угрюмым вызовом спросил король и попытался сесть, несмотря на вес кандалов.

— Люди зовут меня Ксальтотуном,— раздался ответ.

Сильный, звучный голос звенел, как золотой колокол.

— И где мы? — поинтересовался киммериец.

— В одном из чертогов дворца короля Тараска, в Бельверусе.

Конан не удивился; Бельверус, столица Немедии, был и самым крупным среди городов, лежавших близ границы.

— А где Тараск?

— С войском.

— Ну,— проворчал Конан,— если собрался меня убивать, давай.

— Я не для того спас тебя от королевских стрелков, чтобы прикончить здесь, в Бельверусе,— сказал Ксальтотун.

— Что ты там сделал со мной? — спросил Конан.

— Лишил тебя сознания,— прозвучало в ответ.— Каким образом — ты все равно не поймешь. Можешь, если хочешь, назвать это черной магией.

Конан и сам пришел к такому же выводу и раздумывал уже совсем над другим.

— Кажется, я понимаю, зачем ты меня пощадил,— сказал он.— Амальрик, видно, собрался стращать мной Валерия — в том случае, если произойдет невозможное и этот молодчик станет-таки королем Аквилонии. Все хорошо знают, что за попыткой посадить Валерия на мой трон стоит барон Торский! Насколько я знаю Амальрика, он предназначает Валерию роль пешки, не больше. Так же как сегодня — Тараску!

— Амальрик о твоем пленении и не подозревает,— ответил Ксальтотун.— Как и Валерий. Оба уверены, что ты погиб в битве при Валкие.

Глаза Конана сузились, он пристально посмотрел на своего собеседника.

— Я чувствовал за всем этим чью-то мощную волю,— пробормотал он,— но думал, это воля Амальрика. Однако, похоже, Амальрик, Тараск и Валерий — всего лишь марионетки, а нитки дергаешь ты. Кто ты?

— Какая разница? Даже если я расскажу, ты мне вряд ли поверишь. Ответь лучше: что, если бы я предложил снова посадить тебя на аквилонский престол?

Конан смотрел на него, точно волк, угодивший в клетку.

— Назови цену!

— Повиновение мне.

— Ну и катись в преисподнюю со своим предложением! — зарычал Конан.— Я твоей пешкой не буду! Я добыл свою корону мечом! И кроме того, не в твоей власти покупать или продавать трон Аквилонии. Королевство еще не завоевано — одна битва не решает исхода войны!

— Ты забыл, тебе противостоят не только воины с их жалким оружием,— ответил Ксальтотун.— Или меч смертного поразил тебя в твоем собственном шатре еще до начала сражения? О нет: то было порождение мрака, скиталец, явившийся из внешних пространств по моему слову. Его пальцы пылали вечным морозом межзвездных черных пустот. Этот-то холод оледенил твою кровь и лишил мышцы силы. Хо-

лод, обжегший твое тело подобно железу, раскаленному добела! Или, может, ты скажешь, что человек, надевший твои доспехи, по чистой случайности повел рыцарей в ту теснину? Случайность, благодаря которой на них обрушились скалы?

Конан молча смотрел на него, и по спине гулял холодок. Мифология его варварского племени изобиловала легендами о чародеях и колдунах. К тому же, глядя на Ксальтотуна, любой дурак мог сказать, он — необычный человек. Конан явственно ощущал нечто неизъяснимое, отличавшее его от всех остальных,— некую ауру чужого времени и пространства, некое веяние зловещей, немыслимой древности. И все-таки упрямый дух Конана отказывался признать поражение.

— Обвал мог быть и случайностью,— процедил он сквозь зубы.— А бросок в ущелье — так это каждый бы на его месте предпринял!

— Вовсе нет. Ты, например, ни за что не сунулся бы туда. Ты бы сразу заподозрил ловушку. Для начала, кстати, ты и через реку бы не пошел, не убедившись, что немедийцы действительно разгромлены. И потом, даже в безумии битвы гипнотическое внушение не могло бы внедриться в твое сознание и заставить слепо ринуться в расставленную западню, как поступил тот простак, выряженный тобою.

Конан никак не мог распроститься с сомнениями:

— Но если все специально подстроено, чтобы разгромить мое войско, почему твой межзвездный скиталец не прикончил меня прямо в шатре?

— Я желал заполучить тебя живым. Я и без волшебства мог предсказать — Паллантид велит другому надеть твои латы. Ты нужен мне живым и неискалеченным, ибо ты можешь пригодиться для осуществления моих планов. В тебе есть жизненная сила, которая стоит больше, чем все искусство и вся хитрость тех, кто считает себя моими союзниками. Ты — упорный враг, из тебя может получиться отменный вассал.

Услышав такое, Конан плюнул, но Ксальтотун, не обращая внимания на ярость киммерийца, взял со стола хрустальный шар и поместил перед ним. Он ни на что не положил его и не стал никак укреплять. Тем не менее шар повис в воздухе, словно уложенный на подставку. При виде этого чуда Конан лишь фыркнул, хотя, по правде сказать, некоторое впечатление оно на него произвело.

— Хочешь посмотреть, что делается в Аквилонии? — спросил Ксальтотун.

Конан не ответил, но то, как он замер, напрягшись всем телом, выдавало его отчаянное желание узнать.

— Сейчас вечер следующего дня после битвы при Валкие,— вглядываясь в туманную глубину шара, заговорил Ксальтотун. — Основная часть немедийского войска заночевала у реки, и лишь рыцарские отряды продолжали громить отступавших аквилонцев. На рассвете армия свернула лагерь и двинулась через горы на запад. Просперо, который всю ночь гнал свои десять тысяч пуантенцев быстрым маршем, надеясь поспеть к началу сражения, был еще за много миль оттуда, когда ему начали попадаться бегущие. Не в силах собрать остатки разбитого войска, он отступил к Тарантии. Он примчался туда после отчаянной скачки, заменяя измученных коней отобранными у крестьян. Я вижу его рыцарей — усталых, в покрытых пылью доспехах, с обреченно повисшими плюмажами; из последних сил понукают они лошадей, пересекая равнину... Вижу я и улицы Тарантии. В городе неспокойно: каким-то образом сюда уже дошел слух о поражении и гибели короля Конана. Чернь сходит с ума от ужаса. «Король погиб! — повторяет она со слезами.— Кто теперь поведет нас на немедийцев?» Исполинские тени надвигаются на Аквилонию с востока, а небо ее черно от стервятников...

Конан замысловато выругался.

— Пустые слова! Любой уличный оборванец мог бы напророчить не хуже! Если ты хочешь сказать, что разглядел

все это в стекляшке, так ты не только негодяй — в чем, кстати, я и не сомневался,— но еще и лжец, каких мало. Просперо соберет баронов и удержит Тарантию. Страной же в мое отсутствие правит Троцеро, граф Пуантенский, и уж он-то заставит немедийских собак с воем разбежаться по конурам! Подумаешь, несчастные пятьдесят тысяч вашего войска. Да Аквилония проглотит их и не подавится! Не видать им не то что Тарантии, даже и Бельверуса! При Валкие была разбита не Аквилония, а всего только Конан!

— Аквилония,— невозмутимо ответствовал Ксальтотун,— обречена. Копье, секира и огонь заставят ее покориться. А не заставят — тогда я призову против нее из тьмы веков иные силы. Точно так же, как рухнули скалы над Валкием, обрушатся по моему слову стены городов, а понадобится — и сами горы. Реки выйдут из берегов и затопят целые провинции. Так что лучше бы сталь и тетива сделали свое дело без дальнейшей помощи моего искусства, ибо могучие заклятия способны стронуть силы, грозящие поколебать равновесие Вселенной!

— Из какой бездны ты выполз, пес тьмы? — пробормотал Конан, не сводя с него глаз.

Невольная дрожь потрясла могучего киммерийца: он чувствовал перед собой нечто неправдоподобно древнее и исполненное столь же неправдоподобного зла.

Тут Ксальтотун приподнял голову, словно прислушиваясь к шепоту, долетавшему из-за края мира. Казалось, он позабыл о пленнике. Затем он нетерпеливо тряхнул головой и рассеянно глянул на Конана.

— Что? Я уже говорил, ты все равно не поверишь, даже если я тебе расскажу. Однако разговор с тобой меня утомил. Увы, легче уничтожить укрепленный город, нежели облечь мои мысли в слова, доступные пониманию безмозглого варвара.

— Будь мои руки свободны,— заметил Конан,— я бы мигом сделал из тебя безмозглый труп.

— Не сомневаюсь, не сомневаюсь. Вот потому-то я и не дал тебе такой возможности.

И Ксальтотун хлопнул в ладони. Его поведение разительно изменилось: в нем сквозило нетерпение и, пожалуй, даже нервозность. Впрочем, Конан был далек от мысли, будто это как-то связано с ним.

— Поразмысли над моими словами, варвар,— сказал Ксальтотун.— Времени у тебя будет в достатке. Я еще не определил твою участь: все зависит от обстоятельств, еще не успевших сложиться. Запомни одно: если я надумаю использовать тебя в своей игре, лучше подчиниться добровольно, чем испытать мой гнев!

Конан тут же замысловато выругался, но в это время занавеси распахнулись, обнаружив спрятанную за ними дверь, и в комнату вошли четыре чернокожих гиганта. На них не было иной одежды, кроме шелковых набедренных повязок, перехваченных поясами; у каждого на поясе висел внушительных размеров ключ.

Ксальтотун нетерпеливым жестом указал неграм на пленного короля, сам же отвернулся, потеряв к нему всяческий интерес. Конан обратил внимание на то, как странно подергивались пальцы колдуна. Из резной нефритовой шкатулки он извлек щепоть блестящего черного порошка и бросил в курильницу, стоявшую на золотом треножнике у локтя. Хрустальный шар, о котором, похоже, он позабыл, упал на пол, лишившись своей незримой опоры.

Тут негры подняли Конана и понесли прочь, потому что сам он, опутанный цепями, идти не мог. Но прежде чем затворилась за ними позолоченная тиковая дверь, Конан бросил взгляд назад. Ксальтотун, откинувшись и скрестив на груди руки, полулежал в своем кресле, похожем на трон, а над жаровней завивалась тонкая струйка дыма. Конан почувствовал, как волосы на голове становятся дыбом. В Стигии, древнем царстве зла, лежавшем далеко на юге, ему приходилось уже видеть порошок, который воскурил Ксаль-

тотун. Это была пыльца черного лотоса, дающая сон, похожий на смерть и исполненный чудовищных сновидений. Конан знал: лишь жуткие чародеи Черного Круга, достигшие последних бездн зла, по своей воле ищут кошмаров черного лотоса и даже черпают из них новые силы для своего колдовства.

Для большинства жителей западных стран Черный Круг виделся всего лишь страшной сказкой, но Конан-то хорошо знал, до чего он реален. В мрачных подземельях Стигии, под сводами, никогда не знавшими света, все еще творились отвратительные обряды и полночные оргии, посвященные Тьме...

Конан еще раз оглянулся на позолоченную дверь и содрогнулся при мысли о том, что за нею происходило.

Он не мог сказать, какое сейчас время суток — день или ночь. Казалось, дворец короля Тараска погружен в вечные сумерки, казалось, кто-то не хотел впускать внутрь солнечный свет. И воплощением тьмы и теней, окутавших дворец, был — Конан чувствовал это — чужестранец Ксальтотун.

Негры пронесли Конана по извилистому коридору, столь скупо освещенному, что выглядели они скорее четырьмя черными призраками, несущими мертвое тело. Потом его тащили по винтовой каменной лестнице, бесконечно струившейся вниз, вниз... Факел в руке одного из негров отбрасывал на стены громадные бесформенные тени: ни дать ни взять демоны спускались в преисподнюю, таща мертвеца.

Лестница привела их в длинный прямой коридор. По одну сторону в сплошной стене там и сям зияли сводчатые проходы, за которыми виднелись лестницы, уводящие вверх. По другую сторону через каждые несколько футов следовали запертые двери, забранные надежными решетками.

Остановившись возле очередной двери, один из негров поднял висевший на поясе ключ и повернул его в замке. Решетчатая дверь отворилась. Негры и узник оказались в небольшой камере: стены, пол и потолок были каменные, а на-

против виднелась вторая такая же дверь. Конан понятия не имел, что за ней находилось, но подумал, что вряд ли там еще один коридор: свет факела уходил меж прутьев неизвестно куда и терялся в беспредельной тьме, чуть слышно откликавшейся эхом.

В одном углу камеры, возле двери, через которую они вошли, с толстого железного кольца, вмурованного в стену, гроздьями свисали ржавые цепи. В цепях болтался скелет человека. Конан невольно задержал на нем взгляд, удивившись тому, что кости в большинстве своем были переломаны, а то и расщеплены. Череп же, отвалившийся от позвоночника, расплющен ударом ужасающей силы.

Один из чернокожих тюремщиков — не тот, что открывал дверь,— своим поясным ключом отомкнул тяжелый замок и флегматично оттащил в сторону и ржавые цепи, и раздробленные кости. Затем они пристегнули кандалы Конана к освободившемуся кольцу, и третий негр своим ключом — тоже третьим по счету — попробовал замок дальней двери и удовлетворенно хмыкнул, убедившись, что она как следует заперта.

Какое-то время они смотрели на Конана — черные великаны с узкими глазами и лоснящейся кожей, блестевшей в свете факела.

Затем тот, что носил на поясе ключ от ближней двери, гортанно произнес:

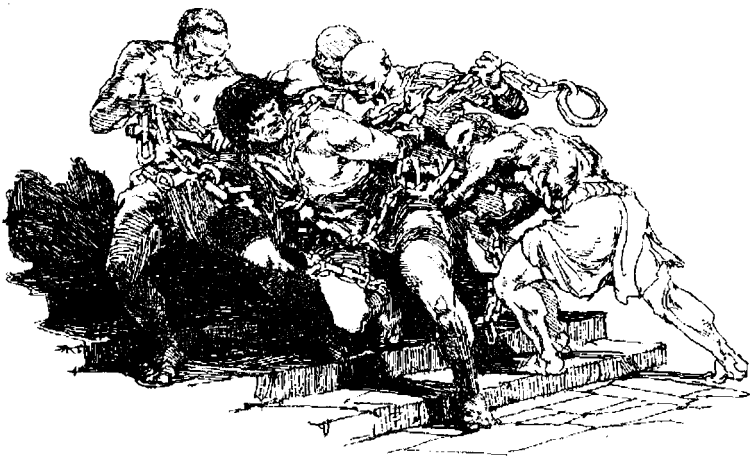
— Вот каков теперь твой дворец, белый король-собака! Никто не знает, где ты, только наш хозяин и мы. Весь дворец спит, а мы не болтливы. Ты будешь жить здесь, а может, здесь и умрешь. Как он! — Негр презрительно пнул расколотый череп, который со стуком покатился по каменному полу.

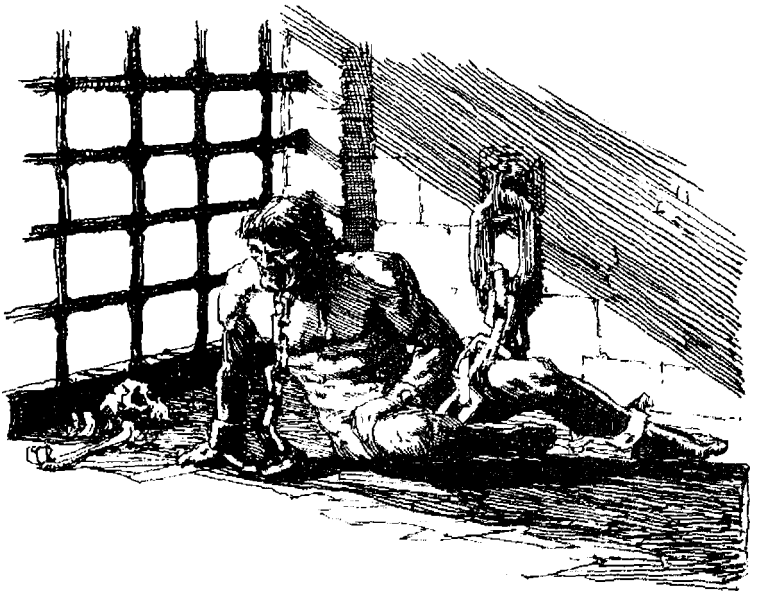
Конан не снизошел до ответа, и тюремщик, видимо уязвленный молчанием узника, пробормотал ругательство, нагнулся и плюнул в лицо королю. Конан сидел на полу: цепи, охватившие его тело, запястья и лодыжки, были примкнуты

к кольцу, он не мог ни встать, ни отодвинуться от стены более чем на длину руки. Но в ручных кандалах была изрядная слабина; Конан незаметно собрал всю цепь в ладонь и, прежде чем негр успел выпрямиться, обрушил ее на заостренное темя противника. Чернокожий свалился, точно зарезанный бык. Его товарищи разинули рты: кожа на голове была рассечена, из носа и ушей потекла кровь.

— Ну? — поигрывая окровавленной цепью, зарычал Конан.— Кто еще?

Приблизиться тюремщики не отважились, бормоча что-то на своем гортанном наречии, подняли оглушенного собрата и вынесли наружу, точно мешок. Они заперли дверь ключом, который так и не сняли с золотой цепочки, прикрепленной к ремню. Когда они удалялись по коридору, унося с собой факел, темнота, точно живое существо, крадась следом за ними. Стих шорох шагов, тьма и тишина безраздельно завладели подземельем.





5

УЖАС ПОДЗЕМЕЛИЙ

Конан лежал неподвижно, перенося тяжесть цепей и безнадежность своего положения со всем стоицизмом истинного сына диких киммерийских просторов. Он не шевелился, звяканье цепей, сопровождавшее каждое движение, казалось непростительно громким в мертвой тишине подземелья. Между тем инстинкт варвара, наследие бесчисленных поколений, предостерегал: не можешь как следует за себя постоять — притаись. Логические рассуждения были здесь ни при чем. Конан лежал тихо вовсе не потому, что подозревал во тьме присутствие неведомых и грозных существ, способных его обнаружить. Ксальтотун заверил — никакого ущерба ему не нанесут, и Конан полагал, что колдун в самом деле не заинтересован в его погибели — во всяком случае, пока. Но инстинкт дикаря, тот же самый, что еще ребенком заставил Конана лежать неподвижно и молча, пока дикие звери рыскали кругом его убежища,— этот инстинкт не дремал и теперь.

Даже острое зрение Конана не могло пронизать густую тьму. И все-таки по прошествии некоторого времени — хотя сколько именно времени минуло, он нипочем не смог бы сказать — он различил едва заметное сияние, нечто вроде косого луча серого света. Луч позволил Конану смутно увидеть прутья входной двери у своего локтя, а затем даже и контуры дальней решетки. Сперва это озадачило его, но потом он понял, в чем дело. Конан знал, он находится глубоко под землей, в катакомбах под королевским дворцом. Тем не менее кому-то понадобилось устроить колодец наверх таким образом, что в него иногда заглядывала поднявшаяся луна. Конан сразу подумал, что сможет, вероятно, следить с его помощью за сменой ночи и дня, отсчитывая время. Возможно даже, днем через отверстия будет проникать солнечный свет... если только колодец не закроют там, наверху, с наступлением дня. Чем не изощренная пытка — время от времени позволять узнику видеть лунный или солнечный свет?

Конан снова обратил взгляд на осколки костей, смутно белевшие в противоположном углу. Он не стал предаваться болезненным раздумьям о том, кем мог быть при жизни этот несчастный и за что ему выпала подобная участь. Его внимание привлекло состояние костей. Он видел, они переломаны не на дыбе. И еще одна весьма неаппетитная деталь открылась внимательному взгляду: берцовые кости были расколоты вдоль. Объяснение могло быть только одно: кто-то расщепил их, чтобы полакомиться костным мозгом. Но кто, кроме человека, добывает мозг из костей? Уж не говорили ли эти немые останки о жуткой трапезе какого-нибудь бедняги, доведенного голодом до людоедства? «Может, кто-нибудь однажды будет так же разглядывать и мои кости, висящие в ржавых цепях...» — подумал Конан, с немалым усилием подавляя приступ слепого животного ужаса.

Киммериец не сыпал проклятиями, не плакал и не бушевал, как, вероятно, поступили бы на его месте многие цивилизованные люди. Однако боль и душевное смятение были

нисколько не меньше оттого, что прорывались наружу лишь дрожью, временами сотрясавшей его могучее тело. Где-то там, далеко на западе, немедийское войско огнем и мечом прокладывало себе путь к сердцу Аквилонии. Маленький отряд пуантенцев не сможет их остановить: Просперо в Тарантии продержится несколько недель, в лучшем случае — месяцев; но если не придет помощь, сыграет свою роль численный перевес немедийцев. Без сомнения, бароны поспешат на выручку Просперо, объединяясь против захватчиков... Но он-то, Конан, обречен беспомощно лежать в темном каземате, пока другие ведут его воинов на врага и отвоевывают королевство!

В бессильном бешенстве король заскрипел зубами... и тотчас замер, расслышав со стороны дальней двери крадущиеся шаги. Напрягая зрение, он различил неясную фигуру, скрючившуюся по ту сторону решетки. Скрежетнул металл по металлу, потом раздался щелчок, как если бы ключ повернулся в замке, и фигура растаяла во мраке, скрывшись из глаз. «Какой-нибудь стражник приходил проверить замок»,— рассудил Конан. Спустя некоторое время откуда-то издали послышался такой же металлический щелчок, а следом — звук открывающейся двери и быстрый, пугливый топот ног, обутых в мягкие башмаки. И вновь неподвижная тишина установилась в подвале...

Конан продолжал напряженно прислушиваться: ему казалось, минуло довольно долгое время, но он сам знал, что обманывается: луна все еще светила сквозь невидимый колодец. Ни звука! В конце концов он переменил положение тела. Громко лязгнули цепи... и почти сразу по ближнему коридору, через который его втащили в камеру, просеменили легкие шаги. Еще миг — и в сером полусвете обозначился хрупкий, тонюсенький силуэт.

— Король Конан! — позвал дрожащий девичий голос.— Государь мой, ты здесь?

— А где ж мне еще быть,— ответил он сдержанно и вывернул шею, пытаясь разглядеть незнакомку.

Это в самом деле была девушка, и она стояла совсем рядом с ним, обхватив пальчиками прутья решетки. Слабый свет луны обрисовывал ее изящное тело, перехваченное в бедрах клочком шелковой ткани, и смутно играл на украшенных самоцветами пластинах, прикрывавших грудь. Большие испуганные глаза мерцали во мраке, нежное тело, казалось, слегка светилось, точно алебастровое. Длинные волосы ниспадали темной волной; они роскошно блестели даже в полумраке колодца.

— Вот ключи от твоих оков и от дальней двери! — прошептала она.

Белая узенькая рука просунулась сквозь решетку, кинула три предмета, звякнувшие подле Конана об пол.

— Что за игру ты ведешь? — спросил он угрюмо.— Ты говоришь по-немедийски, а в Немедии у меня нет друзей. Кто послал тебя поиздеваться надо мной?

— Я не издеваюсь, господин мой! — Девушка чуть не плакала и дрожала так, что браслеты и нагрудные пластины звенели о прутья решетки, которые она сжимала обеими руками.— Клянусь Митрой, я украла ключи у чернокожих тюремщиков! Они — хранители подземелий, и каждый имеет при себе ключ лишь от одного замка. Я напоила их... всех, кроме одного, того, которому ты разбил голову, - его унесли к лекарю, и его ключ достать я не смогла. Но остальные - здесь, у тебя! Молю, не медли! За этими темницами таится страшное подземелье — там, во тьме, врата преисподней!

Если она притворялась, то притворялась здорово. Все же Конан попробовал ключи с немалым сомнением, ожидая лишь неудачи и издевательского смеха девчонки. Однако, к радостному изумлению киммерийца, один из ключей вправду отомкнул цепи, подойдя не только к замку у кольца, но и к тем, что запирали кандалы на руках и на ногах. Мгновение — и он поднялся во весь рост, охваченный яростным восторгом пусть относительной, но свободы. Быстрый шаг к двери — и его пальцы охватили железный прут вместе с

тоненьким девичьим запястьем. Она, впрочем, и не пыталась вырваться и убежать. Подняв голову, она прямо и смело взглянула в свирепые глаза.

— Кто ты, девочка? — спросил он требовательно.— Почему ты взялась мне помогать?

— Я всего лишь Зенобия,— прошептала она, и дыхание у нее перехватило, словно от страха.— Всего лишь рабыня, купленная в сераль короля.

— И все-таки,— настаивал Конан,— не вижу, с какой бы стати тебе отдавать мне ключи... если только это не какой-нибудь подвох!

Она опустила темноволосую голову, но потом вновь вскинула ее и прямо встретила подозрительный взгляд киммерийца. Слезы алмазными звездами мерцали на пушистых ресницах.

— Я всего лишь рабыня, купленная в сераль короля,— повторила она, и Конан различил в ее голосе гордость, боровшуюся с унижением.— Но король ни разу даже не посмотрел на меня и, может быть, никогда не посмотрит. Я ничтожнее псов, гложущих кости в его пиршественном зале. Но я не раскрашенная игрушка! Я дышу, ненавижу, боюсь, радуюсь... и люблю. И я полюбила тебя, король Конан, с того самого дня, когда ты навещал короля Нуму несколько лет назад. Я видела, как во главе своих рыцарей ты проезжал по улицам Бельверуса, и сердце мое рвалось из груди, мечтая упасть в дорожную пыль, под копыта твоего коня...

Жаркая краска залила ее щеки при этих словах, но она не отвела глаз. Конан помедлил с ответом. В глубине души он так и остался необузданным дикарем, и все же мужчина должен быть уж совершенным скотом, чтобы не испытать невольного трепета и смущения, когда женщина раскрывает перед ним свою душу.

Тут Зенобия склонила голову, и нежные губы прижались к его пальцам, стиснувшим ее запястье. Но ужас их положе-

ния тотчас же с новой силой отразился в широко раскрытых темных глазах.

— Поспеши! — отчаянно прошептала она.— Уже минула полночь! Беги, государь!

— А с тебя не сдерут шкуру за утаенные ключи?

— Они никогда не дознаются. Даже если утром негры припомнят, кто дал им вино, они нипочем не посмеют сознаться, что напились и потеряли ключи. Я только не смогла заполучить тот, что отпер бы эту дверь. Ты должен проложить себе путь к свободе через подземелья, мой государь! Какие ужасы таятся там во мраке, я не решаюсь даже гадать. Знаю только, что участь твоя будет еще страшнее, если останешься здесь. Ибо король Тараск возвратился...

— Тараск?

— Да, причем возвратился тайно. Некоторое время назад он спустился сюда, в подземелье, а когда вышел обратно, весь дрожал и был смертельно бледен, как человек, страшно испытывающий судьбу. Я слышала, как он шепнул Аридею, своему оруженосцу, что, несмотря на запрет Ксальтотуна, ты все-таки умрешь.

— А Ксальтотун? — пробормотал Конан.

И почувствовал, как она содрогнулась.

— Не говори о нем! — был едва слышный ответ.— Демоны часто являются туда, где произносят их имена... Рабы говорят, он лежит в своем чертоге, за крепко запертой дверью, и внимает сновидениям черного лотоса. Мне кажется, даже Тараск втайне боится его, не то бы он расправился с тобою открыто. Но он спускался в подземелья нынешней ночью... и одному Митре известно зачем!

— Уж не Тараск ли возился под дверью? — задумался Конан.

— Вот кинжал! — Зенобия протянула его сквозь решетку, и пальцы киммерийца жадно сомкнулись на знакомом предмете.— Когда выйдешь в ту дверь,— продолжала она,— поворачивай налево и иди вдоль камер, пока не доберешь-

ся до каменной лестницы. Не удаляйся от камер, если тебе дорога жизнь! Отвори дверь наверху лестницы — один из ключей должен подойти. Я буду ждать тебя за ней, и да не оставит нас Митра!

И с этими словами она растворилась во тьме, лишь шелковые туфельки прошуршали по каменным плитам.

Конан пожал плечами и повернулся к дальней решетке. Мысль о возможности коварно подстроенной Тараском ловушки по-прежнему не покидала его. Неужели очертя голову броситься в западню? А хотя бы и так! Все же лучше, чем сидеть на цепи, беспомощно дожидаясь неведомой участи. Конан осмотрел кинжал, врученный ему Зенобией, и мрачная улыбка тронула его губы. Что бы там ни представляла собою девчонка, оружие в руке киммерийца свидетельствовало о ее практичном уме. Это не был какой-нибудь изящный стилет, выбранный ради дорогих камней в рукояти и золотой крестовины и годный разве что для изящного убийства в дамском будуаре. В ладони Конана лежало настоящее оружие воина, с широким, обоюдоострым пятнадцатидюймовым лезвием, плавно сбегавшим к острию алмазного закала и остроты.

Удовлетворенное ворчание вырвалось у Конана. Ощущение рукояти в руке подбодрило его, уверенность теплом разбегалась по жилам. Какие бы паутины заговоров ни сплетались вокруг, какими бы сетями измены и коварства ни пытались опутать его, — эта сталь была настоящей. Мощные мускулы на правом плече короля вздулись, предвкушая убийственные удары.

Держа наготове ключи, он тронул дальнюю дверь и обнаружил, что она открыта. В то же время он помнил, как запирал ее негр. Стало быть, та скрюченная, крадущаяся тень оказалась не тюремщиком, вздумавшим еще раз проверить запоры. Наоборот — тот человек отпер дверь! Все это поневоле наводило на нехорошие мысли, но Конан задумывать-

ся не стал. Без колебаний распахнул он решетку и, покинув темницу, ступил во тьму.

Как он и думал, помещение по ту сторону не было коридором. Каменные плиты пола уходили неизвестно куда, теряясь во мраке, ряд камер тянулся налево и направо, но каковы размеры подземелья, в которое он угодил, Конан не знал. Ни потолка, ни другой стены не видно. Лунный свет просачивался лишь сквозь решетчатые двери камер, темнота была почти абсолютной. Кто-нибудь менее зоркий, нежели киммериец, вряд ли различил бы мутно-серые пятна на полу перед дверьми.

Повернув налево, он со всей возможной быстротой скользнул вдоль решеток. Босые ноги короля беззвучно ступали по каменному полу. Проходя мимо, он бросал короткий взгляд в каждую камеру: все пусты и заперты. Несколько раз взгляд Конана ловил отблеск белых костей. Камеры эти были наследием более мрачной эпохи, когда Бельверус являлся скорее крепостью, а не городом. Однако и в нынешние времена камеры явно использовались куда чаще, чем думали люди.

Когда впереди замаячили очертания лестницы, круто уходившей вверх, Конан понял, что добрался до цели. И в тот же миг ощущение близкой опасности заставило его обернуться назад и низко пригнуться, прячась в непроглядной тени у подножия ступеней.

Где-то там, позади него, во мраке двигалось нечто — нечто громадное, но осторожное, и мягкая поступь его не была человеческой. Конан скользнул глазами вдоль длинного ряда камер, перед каждой из которых лежал на полу сероватый прямоугольник даже не то чтобы света — просто менее густой тьмы... и увидел, как что-то не спеша приближалось к нему, пересекая эти прямоугольники. Что это было, Конан не взялся бы сказать. Громадное, тяжелое, оно тем не менее передвигалось ловко и быстро. Неясный силуэт его то возникал на фоне пятен серого света, то пропадал в черноте промежутков. И веяло жутью от этой крадущейся поступи...

Конан слышал, как скрипели прутья решеток, когда неведомая тварь одну за другой пробовала их отворить. Наконец она достигла камеры, которую он только что покинул,— и эта дверь, единственная из всех, распахнулась. Мелькнула темным пятном и снова скрылась огромная туша: существо вошло в камеру. Лоб и ладони Конана взмокли от пота. Теперь он знал, зачем подкрадывался к двери Тараск и почему удрал так поспешно. Он отомкнул дверь его камеры, а потом где-то в глубине подземелий выпустил из клетки чудовище.

И вот оно покинуло бывшую темницу Конана и заспешило дальше вдоль ряда дверей, опустив уродливую морду к самому полу. Оно больше не дергало запертые решетки. Оно шло по свежему следу.

Теперь Конан видел его лучше. Серый свет обрисовывал гигантское тело, напоминавшее человеческое, только неимоверно массивней и толще. Ссутулившись, тварь ковыляла на задних ногах, и косматый густой мех ее отливал серебром. Длинные руки, вернее сказать, передние лапы свисали почти до земли, а морда казалась жуткой пародией на человеческое лицо.

Конан узнал этот ужас подземелий и понял, что означали раздробленные, расщепленные кости. Перед ним была серая обезьяна-людоед, которые водятся в горных лесах восточного побережья моря Вилайет. Страшные эти обезьяны, великаны животного мира, убийцы, таящиеся в ночных джунглях, вызвали к жизни жуткие легенды о гоблинах, которыми хайборийцы пугали детей.

Конан понял, что обезьяна его учуяла. Теперь она быстро шла, почти бежала вперед: бочкообразное тело покачивалось на коротких кривых могучих ногах. Конан еще раз покосился на лестницу. Тварь догонит его прежде, чем он успеет добежать до двери там, далеко наверху. Больше Конан не думал о бегстве. Он встретит чудовище здесь — лицом к лицу.

Он шагнул вперед, встал в ближайший промежуток лунного света: он знал, что тварь видела в темноте гораздо лучше его, и пытался обеспечить себе хоть какое-то преимущество. Обезьяна тут же заметила его и ощерила желтые клыки, но не издала ни звука. Серые чудовища с моря Вилайет, порождения ночной тишины, были немы. Но на его морде, на этом извращенном подобии человеческих черт, отразился людоедский восторг.

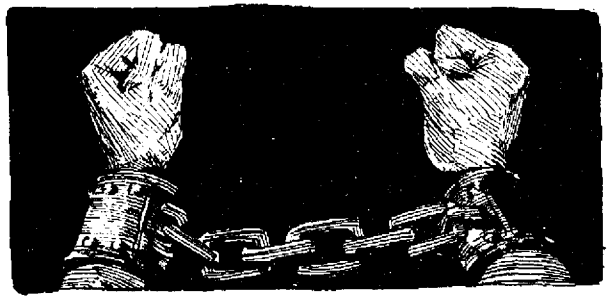
Конан стоял наготове, бестрепетно наблюдая за приближением страшилища. Он знал, его жизнь или смерть будет зависеть от одного-единственного удара. У него не хватит времени ни на то, чтобы ударить еще, ни даже на то, чтобы отскочить. Если он хотел выжить в неравной схватке, его первый удар должен был сразить обезьяну, и сразить наповал. Он смерил взглядом короткую толстую шею, сытое волосатое брюхо и могучую грудь, напоминавшую два сдвинутых вместе щита. Нет, бить надо в сердце. Уж лучше пойти на риск и надеяться на клинок, который не соскользнет, ударившись о прочное ребро зверя, чем ударить в какое-нибудь другое, не столь жизненно важное место.

Прекрасно понимая неравенство сил, Конан готовился противопоставить верный глаз и силу послушных разуму мышц тупой животной мощи и ярости косматого людоеда. Итак, грудь на грудь... смертельный удар... и будем надеяться, что крепкое тело сумеет выдержать чудовищные объятия, избежать которых не удастся уже наверняка.

Когда обезьяна ринулась к нему, широко распахивая страшные лапы, Конан нырнул под них и нанес удар с силой, удесятеренной отчаянием. Он почувствовал, как его клинок до рукояти ушел в мохнатую грудь, и немедленно, разжав пальцы, пригнул голову, сворачиваясь в один комок напряженных мышц. Упираясь коленом в брюхо зверя, он еще попытался перехватить лапы чудовища, не дать им сомкнуться и переломать ему кости.

На какой-то безумный миг Конану показалось, будто землетрясение выворачивает ему суставы, раздирая тело на части... И вдруг все кончилось, он лежал лицом вниз, невредимый, а под ним, закатив красные глаза, содрогалась в последней муке страшная обезьяна. В ее груди торчала рукоять кинжала: удар достиг цели.

Конан и сам дрожал всем телом, тяжело дыша, точно после долгого боя. Ему казалось, у него была вывихнута половина костей, из глубоких рваных царапин, оставленных когтями чудовища, бежала кровь. Измятые мускулы и сухожилия немилосердно болели. Проживи обезьяна секундой дольше, она точно разорвала бы его. Но жизненная сила в который раз помогла Конану выстоять в испытании, немыслимом для обычного человека. Ибо даже предсмертных конвульсий издыхающей обезьяны вполне хватило бы, чтобы оторвать кому угодно другому и руки, и ноги.



6

УДАР КИНЖАЛА

Нагнувшись, Конан выдернул кинжал из груди обезьяны и быстро зашагал вверх по ступеням. Он понятия не имел о том, какие еще ужасы могли таиться во тьме, и выяснять не собирался. Даже ему, гиганту киммерийцу, вовсе не улыбалась еще одна подобная схватка. К тому же и свет, проникавший в невидимые колодцы, постепенно меркнул, сгущалась непроглядная тьма. Иными словами, что-то подозрительно близкое к паническому ужасу все быстрее гнало Конана по лестнице. Он вздохнул с большим облегчением, когда кончились ступени и пришло время пустить в ход третий ключ. Приоткрыв дверь, Конан осторожно выглянул наружу, ожидая, что на него тут же бросится человек — а может, и зверь.

Но перед ним был пустой, скупо освещенный каменный коридор. И все та же точеная девичья фигурка, которую он впервые увидал сквозь прутья решетки.

— Государь мой! — В тихом, дрожащем голосе мешались радость и страх.

Девушка подбежала к королю, но тут же в смятении отпрянула:

— Ты весь в крови! Ты ранен!

— Ерунда,— нетерпеливо отмахнулся Конан,— эти царапины не повредили бы и ребенку... Впрочем, твоя зубочистка неплохо мне послужила, так что спасибо. Если б не она, Тарасков питомец сейчас хрустел бы моими косточками, разыскивая мозг. Теперь-то куда?

— Пойдем,— прошептала Зенобия.— Я выведу тебя за городскую стену, там у меня припрятана лошадь.

И она повернулась, но тяжелая рука Конана легла на ее обнаженное плечо.

— Иди-ка лучше рядом,— приказал он вполголоса, придерживая ее за талию.— Покамест у меня нет причины сомневаться в тебе, но, видишь ли, я дожил до этого дня в основном потому, что никогда особо не доверялся ни мужчинам, ни женщинам. В общем, вздумаешь шутить — учти: смеяться над шуткой тебе уже не придется.

Она не испугалась ни окровавленного кинжала, ни прикосновения его мускулистой руки.

— Убей меня без всякой жалости, если я тебя предам,— сказала она.— Объятие твоей руки, даже угрожающее,— это ли не исполнение мечты?

Сводчатый коридор вывел их к двери. Зенобия отворила ее. За дверью лежал еще один чернокожий — здоровяк в тюрбане и шелковой набедренной повязке. На каменном полу возле его ладони валялся кривой меч. Чернокожий не двигался.

— Я дала ему вино, сдобренное дурманом,— обходя лежащего, шепнула Зенобия.— Он последний, внешний страж подземелий. Никто еще не убегал отсюда и тем более не стремился проникнуть извне, потому-то и ведают подземельями

лишь эти четверо негров. И только они — из всех слуг дворца — знали о короле Конане, привезенном на колеснице Ксальтотуна. А еще о том знала я, ибо я бессонно следила из окошечка в башне за всем, что делалось во дворе, пока другие девушки спали... Я слышала, что на западе происходит — или уже произошла — битва. Я страшилась за тебя... Я видела, как негры несли тебя во дворец, и узнала тебя в смутном свете факелов. Дождавшись вечера, я проскользнула в это крыло дворца, и вовремя — тебя тащили в подземелье. А перед тем ты целый день пролежал в покоях Ксальтотуна, опоенный или околдованный. Я не смела спуститься за тобой до темноты... Но поспешим, государь, ибо сегодня во дворце происходит нечто воистину странное! Рабы говорят, Ксальтотун спит, воскурив пыльцу стигийского лотоса; он часто делает это. Однако вернулся Тараск — вернулся безвестно, через потайной ход, и плащ короля был покрыт пылью дальней дороги. С ним прибыл только его оруженосец — молчаливый тощий Аридей. Я не очень поняла, что к чему, но мне стало страшно!

Поднявшись вместе с Конаном по узкой винтовой лестнице, Зенобия открыла неприметную дверцу, и они вышли. Девушка тщательно притворила дверцу, вновь сделав ее неотличимой частью богато разукрашенной стены. Этот коридор был просторнее прежних, пол его устилали ковры, по стенам красовались шпалеры, а масляные лампы, подвешенные к потолку, распространяли золотое сияние.

Конан напряженно прислушивался, но во всем дворце господствовала ничем не нарушаемая тишина. Конан не знал, в какой части дворца они находились и в каком направлении помещался чертог Ксальтотуна. Дрожа всем телом, Зенобия повела его по коридору и остановилась перед стенной нишей, укрытой атласной занавесью. Отдернув ее, она жестом пригласила Конана вступить в нишу и прошептала:

— Подожди здесь! Там, дальше, днем и ночью нередко снуют евнухи и рабы. Я схожу посмотрю, нет ли кого.

Конан мгновенно ощетинился:

– Хочешь в ловушку меня завести?

Темные глаза наполнились слезами. Упав на колени, Зенобия схватила его руку.

– О мой король, не сомневайся во мне! — В дрожащем голосе была настойчивость, вызванная отчаянием.— Если ты промедлишь, мы оба погибли! И неужели я вывела бы тебя из подземелий только затем, чтобы предать?

– Ладно, – буркнул он, – придется поверить... хотя Кром видит, как нелегко расстаться с многолетней привычкой! И потом... знаешь, я тебя пальцем не трону, хоть ты все немедийское войско сюда приведи. Если б не ты, Тарасков людоед нашел бы меня безоружным и закованным в цепи. Поступай, девочка, как знаешь!

Поцеловав его руку, она легко вскочила на ноги и убежала по мягким коврам коридора, скрылась за прочными двойными дверьми.

Конан проводил ее взглядом, гадая, чем обернется для него такая доверчивость. Потом передернул могучими плечами и поплотнее сдвинул атласные занавеси. Его не особенно удивило, что юная красавица рисковала жизнью ради него; такое случалось с ним не однажды. Многие женщины дарили ему свою благосклонность и в дни странствий, и позже, когда он стал королем.

Не в его натуре было сидеть неподвижно, дожидаясь возвращения девчонки. Чисто инстинктивно он решил обследовать нишу – нет ли другого выхода. И выход нашелся. За шпалерами обнаружилась узкая щель, которая привела Конана к резной двери, едва видимой в луче тусклого света, проникавшего из коридора. Пока Конан ее разглядывал, за нею хлопнула еще какая-то дверь, потом донесся приглушенный гул голосов. Один из голосов показался Конану знакомым, и на загорелом лице короля появилось зловещее

выражение. Не раздумывая, скользнул он в узкий проход и затаился у двери, точно пантера, подкарауливающая добычу. Дверь оказалась не заперта. Действуя умело и очень осторожно, Конан чуть-чуть ее приоткрыл.

С той стороны тоже висели занавеси, но сквозь неплотно задернутые бархатные шторы Конану удалось заглянуть в комнату, освещенную пламенем единственной свечи, горевшей на эбеновом столике. В комнате находились двое. Один — покрытый шрамами, злодейского вида оборванец в кожаных штанах и видавшем виды плаще. Вторым был Тараск, король Немедийский.

Тараск явно нервничал, был бледен и все время оглядывался, будто боялся услышать какой-нибудь звук или приближающиеся шаги.

— Отправляйся тотчас же и не мешкай в пути,— говорил Тараск.— Он глубоко погружен в дурманные сновидения, но откуда знать, когда его угораздит проснуться.

— Вот уж не ждал я услышать из уст Тараска слова, исполненные страха,— пробурчал его собеседник.

Голос у него был низкий и грубый.

— Ты прекрасно знаешь, — нахмурился король,— что обычных людей я не боюсь. Но когда я увидел, как при Валкисе рушились скалы, я убедился: мы воскресили не какого-то шарлатана, а сущего демона. Я боюсь его силы, потому как не знаю, сколь далеко она простирается. Я понял только одно: сила как-то связана с проклятым камнем, который я у него выкрал. Он вернул его к жизни, и, видно, на нем-то и зиждется все колдовство. Недаром он так надежно спрятал его! Но я дал одному из рабов тайный наказ проследить за чародеем, и раб подсмотрел, как он положил Сердце в золотую шкатулку и спрятал шкатулку в тайник. Но я ни за что не осмелился бы похитить камень, если бы Ксальтотун не заснул сном черного лотоса... Итак, именно он — основание могущества колдуна. С его помощью Ораст вернул Ксаль-

тотупа к жизни. А он, опять же с помощью камня, сделает нас всех своими рабами, если мы не убережемся. Теперь возьми его и выброси в море, как я велел. Только смотри, выброси подальше от берегов, чтобы шторм или прилив не вынесли его снова на сушу. И не забудь, ведь я тебе хорошо заплатил.

— Это верно,— ответствовал негодяй.— Сказать по правде, король, не в одном золоте дело: за мной долг благодарности. Даже воры умеют быть благодарными.

— Когда бросишь эту штуку в море,— сказал Тараск,— можешь больше не считать себя моим должником, в чем бы ни заключался твой долг.

— Я поеду в Зингару и в Кордаве сяду на корабль,— пообещал вор.— Я не смею показаться в Аргосе из-за убийства одного тамошнего...

— Мне все равно, так что договорились,— перебил король.— Вот, возьми. Конь ждет тебя во дворе. Ступай же — и поторопись!

Что-то перешло из рук в руки — что-то, больше всего похожее на частицу живого огня. Конан лишь мельком успел заметить его. Вор надвинул на глаза широкополую шляпу, завернулся в плащ и поспешно вышел из комнаты.

Дверь едва успела закрыться за ним, когда ярость и жажда отмщения взметнули Конана в стремительном, смертоносном прыжке. Он сдерживался, пока мог, но всему есть предел. От близости заклятого врага кровь варвара заклокотала в жилах, начисто смыв всякую осторожность.

Тараск уже направился к внутренней двери, но Конан, разметав занавески, кровожадной пантерой ринулся в комнату. Тараск обернулся, но кинжал Конана вонзился в него еще прежде, чем он успел разглядеть, кто же напал.

Однако смертельного удара не получилось, Конан понял это тотчас. Его ступня угодила в складки портьеры и подвела его в прыжке. Клинок вошел Тараску в плечо и пропахал по ребрам. Король Немедии отчаянно закричал.

Страшный удар и тяжесть обрушившегося тела швырнули Тараска прямо на столик, тот опрокинулся, и свечка погасла. Оба противника рухнули на пол и запутались в портьерах. Конан вслепую наносил удар за ударом и никак не мог попасть в Тараска, который вопил во все горло от боли и ужаса. Страх придал немедийскому королю сверхчеловеческие силы — вырвавшись, он убежал в темноту с криком:

— Спасите! Стража! Аридей, ко мне! Ораст! Ораст!..

Конан поднялся, отшвырнув занавесь. И, ругаясь на чем свет стоит, пинком отбросил обломки стола. Что может быть горше неудавшейся мести! Вопли Тараска еще слышались в отдалении; во дворце начинался переполох. Немедиец удрал в темноте, и Конан не мог сообразить, в какую сторону он скрылся, а главное, куда следовало теперь бежать ему самому. Плана дворца Конан не знал. Необдуманная месть сорвалась; оставалось попробовать спасти свою шкуру — если получится...

Ругая последними словами судьбу за постигшую неудачу, Конан тем же проходом вернулся в свою нишу, и сейчас же к нему подбежала Зенобия.

— Что случилось? — вскрикнула девушка. Ее глаза были круглыми от ужаса.— Дворец так и гудит! Но, клянусь, я не предавала тебя! Я...

— Нет, это я разворошил осиное гнездо,— проворчал он.— Хотел тут сквитаться с одним, да не получилось. Как бы поскорее выйти наружу?

Она схватила его за руку и во всю прыть помчалась по коридору. Но добежать до двери они не успели: та уже сотрясалась от ударов — в нее ломились с другой стороны. Зенобия, всхлипнув, заломила руки:

— Мы отрезаны! Возвращаясь, я заперла эту дверь... через нее ведет путь к тайному ходу... Сейчас они ворвутся сюда!

Конан оглянулся: с другого конца коридора слышались невнятные крики, и, еще не видя врагов, киммериец понял — опасность не только впереди, но и за спиной.

— Сюда! Скорее сюда! — Девушка пересекла коридор и распахнула перед ним дверь какой-то комнаты. Конан последовал за нею и вдвинул в ушки золоченый засов. Он стоял в прихотливо убранном покое, где, кроме них двоих, никого не было. Зенобия тянула его за руку, увлекая к окошку. Сквозь позолоченную решетку виднелись кусты и деревья.

— Ты сильный,— задыхаясь, вымолвила Зенобия.— Ты еще сможешь спастись, если сломаешь решетку. В саду полно стражи, но кусты там густые, ты спрячешься. Южная стена сада — это и городская стена. Переберись через нее, и ты на свободе. Там, возле дороги, ведущей на запад, в нескольких сотнях шагов от фонтана Траллоса тебя ждет конь, спрятанный в чащобе. Ты знаешь, как добраться туда?

— Знаю, но что будет с тобой? Я думал забрать тебя отсюда.

Радость озарила ее лицо, сделав его еще краше.

— О боги, чаша счастья моего переполнена... Но я не задержу твоего бегства. Если я обременю тебя, ты погибнешь! Не страшись за меня, они никогда не заподозрят, будто я помогала тебе по собственной воле. Спеши же! Слова, которые я только что слышала, долгие годы будут наполнять светом мою жизнь.

Он вдруг схватил ее в железные объятия, с силой прижал к себе тоненькое затрепетавшее тело и припялся неистово целовать глаза, щеки, шею и губы. Зенобия едва не лишилась сознания от его жадных ласк и от счастья, грозившего разорвать сердце.

— Я уйду,— зарычал Конан.— Но, клянусь Кромом, когда-нибудь я вернусь за тобой!

Обхватив ладонями золоченые прутья, он одним яростным усилием выдернул их из гнезд. Перекинул ногу через

подоконник и быстро спустился вниз, цепляясь за лепные украшения стены. Спрыгнул наземь — и тотчас растворился, как тень, в сплошной гуще высоких розовых кустов и раскидистых деревьев. Оглянувшись через плечо, он еще раз увидел Зенобию. Стоя у окна, она протягивала руки в немом жесте прощания и самоотречения...

Стража — рослые воины в начищенных кирасах и полированных бронзовых шлемах — мчалась ко дворцу, откуда все громче доносились суматошные крики и топот. Броня и оружие стражников поблескивали в свете звезд, шаги были слышны издалека. Конану, выросшему в диких лесах, эти вояки казались стадом быков, бестолково ломившихся сквозь кусты. Кое-кто из них, не подозревая того, пробежал в считанных футах от киммерийца, распластавшегося в тени зарослей. Они ничего не замечали вокруг. Когда они промчались с криками мимо, Конан поднялся и заскользил через сад в другую сторону, двигаясь бесшумно, точно охотящаяся пантера.

Быстро добрался он до южной стены и взбежал по ступенькам к самому парапету: стена была неприступна снаружи, но отнюдь не изнутри, даже часовых не видно. Перед тем как проскользнуть между зубцами, Конан обернулся в последний раз и окинул взглядом громадный дворец, вздымавшийся над вершинами кипарисов. Свет горел в каждом окне; туда-сюда носились тени людей, напоминавшие ему кукол, которых дергают за незримые нити. Ощерившись, Конан на прощание погрозил дворцу кулаком и, выбравшись на ту сторону, повис на руках. Невысокое дерево, росшее в нескольких шагах от стены, приняло его тело. Беззвучно свалившись на его ветви, мгновением позже он уже мчался сквозь ночь размашистым шагом горца, что неутомимо пожирает долгие мили.

Стены Бельверуса были окружены парками и загородными виллами состоятельных жителей. Ленивые рабы, спав-

шие в обнимку с копьями, не замечали стремительной тени, которая перемахивала ограды, скользила по аллеям под сомкнутыми кронами деревьев, неслышно пересекала виноградники и фруктовые сады. Одни лишь сторожевые псы просыпались лаять на эту легкую тень, которую они наполовину чуяли, наполовину угадывали во тьме,— и замолкали, когда она исчезала.

В дворцовом покое король Тараск стонал и сыпал проклятиями, корчась на испятнанном кровью диване под ловкими, быстрыми пальцами Ораста. За дверью, трепеща, толпились перепуганные слуги, но в комнате, где лежал король, кроме него самого и расстриги жреца, никого не было.

— Так ты уверен, что он еще спит? — снова спросил Тараск, скрипя зубами.

Травяные снадобья, которыми Ораст умащивал глубокую и длинную рану на его плече и боку, причиняли невыносимую боль.

— Иштар, Митра и Сет! Жжет, словно кипящая смола преисподней...

— ...В которой ты, без сомнения, уже сейчас бы варился, если бы тебе повезло хоть чуточку меньше,— невозмутимо заметил Ораст.— Кем бы ни был владелец ножа, он бил насмерть. Да, Ксальтотун по-прежнему спит. Я тебе говорил и могу повторить. Но почему это так тебя беспокоит? Он-то здесь при чем?

— Что тебе известно о происшедшем нынче ночью во дворце?

Тараск не сводил с лица Ораста пристального, горящего взгляда.

— Ничего,— прозвучал ответ.— Как ты знаешь, вот уже несколько месяцев я занимаюсь переводами рукописей для Ксальтотуна — перевожу тома эзотерического знания с современных языков на древние, дабы он мог их прочесть. Он

прекрасно владел всеми языками и видами письменности, существовавшими в его эпоху, однако новые, появившиеся с тех пор, изучить еще не успел. Вот он для быстроты дела и велел мне перевести для него кое-какие труды: хочет выяснить, что нового появилось в магии за три тысячи лет. Даже о его возвращении прошлой ночью я узнал лишь тогда, когда он послал за мной и рассказал о сражении... после чего я вернулся к своим занятиям и не покидал кельи, пока во дворце не начался переполох! Я не знал даже о твоем прибытии...

— И о том, что Ксальтотун привез во дворец пленного короля Аквилонии, тоже не знал?

Ораст покачал головой, но, похоже, не особенно удивился.

— Ксальтотун сказал — Конан больше не будет нам мешать. Я предположил, что он убит, но о подробностях не расспрашивал.

— Я собирался прикончить его,— зарычал Тараск,— но Ксальтотун спас ему жизнь. Я сразу понял зачем! Он собирался держать Конана в плену живым и пугать королем нас всех — Амальрика, Валерия и меня! Пока Конан жив - он опасен. Он способен объединить Аквилонию. А значит, с его помощью нас можно принудить вести такую политику, на которую мы бы в ином случае никогда не согласились. Ох, не доверяю я воскресшему пифонцу! И скажу тебе больше: последнее время он попросту внушает мне страх! Когда после битвы он отправился на восток, я выждал несколько часов, а потом последовал за ним. Я хотел выяснить, что он собирается делать с Конаном. Узнал, где он заточил его. Я решил пойти против воли Ксальтотуна и умертвить варвара. И я его...

Осторожный стук в дверь прервал речь короля.

— Это Аридей,— пробормотал Тараск.— Впусти его.

Дверь отворилась — вошел угрюмый оруженосец. Глаза его блестели от сдерживаемого волнения.

— Ну что, Аридей? — воскликнул Тараск.— Поймал ли ты того, кто на меня напал?

— Успел ли ты разглядеть его, государь? — спросил Аридей, словно бы желая еще раз подтвердить некое уже известное ему обстоятельство.— Ты не узнал его?

— Нет. Все произошло очень быстро, и потом, свеча сразу погасла — я уже решил, что Ксальтотун своей магией напустил на меня какого-то демона.

— Пифонец спит, закрывшись на все замки и засовы. Я спускался в подземелье! — И Аридей нервно передернул тощими плечами.

— Говори же! — нетерпеливо потребовал Тараск. — Что ты там увидел?

— Пустую камеру,— прошептал оруженосец.— И дохлую обезьяну!

— Как?! — Тараск вскинулся на диване.

Кровь снова хлынула из открывшейся раны.

— Да, государь,— повторил Аридей.— Людоед мертв — кто-то пырнул его точно в сердце. А Конан сбежал!

Лицо Тараска посерело. Безвольно подчинился он Орасту, который уложил его обратно на диван и занялся раной.

— Конан! Конан! — твердил король.— Там должен валяться его растерзанный труп. А вместо этого он... он сбежал! Он не человек, а сам демон! Я-то думал, за нападением на меня стоит Ксальтотун. Но теперь я знаю, кто это был! Боги и демоны! Конан нырнул меня!.. Аридей!

— Да, мой король!

— Осмотри каждый уголок во дворце. Быть может, он рыщет по темным коридорам подобно голодному тигру! Загляни в каждую нишу... только будь осторожен. Помни, ты охотишься не за цивилизованным человеком, но за кровожадным варваром, свирепым и сильным, точно дикий зверь! Обыщи хорошенько дворцовый парк, нет, весь город! Вели поставить оцепление у стен! Если окажется, что он

уже скрылся из города — а такое вполне возможно,— возьми отряд конников — и за ним! Ты должен выследить его, как выслеживают волка в холмах! Поспеши, и тебе еще удастся его схватить!..

— Тут нам пригодился бы сверхчеловеческий разум,— сказал Ораст.— Не посоветоваться ли с Ксальтотуном?

— Нет! — порывисто воскликнул Тараск.— Пусть воины догонят Конана и расправятся с ним. Ксальтотун не сможет ничего возразить, если мы убьем сбежавшего пленника!

— Ладно,— сказал Ораст,— я, конечно, не чета ахеронцу, но тоже владею кое-каким искусством и повелеваю некоторыми духами, заключенными в материальную оболочку. Я постараюсь помочь.

Фонтан Траллоса находился примерно в миле от городских стен, недалеко от дороги. Дубовая роща окружала его плотным кольцом. Конан издалека расслышал мелодичное журчание; утолив жажду студеной водой, он без промедления направился к югу, где виднелись плотные заросли. Обойдя их, он заметил крупного белого коня, привязанного в кустах. Удовлетворенно и глубоко вздохнув, Конан уже шагнул к коню, когда насмешливый хохот, раздавшийся позади, заставил его стремительно обернуться.

Из непроглядной тени вышел человек, одетый в тускло поблескивавшую кольчугу. Это был не какой-нибудь дворцовый стражник в полированном нагруднике и шлеме со страусиным плюмажем. Перед Конаном стоял высокий, крепкий мужчина в боевом шлеме и серой кольчуге. Он принадлежал к особому классу странствующих воинов, которых можно встретить лишь в Немедии. Их ряды пополнялись теми, кто не сумел обрести рыцарское достоинство и соответствующий достаток либо утратил его; закаленные воины, посвятившие жизнь войне и поиску приключений.

Между ними существовали свои отношения, иногда они возглавляли войска, но сами не признавали над собой никого, кроме короля.

На более опасного врага напороться было мудрено.

Быстрый взгляд, брошенный вокруг, убедил Конана, что его противник находился здесь один. Конан вздохнул полной грудью, подбираясь всем телом в ожидании схватки.

— Я ехал в Бельверус по поручению Амальрика,— осторожно приближаясь, говорил тем временем воин. Звездный свет играл на огромном двуручном мече, который он держал перед собой, вынув из ножен.— Слышу, конь мой перекликается с чьим-то чужим, спрятанным в чаще. Дай, думаю, посмотрю, кому бы это понадобилось оставить в таком месте лошадь? Решил подождать — и, вижу, не прогадал! Я узнал тебя,— пробормотал немедиец.— Ты — Конан, король Аквилонии. Я думал, что ты погиб при Валкие под обвалом, но теперь ви...

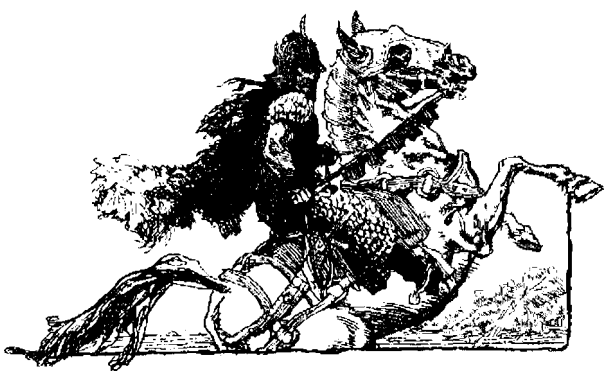
Договорить не пришлось: Конан прыгнул вперед, как раненый тигр. Немедиец, будучи опытным воином, все равно не смог учесть быстроты, на которую в решительный миг способен был варвар.

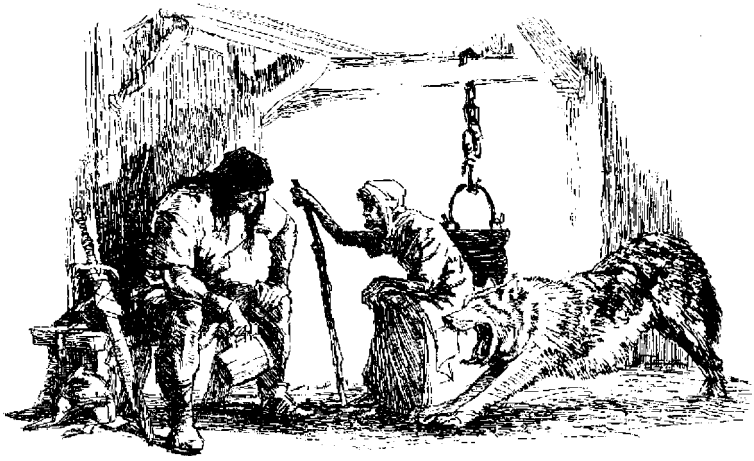
Конан застал его врасплох; тот не успел ни рубануть тяжелым мечом, ни отразить стремительного удара. Кинжал короля вошел ему в горло, над шейным вырезом кольчуги, и, скользнув вниз, остановил сердце. Издав булькающий звук, воин зашатался и рухнул. Он еще не успел упасть, когда Конан безжалостно выдернул кинжал. Белый конь громко фыркнул, шарахаясь от запаха крови, от окровавленного клинка.

Покрытый потом, с кинжалом в руке, Конан замер, как статуя, вслушиваясь в голоса ночи. В лесу стояла тишина, если не считать сонного чириканья разбуженных птиц. Но потом со стороны города, далеко-далеко, резко прокричала труба.

Конан склонился над убитым и быстро обыскал его. Если этот человек и вез какое-то сообщение, то, вероятнее всего, устное.

Король не стал медлить: до рассвета оставалось всего несколько часов. Очень скоро белый конь мчался галопом по дороге на запад, а всадник его был одет в серую кольчугу странствующего воина-немедийца.





7

ЗАВЕСА РАЗДВИНУЛАСЬ

Конан знал: если он хочет спастись, нужно уходить, и уходить быстро. У него не возникло и мысли о том, чтобы спрятаться где-нибудь вблизи Бельверуса и отсидеться, пропустив погоню мимо себя. Он понимал — сверхъестественный союзник Тараска без труда его выследит. Отсиживаться и выжидать не в его натуре: открытая схватка, открытая погоня подходит ему куда больше. Он знал, что отрыв для начала был неплохой и он их еще погоняет, пробираясь к границе.

Зенобия подобрала ему замечательного коня: белый жеребец оказался крепок, силен и отменно вынослив. Девчонка неплохо разбиралась в конях, оружии и, не без самодовольства сказал себе Конан, в мужчинах. Он скакал на запад, оставляя позади милю за милей.

Спящая страна расстилалась вокруг. Конан видел деревни, укрытые зеленью рощиц, и окруженные белыми стенами виллы, раскинувшиеся среди фруктовых садов и просторных полей. Чем дальше на запад, тем меньше их становилось.

Местность постепенно делалась все более суровой и пересеченной. Со скалистых высот хмурились крепости, без слов говорившие о столетиях пограничной войны. Но никто не окликал с их стен одинокого всадника, никто не выезжал наперерез. Хозяева замков были в походе под знаменем Амальрика, и вымпелы, реявшие обычно над башнями, развевались теперь над равнинами Аквилонии.

Когда осталась за спиной последняя деревушка, дорога свернула на северо-запад, к далеким перевалам, и Конан оставил ее. Дорога привела бы его к пограничным башням, где все еще стояли вооруженные гарнизоны, и уж там-то его ни-почем не пропустили бы без расспроса. К тому же с рассветом, по всей вероятности, там появятся обозы с ранеными и кавалькады возвращающихся воинов. Зато вдали от дорог и застав пограничные пустоши вряд ли так кишели разъездами, как в обычное время.

Бельверусский большак — единственная дорога через границу на добрых пятьдесят миль с севера на юг. Дорога вилась между холмами, а слева и справа раскинулись дикие, малонаселенные горы. Конан по-прежнему ехал только на запад, намереваясь пересечь границу в самом сердце глухих гор, несколько южней перевалов. Короткий путь был намного трудней, но вместе с тем и безопасней для преследуемого беглеца. Армия застряла бы здесь, одинокий же человек на коне надеялся проскользнуть.

К рассвету, однако, Конану не удалось достичь гор, синевших у горизонта. Он заехал в такие места, где не было ни ферм, ни деревень, ни вилл, мерцающих белизной сквозь зелень садов. Утренний ветер колебал высокую жесткую траву, высохшую на корню. В отдалении, на невысоком холме, виднелась сторожевая крепость. Аквилонцы нередко тревожили степное приграничье набегами, оттого и поселения здесь встречались реже, чем дальше к востоку.

Казалось, рассвет поджег степь. В небе над головой Конана с заунывным криком пролетела на юг запоздалая стая ди-

ких гусей. Спустившись в болотистую низину, Конан спешился и расседлал коня. В течение нескольких часов он гнал его немилосердно; скакун тяжело поднимал бока, белая шерсть потемнела от пота. Конан дал ему от души поваляться и попастись, сам же взошел на невысокий подъем и залег там, глядя на восток.

Вдалеке виднелась дорога, белой лентой протянувшаяся к склону холма. На ней он не заметил никакого движения. Конан присмотрелся к сторожевому замку. Похоже, и там на одинокого путника не обратили внимания.

Минул час, все было тихо по-прежнему. Конан не замечал вокруг никаких признаков жизни. Лишь однажды между зубцами крепостных бастионов на солнце блеснула сталь. Да еще ворон безостановочно кружился над степью, то снижаясь, то снова взмывая,— ни дать ни взять что-то высматривал. Конан оседлал коня и вновь поскакал на запад, уже без той спешки, чем прежде.

Но едва он выехал из ложбины, как над головой раздалось злорадное карканье. Конан вскинул голову: высоко в небе трепетали черные крылья. Конан поехал дальше, и ворон последовал за ним, держась над его головой и поганя *ясное утро хриплым, назойливым криком. Отогнать его* Конану не удалось.

Так продолжалось несколько часов; в конце концов Конан дошел до последней степени раздражения и готов был отдать полкоролевства только за то, чтобы свернуть эту мерзкую черную шею.

— Демоны преисподней! — взревел он в бессильной ярости, грозя наглому созданию закованным в сталь кулаком.— Ты взялся с ума меня свести своим карканьем? Прочь, черное отродье гибели! Лети лучше поищи пшеницы в крестьянских полях!

Его конь тем временем уже взбирался в предгорья; Конан неприятно удивился, когда на вопли ворона сзади как

будто откликнулось эхо. Обернувшись, он увидел вторую черную точку, повисшую в синеве. А еще дальше послеполуденное солнце играло на полированной стали. Это могло означать лишь одно — воинов. И скакали они не по большаку — тот давно уже скрылся за горизонтом. Они преследовали беглеца.

Мрачнея, вновь посмотрел он на кружившуюся над ним птицу, и по спине пробежал озноб.

— Так значит, это не просто прихоть безмозглой твари,— пробормотал он.— Всадники не могут тебя разглядеть, адское создание, но та, другая, птица видит тебя, а они видят ее. Она следует за тобой и ведет их. Кто ты на самом деле? Отлично обученное пернатое создание или демон в облике птицы? Уж не Ксальтотун ли пустил тебя по моему следу? Или ты сам — Ксальтотун?

В ответ раздался зловещий, пронзительный крик, только теперь Конану слышался в нем отзвук злобной насмешки.

Он не стал больше тратить силы на перебранку с проклятым соглядатаем. Мрачно стиснув зубы, он больше не позволял ему себя отвлекать. Скачка по холмам, лежавшим впереди, обещала быть долгой и трудной. Конан не решался особенно понукать коня, не успевшего толком передохнуть возле болотца. Преследователи были еще далеко, но он подозревал, что его нынешнее преимущество скоро сойдет на нет. Они ведь почти наверняка пересели на свежих коней в замке, мимо которого он проезжал.

Дорога делалась все трудней. Круглые травянистые холмы сменились крутыми, заросшими густым лесом горными склонами. Конан, скорее всего, ушел бы здесь от погони... если бы не чертова птица, продолжавшая кружиться над ним и беспрерывно вопить. Петляя меж скал, Конан потерял из виду преследователей, но понимал, что они по-прежнему шли по пятам, безошибочно ведомые своими крылатыми союзниками. Черная тень над головой все больше казалась

Конану демоном, посланным гнаться за ним по всем кругам преисподней. Камни, которые он с проклятиями швырял вверх, пролетали мимо или падали вниз, не причинив твари вреда. А ведь в юности ему случалось сбивать ястребов на лету!

Конь быстро выбился из сил, и Конан осознал всю безнадежность своего положения. Более того: он ощущал за всем этим неумолимую руку судьбы. Спасения он не видел. Он и теперь оставался таким же пленником, каким был в бельверусских подвалах. Однако Конан не сын Востока и не готов безропотно склониться перед неизбежным. Может, он и не сумеет бежать, но, по крайней мере, прихватит с собой в вечность некоторое количество врагов... Конан присмотрел на горном склоне густые пушистые лиственницы и направился к ним, собираясь принять здесь свой последний бой.

И в это время впереди послышался крик — человеческий, но очень странного тембра. Конан раздвинул зеленые ветви и сразу увидел кричавшую. Там, внизу, на неширокой поляне, четверо воинов в немедийских кольчугах надевали петлю на шею худой древней старухе в крестьянской одежде. На земле валялась охапка сухих веток, перехваченная веревкой. Должно быть, женщина собирала хворост, когда попала в руки воинов.

Негодяи уже подтаскивали старуху к дереву, сучьям которого, раскинутым невысоко над землей, по всей видимости, предназначалась роль виселицы. От такого зрелища в сердце Конана медленно закипела смертоносная ярость. Около часа назад он пересек границу и теперь стоял на своей земле, и что? На его глазах собирались расправиться с одним из его подданных!

Между тем бабка отбивалась отчаянно, проявляя неожиданную силу. Конан увидел, как она подняла голову: снова раздался тот же удивительный и жутковатый, далеко слышный зов. Ворон, мелькавший между вершинами деревьев,

насмешливо передразнил ее крик. Воины захохотали, один из них ударил старуху по лицу.

Конан спрыгнул с усталого жеребца и съехал вниз по каменной круче. Его кольчуга лязгнула, когда он приземлился на траву, и все четверо оглянулись разом, выхватывая мечи. У них так и отвисли челюсти при виде гиганта в кольчуге, стоявшего перед ними с обнаженным клинком в могучей руке.

Конан хрипло расхохотался.

— Подонки! — сказал он, и голос его был спокоен и беспощаден.— Стало быть, немедийские шакалы нынче заделались палачами и вешают моих подданных по своему усмотрению? Нет уж, сперва снимите голову их королю. Я здесь, паршивые шакалы, и я к вашим услугам!

И он шагнул вперед. Воины смотрели на него, не вполне понимая, что происходит.

— Кто этот сумасшедший? — проворчал в бороду один из негодяев.— Кольчуга на нем немедийская, а говорит с аквилонским акцентом.

— Какая разница? — отозвался другой.— Прикончим его, а потом вздернем старую ведьму.

Сказав так, он побежал навстречу Конану, замахиваясь на ходу. Но ударить не успел: просвистел громадный меч короля, раскроив и шлем, и череп под шлемом. Немедиец упал, но остальные оказались закаленными рубаками. Рыча, точно волки, обступили они великана в серой кольчуге, и скоро крики сражающихся и звон стали заглушили даже неумолчное карканье ворона, кружившего вверху.

Конан бился молча. Его губы кривила безжалостная улыбка, глаза превратились в два синих огня. Двуручный меч крушил и сверкал, устремляясь то влево, то вправо. При всей своей богатырской стати Конан был ловок, как лесной кот, и двигался с таким проворством, что удары, сыпавшиеся с трех сторон, чаще всего рассекали лишь воздух. Когда же он рубил сам, удары оказывались страшны и смертонос-

ны. Вот и еще двое свалились в траву и испустили дух, а четвертый получил не менее полудюжины ран и пятился, спотыкаясь и едва поспевая отмахиваться мечом.

И тут шпора Конана запуталась в накидке одного из убитых. Конан запнулся, и, прежде чем он успел вновь обрести равновесие, немедиец, подхлестнутый отчаянием, атаковал его. Конан не удержался на ногах. Немедиец издал хриплый крик торжества и прыгнул вперед, двумя руками занося меч и широко расставляя ноги для решительного удара... Но вдруг что-то большое и мохнатое перелетело через поверженного короля и молнией обрушилось воину на грудь: крик торжества сменился воплем — и стих.

Вскочив на ноги, Конан увидел, что его противник мертв. Он лежал на земле с разорванным горлом, а над ним стоял громадный серый волк и, опустив голову, обнюхивал кровь, лужей растекавшуюся в траве.

Король обернулся, услышав голос старухи. Он обратил внимание, что она высокого роста и держится прямо. И хотя наряд ее говорил о бедности, точеные орлиные черты лица и пронизывающий взгляд черных глаз наводили на мысль, что она не простая крестьянка. Старуха позвала волка, и громадный зверь подбежал, точно послушный пес, и ласково потерся мускулистым плечом о колено старухи, глядя на Конана умными зелеными глазами. Старуха рассеянно опустила руку на мощную шею зверя; оба стояли неподвижно, глядя на короля Аквилонии. И хотя смотрели они совсем не враждебно, Конану под их взглядами стало несколько не по себе.

— *Люди говорят, король Конан погиб, задавленный землей и камнями, когда рухнули скалы при Валкие,*— низким, звучным голосом проговорила старуха.

— Говорят,— буркнул он в ответ.

Спорить ему не хотелось, он думал о конных латниках, нагонявших его с каждым мгновением. Ворон снова пронзи-

тельно закричал, и Конан невольно глянул вверх, раздраженно скрипнув зубами.

Выше по склону, над скалами, устало свесив голову, стоял белый конь. Старуха внимательно посмотрела на него, потом на ворона... и вновь прозвучал таинственный крик вроде тех, что Конан слышал уже дважды. Как бы узнав этот клич и испугавшись его, ворон вдруг замолчал и, развернувшись в воздухе, помчался к востоку. Но далеко улететь не успел. Большая тень накрыла его: откуда-то снялся орел и, быстро набрав высоту, скользнул к черному вестнику. Удар могучих когтей — и мерзкий голос предателя умолк навсегда.

— Кром! — проворчал Конан, во все глаза глядя на старуху.— Никак ты тоже волшебница?

— Я Зелата,— был ответ.— Жители долин называют меня ведьмой. Значит, отродье ночи вело по твоему следу вооруженных людей?

— Да,— сказал Конан.

И отметил про себя, что старуха нисколько не удивилась.

— Похоже, они уже недалеко.

— Возьми коня и следуй за мной, король Конан,— коротко велела она.

Конан без пререканий полез на скалу и сошел на поляну обходным путем, ведя коня в поводу. Он видел, как вернувшийся орел лениво спустился с небес и на миг коснулся плеча Зелаты, простирая громадные крылья и словно боясь сокрушить своей тяжестью хрупкие кости старухи.

Зелата молча зашагала вперед, громадный волк бежал у ноги, орел парил над головой. Конан долго шел за ней то непроглядными чащобами, то извилистыми карнизами, нависшими над бездной. Наконец узкая тропа, тянувшаяся вдоль обрыва, привела их к необычному жилищу, затерявшемуся в путанице хребтов и ущелий. Оно было частью сложено из камня и представляло собой наполовину дом, наполо-

вину пещеру. Сверху нависал огромный утес. Орел взлетел на вершину утеса и застыл там на страже, недвижный, как изваяние.

По-прежнему молча Зелата устроила коня в соседней пещере, пододвинув ему большие охапки травы и молодых листьев; в глубине пещеры журчал тоненький ручеек.

Проведя короля в домик, она указала ему на деревянную лавку, покрытую шкурами, сама же присела на низенькую скамеечку возле крохотного очага. Развела огонь, подбросила в него тамарисковых поленьев и приготовила немудреный ужин. Волк дремал подле нее, положив на лапы тяжелую голову и обратив морду к огню. Волку что-то снилось: его уши подрагивали и шевелились во сне.

— И не страшно тебе сидеть в доме у ведьмы? — нарушив молчание, спросила старуха.

Конан не ответил, лишь передернул плечами, обтянутыми серой кольчугой. Зелата подала ему деревянное блюдо, на котором лежали сушеные фрукты, сыр, ячменный хлеб и стоял вместительный горшок хмельного горского пива, сваренного из ячменя, росшего в заоблачных долинах.

— Задумчивая тишина полян и ущелий милей шума и суеты городских улиц,— сказала Зелата.— А дети лесов — добрее детей человеческих...— Ее рука легонько погладила жесткую шерсть спящего волка.— Сегодня мои дети были далеко от меня, а не то в твоем мече, мой король, не было бы нужды. Они услышали мой зов и поспешили ко мне...

Конан спросил ее:

— Чего от тебя добивались эти немедийские выродки?

— Воины сбегают из вторгшейся армии и разбойничают по всей стране, от границ до самой Тарантии,— отвечала она.— Крестьяне, живущие в долинах, наболтали им, будто у меня где-то припрятан золотой клад. Эти глупцы надеялись отвлечь таким образом внимание от своих погребов и амбаров. Воины требовали у меня выдать сокровища; мои

ответы привели их в ярость... Но здесь тебя не найдут ни разбойники, ни преследователи, ни даже ворон.

Конан покачал головой, жадно заглатывая пищу:

— Я поеду в Тарантию.

Тут уж настал ее черед качать головой.

— Ты лезешь прямо в пасть дракону, король. Лучше будет, если ты скроешься из страны. Твое королевство лишилось сердца.

— Что ты имеешь в виду? — спросил он.— В прежние времена бывало и так, что война начиналась с поражения, а оканчивалась победой. Один проигранный бой еще не потеря всего королевства!

— Значит, ты хочешь поехать в Тарантию?

— Да. Просперо ее Амальрику не отдаст.

— Ты уверен?

— Демоны преисподней, женщина! — воскликнул он гневно.— А как же иначе?

Она снова покачала головой:

— Я чувствую, дела обстоят не так, как тебе кажется. А впрочем, давай посмотрим. Нелегко раздвинуть завесу, и все-таки я постараюсь сделать это и показать тебе столицу.

Конан не разглядел толком, что она метнула в огонь. Однако волк тявкнул во сне, а домик наполнился густыми клубами зеленого дыма. Конану показалось, что стены и потолок начали отступать и наконец ушли в бесконечность; так или иначе, дым не давал ничего рассмотреть. Но потом в нем начали появляться и пропадать какие-то образы, постепенно обретая предельную ясность.

Конан видел знакомые башни и улицы Тарантии, запруженные кричащей толпой. И в то же время каким-то образом он различал вдали немедийские знамена, неудержимо ползущие к западу, а за ними — пожары и пепелища разоренной страны. На главной площади Тарантии бесновался народ. Люди кричали о том, что король пал в бою, что баро-

ны вот-вот начнут делить Аквилонию между собой и что власть короля — даже такого короля, как Валерий,— все же лучше безвластия.

Вот к народу выехал в сияющих латах Просперо. Тщетно пытался он успокоить людей, призывая их довериться графу Троцеро и встать на стенах, помогая его рыцарям удерживать город. Но страх толпы искал выхода в гневе, и слепой гнев обратился против Просперо. В рыцарей полетели отбросы и камни, люди обзывали Просперо пуантенским наймитом и врагом хуже Амальрика.

Ясная картина несколько замутилась — это, видимо, означало пропуск некоторого времени,— и глазам Конана предстал Просперо, покидающий Тарантию во главе своих рыцарей. Выезжая из ворот, они поворачивали к югу и давали шпоры коням. Позади них в городе творилось нечто несусветное...

— Дурачье! — хрипло пробормотал Конан.— Дурачье! Не поверить Просперо! Вот что, Зелата, если ты надумала морочить мне голову...

— Я показала тебе то, что произошло,— ответствовала она сурово и невозмутимо.— Вечером минувшего дня Просперо выехал из Тарантии, выехал почти на глазах у Амальрика. Со стен уже было видно, как горели окрестные села... Так я прочитала в дыму. На закате, не встретив сопротивления, немедийцы вступили в Тарантию. Смотри же! Вот что сейчас происходит в королевском зале Тарантии...

И Конан неожиданно увидел перед собой громадный зал. Валерий, облаченный в горностаевую мантию, стоял на тронном возвышении, Амальрик же, так и не снявший пропыленных, испачканных кровью доспехов, возлагал на его желтые кудри сверкающий золотой обруч — корону Аквилонии! Толпа, ликуя, рукоплескала; молча стояли длинные ряды закованных в сталь немедийских воинов. Вельможи, бывшие при Конане в немилости, прохаживались с развяз-

ным и напыщенным видом, и у каждого на рукаве красовался герб Валерия.

— Кром! — Конан вскочил с яростным криком, сжимая огромные кулаки. На висках вздулись жилы, судорога исказила его лицо.— Немедиец короновал изменника аквилонской короной! В королевском зале Тарантии!

Как бы развеянный этой бешеной вспышкой, дым поблек и пропал, и Конан встретил взгляд черных глаз Зелаты, поблескивавших в полутьме.

— Ты сам видел — жители твоей столицы оказались недостойны свободы, которую ты завоевал для них потом и кровью. Они сами отдались в руки работорговцам и палачам. Они показали, что не верят в свое предназначение. И на этих-то людей ты хочешь опереться, отвоевывая королевство?

— Они думали, будто я мертв,— проворчал он, беря себя в руки.— Сына у меня нет, а люди не склонны хранить верность памяти... Ну и пусть немедийцы взяли Тарантию. Еще остались провинции и тамошние бароны... остался народ! Валерий добыл всего лишь мимолетную славу...

— Ты упрям, как и подобает бойцу. Я не властна показать тебе ни будущее, ни все прошлое полностью. На самом деле я вовсе ничего тебе не показываю. Я лишь помогаю тебе увидеть, как неизреченные силы раздвигают завесу. Не хочешь ли поискать в мигнувшем ключа к тому, что происходит сегодня?

— Хочу! — Конан вновь сел.

И опять заклубился зеленый дым. Снова замелькали видения. На сей раз королю оставалось только гадать, какое отношение они имели к происходившему. Он увидел громадные, вздымающиеся черные стены и окутанные тенями пьедесталы, на которых громоздились отвратительные изваяния звероголовых богов. В тенях двигались люди — жилистые, смуглокожие люди в набедренных повязках из красного шелка. Они уносили в гигантские черные коридоры зеленый

нефритовый саркофаг. Но пока киммериец размышлял о смысле увиденного, картина переменилась. Перед Конаном предстала пещера — обитель мрака, логово безымянного ужаса. На алтаре, вытесанном из черного камня, стоял странной формы золотой сосуд, сработанный в виде раковины морского гребешка. Конан видел, как проникли в пещеру люди — такие же смуглые и жилистые, как и те, которые несли саркофаг. Они схватили сосуд... и тотчас кругом них заклубились тени,— Конан не мог с уверенностью сказать, что там произошло. Он успел только разглядеть в вихре тьмы некое сияние; источник сияния показался ему комком живого огня.

А потом дым стал всего лишь обычным дымом, он поднимался с тамарисковых поленьев, рдея и становясь прозрачным.

— Но что означает все это? — спросил Конан недоуменно.— При чем здесь заморийские воры, крадущиеся переходами стигийского подземного храма Сета? И эта пещера — сколько ни странствовал я по свету, ни о чем похожем не слышал. Я видел какие-то разрозненные обрывки, которые мало что значат сами по себе. Но раз уж ты смогла мне их показать, почему ты не можешь приоткрыть мне будущее?

Зелата долго молчала, ворошила угли.

— Эти вещи подчинены непреложным законам,— сказала она наконец.— Я не могу тебе объяснить. Я и сама не вполне понимаю, а ведь я бессчетные годы училась мудрости в тишине горных вершин. Если бы я могла, то спасла бы тебя, но этого мне не дано. У последней черты человек должен сам трудиться ради своего спасения. Возможно, однако, мне что-нибудь откроется в сновидении и утром я смогу подсказать тебе ключ к тайне.

— К какой тайне? — спросил Конан.

— К той, что противостоит тебе и уже лишила тебя королевства,— ответила она.

Потом Зелата расстелила овчину на полу перед очагом:

— Спи!

Не сказав ни слова, Конан растянулся на овчине и погрузился в беспокойный, но все же глубокий сон. Чудовищные тени склонялись над ним, молчаливые призраки крались сквозь его сновидения, а потом на фоне пурпурного бессолнечного горизонта предстал силуэт невидимого и великого города. Этого города не было на дневном лике Земли. Громадные колонны и тонкие минареты, казалось, доставали до звезд. А над ними, точно мираж, плыло бородатое лицо Ксальтотуна.

Конан открыл глаза в зябких предрассветных сумерках и сразу увидел Зелату, склонившуюся перед крохотным огоньком. Он ни разу не проснулся в течение ночи, даже шаги выходившего, а затем вернувшегося волка не разбудили его. Волк сидел у очага. На мохнатой шубе блестели капли росы — и не только росы. В густом меху запеклась кровь, на плече была рана.

Зелата кивнула, не оборачиваясь: казалось, мысли царственного гостя она читала как раскрытый свиток.

— Он охотился перед рассветом, и кровавой была его добыча,— сказала старуха.— Человек, вздумавший выслеживать короля, никогда уже не будет охотиться ни на человека, ни на животное.

Конан завороженно смотрел на громадного зверя. Зелата протянула королю плошку с едой.

— Когда я снова сяду на трон, я ни о чем не забуду,— сказал он коротко.— Ты здорово выручила меня... видит Кром, я уж и не помню, когда это я ложился спать, полностью доверившись гостеприимству мужчины или женщины, как нынешней ночью! Но что там насчет загадки, которую ты сулила истолковать мне поутру?

Последовало долгое молчание, нарушаемое лишь потрескиванием поленьев в огне.

— Разыщи Сердце своего королевства,— наконец проговорила Зелата.— В нем заключено твое поражение — или победа. В этой битве ты сражался не только со смертными. И тебе не бывать больше на троне, если ты не разыщешь Сердце своего королевства!

— Ты имеешь в виду город? Тарантию? — спросил он.

Она покачала головой:

— Я всего лишь пророчица, чьими устами вещают боги. И они же налагают на мои уста печать, дабы я не открыла тебе слишком многого. Ты должен отыскать Сердце своего королевства — это все, что я могу тебе сказать. Боги отверзают мои уста, боги их и замыкают.

Рассвет едва серебрил горные пики, когда Конан снова пустился в путь. Оглянувшись через плечо, он увидел Зелату, стоявшую у двери домика. Лицо старухи, как всегда, было непроницаемо, огромный волк сидел у ноги...

Над горами висело серое небо, холодный, стонущий ветер пел о близкой зиме. Побуревшие листья медленно слетали с оголенных ветвей, падая на плечи короля, обтянутые кольчугой.

Весь день ехал он по горам и холмам, держась подальше от деревень и дорог. Незадолго до темноты он начал спускаться в предгорья и наконец увидел широкие равнины Аквилонии, расстилавшиеся впереди.

Здесь, с западной стороны хребта, деревни и фермы примыкали к самому подножию гор, ибо вот уже полстолетия аквилонцы гораздо чаще тревожили набегами немедийцев, чем наоборот. Но теперь лишь угли и пепел позволяли угадать, где стояли раньше дома земледельцев и виллы вельмож.

Конан медленно ехал вперед в сгущавшейся темноте. Ему не слишком хотелось быть узнанным как недругами, так и

друзьями, но опасаться этого не приходилось. Двигаясь на запад, немедийцы в полной мере припомнили соседям старые счеты, и Валерий даже не пытался сдерживать своих союзников. На то, чтобы завоевать любовь простого народа, он и не рассчитывал. Потому-то к западу от предгорий через всю страну протянулась широкая полоса пожарищ и разрушений. Конан ругался сквозь зубы, пересекая черные пепелища, бывшие когда-то тучными нивами, в стороне от которых вздымались к небесам остовы сгоревших домов. Земли вокруг были пусты и безлюдны, и Конан казался себе самому призраком, явившимся из давно забытого прошлого.

Скорость, с которой здесь двигалось неприятельское войско, свидетельствовала о том, сколь мало им выказывали сопротивления. И все-таки, если бы сам Конан возглавлял своих аквилонцев, захватчикам пришлось бы кровью покупать каждый фут этой земли. «Если бы за мной стояла династия! — с горечью думал король.— Но я — всего лишь одинокий искатель приключений, волею судеб вознесенный на трон. Даже та толика королевской крови, которой хвастается Валерий, оказывает больше влияния на умы людей, чем память о Конане, давшем стране ее мощь и свободу...»

Отряд, гнавшийся за ним в Немедии, так и не пересек гор. Конан озирался в поисках отбившихся от своих или возвращавшихся немедийских воинов, но не встретил ни одного. Мародеры поспешно убирались с дороги, принимая его в доспехах за одного из завоевателей. Земли к западу от гор изобиловали речками и рощицами — было где спрятаться и отсидеться.

Так он и ехал по разграбленной, разоренной стране, останавливаясь только затем, чтобы дать отдых коню и самому подкрепиться пищей, которую собрала в дорогу Зелата. И вот наконец однажды утром, схоронившись на речном берегу, густо заросшем ивами и дубами, он разглядел вдали,

за полями и перелесками, голубые с золотом башни Тарантии.

Вымерший край остался позади — здесь жизнь била ключом. Конан вынужденно двигался медленно и осторожно, прячась в густых лесах и держась нехоженых троп. В поздних сумерках подъехал он к имению Сервия Галанна.

8

УГЛИ ГАСНУЩЕГО КОСТРА

Местность кругом Тарантии счастливо избежала погрома, который пришлось пережить восточным провинциям. Сломанные заборы, вытоптанные поля, ограбленные амбары — все это было и здесь, но огонь и клинки все же не бушевали так, как в других местах.

Лишь одна угрюмая груда пепла и почерневших камней невольно притягивала взгляд. Конан помнил, тут когда-то стояла прекрасная вилла одного из его самых убежденных сторонников.

Король не решился в открытую приблизиться к ферме Галанна, лежавшей всего в нескольких милях от города. Долго ехал он в сумерках по обширному лесу, пока между деревьями не показалась сторожка. Спешившись и привязав коня, он подошел к двери домика, намереваясь послать за Сервием сторожа. Откуда знать, какие враги могли засесть в доме? Войск поблизости не видно, но кто поручится, что они не расквартированы по всем окрестным поместьям?.. Однако, приблизившись, он увидел, как растворилась дверь хозяйского дома, выпустив плотно сбитого человека в облегающих

шелковых штанах и расшитом камзоле. Человек свернул на тропинку, уводившую в лес.

— Сервий!

Услышав негромкий оклик, хозяин усадьбы издал испуганное восклицание и обернулся. Его рука метнулась к короткому клинку, висевшему у бедра. Он шарахнулся прочь от высокого, облитого серой сталью силуэта, возникшего перед ним в темноте.

— Кто ты такой? — спросил он.— Кто твой... О Митра! — Он ахнул, и бледность расползлась по румяным щекам.— Изыди! — вырвалось у него.— Зачем ты вернулся из серых долин смерти и пугаешь меня? Пока ты ходил по земле, я всегда был тебе верен...

— Я и в дальнейшем рассчитываю на твою верность,— ответствовал Конан.— Да не трясись ты так! Я из плоти и крови!

Взмокший Сервий нерешительно подошел, вглядываясь в лицо одетого в кольчугу гиганта, а потом, убедившись, что перед ним и вправду не дух, упал на колени и сдернул с головы украшенный перьями берет.

— О государь! Это чудо, превосходящее всякую веру! Главный колокол цитадели отзвонил по тебе много дней назад. Люди говорят, ты умер при Валкие, задавленный грудами земли и камней.

— В моих доспехах был другой,— проворчал Конан.— Но поговорим об этом потом. Если, положим, у тебя на столе найдется кусочек мяса...

— Прости, государь! — вскакивая, воскликнул Сервий.— В твою кольчугу въелась пыль дальней дороги, а я держу тебя здесь и кормлю разговорами. Да простит меня светлый Митра! Теперь я и в самом деле вижу, ты живой, но, клянусь, когда я повернулся и увидел в потемках этакое серое привидение, коленки мои чуть не подломились. Встретить вечером в лесу человека, в чьей смерти убежден,— это ли не страх?

— Пусть сторож позаботится о моем жеребце, он привязан вон за тем дубом,— попросил Конан.

Сервий, кивнув, увел короля в сторону от тропинки. Придя в себя после пережитого испуга, вельможа явно занервничал.

— Лучше я пришлю слугу из дома,— сказал он.— Сторож сейчас у себя, но можно ли в нынешние времена доверять хотя бы и собственным слугам? Будет лучше, если о твоем возвращении не узнает никто, кроме меня.

Подойдя к большому дому, смутно белевшему за деревьями, Сервий свернул на дорожку, которой пользовались нечасто: она вилась среди дубов, посаженных вплотную друг к другу, так что переплетенные ветви смыкались над головой, не пропуская слабый свет сгущавшихся сумерек. Сервий шел поспешно и молча, с явным трудом одолевая снедавший его страх. Он провел Конана в дом маленькой боковой дверью, за которой тянулся узкий полутемный коридор. Все так же тихо и быстро они пересекли его и оказались в просторном покое с дубовым потолком и стенами, отделанными породистым деревом. В большом камине пылали целые бревна, ибо осенний воздух дышал ранним морозцем, а на столе из красного дерева аппетитно дымился в каменном противне мясной пирог. Сервий запер тяжелую дверь и погасил свечи, горевшие в серебряном подсвечнике на столе. Теперь комнату освещали лишь блики пламени камина.

— Прости, государь,— принялся извиняться вельможа.— Нынче опасно: повсюду бродят шпионы. Вовсе незачем, чтобы кто-нибудь заглянул в окно и признал тебя. Пирог, однако, прямо из печи: я собирался переговорить со сторожем и, вернувшись, поужинать. Если, государь, ты снизойдешь...

— Света мне хватит,— буркнул Конан, садясь к столу и без особых церемоний вытаскивая кинжал.

Жадно набросился он на ароматный пирог, запивая его вином со знаменитых виноградников Сервия. Казалось, он

и думать забыл об опасности, но Сервий так и ерзал на скамье у огня, нервно перебирая пальцами золотую цепь, висевшую на груди. Беспрестанно косился он на фигурные стекла окна, поблескивавшие в свете огня, а то, вслушиваясь, оборачивался к двери, как бы ожидая услышать за нею чьи-то шаги.

Покончив с едой, Конан поднялся и пересел поближе к огню.

— Я не стану подвергать тебя лишней опасности своим присутствием, Сервий,— сказал он без обиняков.— Рассвет застанет меня далеко от твоих владений.

— Государь! — Сервий умоляюще вскинул руки, но Конан лишь отмахнулся.

— Твоя верность и твое мужество мне отлично известны. И то и другое превыше всяких похвал. Но если мой трон захвачен Валерием, укрывать меня для тебя — верная смерть.

— У меня нет сил для открытого неповиновения,— признался Сервий.— Жалкие полсотни воинов, которых я мог бы вывести в битву,— что солома на ветру против их войска... Ты видел руины владений Эмилия Скавона?

Конан угрюмо кивнул.

— Ты же знаешь, он был самым могущественным вельможей этой провинции,— продолжал Сервий.— Он наотрез отказался присягнуть на верность Валерию. Немедийцы сожгли его в собственном доме. Тогда мы, уцелевшие, поняли бессмысленность сопротивления, тем более что и жители Тарантии не стали сражаться. Мы покорились, и Валерий оставил нам жизнь, хотя и обложил налогом, который наверняка разорит многих. Но что нам оставалось делать, государь? Мы ведь думали — тебя больше нет. Многие бароны погибли, другие томятся в плену. Армия разогнана и разбита, а наследника у тебя нет. Нас некому было возглавить...

— А куда смотрел Троцеро де Пуантен? — резко спросил Конан.

Сервий беспомощно развел руками:

— Правду сказать, его полководец Просперо встал во главе небольшого войска и принял бой. Отступая перед Амальриком, Просперо безуспешно побуждал жителей встать под свое знамя. Увы, государь, после твоей кончины всем сразу вспомнились прежние свары и междоусобные распри. Вспомнили и о том, как Троцеро со своими пуантенцами когда-то прошелся по этим землям не хуже Амальрика — с огнем и мечом. Бароны не пожелали признать главенства Троцеро. Какие-то люди — не иначе шпионы Валерия — кричали на улицах, дескать, граф Пуантенский сам подумывает об аквилонской короне. Все разом принялись сводить старые счеты... Если бы у нас был хоть один наследник династии, мы бы немедля короновали его и пошли за ним на немедийцев. Но такого человека не нашлось... Бароны, сохранившие тебе верность, нипочем не желали избрать из своей среды короля: каждый мнил себя ничем не хуже соседа, каждый опасался честолюбия остальных. Прости, государь, но ты был для них чем-то вроде веревки, удерживающей вместе вязанку хвороста. Не стало веревки — и развалилась вязанка. Если бы у тебя был сын, бароны сплотились бы вокруг престолонаследника. Но вышло так, что их любовь к родине не обрела зримого символа... А купцы и простой народ — они более всего страшились безвластия и опасались, как бы не вернулись прежние дни раздробленности и усобиц, когда каждый барон устанавливал у себя свои собственные законы. Эти люди ратовали за то, что, мол, скверный король все же лучше, чем вообще никакого,— даже Валерий, который худо-бедно в родстве с прежней династией. Потому-то никто и не преградил ему путь, когда он подъехал к городским стенам во главе войска, закованного в стальные латы, и ударил пикой в ворота Тарантии, и алый дракон Немедии реял над его головой... Вообрази, государь: люди тотчас распахнули ворота и бросились перед ним на колени! Они отказались помочь

Просперо и не заперлись в городе. Они сказали: Валерий будет лучшим королем, чем Троцеро. Они утверждали — и так оно и есть, государь,— что бароны навряд ли подчинятся Троцеро, зато Валерия многие из них примут охотно. Они решили переметнуться к Валерию, чтобы таким образом избегнуть и ужасов междоусобной войны, и ярости немедийцев. Просперо уехал на юг с десятью тысячами своих рыцарей, а всего через несколько часов в город вступила немедийская конница. Немедийцы не погнались за Просперо. Они заняли Тарантию и короновали Валерия.

— Стало быть, дым старой ведьмы показывал правду,— пробормотал Конан, и по его спине снова пробежал холодок.— А не Амальрик ли короновал Валерия?

— Да, в большом королевском зале, и говорят, кровь после резни едва высохла у него на руках.

— И как же процветает народ при его милосердном правлении? — с гневной насмешкой поинтересовался король.

— Валерий живет как завоеватель в покоренной стране,— с горечью ответил Сервий.— При дворе полно немедийцев, из них же составлены дворцовые войска, в цитадели стоит крупный гарнизон немедийских воинов. Воистину, государь, наступил Час Дракона! Немедийцы гуляют по улицам развязной походкой господ. Они бесчестят женщин и ежедневно грабят купцов, а Валерий то ли не хочет, то ли не может их приструнить. Нет, он всего только пешка, он марионетка, а за ниточки дергает кто-то другой. Умные люди с самого начала предвидели, так оно и случится, а теперь и народ стал понимать, что к чему. Амальрик с сильной армией отправился по внешним провинциям — усмирять непокорных баронов. Увы, единства между баронами как не было, так и нет. Они боятся и ненавидят друг друга больше, чем Амальрика. Вот он и раздавит их поодиночке, одного за другим. Во многих замках и городах сразу поняли это и сдались без боя. Тем, кто сопротивляется, приходится плохо. Неме-

дийцы рады утолить свою давнюю ненависть. К тому же их ряды постоянно пополняются аквилонцами, которых гонит к ним голод, жадность или нужда. Чего, собственно, и следовало ожидать.

Конан печально кивнул, глядя, как багровые отсветы пламени играют на дубовых панелях, покрытых замысловатой резьбой.

— Итак, в Аквилонии есть король: безвластия, которого все так боялись, удалось счастливо избежать,— помолчав, проговорил Сервий.— Валерий и не думает защищать подданных от своих союзников-немедийцев. Сотни людей, которым не удалось заплатить назначенный выкуп, уже проданы кофским работорговцам.

Конан резко вскинул голову, синие глаза вспыхнули смертоносным огнем. Подобно железным молотам, сжались его кулаки, он витиевато выругался.

— Да,— сказал Сервий,— белые мужчины и женщины продаются в рабство, как во времена усобиц. Им суждено влачить жизнь рабов и рабынь во дворцах Турана и Шема. Да, Валерий стал королем, однако единения, на которое так надеялся народ, нет и в помине. К тому же Гандерланд на севере и Пуантен на юге еще не покорены, да и на западе держатся некоторые провинции, чьи бароны заручились поддержкой боссонцев. Но эти провинции далеки и серьезной угрозы для Валерия не представляют. Если им сильно повезет, они смогут отстоять свою независимость, но в наступление не перейдут. Здесь, в центре страны, Валерий и его чужеземные рыцари гораздо сильнее.

— Пусть радуется, пока может,— мрачно сказал Конан.— Ему недолго осталось. Народ скоро прослышит, что я жив, и поднимет восстание. Мы отобьем Тарантию еще прежде, чем подоспеет со своими армиями Амальрик. Мы выметем эту падаль из королевства поганой метлой...

Сервий молчал. Тишину нарушало только потрескивание дров.

— Ну? — воскликнул Конан нетерпеливо.— Почему сидишь, повесив голову, и смотришь в огонь? Ты не согласен со сказанным?

Сервий не отважился посмотреть ему прямо в глаза.

— Ты сделаешь все, что под силу смертному человеку, мой государь,— отвечал он.— Я бывал с тобой в битвах и знаю, перед твоим мечом склоняется любое существо из плоти и крови.

— Что ты этим хочешь сказать?

Сервий поплотнее запахнул подбитый мехом камзол и содрогнулся, хотя у огня было тепло.

— Поговаривают,— прошептал он,— будто причиной твоего падения послужила черная магия.

— Ну и что с того?

— Как что, государь? Разве под силу смертному человеку бороться против магии? Кто этот скрывающий свое лицо чужестранец, с которым Валерий и его приспешники, по словам верных людей, совещаются чуть не каждую ночь? Тот, который появляется и исчезает столь таинственно? До меня дошли слухи, будто это страшный волшебник, умерший тысячи лет назад и возвратившийся из пучин смерти, дабы свергнуть короля Аквилонии и восстановить на троне династию, наследником которой является Валерий.

— Какая разница? — гневно вырвалось у Конана.— Я ушел из лап демонов, обитающих в бельверусских подвалах, а потом — от демона в горах. Если народ поднимется...

Сервий покачал головой:

— Твои вернейшие сподвижники в восточных и центральных провинциях перебиты, бежали или томятся в застенках. Гандерланд на севере и Пуантен на юге отсюда слишком далеки. Боссонцы отступили в свои западные пределы. Понадобятся долгие недели, чтобы собрать и сосредоточить силы. Прежде чем ополченцы соединятся, Амальрик уничтожит их порознь.

— Но неужели восстание в центральных провинциях не склонит в нашу пользу чашу весов? — воскликнул Конан.— Захватив Тарантию, мы продержались бы в ней до подхода гандеров и пуантенцев, Амальрик там или не Амальрик!

Сервий помедлил, потом выговорил, понизив голос:

— Ходит слух, что ты не только погиб, но и был проклят. Будто бы человек, чье лицо скрыто, навел чары, которые сгубили тебя и привели войско к разгрому. По тебе отзвонил колокол в цитадели. Люди уверены, короля Конана больше нет. Но даже если в центральных провинциях прослышат, что ты жив, народ не поднимется. Он не посмеет. Чародейство погубило тебя в битве при Валкие, чародейство же и принесло вести в Тарантию, ибо в тот самый вечер на улицах уже кричали о поражении. А потом на улицы вышел немедийский жрец и обратил черные силы против тех, кто еще сохранил тебе верность. Я сам видел это! Вооруженные люди падали, точно мухи, и умирали на мостовой, и невозможно было понять, какая смерть их уносила. А тощий жрец смеялся и приговаривал: «Я просто Альтаро, ничтожный ученик Ораста, который сам — всего лишь скромный послушник того, чье лицо скрыто. Эта сила — не моя: я только проводник ее...»

— Ну так что,— резко произнес Конан,— неужели не лучше с честью погибнуть, чем жить в бесчестии? Неужели смерть хуже, чем угнетение, рабство и каждодневный позор?

Страх перед колдовством гонит прочь разум,— ответствовал Сервий.— Этот страх в центральных провинциях столь силен, что люди не восстанут даже ради тебя. Внешние провинции, надо думать, решатся на битву, но те же чары, которые поразили твое войско при Валкие, поразят его вновь. Немедийцы мертвой хваткой держат самые обширные, богатые и населенные области Аквилонии; с теми силами, которые тебе, быть может, удастся собрать, их не освободить. Ты

лишь принесешь ненужную жертву, сгубив верных тебе людей... Горько вымолвить, но это так: государь мой Конан, ты — король без королевства.

Конан смотрел в огонь, не торопясь отвечать. Вот рассыпалось, не дав даже искр, насквозь прогоревшее полено. Не так ли рассыпалось прахом и его королевство?

И вновь Конану померещилась за внешним обликом событий некая неосязаемая, но вполне реальная сила. Вновь ощутил он неумолимый ход безжалостной судьбы... отчаяние и ужас загнанного в ловушку... багровую ярость, неистовое желание пустить в ход меч, крушить, убивать...

— Где сановники моего двора? — спросил он наконец.

— Паллантида тяжело ранили при Валкие, он угодил в плен, но семья выкупила его. Сейчас он у себя, в своем замке в Атталусе, залечивает раны. Счастье, если он сможет когда-нибудь снова сесть на коня. Канцлер Публиус бежал переодетым, никто не знает куда. Совет разогнан: кто в ссылке, кто за решеткой. Многие верные тебе люди преданы смерти. В частности, не далее как нынешней ночью под топором палача умрет юная графиня Альбиона.

Конан вздрогнул, и такая ярость вспыхнула в его синих глазах, что вельможа отшатнулся помимо собственной воли.

— За что? — спросил Конан.

— За то, что не пошла к Валерию в наложницы. Ее земли отобраны, слуги проданы в рабство, и сегодня в полночь в Железной Башне скатится на плаху ее голова. Осмелюсь посоветовать тебе, мой король,— ибо для меня ты навеки король — беги, покуда тебя не узнали! Время такое, никому верить нельзя. Всюду кишат соглядатаи, готовые объявить малейший проступок, любое недовольное слово изменой и подстрекательством к восстанию! Если ты откроешься подданным, государь, тебя непременно схватят и казнят. В твоем распоряжении я сам, люди, которым я доверяю, и быстрые кони. К рассвету мы будем далеко от Тарантии, а там

рукой подать до границы. Я не могу помочь тебе вернуть королевство, но, по крайней мере, буду в изгнании рядом с тобой...

Конан покачал головой. Он молча смотрел в огонь, подперев огромным кулаком подбородок. Пламя бросало красноватые блики на стальные звенья кольчуги, зажигало в глазах волчьи зловещие огоньки. И Сервий, в невольном беспокойстве взиравший на Конана, с особой остротой ощутил: его король был существом поистине из иного мира. Могучее, закаленное тело под серой кольчугой не принадлежало цивилизованному человеку, в глазах полыхали огни первобытных стихий. Все, что было в короле варварского, выступило на передний план; у последней черты с него спала тонкая оболочка внешней цивилизованности, обнажив суть. Конан вновь становился варваром, которым родился. Он действовал не так, как действовал бы в тех же обстоятельствах цивилизованный человек, его мысль летела иными путями, и невозможно ее предсказать. Поистине один шаг отделял короля Аквилонии от одетого в шкуры воина с киммерийских холмов...

— Я поеду в Пуантен, если получится,— сказал наконец Конан.— Поеду один. Но прежде мне, как королю Аквилонии, нужно сделать еще одно дело.

— О чем ты, государь? — Предчувствие бросило Сервия в дрожь.

— Сегодня я иду в Тарантию за Альбионой,— ответил король.— Вышло так, что я не смог защитить своих подданных. Но если они срубят голову ей, пусть рубят заодно и мою.

— Безумие!

Сервий вскочил и поднял руки к горлу, как бы уже ощущая захлестнувшую его петлю.

— В Башню ведут потайные ходы, о которых знают немногие,— сказал Конан.— В любом случае я буду последним дерьмом, если позволю казнить Альбиону за то, что она со-

хранила мне верность. Пусть я буду королем без королевства, но не мужчиной без чести!

— Мы все погибнем! — обреченно выдохнул Сервий.

— Погибну только я, если потерплю неудачу. Ты и так достаточно рисковал, принимая меня. Я пойду один, и немедля. А у тебя попрошу только повязку на один глаз, посох и одежду странника...

9

«ЭТО КОРОЛЬ! ИЛИ ЕГО ПРИЗРАК!»

Множество народа проходило под аркой громадных ворот Тарантии в часы между закатом и полночью: припоздившиеся странники, чужеземные купцы, ведущие вереницы тяжело груженных мулов, работники с окружающих виноградников и ферм. Теперь, когда власть Валерия в центральных провинциях до некоторой степени упрочилась, не было нужды обыскивать всякого, кого постоянная людская река вносила сквозь тяжелые ворота. Строгости военного времени отменили: на страже стояли полупьяные немедийцы, высматривавшие в толпе разве что смазливых молоденьких крестьянок да богатых торговцев, которых можно заставить раскошелиться. Им было не до того, чтобы обращать внимание на каждого рабочего с фермы или запыленного путника — даже если путник на голову выше большинства других людей и поношенный плащ не в силах скрыть очертаний мощного тела.

Этому человеку была свойственна прямая осанка и грозная воинская стать, притом что он сам не осознавал ее, а значит, и не пытался скрывать. Широкая повязка прикрывала

один глаз, кожаная шапка, надвинутая на самые брови, не давала рассмотреть черты лица. Сжимая загорелой рукой тяжелый толстый посох, он не спеша миновал арку, где, треща и плюясь брызгами смолы, горело несколько факелов, и, напутствуемый равнодушными взглядами подвыпивших стражников, вышел на улицы Тарантии.

Широкие улицы города хорошо освещались. Как обычно, толпы людей сновали по своим делам туда и сюда, мастерские и ларьки были открыты, на прилавках красовался товар. Лишь одна примета наступивших перемен бросалась в глаза. Там и сям прохаживались немедийские воины, где группками, где поодиночке. Развязно и нагло, с видом хозяев проталкивались они сквозь толпу. Женщины спешили в сторонку, стараясь не попадаться им на пути, мужчины отступали прочь, темнея лицом и стискивая кулаки. Аквилонцы были гордым народом, а вражда с немедийцами тянулась из глубины веков.

Пальцы странника, сжимавшие посох, побелели от напряжения, но он, как и прочие, безропотно отступил, пропуская одетых в кольчуги завоевателей. В своей линялой, пропыленной одежде он мало чем выделялся среди пестрого многолюдья. Лишь однажды, проходя мимо лавки оружейника и попав в полосу яркого света, лившегося из дверей, он ощутил чей-то пристальный взгляд, быстро обернулся и заметил какого-то человека в коричневой куртке работника, который внимательно приглядывался к нему. Человек поспешно отвел глаза и затерялся в толпе. Конан, однако, тут же свернул в узкий проулок и прибавил шагу. Возможно, им заинтересовался праздный зевака, не более. Но рисковать попусту он не собирался.

Угрюмая Железная Башня стояла поодаль от цитадели, посреди путаницы узеньких улочек и беспорядочно расположенных домишек. Находилась Башня в центральной части города, где полагалось бы селиться богатым. Однако состоятельные горожане сторонились столь зловещего со-

седства: так и разрослись убогие кварталы в месте, вовсе для них не предназначенном. Сама же Башня в действительности была настоящим замком. Громадные древние стены складывались из тяжелых каменных глыб, скрепленных почерневшим железом: когда-то, в минувшем столетии, здесь была тарантийская цитадель.

Неподалеку от нее, затерявшись между купеческими складами и доходными домами, частью покинутыми, стояла старинная сторожевая башня, до того заброшенная и позабытая, что вот уже более ста лет ее даже не считали нужным наносить на планы города. Для какой цели она служила прежде, никто уже не знал. Последнее время мало кому доводилось бросить даже случайный взгляд на старую башню и на замок, висящий на ее двери, дабы покинутое здание не сделалось прибежищем воров и нищих. А между тем замок, внешне выглядевший дряхлым и ржавым, на самом деле был нов, исключительно крепок и донельзя хитро устроен, а ржавчина и грязь лишь скрывали это. Во всем королевстве за все времена едва набралось бы полдюжины людей, знавших тайны, которые охраняли этот замок.

В его тяжелом, обросшем зеленью корпусе не было даже скважины для ключа. Однако умелые пальцы Конана быстро нашли несколько выпуклостей, незаметных для случайного взгляда, и надавили их в определенном порядке. Дверь беззвучно отворилась вовнутрь, и король ступил в темноту, столь плотную, что ее, казалось, можно пощупать. Войдя, он прикрыл дверь за собой. Будь у Конана светильник, он увидел бы, что башня внутри совершенно пуста: голый каменный цилиндр, и более ничего.

Уверенно пошарив в знакомом углу, Конан ощупал одну из плит пола. Быстро подняв и отодвинув ее, он без долгих раздумий спустился в открывшуюся дыру. Под ногами были каменные ступени; Конан знал, они вели в узкий туннель и далее прямо в подвал Железной Башни, стоявшей через три квартала отсюда.

Гулко ударил большой колокол цитадели, в него били только в полночь или когда народу объявляли о кончине монарха. Внутри Железной Башни открылась дверь скудно освещенной комнаты, и в коридор вышел человек. Изнутри, надо сказать, Железная Башня выглядела столь же безрадостно, как и снаружи: голые, грубо обработанные каменные стены, каменные плиты пола, глубоко истертые спотыкающимися шагами бесчисленных узников, а над ними — сводчатый каменный потолок, едва озаренный слабым пламенем факелов, чадивших в нишах стен.

Человек, шедший тяжелой походкой по мрачному коридору, как нельзя лучше соответствовал всему, что его окружало. Мужчина был высокого роста, мускулистое тело плотно обтягивал черный шелк. Голову покрывал черный капюшон, снабженный двумя отверстиями для глаз. За спиной колыхался широкий черный плащ, а на плече покоился тяжелый топор. Достаточно взглянуть на этот топор один раз, чтобы понять: он не был ни оружием воина, ни орудием мастерового.

Навстречу с другого конца коридора ковылял сутулый кислолицый старик, горбившийся под тяжестью фонаря и копья.

— Твой предшественник был точнее тебя, господин палач,— проворчал старик.— Уже пробило полночь, и те, в масках, пошли в камеру госпожи. Ты заставляешь их ждать!

— Эхо от колокола еще гуляет среди башен,— ответил заплечных дел мастер.— Это верно, я не так проворно кидаюсь бежать по приказу аквилонцев, как тот выродок, что служил здесь до меня. Но они смогут убедиться, мой удар не хуже. Занимался бы ты лучше своими делами, старик, и не совал нос в мои. Право же, моя работа лучше твоей. Клянусь Митрой! Ты бродишь холодными коридорами, пялясь на ржавые решетки темниц, а я нынче срублю самую прекрасную голову во всей Аквилонии!

Сторож, хромая и ворча, удалился по коридору, палач же не спеша отправился дальше. Еще через несколько шагов, свернув за угол коридора, он краем глаза приметил слева от себя чуть-чуть приоткрытую дверь. Если бы он немного подумал, он бы догадался — дверь приоткрыли уже после того, как ее миновал сторож. Однако думать палач не привык и прошел мимо двери, а потом размышлять сделалось поздно.

Чей-то мягкий тигриный шаг и шелест плаща предостерегли его в последний момент, но обернуться он уже не успел. Могучая рука, протянувшаяся сзади, охватила его шею, не дав закричать. В тот краткий миг, что ему еще оставался, палач успел с ужасом осознать страшную силу нападавшего и то, сколь беспомощны перед нею его собственные хваленые мышцы. Не видя взмаха кинжала, он ощутил над собой занесенное острие...

— Немедийская скотина! — прошипел ему в ухо хриплый от ярости голос.— Больше ты не отсечешь ни одной головы аквилонца!

В сыром подземелье, тускло освещенном единственным факелом, трое мужчин окружили юную девушку, стоявшую на коленях на каменном полу, присыпанном соломой. Тело ее едва прикрывала изорванная сорочка, роскошные золотые волосы разметались по белым плечам, грубая веревка стягивала за спиной руки, в глазах стоял ужас. Даже неверный факельный свет, даже смертельная бледность и тюремные лохмотья не могли скрыть ее замечательной красоты. Она молчала, лишь взгляд огромных глаз скользил по лицам мучителей. Все они были в масках и плащах. Деяния, подобные нынешнему, полагалось совершать в масках, хотя бы и в покоренной стране. Несмотря на это, Альбиона, конечно, без труда узнала их всех; но минует ночь — и ее знание не повредит уже никому.

— Наш повелитель в своем милосердии дает тебе еще одну возможность, графиня,— сказал по-аквилонски и без ак-

центa самый высокий из троих.— Он велел передать тебе: смягчи свой гордый, мятежный дух, и он по-прежнему готов будет раскрыть тебе объятия. Если же нет...

Он указал рукой на зловещего вида колоду, стоявшую посередине темницы. Она была покрыта пятнами и вся в глубоких зарубках, причиненных, надобно думать, отточенным лезвием, которое раз за разом рассекало нечто уступчивое и с силой входило в плотное дерево.

Содрогнувшись, Альбиона отшатнулась прочь и побледнела еще сильней. Каждая жилка ее молодого, полного сил тела так и молила о жизни. Валерий тоже был молод и очень красив. Альбиона твердила себе, что его любили и находили привлекательным многие женщины... но тщетно. Она так и не смогла выговорить заветное слово, которое спасло бы ее нежное тело от плахи и окровавленного топора. В чем дело — она плохо понимала сама. Она знала одно: при мысли об объятиях Валерия все ее существо сотрясала дрожь отвращения, и это отвращение пересиливало даже страх смерти. Альбиона отрицательно покачала головой.

— Значит, и говорить больше не о чем! — нетерпеливо воскликнул другой вельможа, и в его голосе явственно слышался немедийский акцент.— Где там палач?

И точно в ответ, беззвучно растворилась дверь подземелья. Огромная тень появилась в проеме — ни дать ни взять черный дух из преисподней.

При виде столь мрачного силуэта у Альбионы невольно вырвался тихий стон, да и остальные какое-то время лишь молча смотрели на него — таким безотчетным ужасом веяло от гиганта в черном капюшоне с двумя прорезями. В прорезях неистовым огнем горели синие глаза; они по очереди остановились на каждом, и у каждого пробежал по спине холодок.

Потом рослый аквилонец грубо схватил девушку и поволок ее к плахе. Она отчаянно закричала и, сходя с ума от ужаса, пыталась вырваться из его рук. Но он безжалостно

швырнул ее на колени и прижал золотоволосую голову к плахе, покрытой запекшейся кровью.

— Что ты медлишь, палач? — спросил он раздраженно.— Делай свое дело!

В ответ прозвучал смех — низкий и неописуемо грозный. Все, бывшие в подвале, так и застыли, глядя на палача,— двое в плащах и тот, склонившийся над Альбионой. И даже она, как могла, вывернула шею, пытаясь взглянуть.

— Что еще за веселье, собака? — спросил аквилонец.

Ему было не по себе.

И тут палач сорвал с головы капюшон и швырнул его наземь. И прислонился спиной к запертой двери, поднимая топор.

— Узнаете меня, сволочи? — прогремел он.— Узнаете?

Гробовую тишину, последовавшую за этими словами, прорезал крик Альбионы.

— Король Конан! — закричала девушка и вырвалась из ослабевшей хватки мучителя.— Благословен будь Митра! Король!

Трое мужчин стояли как статуи. Аквилонец выглядел так, словно усомнился в собственном рассудке.

— Это Конан! — вырвалось у него.— Или его призрак! Что за демонское наваждение?

— Демонское наваждение — чтобы одурачить демонов! — насмешливо отозвался Конан. Губы его улыбались, но в глазах полыхало адское пламя.— Ну, кто первый, господа? При вас — мечи, при мне — вот этот колун. Топор мясника — именно то, что требуется, а?

— Вперед! — зарычал аквилонец и выхватил меч.— Убьем его — или он убьет нас!

Словно очнувшись, немедийцы обнажили клинки и разом кинулись на короля.

Неуклюжий тяжеловесный топор палача не предназначен для битв, но Конан орудовал им так ловко и легко, слов-

но это обычная боевая секира. С невероятным проворством он прыгал туда и сюда, отскакивая и нападая, сводя на нет их численное преимущество.

Первый удар немедийского меча он отразил обухом и тут же, не дав ни отступить, ни защититься, жестоким ударом наотмашь проломил грудь неголяю. Второй немедиец с силой размахнулся, но задеть Конана не сумел и, так и не успев восстановить равновесие, рухнул с расколотым черепом. В следующий миг он загнал аквилонца в угол. Тот едва поспевал отбивать сокрушительные удары. Конан не давал ему даже малейшей передышки, чтобы позвать на помощь.

Неожиданно левая рука короля метнулась вперед и сорвала с него маску, обнажив побелевшее лицо.

— Дерьмо! — заскрипел зубами король. — Так и думал, что это ты! Даже топор мясника слишком хорош для твоей гнусной башки. Подыхай смертью вора, предатель!

Лезвие описало безжалостную дугу, и аквилонец с диким воплем упал на колени, хватая левой рукой обрубок правой, из которого струей хлынула кровь. Срезав руку по локоть, топор глубоко врезался в бок — так, что из раны показались внутренности.

— Валяйся здесь, пока не истечешь кровью,— сказал ему Конан и с отвращением швырнул топор на пол.— Пойдем, графиня!

Нагнувшись, он перерезал кинжалом веревку, стягивавшую ее запястья. Поднял девушку, как ребенка, и понес вон. Она отчаянно рыдала, обхватив руками его могучую шею.

— Ну, ну, девочка,— проворчал он.— Надо еще выйти отсюда. Если мы сумеем добраться до каземата, где тайная дверь, ведущая в туннель... А, чтоб им! Хоть и толстые стены, все-таки услыхали!

Звяканье доспехов, топот и крики бегущих людей неслись откуда-то спереди, отдаваясь под сводами потолка. Из-за поворота, высоко поднимая фонарь, появился хромой сто-

рож. Яркий свет облил Конана и девушку. Король с проклятием рванулся к нему, но старик бросил фонарь и копье и с неожиданной прытью умчался по коридору, надтреснутым голосом призывая подмогу. Послышались ответные крики...

Конан быстро повернулся и побежал назад. Они с Альбионой были отрезаны от тайного хода, которым он проник в Железную Башню и которым надеялся покинуть ее. Впрочем, Конан не отчаивался. Он неплохо знал это мрачное здание: прежде чем стать королем, он сам побывал здесь в качестве узника.

Он свернул в боковой ход и скоро оказался в другом, более широком коридоре, который шел параллельно первому. Здесь не было еще никого. Пробежав всего несколько шагов, киммериец кинулся в другой ход и вернулся назад, в только что покинутый коридор, попав как раз туда, куда и хотел. В считанных футах виднелась дверь, заложенная тяжелым засовом, а перед нею — бородатый немедиец в латах и шлеме. Он стоял к Конану спиной, глядя внутрь коридора, где все громче шумели люди и беспорядочно мелькали отсветы фонарей.

Конан не раздумывал долго. Он выпустил девушку и бесшумно подбежал к стражнику сзади, держа в руках меч. В последний миг тот обернулся, заорал от неожиданности и испуга и вскинул копье, но, прежде чем он успел хотя бы замахнуться, меч обрушился на его шлем с силой, которая уложила бы и быка. Удара не выдержал ни шлем, ни череп под ним — стражник рухнул замертво.

В мгновение ока Конан отодвинул массивный засов, с которым обычный человек не справился бы в одиночку.

— Альбиона!

Пошатываясь, она подбежала к нему. Конан подхватил ее одной рукой, выскочил за порог и растворился во тьме.

Они попали в узкий проулок, где было темно, как в дымоходе. С одной стороны высилась сама Башня, с другой — глухие каменные стены каких-то домов. Спеша вперед со

всей скоростью, какую позволял кромешный мрак, Конан выискивал окна, но не находил ни одного.

Позади промыхнула тяжелая дверь, наружу с ревом хлынули стражники. Нагрудники лат и обнаженные мечи блестели в факельном свете. Воины оглядывались, не зная, куда подевались беглецы: пламя факелов рассеивало непроглядную тьму едва на несколько шагов. В конце концов они наобум пустились по переулку — в противоположном направлении от Конана и Альбионы.

— Сейчас они поймут, что ошиблись, — пробормотал он и прибавил шагу.— Хоть бы трещинка была в проклятой стене... демон! Уличная стража!

— Кто идет? — долетел крик, и Конан скрежетнул зубами, уловив ненавистный немедийский акцент.

— Держись позади,— велел он Альбионе.— Надо прорваться, пока те не вернулись и не захлопнули мышеловку!

Запося меч, он помчался вперед, навстречу приближавшимся воинам. Он в полной мере воспользовался внезапностью и тем, что уличный свет позволял ему отлично видеть противников, между тем как сам он, выскочивший из темноты, оказался почти невидим для них. Они еще не вполне поняли, что происходит, а он уже разил немедийцев с молчаливой яростью раненого льва.

Он знал, ему необходимо прорубить себе путь, пока они не опомнились. Но их было не меньше десятка, все в доспехах, все закаленные ветераны пограничных битв, привыкшие в подобных случаях повиноваться не разуму, а безошибочному воинскому инстинкту. Трое свалились на мостовую, так и не успев понять, что на них налетел один-единственный человек. Зато остальные отреагировали мгновенно. Оглушительно загремела сталь; меч Конана высекал искры, гуляя по кольчугам и шлемам. Он по-прежнему видел их лучше, чем они его. Для них он казался неясной, быстро мелькающей тенью. Их удары рассекали воздух или отска-

кивали от его клинка. Зато сам он разил со смертоносной яростью урагана.

Но сзади нарастали крики и топот тюремной стражи, готовой вот-вот выбежать из проулка, а ему все не удавалось пробиться: дорогу по-прежнему загораживали воины в кольчугах, размахивающие мечами. С мужеством отчаяния Конан бросился вперед, понимая, что сейчас будет настигнут... Как вдруг за спинами стражников появились десятка два каких-то темных фигур. В потемках сверкнула сталь, закричали люди, которых убивали ударами в спину. Кто-то в черном плаще метнулся навстречу Конану, и тот, приметив блеск клинка, замахнулся мечом, но остановил удар, поскольку в руке, протянувшейся к нему, оружия не было.

— Сюда, государь! — шепнул человек.— Скорее!

Конан подхватил на руки Альбиону и поспешил следом за неожиданным спасителем, изумленно ругаясь вполголоса. Когда за тобой гонится три десятка тюремных стражников, особо раздумывать недосуг.

В окружении таинственных спутников поспешил он в переулок, неся измученную девушку, точно дитя. Темные плащи с капюшонами не давали ему как следует разглядеть неведомых избавителей. Сомнения и подозрения роились у него в голове... но эти люди, кем бы они ни были, только что перебили его врагов — так почему бы и не последовать за ними?

Словно прочитав его мысли, вожак легонько коснулся его руки и сказал:

— Тебе нечего опасаться, король Конан: мы — твои верные подданные.

Голос совершенно незнакомый, но, судя по выговору, принадлежал аквилонцу родом из центральных провинций.

Стражники позади них подняли яростный крик — они наткнулись на изрубленные тела, валявшиеся в грязи. Неясные силуэты людей, удалявшихся по направлению к освещенной улице, подсказали им, где враг. Но люди в плащах

повернулись к глухой с виду стене, и Конан увидел в ней раскрытую дверь. Сколько раз он проходил здесь прежде при свете дня и мог бы поклясться, что никакой двери не видел и в помине. Тем не менее они вошли внутрь, и дверь закрылась за ними. Щелкнул замок. Конану все это не слишком понравилось, но его спутники спешили вперед. То рука, то локоть касались короля, подсказывая, куда идти. Ему казалось, они попали в туннель. Он чувствовал, как дрожало тоненькое тело Альбионы у него на руках. А потом впереди забрезжил выход — сумрачная арка чуть светлее окружающей тьмы. Они прошли под нею один за другим и оказались в нескончаемом лабиринте мрачных дворов, переулков и извилистых коридоров. Миновав последний поворот, они вступили в просторный чертог, местоположение которого Конан с его первобытным чувством направления не взялся бы определить.

10

МОНЕТА ИЗ АХЕРОНА

Не все пришедшие с Конаном вступили в чертог. Когда дверь затворилась, Конан увидел перед собой всего одного человека — худощавого, стройного мужчину в черном плаще с капюшоном. Капюшон упал на плечи, открыв бледное спокойное лицо с тонкими правильными чертами.

Король поставил Альбиону на ноги, но она пугливо прижалась к нему, оглядываясь вокруг. Покой был обширный, с мраморными стенами, частью укрытыми черными бархатными занавесями. На мозаичном полу раскинулись толстые, пушистые ковры. Бронзовые светильники заливали чертог мягким золотым светом.

Конан все еще держал руку на рукояти. Кровь запеклась на его ладони и на ножнах меча; вытереть клинок не было времени.

— Где мы? — спросил он.

— В храме Асуры, государь,— ответствовал незнакомец с глубоким поклоном, в котором подозрительный король не усмотрел ни намека на иронию.

Альбиона слабо вскрикнула и еще крепче прижалась к Конану, с ужасом глядя на черную арку дверей и ожидая, что оттуда вот-вот выползет какое-нибудь жуткое порождение тьмы.

— Не страшись ничего, госпожа моя,— сказал их проводник.— Суеверное заблуждение ложно: здесь тебе ничто не грозит. Уж если сам король убедился в чистоте нашей религии и тем оградил ее от преследований невежд, тебе, графиня, сомневаться в том не пристало.

— Сам-то ты кто? — спросил Конан.

— Я — Хадрат, жрец Асуры. Один из моих учеников узнал тебя, когда ты входил в город, и сообщил мне.

Конан шепотом выругался.

— Больше никто не понял, кто ты такой,— заверил его Хадрат.— Чужая одежда обманула всех, кроме последователя Асуры, ибо путь нашей веры — путь познания сути, скрытой под видимой оболочкой. Мы шли за тобой до самой сторожевой башни. Кое-кто из моих людей последовал за тобою в туннель, чтобы помочь тебе, если ты будешь выбираться тем же путем. Прочие, в том числе и я, окружили Железную Башню. Располагай нами, король Конан. Здесь, в храме Асуры, ты по-прежнему король.

— Вы рисковали жизнью ради меня,— сказал Конан.— Зачем?

— Пока ты сидел на троне, ты был нашим другом,— ответил Хадрат.— Ты защитил нас, когда жрецы Митры пытались бичами изгнать нас из страны.

Конан с любопытством оглядывался. Он не только не бывал никогда прежде в храме Асуры, но даже не мог с уверенностью сказать, есть ли вообще таковой в его столице. Жрецы этой религии обладали сверхъестественным умением прятать свои святыни от посторонних глаз. Культ Митры почти безраздельно господствовал среди хайборийских народов, тем не менее культ Асуры упорно продолжал существовать, несмотря на гонения со стороны властей и нелюбовь черни.

Конан в свое время наслушался жутких историй о глубоко запрятанных храмах, где над черными алтарями непрерывно поднимается густой дым, о том, что жрецы Асуры то и дело похищают людей и приносят их в жертву громадному, свитому в кольца змею, что вечно раскачивает в зловещем мраке страшной чешуйчатой головой...

Постоянные преследования заставляли приверженцев Асуры все искуснее укрывать свои храмы и налагать покров тайны на отправлявшиеся в них службы. В свою очередь, такая таинственность порождала еще более чудовищные подозрения и невероятные россказни.

Конан, однако, отличался религиозной терпимостью, присущей варварам. Он покончил с гонениями и запретил своим подданным преследовать приверженцев Асуры — ведь все обвинения против них зиждились на весьма шатких доказательствах, ничем не подтвержденных сплетнях и слухах. «Если они — злые волшебники, почему позволяют вам себя обижать? — говорил Конан.— А если нет, так и трогать их не за что. Да пусть на здоровье веруют в таких богов, какие им нравятся!»

Хадрат почтительно пригласил короля сесть. Конан опустился в кресло, отделанное слоновой костью, и жестом указал Альбионе на второе такое же. Но она предпочла золоченую скамеечку у его ног и тесно прижалась к его колену: только рядом с ним она чувствовала себя в безопасности. Она была правоверной митраиткой и с самого детства наслушалась всяческих ужасов о кровавых жертвах нечеловеческим богам в сумраке таинственных храмов. Юная графиня до смерти боялась поклонявшихся Асуре.

Хадрат остался стоять перед ними, склонив непокрытую голову:

— Приказывай, государь!

— Для начала — еды,— проворчал Конан.

Жрец ударил серебряным жезлом в золотой гонг.

Мелодичный звон еще метался меж мраморных стен, когда из-за портьер появились четверо в капюшонах и внесли приличных размеров серебряный столик, уставленный хрустальными сосудами и блюдами, над которыми курился ароматный пар. С поклоном поставили они столик перед королем. Конан вытер руки узорчатым полотенцем и с нескрываемым удовольствием причмокнул губами.

— Остерегись, государь! — шепнула ему Альбиона.— Говорят, они едят человечину...

— Ставлю свое королевство, это всего лишь жареная говядина, и не более,— ответил Конан.— Ешь, девочка! Небось изголодалась на тюремной похлебке!

Альбиона вняла его совету, а пуще того — живому примеру человека, чье слово было для нее непреложным законом. Она принялась есть — очень изящно и с очень большим аппетитом. Сидевший рядом с ней король Аквилонии рвал мясо зубами и большими глотками пил вино так, как будто ел последний раз несколько дней назад, а не минувшим вечером.

— Ваши жрецы, Хадрат, проницательны и умны,— сказал он с набитым ртом, держа в руках кость.— Буду рад, если вы поможете мне отвоевать королевство.

Но Хадрат покачал головой, и кость с грохотом обрушилась на стол.

— Кром и демоны! Да что за напасть такая сразила мужей Аквилонии? Сначала Сервий, а теперь еще ты! Неужели вы только и можете мотать своими пустыми башками, когда я рассуждаю о том, как бы дать под зад коленом этим скотам?

Хадрат вздохнул и медленно выговорил:

— Горькими будут мои слова, государь. Я и рад был бы произнести нечто иное, но, увы, со свободой Аквилонии покончено навсегда. Более того — свобода всего нашего мира, похоже, доживает свой век. Эпоха сменяет эпоху; история открывает страницу рабства и ужаса. Так бывало и в прежние времена...

— О чем ты? — невольно понизив голос, спросил король.

Хадрат сел и опустил локти на колени, глядя в пол.

— О том, что против тебя сговорились не только мятежная знать Аквилонии и немедийские завоеватели,— сказал он.— Здесь замешано волшебство — жуткая черная магия, пришедшая в сегодняшний день из далеких и зловещих времен. Страшная тень восстала из глубин прошлого, и нет никого, кто был бы способен ей противостоять...

— О чем ты? — повторил Конан.

— О Ксальтотуне из Ахерона, что умер три тысячи лет назад, а теперь вновь разгуливает по земле.

Конан долго молчал. Некий образ всплыл в его сознании — спокойное, нечеловечески прекрасное лицо, обрамленное темной бородой и густыми волнистыми волосами. Жутковатое ощущение — где я видел его раньше?..— вновь накатило на короля. Ахерон! Память смутно откликнулась на слово, рождая неясные обрывки воспоминаний.

— Ахерон,— пробормотал он.— Ксальтотун из Ахерона! А ты не спятил, жрец? Ахерон — это миф, которому я не знаю сколько веков! Никто не ведает, существовал ли он когда-либо вообще...

— Он существовал,— ответил Хадрат.— Империя черных магов, погрязших в таком зле, какого нам теперь и не представить. Ее разрушили хайборийские племена, пришедшие с запада. Волшебники Ахерона занимались гнусной некромантией и самой низменной тавматургией, которой обучили их демоны. И величайшим из чародеев проклятого королевства был Ксальтотун из Пифона.

— Ну и как же все-таки удалось его свергнуть? — спросил Конан скептически.

— Он ревностно хранил и берег источник космической мощи. Но его выкрали и обратили против него же. А теперь он ему возвращен, и чародей снова непобедим.

Альбиона куталась в черный плащ палача и смотрела то на жреца, то на короля, не вполне понимая их беседу. Конан сердито тряхнул головой и проворчал:

— Болтовня. Если Ксальтотун пролежал мертвым три тысячи лет, каким образом он... Какой-нибудь негодяй присвоил его имя, и только!

Хадрат наклонился к столику из слоновой кости и раскрыл стоящую на нем маленькую золотую шкатулку. Кругляш тускло блеснул в руке жреца, и он протянул Конану крупную золотую монету очень древней чеканки.

— Ты видел Ксальтотуна в лицо? Вот, взгляни. Ее отчеканили в Ахероне незадолго до его падения. Черное царство было так насыщено колдовством, что магическая сила присуща даже монете.

Конан взял золотой кружок и хмуро уставился на него. За годы грабежей через руки Конана прошло немало всевозможных монет, он неплохо в них разбирался. Края были сношены до тонкости, надписи истерты, их стало почти невозможно прочесть. Но изображение, оттиснутое на одной стороне, было, как прежде, ясным и четким. И Конан, вглядевшись, с шипением втянул в себя воздух, на него вдруг повеяло ледяным холодом, от которого поднялся дыбом каждый волосок. С монеты смотрело бородатое, непроницаемое, нечеловечески прекрасное мужское лицо.

— Клянусь Кромом, это он! — пробормотал Конан.

Теперь он понимал, почему черты Ксальтотуна с самого начала показались ему так странно знакомыми. Когда-то давно в далекой стране он уже разглядывал такую монету.

— Совпадение! — проворчал он, передернув плечами.— Совпадение — или у того, кто присвоил себе имя забытого чернокнижника, хватило ума подделать и внешность...

Но голос короля не звучал убежденно. Вид монеты потряс его до глубины души. Привычный, реальный мир рушился у него под ногами, падая в бездну колдовства и иллюзий. Чародея он еще мог понять, но такая бесовщина попросту не лезла в сознание!

— У нас нет сомнений, это действительно Ксальтотун из Нифона,— сказал Хадрат.— Это он с помощью заклинаний

подчинил себе духов земной стихии и обрушил скалы при Валкис. И он же незадолго до рассвета подослал в твой шатер порождение тьмы.

Конан сдвинул брови:

— Откуда ты знаешь?

— Последователи Асуры владеют тайными способами получать нужные сведения... впрочем, неважно. Важно иное: понимаешь ли ты, что вотще пожертвуешь своими подданными, безуспешно пытаясь вернуть себе корону?

Конан подпер кулаком подбородок, невесело глядя в пространство. Альбиона смотрела на него с беспокойством, силясь постичь загадку, с которой столкнулся ее король.

— А нет ли в мире,— спросил он наконец,— чародея, способного потягаться в магии с Ксальтотуном?

Хадрат покачал головой:

— Если бы такой был, мы, асуриты, наверняка знали бы о нем. Люди называют наш культ пережитком древнего стигийского змеепоклонства. Это ложь: наши предки пришли из Вендии, что лежит за морем Вилайет и голубыми горами Химелии. Мы — сыны Востока, а не Юга и осведомлены обо всех магах Востока, которые много сильнее чернокнижников Запада. Но перед черной мощью Ксальтотуна любой из них — соломинка на ветру.

— Но ведь когда-то его победили! — настаивал Конан.

— Да,— кивнул Хадрат.— Но уж теперь-то он позаботится, чтобы источник космической силы не был снова похищен.

— Что же это за источник, будь он трижды неладен? — воскликнул Конан раздраженно.

— Его называют Сердцем Аримана. Когда пал Ахерон, шаман первобытного племени, похитивший его и победивший Ксальтотуна, укрыл Сердце в заколдованной пещере и воздвиг над ним небольшой храм. Впоследствии тот храм трижды перестраивали, делая его все больше и краше, но всякий раз — на месте прежней святыни, хотя никто уже не знал почему. Память о погребенной реликвии покинула людские

умы, сохранившись лишь в жреческих книгах да фолиантах, посвященных эзотерическим знаниям. Откуда явилось Сердце, неведомо никому. Одни говорят, что это воистину сердце какого-то бога, другие считают его звездой, давным-давно упавшей с небес. Три тысячи лет ничей взгляд не касался его — до тех пор, пока оно не пропало. Когда волшебство митраитских жрецов оказалось бессильно против чар Альтаро, ученика Ксальтотуна, они вспомнили древнюю легенду о Сердце. И тогда верховный жрец с одним из учеников спустился в ужасное, лишенное света подземелье под храмом; три тысячи лет туда не сходил ни один жрец. Ибо старинные книги в железных переплетах, написанные тайным языком символов, рассказывали не только о Сердце, но и о порождении тьмы, приставленном жрецами древности его охранять. И вот далеко внизу, в чертоге, чьи двери вели в беспредельную тьму, учитель и ученик нашли черный каменный алтарь, тускло мерцавший каким-то потусторонним светом. На алтаре лежал золотой сосуд в форме двустворчатой раковины, казалось, приросший к темному камню. Сосуд был открыт — и пуст! Сердце Аримана исчезло! И пока они стояли, пораженные ужасом, чудовищный страж подземелья напал на них и смертельно ранил верховного жреца. Но ученик сразился с выходцем из преисподней и прогнал его прочь. Он сумел выбраться наружу по бесконечным каменным лестницам и вынести умирающего учителя. И тот, прежде чем умереть, поведал младшим жрецам обо всем, что с ними произошло, завещав им склониться перед силой, которую они не в состоянии победить. Однако жрецы шептались между собой, через некоторое время слух долетел и до нас.

— Значит, Ксальтотун черпает свою силу из этого символа? — спросил Конан.

Он все еще сомневался.

— Нет. Его сила приходит из пропастей тьмы, а Сердце Аримана рождено в далекой Вселенной, полной света и огня. Попади оно в руки сведущего человека — и тьма будет повер-

жена. Сердце подобно мечу. Ксальтотун не способен разить им, но сам может быть им поражен. Сердце дает жизнь, но может и отнять. Ксальтотун прибрал его к рукам не для того, чтобы обратить против врагов,— затем лишь, чтобы с его помощью они не погубили его самого...

— Значит, золотой сосуд в виде раковины на черном алтаре в глубокой пещере...— пробормотал Конан, силясь припомнить ускользающий образ.— Когда-то я видел... или слышал о чем-то похожем. Но все-таки, видит Кром, хотелось бы знать, что представляет собой твое знаменитое Сердце?

— Внешне оно напоминает огромный драгоценный камень, похожий на рубин, только полыхает ослепительным светом, какого ни один рубин не знал никогда. Оно как живой огонь...

Конан внезапно вскочил на ноги и в избытке чувств ударил кулаком по ладони.

— Кром! — загремел он.— Нет, какой же я дурень! Сердце Аримана! Сердце моего королевства! «Разыщи Сердце своего королевства»,— сказала Зелата. Клянусь Имиром! Я видел этот камень в зеленом дыму! Тараск стащил его у Ксальтотуна, пока тот спал беспробудным сном, нанюхавшись черного лотоса.

Хадрат тоже вскочил в величайшем волнении, спокойствие слетело с него, точно сброшенный плащ.

— Сердце украдено у Ксальтотуна?

— Да! — гремел Конан.— Тараск до судорог боится Ксальтотуна и надумал подрезать ему крылья, тоже решив, что Сердце и есть основа его могущества. Может, он даже думал, что чернокнижник без него сразу ноги протянет. Клянусь Кромом, я...— Но тут лицо Конана исказила бессильная ярость, а воинственно сжатый кулак медленно опустился.— Эх, я же совсем забыл... Тараск отдал Сердце какому-то ворюге и велел бросить в море. Сейчас негодяй, верно, уже подъезжает к Кордаве. Пока я туда доберусь, он сто раз сядет на корабль, и Сердце окажется в океанской пучине...

— Море не удержит его! — дрожа от возбуждения, воскликнул Хадрат.— Ксальтотун сам давно забросил бы его в самое глубокое место, если бы не знал, что первый же шторм снова выкинет его на сушу. Но вот на каком далеком, неведомом берегу это произойдет?

— Погоди, жрец! — Конан быстро справился с унынием, обычная уверенность вернулась к нему.— Лично у меня нет особой уверенности, что вор в самом деле бросит наш камушек в воду. Уж я-то знаю воров! И если я что-нибудь понимаю — а это так, ибо в юности я и сам промышлял в Заморе воровством,— так вот, он его не выбросит. Продаст какому-нибудь купцу побогаче — да откуси я собственную голову, если не так! Кром! — Конан стремительно шагал по комнате взад и вперед.— А ведь, сй-же-ей, стоит его поискать! Зелата велела мне разыскать Сердце моего королевства, так? Неужели наша победа над Ксальтотуном действительно зависит от красного камушка?

— Клянусь жизнью! — воскликнул Хадрат.

Лицо его просветлело, глаза так и горели. Он сжал кулаки:

— Дай мне Сердце — и я брошу вызов Ксальтотуну во всем его темном могуществе! Клянусь тебе, государь! Вернется Сердце — вернется к тебе и корона, а захватчики позабудут путь к нашим порогам! Ибо страшнее всего для Аквилонии не мечи немедийцев, но черное искусство Ксальтотуна.

Довольно долго Конан молчал; жар, с которым говорил Хадрат, произвел на него впечатление.

— Все это напоминает мне погоню, которая происходит в дурном сне,— сказал он, подумав.— Но твои слова — точно эхо дум старой Зелаты, а она говорила мне правду. Надо искать Сердце!

— В нем — судьба Аквилонии,— повторил Хадрат убежденно.— Я пошлю с тобой своих людей...

— Не надо! — нетерпеливо откликнулся король.

Еще не хватало ему на шею жрецов, пусть сколь угодно сведущих в тайных науках.

— Это дело для воина, и я поеду один. Сначала в Пуантен, оставлю Альбиону у Троцеро. Затем в Кордаву, а там и в море, если понадобится. Даже если ворюга надумает выполнить Тарасков наказ, ему, чего доброго, не сразу подвернется подходящий корабль.

— Как только ты найдешь Сердце,— продолжал Хадрат,— я начну торить путь к свободе здесь, изнутри страны. Тайными путями разнесу я по всей Аквилонии весть о том, что ты жив и возвращаешься с магией, превосходящей все чары Ксальтотуна. Когда ты вернешься, люди готовы будут восстать. И они восстанут! Ибо будут уверены — есть сила, способная защитить их от Ксальтотуна. А кроме того, я помогу тебе проделать хотя бы часть пути.

Он поднялся и снова ударил в гонг.

— Потайной ход ведет из храма за городские стены. Ты отправишься в Пуантен в лодке паломника, никто не осмелится тебе досаждать.

— Как скажешь,— проворчал Конан.

Перед ним снова была ясная цель; он сгорал от нетерпения, он жаждал немедленно действовать.

— Давай только шевелись побыстрее!

Тем временем в городе, вне храмовых стен, события разворачивались столь же стремительно. В дворцовый покой, где веселился с танцовщицами Валерий, ворвался запыхавшийся гонец. Упав на колено, он разразился довольно бессвязным рассказом о кровавом нападении на тюрьму и о том, что граф Феспий, которому поручили присмотреть за казнью Альбионы, лежит при смерти и непременно хочет сообщить Валерию нечто важное перед кончиной.

Торопливо накинув плащ, Валерий поспешил вслед за гонцом. Извилистые переходы привели их в покой, где лежал Феспий. Вне всякого сомнения, он умирал. Он тяжело

дышал, и при каждом вздохе на губах выступала кровавая пена. Обрубленную руку ему перетянули жгутом, остановив кровотечение, но рану в боку залечить было невозможно.

Оставшись наедине с умирающим, Валерий вполголоса выругался.

— О Митра! — сказал он.— Я думал, только один человек на свете способен наносить такие удары...

— Валерий! — сипло выдохнул Феспий.— Он жив! Конан!..

— Что? — вырвалось у правителя.— Что ты сказал?

— Клянусь Митрой! — Феспий захлебывался кровью, но продолжал говорить.— Это он спас Альбиону от топора! Это был не призрак, поднявшийся из преисподней... Он жив, он из плоти и крови и еще страшнее, чем прежде! В переулке за Башней полно мертвецов. Берегись, Валерий... он вернулся... убить... всех нас...

Жестокая судорога потрясла окровавленное тело, и душа графа Феспия отлетела.

Валерий хмуро поглядел на умершего, потом окинул быстрым взглядом чертог — не прячется ли кто — и наконец, шагнув к двери, распахнул ее внезапным движением. Гонец и немедийская стража стояли в нескольких шагах от двери. Валерий удовлетворенно пробормотал что-то сквозь зубы.

— Все ли ворота закрыты? — спросил он затем.

— Да, государь.

— Утроить стражу немедля. Никто не должен входить или выходить из города без самого тщательного досмотра. Пусть прочешут улицы и обыщут каждый дом. Важный узник сбежал из тюрьмы с помощью аквилонского мятежника. Кто-нибудь из вас успел его узнать?

— Нет, государь. Старик сторож видел его, но мельком, и может только сказать, что это был великан, одевшийся в черный наряд палача, а сам палач, зарезанный, валяется голым в одной из камер.

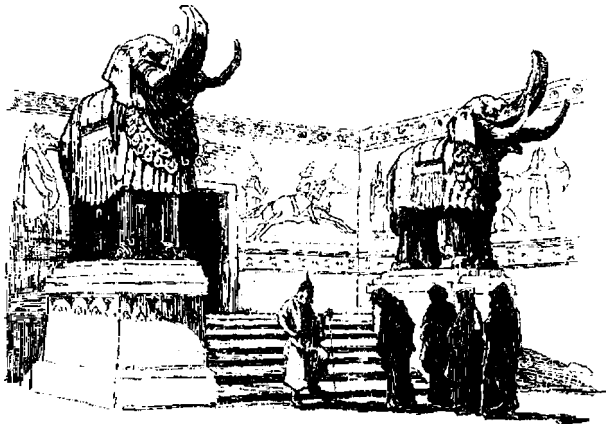
— Этот человек очень опасен,— сказал Валерий.— Не пытайтесь взять его живым. Как выглядит графиня Альбиона, вы все знаете. Ищите ее. Если найдете, убейте на месте и ее, и того, кто будет с ней. Исполняйте!

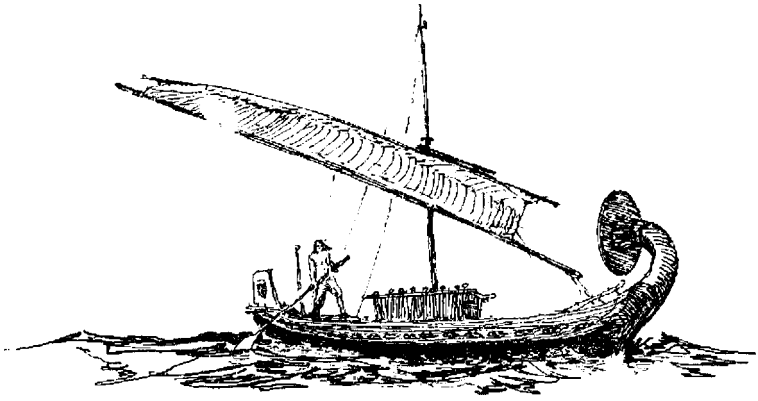
Вернувшись во дворец, Валерий вызвал к себе четверку людей странной и явно чужеземной наружности. Рослые и худые, с желтоватой кожей и неподвижными лицами, они были очень похожи один на другого и чертами, и одеждой — все в длинных черных хламидах, из-под которых едва виднелись обутые в сандалии ноги. Черные капюшоны бросали тень на их лица. Они стояли перед Валерием, спрятав в широких рукавах скрещенные руки. Валерий немало путешествовал по свету и повидал разные народы. Он смотрел на этих четверых без особого удовольствия.

— Когда я нашел вас в джунглях Кхитая изгнанными из своего королевства и умирающими с голоду, вы поклялись вечно служить мне,— начал он без предисловий.— И вы неплохо держали слово... Сослужите же мне еще одну службу, и я разрешу вас от клятвы. Я узнал, что киммериец Конан, прежний король Аквилонии, еще жив — несмотря на чары Ксальтотуна... а может быть, и благодаря им, это мне неизвестно. Мрачный ум воскрешенного демона превыше разумения смертного человека. Я знаю одно: пока жив Конан — я в смертельной опасности. Народ принял меня как меньшее из двух зол — они ведь думали, что Конан погиб. Но стоит ему объявиться, и я моргнуть не успею, как трон зашатается у меня под ногами!.. Я даже думаю, союзники мои могут одобрить такую смену правителей, если решат, что свое дело я сделал. Откуда мне знать? Но этот мир слишком мал: двум королям Аквилонии в нем не ужиться. Итак, я велю разыскать киммерийца! Пустите в ход все свои способности и выследите его, где бы он ни прятался, куда бы ни бежал. В Тарантии у него много друзей. Кто-то помог ему, когда он похищал Альбиону! Один человек — даже Конан — не мог учинить такого побоища в проулке за Железной Башней... Однако

довольно. Берите посохи — и в путь! Я не знаю, куда приведет вас его след. Но вы должны его разыскать. А когда разыщете — убейте его!

Четверо кхитайцев одновременно поклонились. И, так и не произнеся ни единого слова, повернулись и мягким шагом неслышно вышли из комнаты.





11

РЫЦАРИ ЮГА

Рассвет, занявшийся над вершинами далеких холмов, окрасил паруса небольшой лодки, спускавшейся по реке. Река — могучий Хорот — текла примерно в миле от тарантийских стен, затем поворачивала к югу. Надо сказать, эта лодка весьма сильно отличалась от большинства других суденышек, сновавших по широкой глади Хорота. Она не принадлежала ни рыбаку, ни купцу, везущему богатый товар. Длинная и узкая, с высоким загнутым носом и черная, точно сделанная из черного дерева, лодка по бортам была разрисована белыми черепами. Посередине виднелась крохотная каюта с плотно занавешенными окошками. Другие суда далеко обходили зловещий кораблик: все знали, что в этой «лодке паломника» лежало тело умершего поклонника Асуры, отправившегося в последнее путешествие на юг — туда, где далеко за горами Пуантена Хорот вливался в синий океан. Все отлично знали, как выглядели лодки паломников, и никто, даже наиболее ревностные митраиты, не смели касаться их и чинить препятствия печальному странствию.

Куда стремились эти суденышки, не ведал никто. Одни говорили — в Стигию, другие — к безымянному острову, не-

видимому за горизонтом, третьи верили, что умершие обретали последнее пристанище в Вендии, таинственной и прекрасной восточной стране. Но все это только догадки и домыслы. Умершие последователи Асуры отправлялись вниз по великой реке в лодке, направляемой громадным рабом, и больше никто никогда не видел ни тела, ни лодки, ни раба. А может, правы те, кто утверждал, будто на веслах всегда сидит один и тот же раб?

...Человек, гнавший лодку по залитому утренним солнцем Хороту, был велик ростом и темнокож. Одетый в кожаную набедренную повязку и сандалии, он ловко правил и с необыкновенной силой орудовал веслами. Дотошный глаз мог бы заметить, что цветом кожи он обязан тщательно наложенной краске. Но вплотную к погребальной лодке не смел приблизиться никто. Все знали, что над асуритами тяготело проклятие, а лодки паломников охраняла могущественная и недобрая магия. Рулевые встречных суденышек спешили переложить руль и прошептать охранительное заклинание, понятия не имея, что тем самым способствуют побегу своего короля и графини Альбионы!

Странным было их путешествие в узкой черной лодке по великой реке. Где-то там, двумя сотнями миль ниже по течению, Хорот круто сворачивал к востоку, обходя Пуантенские горы. А пока с обеих сторон разворачивалась, постоянно меняясь, панорама берегов. Днем Альбиона, как и подобает покойнице, смирно лежала в каюте, а Конан греб. Девушка выбиралась наружу только в ночные часы, когда реку покидали прогулочные суда с разодетыми бездельниками, отдыхавшими на шелковых подушках, а суетливые рыбачьи лодки ожидали рассвета у берегов. Тогда Альбиона садилась к рулю, чтобы Конан мог поспать хотя бы несколько часов. Но король не нуждался в длительном отдыхе. Нетерпение подгоняло его, а выносливое тело могло одолеть и не такие труды. Лодка шла к югу без остановки.

Зима осталась на севере: днем ласково светило золотое солнце, а по ночам гладь реки отражала мириады сверкающих звезд. Проплывали мимо города, залитые морем огней, проплывали гордые виллы и тучные пастбища. И вот засинели впереди Пуантенские горы — хребты громоздились один на другой подобно бастионам, выстроенным руками богов. С разбегу ударившись в громадные скалы, великая река прокладывала себе путь между холмами, с ревом и грохотом обрушиваясь водопадами и вскачь летя по порогам.

Внимательно осмотрев берег, Конан повернул рулевое весло и направил лодку к мысу, где высилась серая, странной формы скала, окруженная правильным кольцом елей.

— И как это лодки проходят пороги, ревущие там, впереди? Не пойму! — проворчал он.— Хадрат говорил, как-то проходят... Ну да нам все равно соваться туда ни к чему. Жрец обещал, здесь нас будет ждать человек с лошадьми. Я, правда, никого что-то не вижу. И каким образом весть о нашем прибытии могла обогнать нас самих?

Мощным взмахом весел он выгнал лодку на низкий берег и привязал к толстому корню, торчащему из земли. Потом окунулся в воду и смыл краску, возвращая своей коже естественный цвет. Достав из каюты аквилонскую кольчугу, раздобытую для него Хадратом, он натянул одежду и доспехи, Альбиона же облачилась в костюм для верховой езды по горам. Застегнув последнюю пряжку, Конан вновь оглянулся на берег... и вздрогнул, а рука метнулась к мечу. Ибо на берегу, под деревьями, стоял человек в черном. Он держал под уздцы изящную белую лошадку и гнедого боевого коня.

— Кто ты? — спросил король.

Человек низко поклонился ему:

— Я асурит. Я получил приказание и исполнил его.

— Как это «получил»? — поинтересовался Конан.

Но тот лишь поклонился еще раз:

— Я пришел, чтобы проводить вас через горы до первой крепости пуантенцев.

— Проводник мне не нужен,— сказал Конан,— я хорошо знаю эти места. Спасибо тебе за коней, друг, но мы с графиней привлечем меньше внимания, если поедем одни.

Человек вручил Конану поводья и забрался в лодку. Оттолкнувшись от берега, он направил ее вниз по течению, туда, где гремели вдали невидимые перекаты. Конан в недоумении покрутил головой. Потом посадил графиню в седло, сам сел на гнедого, и оба поскакали к горам, чьи зубчатые вершины казались башнями, подпиравшими небо.

Холмистая местность у подножия хребтов была теперь своего рода пограничьем и переживала темные и смутные времена. Каждый барон стоял сам за себя, повсюду беспрепятственно бродили ватаги разбойников. Пуантен еще официально не объявил о своем отделении от Аквилонии, но фактически превратился в самостоятельное королевство, управляемое наследным графом Троцеро. Предгорья номинально подчинялись Валерию, но он и не пытался штурмовать заоблачные перевалы с их твердынями, над которыми вызывающе развевалось малиновое знамя с леопардом.

Стоял тихий вечер. Король и его прекрасная спутница поднимались все выше по склону. И чем выше они взбирались, тем шире расстилались перед ними всхолмленные равнины предгорий, покрытые лиловыми тенями отгоревшего дня, украшенные мягким блеском рек и озер, золотом плодородных полей и белизной далеких сторожевых башен. А впереди, высоко-высоко, виднелась первая из пуантенских твердынь: суровая крепость, нависшая над узким ущельем, и малиновое знамя вилось над ней в чистой синеве неба.

До крепости было еще далеко, когда из-за деревьев появился отряд рыцарей в начищенных латах. Рыцари — настоящие южане: высокие, темноглазые, с воронеными кудрями.

— Остановись, почтенный,— сказал Конану предводитель.— Зачем и по какому делу едешь ты в Пуантен?

— С каких это пор людей в аквилонских доспехах здесь останавливают и допрашивают, точно чужестранцев? — пристально глядя на него, спросил Конан.— Или Пуантен восстал?

— Самые разные люди едут нынче из Аквилонии,— хмуро ответил рыцарь.— Что же до восстания, если назвать этим словом неподчинение узурпатору, то да, тогда Пуантен восстал. Мы согласны служить памяти мертвого мужа, но не живому псу!

Тут-то Конан сорвал с себя шлем и, откинув густую черную гриву, прямо поглядел в глаза говорившему. Пуантенец отшатнулся и стал бледен как смерть.

— Силы небесные! — задохнулся он.— Король! Король жив! Жив!

Его спутники недоуменно вгляделись... и разразились ревом изумления и восторга. Плотно окружив Конана, они выкрикивали боевой клич и в избытке чувств размахивали мечами. Шумное ликование пуантенских воителей могло насмерть перепугать несмелого человека.

— Троцеро заплачет от радости, увидев тебя, государь! — крикнул один из них.

— И Просперо! — добавил другой.— На нашего полководца с тех самых пор как будто и солнце не светит. Только знай клянет себя день и ночь за то, что не подоспел вовремя к Валкию и не погиб рядом со своим королем!

— Теперь мы вернем королевство! — заорал третий, вращая над головой громадным мечом.— Да здравствует Конан — король Пуантена!

Восторженные крики и лязг блистающей стали спугнули птиц, и они пестрой тучей снялись с ветвей ближних деревьев. В жилах рыцарей кипела горячая южная кровь, они жаждали лишь одного: скорее бы счастливо обретенный король вновь повел их к победам и славе.

— Приказывай же, государь! — кричали они.— Позволь, кто-нибудь из нас поскачет вперед и доставит в Пуантен

весть о твоем возвращении! Пусть над башнями развеваются флаги, пусть розы ложатся под копыта твоего коня! Пусть красота и доблесть Юга окажут тебе почести, подобающие твоему...

Но Конан непреклонно покачал головой.

— Кто подвергает сомнению вашу верность? — сказал он.— Дело только в том, что ветер, разносчик вестей, невозбранно летит через горы — и не только в дружественные страны. А им пока совсем ни к чему знать о моем возвращении. Проводите меня к Троцеро, но смотрите никому не открывайте, кто я такой.

Рыцари мечтали о триумфальном шествии, а получилось что-то вроде тайного побега. Ехали спешно, скрытно и молча, разве только шептали словечко-другое старшинам крепостей на очередном перевале. Конан ехал меж спутников, не поднимая забрала.

Горы были почти безлюдны: жили здесь только воины в сторожевых замках да беглые разбойники, объявленные вне закона. Пуантенцы не видели нужды в трудах и муках добывать скудное пропитание, возделывая суровые скалы. Они жили на прекрасных и щедрых землях, простиравшихся южнее гор до самой реки Алиманы, за которой лежала Зингара.

За горами, в Аквилонии, зимняя стужа оголила ветви деревьев, а здесь зеленели травами роскошные луга, в которых паслись табуны коней и стада скота — гордость и слава Пуантена. Пальмовые и апельсиновые рощи радовались ласковому солнцу, великолепные пурпурные, золотые, малиновые башни богатых городов так и сияли. Это была страна изобилия и тепла, прекрасных женщин и неустрашимых воителей. Не только суровые земли способны рождать храбрецов. Жадные соседи издревле зарились на Пуантен, и сыны его закалены в беспрестанных войнах. С севера страну прикрывали хребты гор, но на юге лишь Алимана отделяла пуан-

тенские равнины от равнин Зингары, и воды ее сотни раз окрашивались кровью. К востоку лежал Аргос, а за ним — Офир, и оба отличались высокомерием и алчностью. Мечи пуантенских рыцарей ограждали страну, и праздные минуты редко им выпадали.

И вот Конан прибыл в замок графа Троцеро...

Конан сидел на шелковом диване в богато убранном чертоге. Теплый ветер шевелил прозрачные шторы на окнах. Троцеро ходил по комнате туда-сюда, точно пантера по клетке. Он был гибкий, нервный мужчина с талией девушки и плечами бойца. Прожитые годы почти не оставили на нем отпечатка.

— Разреши нам провозгласить тебя королем Пуантена! — уговаривал он Конана.— Пусть эти ничтожные северяне влачат ярмо, в которое сами сунули шеи. Юг — по-прежнему твой! Живи здесь и правь нами среди цветов и пальмовых рощ...

— Пуантен благороден,— Конан покачал головой,— как ни одна другая страна. Но и ему, при всем мужестве его сынов, не выстоять в одиночку.

— Мы поколениями оборонялись в одиночку,— возразил Троцеро с ревнивой гордостью, присущей его народу.— Мы не всегда входили в состав Аквилонии!

— Я знаю,— сказал Конан.— Но в те времена все королевства были раздроблены на мелкие владения, без конца воевавшие друг с другом. Теперь все по-другому. Дни герцогств и вольных городов миновали, грядет эпоха империй. Правителям снятся завоевания, и защититься можно только в единстве.

— Так давай присоединим Зингару к Пуантену,— предложил Троцеро.— Там теперь не менее полудюжины принцев, и все рвут глотки друг другу. Мы легко завоюем ее, одну провинцию за другой, и присоединим к твоим владениям.

Потом с помощью зингарцев покорим Аргос и Офир. Уж если кто создаст империю, так это мы!

И вновь Конан отрицательно покачал головой:

— Об империях пускай мечтают другие, я же хочу сохранить принадлежащее мне. Я не стремлюсь к тому, чтобы править империей, сколоченной огнем и мечом... Одно дело — когда народ вручает тебе трон и сам соглашается на твое правление. И совсем другое — захватить чужую страну и властвовать с помощью страха. Чтобы я превратился во второго Валерия? Нет, Троцеро. Я намерен править всей Аквилонией — и не более. Или ничем!

— Тогда веди нас через горы, и мы выгоним немедийцев!

Свирепые глаза Конана благодарно потеплели. Но...

— Это стало бы напрасной жертвой, Троцеро,— сказал он.— Я уже объяснял тебе, что именно я должен сделать, иначе мне не вернуть королевство. Я должен разыскать Сердце Аримана.

— Сумасшествие! — возмутился Троцеро.— Бредни еретического жреца! Бормотание свихнувшейся ведьмы!

— Не был ты в моем шатре перед битвой,— мрачно ответил Конан и невольно покосился на свое правое запястье, где еще виднелись синие пятна.— Ты не видел, как обрушились скалы и погребли цвет моей армии. Нет, Троцеро, не бред, и я в том убедился. Ксальтотун — не простой смертный, и противостоять ему можно только с Сердцем Аримана в руках. Так что я все-таки поеду в Кордаву. И притом один.

— Это слишком опасно,— не сдавался Троцеро.

— А жить не опасно? — проворчал король.— Но я поеду не как аквилонский владыка и даже не как пуантенский рыцарь. Я буду простым странствующим наемником, как в прежние годы. Да, к югу от Алиманы у меня полно врагов и на суше, и на море. Многие, понятия не имея о короле Аквилонии, вспомнят Конана — вождя барахских пиратов. Или Амру — предводителя черных корсаров. Но хватает у меня

и друзей, а кроме того, есть люди, которые по некоторым причинам будут рады мне помочь.

Воспоминания заставили его слегка улыбнуться.

Троцеро уронил руки, отчаявшись убедить короля, и повернулся к Альбионе, сидевшей на соседнем диване.

— Я понимаю твои сомнения, господин мой,— сказала она.— Но я тоже видела монету в храме Асуры и помню слова Хадрата, что отчеканили ее за пятьсот лет до падения Ахерона! Если, как утверждает государь, на монете изображен именно Ксальтотун, то, значит, в прежней своей жизни он не был обычным волшебником. Его век измерялся столетиями — разве простому смертному это под силу?

Ответить Троцеро не успел: в дверь почтительно постучали, и чей-то голос произнес:

— Повелитель! Мы поймали какого-то человека, прокравшегося в замок. Он говорит, что хотел бы сообщить нечто твоему гостю. Как прикажешь с ним поступить?

— Аквилонский шпион! — прошипел Троцеро и схватился за кинжал, но Конан возвысил голос:

— Откройте дверь! Я сам посмотрю.

Приказание было исполнено: на пороге появился худощавый мужчина в темной куртке с капюшоном. Двое суровых стражников держали его за руки.

— Ты поклоняешься Асуре? — спросил Конан.

Мужчина кивнул, и могучие стражники, потрясенные, уставились на Троцеро.

— К нам на юг пришло слово,— сказал асурит.— За Аламаной мы уже не сможем тебе помогать: наше влияние распространяется отсюда не к югу, а лишь на восток, вдоль русла Хорота. Но вот что я вызнал: вор, которому Тараск поручил Сердце Аримана, до Кордавы так и не добрался. В Пуантенских горах его убили разбойники. Сердце досталось их вождю, который о его истинной природе и не догадывался. Вскоре пуантенские рыцари уничтожили его шайку, и он, остав-

шись ни с чем, продал Сердце кофскому купцу по имени Зорат.

— Ха! — Конан вскочил как подброшенный.— И что Зорат?

— Четыре дня назад он пересек Алиману, направляясь в Аргос. С ним были вооруженные слуги.

— Глупец! Нынче пересекать Зингару небезопасно,— заметил Троцеро.

— Верно, за рекой неспокойно. Но Зорат смел и по-своему безрассуден. Он торопится в Мессантию, надеясь там найти покупателя. Возможно, он даже догадывается, что именно попало ему в руки, и хочет продать Сердце стигийцам. Во всяком случае, едет он прямиком через восточную Зингару, кратчайшим путем, пренебрегая более протяженной дорогой вдоль границ Пуантена.

Конан так грохнул по столу кулаком, что тяжелая столешница задрожала.

— О Кром! Неужто удача наконец-то надумала мне улыбнуться? Коня, Троцеро! Скорее коня и доспехи вольного наемника! Зорат, конечно, опередил меня, но уж не настолько, чтобы я не смог его догнать — хотя бы на краю света!

12

КЛЫК ДРАКОНА

На рассвете Конан верхом переправился через мелководную Алиману и поскакал по широкой караванной тропе, что вела на юго-восток. А на покинутом им берегу молча сидел в седле граф Троцеро, окруженный закованными в сталь рыцарями, и малиновое знамя с леопардом Пуантена трепетало на утреннем ветру над его головой. Темноволосые люди в блестящих доспехах хранили молчание, пока синяя дымка расстояния окончательно не поглотила их короля...

Конан ехал на громадном вороном жеребце, которого подарил ему Троцеро. На плечах короля больше не было аквилонской кольчуги; если верить доспехам, Конан выглядел как наемник из Вольного Братства, члены которого принадлежали ко всем народам земли. На голове Конана был простой шлем, помятый в боях, тело прикрывала видавшая виды броня, а за плечами развевался красный плащ, изрядно заношенный и не особенно чистый. Словом, Конан с головы до пят выглядел именно тем, за кого себя выдавал,— наемным рубакой, познавшим все гримасы и капризы судьбы: сегодня — богатая добыча, а завтра — ветер в кошельке и затянутый потуже ремень.

Конан не только выглядел наемником, он себя им и ощущал. Старые воспоминания проснулись в нем и властно заговорили. Вновь встали перед глазами безумные далекие и славные времена, когда ему и не снилась корона, когда он странствовал и сражался, бражничал и бесчинствовал, думать не думая о завтрашнем дне. Если он тогда о чем и мечтал, так только о пенистом кубке, об алых девичьих устах да остром клинке, который обошел бы с ним бранные поля целого мира.

Сам не сознавая того, он все более возвращался к прежним повадкам. Развязность появилась в его поведении, в посадке на лошади — щегольство. Полузабытые ругательства сами собой слетали с его губ. Покачиваясь в седле, он мурлыкал старые песни — те самые, что они с друзьями хором ревели когда-то в тавернах, на пыльных дорогах, на полях кровавых сражений.

Опытный глаз его примечал, что в Зингаре вправду было неспокойно. Конные отряды, обычно разъезжавшие вдоль реки на случай набега из Пуантена, подевались неизвестно куда. Междоусобная грызня оголила границы. Пустынная дорога белела от горизонта до горизонта. Не позвякивали колокольцами караваны груженых верблюдов, не катились, постукивая колесами, повозки, не мычали стада. Конану попадались лишь редкие группы всадников, одетых в кожу и сталь, с жестокими глазами и ястребиными лицами. Они скакали стремя в стремя и держались настороженно. Обшарив Конана взглядами, ехали прочь: с этого одинокого путника явно нечего взять, зато схватка с ним обещала быть страшной.

Опустевшие деревни лежали в развалинах, поля стояли не паханными, луга заросли. Усобицы и налеты из-за реки почти выкосили здешний народ, времена были такие, что лишь храбрейшие дерзали путешествовать с места на место. А ведь в мирные дни эта дорога так и кишела купцами, спешивши-

ми из Пуантена в Аргос, в город Мессантию, и назад. Теперь большинство торговцев предпочитали другой путь — тот, что вел пуантенскими землями на восток и лишь потом сворачивал к югу, в Аргос. Та дорога была много длинней, зато безопасней. Только отчаянный смельчак отважился бы рисковать товарами и самой жизнью, пересекая Зингару.

У южного горизонта ночами стояло зарево, днем к небу вздымались шаткие столбы дыма: в городах и весях юга гибли люди, рушились троны, горели великолепные замки. Временами Конана брало дотянувшееся из прошлого искушение: а не повернуть ли коня, не ринуться ли очертя голову в битвы и грабежи, как когда-то? И на что ему в таких трудах и муках отвоевывать свое право властвовать над народом, который успел уже его позабыть? Зачем гнаться за блуждающим огоньком, стремясь к утраченной навеки короне? Почему бы ему не забыться, не затеряться в кровавом водовороте войны, как прежде бывало? А королевство — да неужели он нового себе не создаст?

Мир, думалось Конану, вступал в век железа, войн и имперских устремлений, и сильный человек вполне мог подняться над руинами наций как новый завоеватель. Почему бы ему не стать таким человеком?

Так нашептывал ему знакомый бес-искуситель, а перед внутренним оком кружились призраки его кровавого и беззаконного прошлого. Но Конан так и не свернул с пути. Он ехал вперед и вперед, неустанно стремясь к цели, которая казалась чем дальше, тем все менее ясной, порою напоминая несбыточный сон.

Со всей возможной скоростью гнал он вороного жеребца по белой дороге, простиравшейся от горизонта до горизонта. Зорат и вправду намного его обогнал, но Конан знал, что едет наверняка быстрее, чем обремененный товарами купец. И спустя некоторое время дорога привела его к владениям графа Вальбросо. Подобно гнезду стервятника, высился его

замок на голом холме. Вальбросо сам выехал из ворот во главе своих молодцов. Это был смуглый худой человек с блестящими глазами и хищным носом, похожим на клюв. Позади него скакали три десятка копейщиков — черноусые ястребы пограничных войн, такие же алчные и безжалостные, как и их хозяин. Оскудевшие караваны давно не приносили добычи, и Вальбросо клял на чем свет стоит бесконечные усобицы, из-за которых дороги стали пустынны,— впрочем, эти же благословенные усобицы дали ему повод для безнаказанной расправы над соседями.

Одинокий путник, замеченный с башни, выглядел не слишком лакомым кусочком, но Вальбросо привык извлекать барыш из всего. Многоопытным взглядом окинул он Конанову потрепанную кольчугу и темное, в шрамах, лицо и сделал тот же вывод, что и всадники, с которыми киммериец разминулся ранее: тяжелый меч и пустой кошелек.

— Куда едешь, мошенник? — спросил граф.

— В Аргос,— ответил Конан.— Я — наемник. А как звать, неважно.

— Справные наемники нынче держат путь не туда, а оттуда,— проворчал Вальбросо.— Теперь все веселье на юге: и сражения, и добыча. А может, вступишь в мой отряд? С голоду не помрешь, это я тебе обещаю. На большой дороге, правда, совсем не осталось жирных купцов, которых стоило бы пощипать, но я со своими парнями думаю вскоре перебраться на юг и наняться к тем, кто ближе к победе!

Конан ответил не сразу. Он знал: стоит прямо заявить «нет», и Вальбросо тут же натравит на него своих головорезов. Зингарец же, не дождавшись ответа, сказал еще:

— Видит Иштар, вы, вольные наемники, знаете уйму способов развязать язык самому упрямому человеку. А у меня как раз пленник — последний перехваченный мною купец, ибо я, клянусь Митрой, уже несколько недель не видел ни одного. Так вот, у негодяя была с собой железная шка-

тулка, и мы не сумели ни вскрыть ее, ни заставить упрямца выдать секрет. Я-то думал, нет средств убеждения, которыми бы я не владел, но, может быть, ты, бывалый наемник, знаешь такое, что неведомо мне? Поехали в замок, посмотрим, не получится ли у тебя!

Эти слова возымели действие тотчас: Конан кивнул головой. В самом деле, пленником графа вполне мог оказаться и Зорат. Конан не был знаком с ним, но человек, у которого хватило духу пуститься в такое время по зингарским дорогам, мог, чего доброго, устоять и под пыткой...

Конан повернул коня и поехал рядом с Вальбросо по извилистой тропе, поднимаясь на холм, где угрюмо высился замок. Вообще-то ему, как простому воину, полагалось бы ехать позади графа, но сила привычки взяла свое, а Вальбросо не обратил внимания. Годы, прожитые на границе, напрочь отучили его от этикета, уместного при блестящем королевском дворе. Он хорошо знал, как горды и независимы наемники, чьи мечи возвели на трон не одного короля.

Высохший ров был местами до половины забит мусором. Копыта коней простучали по подъемному мосту, и отряд въехал в ворота. С мрачным лязгом упала сзади решетка. Пустынный двор зарос кое-где чахлой травой, посередине виднелся колодец. Вдоль стен ютились покосившиеся лачуги воинов графа, из дверей выглядывали женщины: одни — неряхи неряхами, другие — увешанные безвкусными украшениями. Стражники в ржавых кольчугах резались в кости, сидя под арками на каменной мостовой... Сущее разбойничье гнездо, а не замок дворянина!

Вальбросо спешился и жестом пригласил Конана за собой. Войдя в дверь, они миновали длинный сводчатый коридор и натолкнулись на хмурого человека в кольчуге, спускавшегося навстречу по лестнице. Конан пригляделся к шрамам на его лице и решил, что он, скорее всего, капитан стражи.

— Ну что, Белосо? — спросил граф.— Заговорил?

— Упрям, как черт,— буркнул Белосо, бросая на Конана подозрительный взгляд исподлобья.

Грязно выругавшись, владелец замка в ярости затопал по винтовой лестнице вверх. Конан и капитан последовали за ним.

Чем выше они поднимались, тем слышней делались стоны человека, терпящего ужасные муки. Пыточный застенок в замке Вальбросо располагался не в подземелье, как обычно, а, напротив, высоко над двором. Внутри застенка сидел на корточках волосатый звероподобный мужик в кожаных штанах и, чавкая, обгладывал говяжью кость. А вокруг громоздились дыбы, крючья, тиски и прочие приспособления, изобретенные человеческим разумом для того, чтобы рвать плоть, дробить кости, выворачивать суставы и сухожилия...

На дыбе висел нагой человек, и Конан с первого взгляда понял — страдать ему осталось недолго. Его руки, ноги и само тело были страшно растянуты, что говорило об исковерканных суставах и многочисленных внутренних разрывах. Смуглое лицо человека было умным и тонким, но глаза налились кровью и остекленели от муки, капли смертного пота стекали со лба, а рот перекосился от испытываемых мучений.

— Вот шкатулка, о которой я говорил.— Вальбросо зло пнул небольшой, но увесистый железный сундучок, стоявший поблизости на полу.

На сундучке красовался замысловатый узор из крохотных черепов и сплетающихся драконов, но Конан не заметил никаких признаков замка, запиравшего крышку. Было видно: сундучок жгли огнем, рубили топором и зубилом, но едва смогли оцарапать.

— Этот пес держит там свои драгоценности,— зло продолжал Вальбросо.— Весь Юг знает Зората и его железную шкатулку, но что в ней — одному Митре известно. Не открывает секрета, хоть тресни!

Зорат! Итак, перед Конаном находился человек, которого он так долго искал. Сердце короля забилось у горла, но, когда он склонился над мучеником, о его истинных чувствах никто не мог догадаться.

— Ослабь веревки, скотина! — резким голосом приказал он палачу.

Вальбросо с капитаном уставились на него в некотором недоумении: забывшись, Конан заговорил привычным повелительным тоном. Палач же инстинктивно повиновался. В голосе незнакомца слышался металл, он явно не шутил, и заплечных дел мастер отпускал веревки постепенно — резкая слабина причинила бы разорванным суставам такую же муку, как и дальнейшее растягивание.

Схватив кубок вина, стоявший неподалеку, Конан поднес его ко рту несчастного. Зорат судорожно глотнул, проливая вино на тяжело вздымавшуюся грудь. Потом в налитых кровью глазах затеплился огонек узнавания. Шевельнулись губы, покрытые запекшейся пеной. Задыхаясь и всхлипывая, Зорат заговорил по-кофски:

— Значит, я умер? Значит, кончились эти пытки? Передо мной король Конан, погибший при Валкие: я среди мертвых...

— Еще нет,— сказал Конан.— Но ты умираешь. Больше тебя не будут пытать, я обещаю. Но и помочь тебе уже ничем не могу. Зорат! Скажи, как открыть твой сундучок?

— Мой сундучок,— пробормотал Зорат, соскальзывая в бредовое беспамятство.— Железный сундучок, выкованный в адовом пламени огненных гор Хоршемиша... ни одно зубило его не возьмет. Какие сокровища возил я в нем по всему свету! Но равного тому, что лежит там теперь, еще не бывало...

— Скажи, как открыть,— тормошил его Конан.— Тебе оно уже не пригодится, а мне может помочь!

— Да, ты — Конан...— невнятно бормотал кофиец.— Я видел тебя на престоле в тронном зале, в Тарантии... со ски-

петром в руках, с короной на голове... Ты мертв: тебя убили при Валкие. Стало быть, умер и я...

— Что там несет эта падаль? — нетерпеливо спросил Вальбросо, не понимавший ни слова по-кофски.— Скажет он наконец, как отпирается чертов ящик?

Голос мучителя словно раздул в измученной груди искорку жизни. Зорат обратил налитые кровью глаза в сторону говорившего.

— Одному Вальбросо открою я тайну...— прошелестел он по-зингарски.— Я умираю... Нагнись ко мне, Вальбросо!

Граф не заставил себя упрашивать: отвратительная алчность была написана у него на лице. Угрюмый Белосо придвинулся вплотную к хозяину.

— Надави один за другим семь черепов по краю,— с трудом выдохнул Зорат.— А потом — голову дракона, изваянного на крышке. И наконец — шарик в лапах дракона. Потайная пружина...

— Живо ящик сюда! — заорал Вальбросо, добавив ругательство.

Конан поднял сундучок и поставил на лавку. Граф толкнул его плечом, оттирая в сторону. Белосо шагнул вперед:

— Позволь, я открою...

Вальбросо разразился такими проклятиями, что капитан отшатнулся. Черные глаза графа горели жадностью.

— Никто, кроме меня!

Конан, успевший инстинктивно протянуть руку к мечу, покосился на Зората. Стекленеющие глаза страдальца с пристальным вниманием следили за Вальбросо. Конану померещилась даже тень зловещего торжества, искривившая усмешкой губы Зората. Лишь осознав, что умирает, кофиец согласился выдать секрет... Конан повернулся к Вальбросо и стал ждать.

По краю крышки ларца были вырезаны сплетенные ветви какого-то дерева и между ними — семь черепов. Сверху,

среди фантастических узоров, красовался инкрустированный дракон. Трясущимися от нетерпения руками Вальбросо торопливо надавил черепа, затем прижал большим пальцем резную голову дракона и вдруг, выругавшись, отдернул руку и раздраженно встряхнул ею.

— Какой козел не загладил резьбу? — прорычал он.— Так и руки недолго попортить...

Он тронул золотой шарик, который дракон держал в коготках, и крышка неожиданно отскочила. Золотое пламя ослепило глаза! Казалось, шкатулка была полна брызжущего огня, который переливался через край и разбрасывал по всей комнате трепетные искры. Белосо вскрикнул, а Вальбросо с шумом втянул в себя воздух. Онемевший Конан стоял неподвижно, околдованный невероятным сиянием.

— Митра! — воскликнул Вальбросо, извлекая из сундука большой алый шар, исходивший пульсирующим светом.

В этом свете Вальбросо почему-то выглядел как покойник, зато снятый с дыбы умирающий внезапно разразился хохотом, диким и жутким.

— Глупец! — крикнул он.— Ты получил камень и вместе с ним — смерть! Ты думаешь, уколол палец? Приглядись к голове дракона, Вальбросо!

Обернулся не только граф — все, бывшие в комнате. Что-то маленькое и блестящее торчало из оскаленной металлической пасти.

— Клык дракона! — надрывался Зорат.— Я смазал его ядом черного стигийского скорпиона!.. Глупец, ты взялся за мой ларец без перчатки! Ты мертв, Вальбросо! Ты мертв!..

Кровавая пена хлынула с губ купца — душа его отлетела.

— О Митра, я горю! — взвизгнул Вальбросо и зашатался.— Огонь мчится по жилам!.. Рвутся суставы!.. Это смерть, смерть!..

Он, покачнувшись, рухнул на пол. Жуткие судороги скрутили тело немыслимыми узлами; так он и застыл, глядя вверх

бессмысленными глазами, обнажая в оскале почерневшие десны.

— Мертв,— пробормотал Конан и нагнулся подобрать камень, выкатившийся из скрюченной ладони Вальбросо.

Сердце Аримана трепетало на полу, точно живой кусочек заката.

— Мертв,— повторил Белосо.

Взгляд его был безумен. Он метнулся вперед.

Завороженный сиянием Сердца, Конан не ждал подвоха. Он понял намерение Белосо, лишь когда нечто тяжелое обрушилось сверху на его шлем. Золотой свет камня сменился кровавым туманом, Конана бросило на колени.

Он услышал топот и животный рев убиваемого человека. Оглушенный Конан сознания не потерял и успел понять, что Белосо огрел его, нагнувшегося, железной шкатулкой. Добрый боевой шлем спас короля. Пошатываясь, он поднялся, выхватил меч и затряс головой, пытаясь остановить стены комнаты, плясавшие перед глазами. Дверь была распахнута; торопливые шаги уже стихали, удаляясь по винтовой лестнице. Звероподобный палач испускал дух, валяясь на полу со страшной раной в груди. Сердце Аримана исчезло.

Конан на нетвердых ногах выбрался из застенка наружу. Он держал в руке меч, по лицу из-под шлема бежала кровь. Качаясь, как пьяный, он сбежал вниз по ступеням. Со двора донеслись звон стали, крики, затем отчаянный топот копыт. Пронзительно визжали женщины. Вывалившись во двор, Конан увидел суматошно мечущихся воинов. Задние ворота раскрыты, поперек выхода, все еще сжимая копье, лежал с разрубленной головой мертвый воин. По двору с испуганным ржанием бегали кони, с которых никто не позаботился снять уздечки и седла. Был среди них и вороной жеребец Конана.

— Он сошел с ума! — ломая руки, истошно кричала какая-то женщина.— Выскочил из замка, точно бешеный пес,

и ну рубить направо и налево! Говорю вам, Белосо спятил! Где граф Вальбросо, наш господин?

— Куда делся Белосо? — взревел Конан.

Все разом замолчали и обернулись, пялясь на окровавленного незнакомца с мечом в руках.

— Ускакал в задние ворота! — ответил женский голос.

— А это еще кто? — заорал какой-то воин.

— Белосо зарубил графа! — крикнул Конан и, прыгнув, поймал за гриву своего жеребца. Он не собирался ждать, пока неуверенно переминавшиеся молодцы на него нападут. И он не ошибся: они отреагировали на его сообщение именно так, как он и ожидал. Поднялся ужасный гвалт. Никому не пришло в голову запереть ворота, взять Конана в плен или броситься в погоню за убийцей и отомстить за вождя. Этих волков объединял лишь страх перед Вальбросо. Не стало его — и каждый дрался сам за себя.

По всему двору загремели мечи, женский визг надрывал слух. Среди всеобщего смятения никому и дела не было до Конана, который, вскочив на коня, вылетел из ворот и умчался вниз по склону холма. Перед ним расстилалась широкая равнина, караванная же дорога за холмом раздваивалась: одна ее ветка уходила на юг, другая на восток. По восточной дороге, низко пригнувшись в седле, стремительно уносился всадник, отчаянно шпоривший коня. Ровная степь покачивалась у Конана перед глазами, багровый туман временами застилал солнечный свет. Король пошатывался в седле, хватаясь за гриву. Кровь капала на кольчугу. Мрачно стиснув зубы, Конан понукал жеребца.

За его спиной из замка на холме повалил густой дым. Там, внутри, труп графа Вальбросо так и валялся рядом с телом замученного купца. Солнце садилось; на фоне страшного, кровавого неба мчались одна за другой две черные крохотные фигурки...

Вороной жеребец начинал уставать — как, впрочем, и лошадь Белосо. Но копыта могучего жеребца мелькали по-преж-

нему стремительно. Конан не утруждал больную голову рассуждениями о том, почему зингарец спасается бегством от одного-единственного преследователя. Быть может, Белосо поддался безрассудной панике, околдованный безумием, таившимся в сиянии камня?

Солнце скрылось. Белая дорога едва мерцала в призрачных сумерках, впереди сгущалась лиловая тьма. Тяжело дышал измученный жеребец. Даже в потемках было заметно, как менялась местность вокруг. Голую степь оживляли дубовые рощи и заросли ольхи. Невысокие холмы поднимались вдали. Появились первые звезды... Жеребец пошатывался на бегу. Но Конан разглядел впереди густой лес, тянувшийся по холмам до горизонта, а между собою и лесом — смутный силуэт беглеца. И снова послал вперед едва живого коня: он видел, расстояние между ним и Белосо сокращалось ярд за ярдом, медленно и неуклонно. Сквозь стук копыт из непроглядных теней на обочине послышались какие-то странные крики, но ни преследуемый, ни преследователь даже ухом не повели.

Когда лошади внесли их под деревья, смыкавшиеся кронами над дорогой, их разделяли считанные шаги. Яростный крик сорвался с губ Конана: он занес меч. Белосо обратил к нему бледное, еле различимое в темноте лицо и тоже занес смутно блеснувший клинок, ответив, точно эхо, на боевой клич короля. Но тут измотанный жеребец охнул и покатился кувырком, споткнувшись впотьмах. Вылетев из седла, Конан врезался больной головой в камень... и непроглядная тьма погасила для него звезды.

Долго ли он пролежал без чувств, Конан не знал. Сначала он почувствовал, что его волокут, схватив за руку, по каменистой земле, напролом сквозь густые кусты. Потом кто-то грубо швырнул его оземь, и от этого толчка сознание начало возвращаться.

Шлем укатился неизвестно куда, голову раскалывала тошнотворная боль, волосы слиплись от запекшейся крови. Но Конан обладал жизненной силой дикого зверя, и едва успел проясниться перед глазами туман, как киммериец начал озираться и соображать, куда его занесло.

Большая красноватая луна светила сквозь ветви деревьев, и он понял — полночь давно миновала. Видимо, Конан провалялся оглушенным несколько часов: вполне достаточно, чтобы оправиться и от удара, которым наградил его Белосо, и от падения с лошади. Голова теперь была определенно яснее, чем во время той сумасшедшей погони.

Тут Конан с удивлением заметил, что лежит вовсе не на обочине белой дороги, как ему сначала показалось. Дороги совсем не было видно. Конан лежал на траве посреди небольшой поляны, огороженной черной стеной древесных стволов и путаницей ветвей. Лицо и руки короля были изодраны и исцарапаны, как будто его в самом деле волокли сквозь заросли ежевики. Конан приподнялся на локте — и тотчас отшатнулся. Сидя на корточках, над ним склонился некто. Вернее, нечто.

Сперва Конан усомнился в собственном рассудке: тварь напоминала видение прямиком из кошмарного бреда. Неподвижное серое существо смотрело на Конана глазами, в которых не чувствовалось души, и быть реальным ему просто не полагалось.

Какое-то время Конан молча разглядывал его, почти ожидая — сейчас оно растает, точно дурной сон. Но потом в глубине сознания шевельнулось что-то полузабытое, и король содрогнулся, ощутив, как противный холодок пополз по спине. Недаром, знать, люди шепотом передавали из уст в уста пугающие слухи о серых тенях, таящихся в безлюдных лесах по холмам на границе Зингары и Аргоса! Вурдалаки, пожиратели человечины, семя тьмы, потомство нечестивой похоти, толкнувшей давно забытое племя в объятия демо-

нов преисподней! Вот, значит, кто бродил в здешних первобытных лесах, прячась в проклятых руинах древнего города...

Не сводя глаз с уродливой башки нависшего над ним чудища, Конан осторожно потянулся к кинжалу, висевшему у бедра. И как раз в это время с ужасающим воплем, который невольно повторил человек, вурдалак прянул к его горлу. Конан вскинул правую руку — собачьи клыки его противника тут же сомкнулись на ней, вдавливая в тело звенья кольчуги. Руки, похожие на человеческие, искали его горло, но Конан увернулся и левой рукой выдернул из ножен кинжал.

Они покатились по траве, вцепившись друг в друга. Под трупно-серой кожей вздувались мускулы, подобные стальным канатам; обычного человека они смяли бы без труда. Но мышцы Конана тоже были выкованы из стали, а кольчуга надежно защищала его от лязгающих клыков и когтей, стремящихся разорвать тело. Раз за разом всаживал он кинжал в вурдалака. Живучесть человекообразного монстра казалась неисчерпаемой, вдобавок каждое прикосновение скользкого, холодного тела вызывало у короля дрожь омерзения. Гадливость и невыносимое отвращение направили руку киммерийца — острие наконец отыскало сердце врага, и чудовище забилось в предсмертных муках, потом вытянулось и затихло.

Конан поднялся, борясь с тошнотой. Он стоял посреди поляны с кинжалом в руках, пытаясь понять, куда же идти. Древний инстинкт по-прежнему безошибочно указывал ему, где север, где юг. Но вот дорога... Конан понятия не имел, куда затащил его вурдалак. Мрачным взглядом он обвел молчаливый, посеребренный луной черный лес, окружавший его со всех сторон, и помимо воли покрылся холодным потом. Он был один, без коня, затерянный в колдовских лесах, и дохлая тварь, валявшаяся у ног, внятно свидетельствова-

ла, что, скорее всего, в лесах этих водится еще кое-кто похлеще. Конан даже задержал дыхание, напрягая слух: не хрустнет ли сучок, не зашуршит ли трава?..

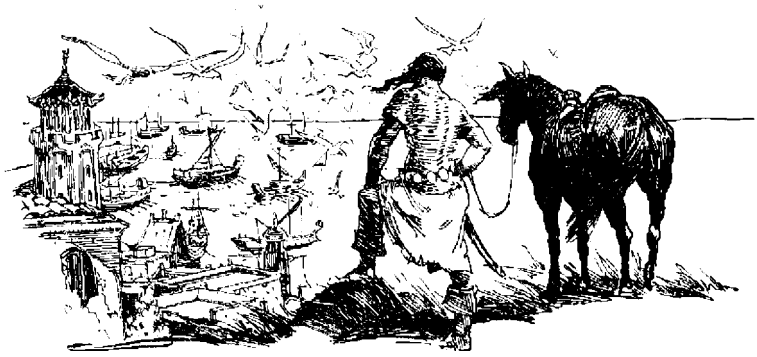
И вдруг звук раздался, да такой, что киммериец едва не подскочил. Ночную тишину прорезал отчаянный визг насмерть перепуганного коня! Это его жеребец. Наверное, на него бросилась лесная пантера, или... или вурдалаки жрали не только людей!

Конан пронзительно свистнул и помчался на крик, сокрушая кусты и подлесок. Пробудившаяся ярость мгновенно выжгла в нем страх. Погибнет конь — как он тогда настигнет Белосо и отнимет у него камень? Жеребец вновь завизжал, на сей раз немного поближе. Конь явно с кем-то сражался: Конан услышал удар копыта, пришедшийся во что-то податливое.

Неожиданно выскочив на широкую белую дорогу, он увидел своего коня. Облитый ярким светом луны, жеребец вставал на дыбы, метался и бил передним копытом. Его уши были прижаты, зубы злобно оскалены. Вокруг него, уворачиваясь, прыгала серая тень. Мигнуло какое-то мгновение, и, окружая Конана со всех сторон, возникли новые тени — мерзкие, скользкие, алчные. Потянуло трупным запахом, точно из склепа.

Но взгляд короля уже уловил некий блик: лунные лучи играли на лезвии его меча, чуть засыпанного палыми листьями. Выругавшись, Конан метнулся к оружию, подхватил — и пошел рубить налево и направо! Разверзались слюнявые клыкастые пасти, гнусные лапы тянулись к нему, пытаясь схватить,— и все-таки он прорубил себе путь, схватил поводья жеребца и прыгнул в седло. Его меч вздымался и падал — морозная радуга, отражавшая серебряный свет. Кровь разлеталась черными кляксами из расколотых черепов вурдалаков, из рассеченных надвое отвратительных тел. Жеребец бил копытами, лягался и кусал. Наконец они вырвались из

кольца и бешеным галопом понеслись прочь по дороге. Какое-то время по обе стороны, силясь догнать, мчались серые тени. Потом они отстали. Жеребец Конана взлетел на вершину поросшего лесом холма, и король увидел впереди голые склоны, возносившиеся вверх и вверх...



13

«ТЕНЬ ИЗ ПРОШЛОГО...»

Солнце едва успело подняться, когда Конан пересек границу Аргоса. Ему так и не попался на глаза не то что сам Белосо — даже его след. Видать, успел унести ноги, покуда король лежал без сознания... Если только вурдалаки не слопали его в зингарских лесах. Но следов расправы над ним Конан опять-таки не заметил. Скорее даже наоборот: по-видимому, чудовища сначала увлеклись погоней за Белосо — вот потому-то и прошло несколько часов, прежде чем они занялись Конаном. Но если Белосо жив, значит, он скакал по той же дороге, опережая Конана на некоторое расстояние. В этом король был уверен вполне. Если бы похититель Сердца не стремился в Аргос, он вообще не свернул бы на юго-восток, на эту дорогу.

Стражники, стоявшие на границе, не стали спрашивать Конана ни о чем. Кто требует бумаги у одинокого странствующего наемника, особенно если доспехи его не украшены ничьим гербом, а значит, он ни у кого на службе не состоит?

Дорога вела Конана невысокими, заросшими травой холмами, где в кружевной тени дубрав лепетали ручьи. То вверх, то вниз шла дорога, убегая вперед по горам и долам, до затя-

нутого голубой мглой горизонта. Очень, очень древним был путь, ведущий из Пуантена к морю...

В Аргосе царил мир. Запряженные быками повозки рокотали колесами по мощеной дороге. Загорелые, сильные люди трудились в садах и полях, привольно раскинувшихся вдоль обсаженного деревьями большака. Перед гостиницами, под сенью раскидистых дубов, сидели на скамьях почтенные старцы и приветствовали проезжающих мимо.

Конан чуть не каждого расспрашивал о Белосо: пахарей в полях, разговорчивых стариков в трактирах, куда он заглядывал промочить горло объемистым бурдюком пенящегося эля, и востроглазых купцов, одетых в шелка, которых встречал по дороге.

Сведения оказывались противоречивыми, но постепенно Конан выяснил следующее. Где-то впереди него, очевидно направляясь в Мессантию, двигался по большаку тощий, жилистый, по-западному усатый зингарец с опасным блеском в черных глазах. Мессантия? Конан не удивился. Во всех морских портах Аргоса, в отличие от внутренних провинций, обитало весьма пестрое население, а Мессантия, пожалуй, была наиболее многоязычной. В ее гавани покачивались корабли, приходившие из всех мыслимых и немыслимых стран; город служил прибежищем бродягам и отщепенцам всех мастей. Ибо Мессантия жила и процветала морской торговлей и в своих сделках с моряками горожане давно утратили невыгодную чистоплотность. Не только честные купцы торговали в Мессантии — рекой текли сюда и пираты, и контрабандисты. Все это Конан знал отлично, ибо и сам в прежние дни, будучи барахским пиратом, не раз под покровом ночи входил в порт Мессантии, имея в трюме весьма странные грузы. Более того, многие пираты с тех же Барахских островов, затерявшихся в море к юго-западу от зингарского побережья, сами были аргосскими моряками. И пока их алчное внимание посвящалось судам иных держав, аргосские власти проявляли весьма широкое понимание морских законов.

Беда, однако, заключалась в том, что Конан в свое время ходил не только с барахтцами. Он имел дело и с зингарскими морскими разбойниками, и — самое скверное — с чернокожими корсарами, приходившими с далекого юга опустошать северные берега. Это однозначно ставило его вне закона. Стоит кому-нибудь узнать его в любом порту Аргоса — и Конану не сносить головы. Тем не менее киммериец упрямо ехал в Мессантию, останавливаясь лишь затем, чтобы дать передышку коню да самому ненадолго смежить глаза.

Он въехал в город незамеченным и затерялся в толпе, кишевшей на улицах и площадях. В Мессантии не было стен: море и корабли надежно охраняли торговые врата Юга.

Вечерело. Конан неторопливо ехал по улицам, спускавшимся к самой воде. В конце улиц виднелись набережные и за ними — мачты и паруса кораблей. Сколько лет минуло с той поры, когда Конан последний раз вдыхал соленый запах моря, слышал гул ветра в снастях и скрип мачт, видел белые венцы волн и край земли, отступающей за корму? И вновь шевельнулась в сердце тяга к дальним странствиям и неведомым землям...

Но к причалам Конан не поехал. Он повернул коня и, одолев большие, вытертые каменные ступени, выбрался на широкую улицу. Богато отделанные белые особняки смотрели с нее на море и порт. Здесь жили те, кого обогатила нелегкая морская добыча: несколько старых капитанов, сумевших поднакопить денег по чужим берегам, и великое множество перекупщиков и торговцев, ни разу не ступавших на палубу корабля, не говоря уж о морских сражениях и лютых штормах.

Конан направил коня к хорошо знакомым ему, отделанным позолотой воротам и въехал во двор, где негромко звенел фонтан и голуби перелетали с мраморных парапетов на мраморные же пороги. Навстречу выбежал паж, одетый в шелковые штаны и камзол, обрезанный снизу зубцами. Паж смот-

рел удивленно: мессантийским купцам приходилось иметь дело с самыми разными типами, зачастую грубыми и странными, но обычно они были как-то связаны с морем. С какой бы стати воину-наемнику этак по-хозяйски въезжать во двор известного торгового воротилы?

— Здесь живет купец Публио? — спросил Конан.

Впрочем, фраза звучала скорее как утверждение, а в голосе было нечто такое, отчего паж мигом сдернул шапку с пером и ответил с поклоном:

— Здесь, мой капитан.

Конан покинул седло. Паж позвал слугу, и тот, подбежав, принял поводья жеребца.

— Хозяин дома? — продолжал Конан, стаскивая латные рукавицы и выколачивая дорожную пыль из плаща и кольчуги.

— Да, мой капитан. Как прикажешь о тебе доложить?

— Я сам о себе доложу,— проворчал Конан.— Я знаю, куда идти, так что постой-ка здесь.

Властный тон не допускал возражений, и паж не посмел двинуться с места — так и остался смотреть вслед Конану, шагавшему по отлогой мраморной лестнице. Какие дела с его хозяином могли быть у этого великана-воина, похожего на варвара с севера? Пажу оставалось только гадать.

Слуги, спешившие по делам, останавливались и глазели вслед киммерийцу. Конан пересек широкую тенистую террасу и вступил в коридор, по которому гулял свежий морской ветерок. Пройдя примерно половину, он услышал, как поскрипывает перо, и отворил дверь в обширную комнату, множеством широких окон смотревшую на гавань.

Публио сидел за резным тиковым столом и водил золотым перышком по дорогому пергаменту. Он был невысокого роста, большеголовый, с быстрыми темными глазами. Одет в голубые одежды из тончайшего муарового шелка, отделанного парчой, на пухлой белой шее красовалась тяжелая золотая цепь.

Купец раздраженно вскинул глаза на вошедшего... и недовольно поднятая рука так и замерла в воздухе. Полураскрыв рот, он смотрел на Конана, точно на тень, восставшую из прошлого. Он не мог поверить собственным глазам — и не мог скрыть боязни.

— Ну так что? — спросил Конан.— Что скажешь хорошенького, Публио?

Тот облизнул пересохшие губы.

— Конан! — прошептал он потрясенно.— О Митра! Это же Конан! Амра...

— А то кто же еще? — Конан расстегнул плащ и вместе с латными рукавицами бросил его на стол.— Слушай,— продолжал он нетерпеливо,— у тебя уже и стакана вина для меня не найдется, промочить глотку с дороги?

— Д-да, конечно, вина...— завороженно повторил Публио.

Привычно потянулся к гонгу, но тут же отдернул руку, точно обжегшись, и содрогнулся. Конан наблюдал за ним с угрюмой насмешкой в глазах. Суетливо вскочив, купец бросился запирать дверь и при этом перво-наперво выглянул в коридор — не болтаются ли поблизости какие-нибудь рабы. Вернувшись, он принес золотой кувшин с вином и хотел было наполнить узкий бокал, но Конан отобрал у него кувшин, поднес двумя руками ко рту и долго с наслаждением пил.

— И в самом деле, Конан,— пробормотал Публио.— Уж не сошел ли ты с ума?

— Клянусь Кромом, Публио,— сказал Конан, отрываясь от кувшина, но не выпуская его из рук,— ты живешь теперь совсем не так, как в прежние времена. Да, нужно быть аргосским купцом, чтобы обрасти такой роскошью, начав с крохотной портовой лавчонки, провонявшей тухлой рыбой и дешевым вином.

— Те времена давно миновали.— Публио кутался в свои шелка, силясь унять невольную дрожь.— Я отбросил прошлое, точно сношенный плащ.

— Что ж,— сказал Конан,— я не старый плащ, и от меня тебе не отделаться. Мне, правду сказать, нужно немногое, но уж будь добр, расстарайся. Да смотри, не вздумай отказывать. Слишком много дел мы вели с тобой в прежние дни. Думаешь, я совсем уж дурак и не понимаю, что этот особняк выстроен моим потом и кровью? Сколько грузов с моих кораблей прошло через твои руки?

— В Мессантии нет купца, который время от времени не имел бы дела с морскими бродягами...— трясущимися губами выговорил Публио.

— Но не с черными корсарами! — неумолимо ответствовал Конан.

— Ради Митры, тише! — вырвалось у Публио.

На лбу торговца выступил пот, пальцы нервно дергали золотую кайму одеяний.

— Я, собственно, хотел всего лишь освежить твою память,— сказал Конан.— Да не трясись ты так! Помнится, ты умел рисковать, когда содержал лавчонку и пытался выжить и разбогатеть. И дружил, как рука с перчаткой, со всеми пиратами и контрабандистами от Мессантии до Барахских островов! Или разбогател и вовсе хватку утратил?

— Я стал почтенным человеком...— начал было Публио.

— То есть попросту очень богатым,— фыркнул Конан.— А все почему? Почему ты так быстро разбогател? Не приходилось ли тебе торговать слоновой костью и перьями страуса, медью и кожами, жемчугом, чеканным золотом и еще всякой всячиной из страны Куш? И где, позволь спросить, ты скупал все это по дешевке, когда другие купцы за то же самое таскали стигийцам серебро мешками? Напомнить? Ты покупал у меня. И гораздо дешевле, чем следовало. А я брал свои товары у племен Черного Берега, я грабил стигийские корабли — я и мои черные корсары!

— Ради Митры, довольно! — взмолился Публио.— Я ничего не забыл. Скажи лучше, что ты здесь делаешь? Я — единственный на весь Аргос, кто знает о короле Аквилонии, не-

когда промышлявшем пиратством. Потом до нас дошли вести о завоевании Аквилонии и гибели короля...

— Если верить слухам, враги уже сотню раз меня убивали,— проворчал Конан.— Однако вот он я, сижу живехонек и лакаю аргосское вино.

Кувшин вновь оказался у его губ. Почти опустошив его, Конан сказал:

— Я уже говорил, я не потребую от тебя слишком многого, Публио. Мне известно, что ты знаешь обо всем, происходящем в Мессантии. Так вот, я хочу выведать, нет ли в городе зингарца по имени Белосо, или как еще там он себя теперь называет. Он высокий, тощий и смуглый, как все его племя. Вероятно также, он хочет продать некий редкостный камень.

Публио покачал головой:

— Не видал такого и даже не слышал. Но через Мессантию проходят тысячи людей, и, если он здесь, мои люди скоро его обнаружат.

— Отлично. Вот и пошли их, пускай ищут. А пока пусть твои слуги позаботятся о моем коне да принесут мне поесть сюда, в эту комнату.

Публио многословно обещал тотчас все исполнить. Конан допил вино, небрежно отбросил кувшин в угол и подошел к ближайшему окну, невольно расправляя грудь навстречу соленому ветру. Внизу расстилался лабиринт припортовых улочек. Конан оценивающе оглядел корабли, стоящие в гавани. Потом откинул голову, и взгляд его устремился прочь от берега, в синюю даль, где сходились море и небо. Его память уже летела за горизонт, к золотым морям юга, к пламенеющему солнцу, под которым не существовало законов. Случайный запах пряности будил воспоминания о чужих берегах, где росли мангры и гремели барабаны... о кораблях, сцепившихся абордажными крючьями... палубы в крови, дым и пламя, крики дерущихся...

Задумавшись, он даже не обернулся, когда Публио потихоньку вышел из комнаты.

Подобрав шелковые одежды, купец почти бегом поспешил по коридору и наконец вошел в комнату, где склонился над пергаментом высокий худой человек со шрамом на виске. Было, однако, в этом человеке нечто столь мирному занятию не соответствующее.

— Конан вернулся! — без всяких предисловий выдохнул Публио.

— Конан? — Человек рывком вскинул голову, перо выпало из руки.— Тот самый корсар?

— Да!

Смертельная бледность залила впалые щеки.

— Он свихнулся? Если его обнаружат, мы пропали! На виселице очутится и корсар, и все, кто его укрывал или торговал с ним! А если правитель дознается о наших прежних с ним связях?

— Не дознается,— зловеще ответил Публио.— Пошли своих людей в порт и на рынки. Пускай разведают, нет ли в Мессантии зингарца по имени Белосо. Конан говорит, у того при себе драгоценный камень, который он не прочь бы продать. Значит, можно будет выяснить у ювелиров. И вот еще что. Подбери с дюжину отчаянных негодяев, притом таких, которые, убрав человека, не станут потом трепать языками. Понял?

— Понял.— Человек со шрамом медленно и очень серьезно кивнул.

— Не затем я крал, изворачивался и обманывал, выбираясь с обочины жизни, чтобы призрак из прошлого все пустил насмарку! — пробормотал Публио.

И его лицо сделалось таким угрожающе-мрачным, что богатые вельможи и дамы, покупавшие жемчуг и шелка в его многочисленных лавках, немало удивились бы, доведись им лицезреть его в этот момент. Но когда спустя краткое время он вернулся к Конану и своими руками поставил перед ним большое блюдо с мясом и фруктами, незваный гость не увидел на его лице ничего, кроме доброжелательства.

Конан все еще стоял у окна, разглядывая пурпурные, малиновые, темно-красные, алые паруса галеонов, галер, каракк и дромонов.

— Если я еще не ослеп, вон та галера — стигийская,— заметил он, указывая на длинное, узкое, стройное черное судно, стоявшее на якоре поодаль от остальных, у широкого песчаного пляжа, плавной дугой убегавшего к далекому мысу.— Стало быть, между Стигией и Аргосом нынче мир?

— Так, раньше случалось,— ответил Публио и поставил блюдо на стол, не сдержав вздоха облегчения: тяжесть была порядочная, ибо он давно знал своего гостя.— Стигийские порты,— продолжал он,— временно открыты для наших судов, а наши — для их. Но не допусти Митра, чтобы какому-нибудь моему кораблю довелось встретиться в открытом море с одной из этих проклятых галер! Та, что стоит на якоре, прибыла в порт нынешней ночью. Что здесь нужно ее хозяевам, понятия не имею. Покамест они ничего не продавали и не покупали. Ох, не верю я этим демонам смуглокожим! Если есть родина у предательства, так уж, верно, в их земле оно родилось!

— В свое время я заставил их повыть,— небрежно бросил Конан, отворачиваясь от окна.— Помнится, как-то моя галера с командой сплошь из черных корсаров подкралась ночью к самым бастионам омываемых морем замков Кеми — города с черными стенами. Мы пожгли тогда все галеоны, стоявшие в гавани. А касаемо предательства... не в службу, а в дружбу, любезный хозяин, отведай-ка этих яств да пригуби вина, просто ради того, чтобы я знал, с какой стороны у тебя сердце!

Публио повиновался с такой готовностью, что подозрения Конана немедленно улеглись. Усевшись, он без дальнейших раздумий принялся расправляться с едой, которой хватило бы на троих.

Он еще ел, а по рынкам и набережным Мессантии уже засновали люди. Они искали зингарца, продающего дорогой

камень или желающего попасть на корабль, идущий в далекие страны. А высокий человек со шрамом на виске сидел, положив локти на пятнистый от вина стол, в гнусном погребке, озаренном единственным латунным светильником, свисавшим с продымленной балки над головами. Человек вел беседу с десятью отпетыми мерзавцами, чьи рожи и лохмотья говорили сами за себя.

А когда засияли первые звезды, их лучи осветили четверку весьма странных всадников, скакавших в Мессантию с запада по белой дороге. Рослые, изможденные, они были одеты в черные одежды с капюшонами. Они не разговаривали друг с другом и лишь безжалостно погоняли коней, столь же тощих, как всадники, и вконец измотанных долгим путешествием и бешеной скачкой...

14

ЧЕРНАЯ ЛАДОНЬ СЕТА

Конан пробудился от крепкого сна *мгновенно и полностью*, точно кот. И по-кошачьи вскочил на ноги, выхватив меч, еще прежде, чем коснувшийся его человек успел хотя бы отшатнуться.

— Какие новости, Публио? — спросил Конан, узнав хозяина дома.

Золотой светильник мягко освещал толстые занавеси и богатые покрывала дивана, где только что отдыхал Конан.

Публио оправился от испуга, вызванного столь бурным пробуждением его грозного гостя.

— Зингарца нашли,— доложил он Конану.— Приехал вчера на рассвете. Несколько часов назад он пытался продать шемитскому купцу большой, необычного вида камень, но шемит не пожелал с ним связываться. Люди говорят, даже сквозь черную бороду было видно, как он побледнел, когда увидел драгоценность. Закрыл лавку и удрал, точно от нечистого духа!

— Похоже, вправду Белосо,— пробормотал Конан, чувствуя, как кровь быстрее побежала по жилам от нетерпения.— Ну, так где он сейчас?

— Спит у Сервио в доме.

— Этот крысиный угол я хорошо помню,— буркнул Конан.— Надо спешить, пока какой-нибудь портовый воришка не перерезал ему глотку, позарившись на камень.

Взяв свой плащ, он накинул его на плечи, потом надел плем, добытый для него Публио.

— Пусть мой конь ждет под седлом во дворе,— велел он купцу.— Не исключено, что мне придется спешно отбыть. И я не позабуду того, что ты для меня нынче сделал, Публио.

Через несколько минут Публио стоял у задней двери дома и смотрел в спину королю, удалявшемуся по темной улице.

— Прощай, корсар,— тихо приговаривал торговец.— Должно быть, этот камень стоит того, чтобы за ним охотился человек, позавчера утративший королевство. Да, надо было наказать моим молодцам, чтобы сперва дали ему завладеть безделушкой. Хотя, с другой стороны, из-за этого могло сорваться... Нет уж, пускай Аргос окончательно забудет, кто такой Амра, а там пыль забвения покроет и мои прежние делишки. Очень скоро и не далее как в переулке за домом Сервио Конан перестанет быть для меня угрозой!

Дом Сервио — отвратительная конура с еще более отвратительной репутацией — стоял рядом с набережной, у самой воды. Неуклюжее строение, сложенное из камня и толстых корабельных балок. К нему вел узкий загаженный переулок. Пройдя его почти весь, у самого дома Конан ощутил за собой слежку. Пристально вглядывался он в густые потемки между облезлыми постройками, но так ничего и не разглядел. Лишь однажды его слуха коснулся невнятный шорох одежды. Ничего необычного: по ночам в переулках кишели воры и нищие. Вряд ли они решатся напасть. Это люди опытные — им хватит одного взгляда на рослого вооруженного незнакомца...

Тут впереди распахнулась какая-то дверь, и Конан поспешно укрылся в тени под аркой. Кто-то вышел из двери и двинулся переулком, не крадучись — скорее с врожденной бесшумностью хищника джунглей. Когда же этот человек проходил мимо подворотни, где прятался Конан, бледный свет звезд очертил его профиль. Стигиец! Даже в потемках

невозможно не признать ястребиные черты, бритую голову и плащ, накинутый на широкие плечи. Стигиец шел к берегу, и в какой-то миг Конану показалось, будто он прятал под одеждой фонарь — во всяком случае, Конан успел уловить отблеск света, когда человек уже исчезал за углом.

Но киммериец тотчас позабыл о нечаянной встрече, приметив, что дверь, из которой тот появился, так и осталась раскрытой. Вообще говоря, Конан собирался войти в дом с парадного входа и силой принудить Сервио показать ему комнату, где спал зингарец. Но если представился случай проникнуть внутрь, не привлекая ничьего внимания, грех им не воспользоваться!

Несколько быстрых шагов — и Конан уже у двери. Коснулся рукой замка... и едва сдержал восклицание. Его пальцы, чуткие пальцы бывалого заморийского вора, тотчас ощутили: замок взломан. Какая-то жуткая сила высадила его ударом извне, погнув тяжелый запор и распатав самые петли. Конан не представлял себе, как можно проделать подобное, не переполошив весь квартал. И тем не менее он был уверен, взломщик орудовал здесь нынешней же ночью. Привыкнув жить среди воров и головорезов, Сервио ни за что не оставил бы сломанный замок без починки!

Конан вошел крадучись, держа кинжал наготове и соображая, каким образом он станет разыскивать комнату Белосо. Начал шарить в кромешном мраке... и замер, почуяв в комнате смерть, как чует ее дикое животное. Нет, самому ему смерть не грозила. Просто где-то рядом лежало мертвое, только что убитое тело. Конан отдернул ногу, коснувшуюся податливой плоти. Предчувствие заставило его ощупью разыскать стенную полочку и на ней — латунную лампу, рядом с которой лежали трут, кремень и кресало. Несколько мгновений — вспыхнул трепещущий огонек, и Конан смог оглядеться.

Деревянный лежак возле грубой каменной стены, голый стол и единственная скамья — другого убранства в убогой

комнатке не было. Внутренняя дверь заперта на все замки и засовы. А на утоптанном земляном полу лежал Белосо. Лежал, запрокинув голову, и, казалось, внимательно созерцал прокопченный, обросший паутиной потолок. Зубы зингарца щерились в застывшем оскале. Рядом валялся меч, так и не вынутый из ножен. Рубаха Белосо разорвана, а на коричневой мускулистой груди виднелся черный отпечаток пятерни. Каждый палец был отчетливо различим.

Конан смотрел на него, чувствуя, как сзади на шее встают дыбом тонкие волоски.

— Кром! — вырвалось у него.— Черная ладонь Сета!

Ему приходилось видеть такие следы, следы смертоносных прикосновений жрецов Сета, чей мрачный культ процветал в таинственной Стигии. И тут он вспомнил вспышку странного света из-под плаща вышедшего из этой самой двери стигийца.

— Клянусь Кромом, Сердце! — пробормотал Конан.— Так вот что он прятал за пазухой! Это жрец Сета: он магией выломал дверь и убил Белосо, чтобы завладеть Сердцем!

Быстрый осмотр подтвердил по крайней мере часть его выводов. Камень у зингарца действительно похитили. Конан не мог отделаться от мысли — за цепью кажущихся случайностей проглядывал умысел. И даже таинственная стигийская галера пришла в порт не просто так, но с вполне определенной целью. Откуда жрецам Сета знать о прибывшем с юга Сердце? Впрочем, это выглядело не более невероятным, чем прикосновение ладони, способное уложить наповал вооруженного мужчину...

Осторожные шаги снаружи заставили его оглянуться. В один миг Конан потушил лампу и выхватил меч. Он слышал, как из темноты подкрадываются люди, и точно: когда глаза привыкли к мраку, в дверном проеме замаячили какие-то фигуры, обступившие вход. Кто они такие, ему оставалось только догадываться. Тем не менее он поспешил перехватить

инициативу и внезапным прыжком вылетел за порог, не дожидаясь, пока они нападут.

Он застал головорезов врасплох, услышал и почувствовал, как с разных сторон на него кинулись люди, разглядел перед собой какого-то типа в маске и обрушил на него меч. Убийцы, как оказалось, и соображали, и действовали куда медленнее киммерийца: Конан вырвался из кольца и убежал переулком, прежде чем кто-либо успел его задержать.

На бегу он услышал негромкое поскрипывание уключин, доносящееся откуда-то впереди, и разом позабыл о возможной погоне. От берега отчаливала лодка! Конан скрипнул зубами и помчался вдвое быстрей, но тщетно. Еще не достигнув набережной, он различил плеск воды и шорох весел отходящего корабля...

Звезды притаились в тяжелых тучах, катившихся с моря. Конан опрометью вылетел на берег. Перед ним колыхались черные волны, и что-то удалялось во тьму — длинный, низкий, стремительный силуэт. Черная галера набирала скорость. Равномерно вздымались и падали длинные весла. Уходила галера и уносила с собой камень, который означал для Конана трон Аквилонии.

Яростно выругавшись, Конан шагнул навстречу волнам, накатывавшимся на мокрый песок: долой кольчугу, скорее плыть следом за кораблем... Но сзади скрипнул песок, выдавая чье-то присутствие, и Конан обернулся. Он успел позабыть о напавших на него убийцах.

Снова темные силуэты взяли его в кольцо. Первый, кто приблизился, пал под мечом киммерийца. Клинки замелькали в темноте, со скрежетом задевая кольчугу. Жестокий удар снизу вверх — раздался вопль, и прямо на руку Конана хлынула кровь и выпавшие внутренности. Чей-то голос, показавшийся ему смутно знакомым, приглушенно подбадривал нападавших. Конан стал продираться на этот голос. Нападавшие пытались схватить его, осыпали ударами. Тучи ненадолго разошлись, и Конан увидел высокого худощаво-

го человека с длинным мертвенно-белым шрамом на виске. Мгновенный прыжок — и меч Конана расколол его череп, словно перезрелую дыню.

Чей-то топор, занесенный вслепую, обрушился на шлем короля так, что искры посыпались из глаз. Он пригнулся и сделал выпад, и предсмертный вопль был ему наградой. Но тут же Конан сам потерял равновесие, споткнувшись о труп, и удар дубинки сшиб помятый шлем с его головы. Следующий удар пришелся прямо по черепу...

— Срубим ему голову,— предложил кто-то.

— Не стоит,— ответил другой голос.— Прилив его унесет... Помогите-ка лучше мне перевязать раны, пока я тут кровью не истек!

— Надо раздеть его,— сказал третий.— Кольчугу можно будет продать за пару монет. И поторопимся! Тиберио мертв, а сюда идут матросы: слышите, как поют? Давайте-ка смываться!

Началась поспешная возня в темноте, потом прошуршали удаляющиеся шаги. Пьяные голоса, оравшие матросскую песню, раздавались все ближе...

Публио нервно ходил по комнате, выходившей окнами на порт, погруженный во тьму, когда что-то заставило его оглянуться. Он хорошо помнил — дверь была заперта изнутри. Но вдруг она распахнулась настежь, и в комнату друг за другом вошли четверо. При виде их Публио покрылся гусиной кожей. Он видел на своем веку немало страшных созданий, но таких — еще никогда. Высокие и тщедушные, в ниспадающих черных балахонах, под капюшонами смутно угадывались желтые лица. Публио не мог разглядеть их черты, да и не хотел к ним присматриваться. У каждого был в руке длинный посох, испещренный странным рисунком.

— Кто вы? — спросил Публио, и голос его сорвался.— Что вам здесь нужно?

— Где Конан, прежний король Аквилонии? — вопросом на вопрос ответил самый высокий.

Его бесстрастный глухой голос заставил Публио содрогнуться. Так звонили колокола в храмах Кхитая...

— Я н-не знаю, о к-ком вы говорите...— начал заикаться купец, выдержка изменила ему, слишком страшны оказались неожиданные гости.— Я не знаю его!

— Он был здесь,— ровным голосом промолвил кхитаец.— Во дворе стоит его конь. Скажи, где он, и не вынуждай нас причинять тебе вред.

— Гебал! — отчаянно завопил Публио, отступая перед ними и прижимаясь к стене.— Гебал!

Четверо смотрели на него так же невозмутимо.

— Если ты позовешь раба, он умрет,— предупредил один из них, но это лишь перепугало Публио еще больше.

— Гебал! — кричал он.— Проклятье, Гебал, где ты? Твоего хозяина убивают грабители!

Быстрые шаги раздались в коридоре, и в комнату ворвался Гебал — невысокий, но невероятно мускулистый шемит. Он держал в руке меч с клинком, похожим на длинный лист, курчавая иссиня-черная борода воинственно топорщилась.

Гебал уставился на четверых пришельцев в туповатом недоумении. Откуда они здесь появились? Потом он смутно припомнил, как сон ненадолго сморил его прямо на лестнице, которую ему было велено охранять: наверное, вот тогда-то они и прошли. Никогда прежде он не засыпал на посту... Хозяин истерически кричал, указывая на чужаков. Гебал по-бычьи пригнул голову и рванулся вперед. Мускулистая рука взвилась в смертельном замахе, но удара так и не нанесла.

Навстречу Гебалу метнулась из широкого черного рукава другая рука — тонкая, желтокожая. Длинный посох коснулся могучей груди шемита и тотчас отдернулся. Удар его был до жути похож на бросок змеи.

И точно незримая стена остановила Гебала: он замер посередине разбега, голова поникла на грудь, пальцы выпустили меч, и шемит поник на пол так, словно в его теле разом растворились все кости. Публио вырвало.

— Не зови больше никого,— посоветовал рослый кхитаец.— Твои слуги крепко спят, но, если ты их разбудишь, они умрут, *и с ними* — ты сам. Где Конан?

— Он пошел к дому Сервио, у набережной. Он разыскивает зингарца Белосо,— выдохнул Публио, разом лишившийся присутствия духа.

Купец не был трусом, но эта четверка вселяла в него неописуемый ужас. Он вздрогнул всем телом, заслышав на лестнице торопливые шаги, неестественно громкие в зловещей тишине, окутавшей дом.

— Еще слуга? — спросил кхитаец.

Публио замотал головой: язык не повиновался ему.

Один из кхитайцев сдернул с дивана шелковое покрывало и набросил на труп, и все четверо скрылись за стенной занавесью, лишь вожак, обернувшись, приказал:

— Поговори с идущим сюда и побыстрее отошли его прочь. Если выдашь нас, ни ты, ни он живыми отсюда не выйдете. Не вздумай даже знаком показать ему, что ты не один!

Погрозил посохом — и исчез.

Публио задохнулся, с трудом подавляя новый приступ тошноты. Быть может, всему виной освещение, но ему упорно казалось, будто посохи порой шевелились сами по себе, словно наделенные какой-то чудовищной жизнью...

Кое-как взяв себя в руки, Публио сумел спокойно встретить оборванного негодяя, влетевшего в комнату.

— Дело сделано, господин! — громко объявил головорез.— Варвар валяется мертвым на песке у края воды.

Публио уловил спиной некое движение за шпалерой и от ужаса едва не умер на месте. Наемный убийца ничего не заметил.

— Твой секретарь Тиберио погиб,— продолжал он.— Кроме него варвар зарубил еще четверых. Мы унесли их тела. При варваре не было ничего ценного, лишь несколько серебряных монет. Какие будут приказания, господин?

— Никаких! — белыми губами выдохнул Публио.— Убирайся!

И негодяй с поклоном поспешил прочь, удивляясь про себя тому, как немногословен Публио и какой у него, оказывается, слабый желудок.

Четверо кхитайцев вышли из-за шпалеры.

— О ком говорил этот человек? — спросил рослый предводитель.

— О чужестранце, который мне навредил,— выдавил Публио.

— Лжешь,— спокойно ответил кхитаец.— Я вижу по твоему лицу, что речь шла о короле Аквилонии. Сядь на диван, не двигайся и молчи. Я побуду здесь, а трое моих товарищей пойдут искать труп.

Публио сидел и трясся от страха, поглядывая на своего безмолвного стража, пока не вернулись остальные и не сообщили, что тела Конана нигде не видать. Публио не знал, горевать ему или радоваться.

— Мы нашли место, где они дрались,— сказал один из троих.— Песок в крови, но короля там нет.

Четвертый принялся чертить своим посохом какие-то символы на ковре. При свете лампы Публио примерещилась на посохе блестящая чешуя...

— Вы прочли что-нибудь на песке? — спросил предводитель.

— Да,— прозвучал ответ.— Король жив. Он отплыл на корабле, идущем на юг.

Высокий кхитаец поднял голову и посмотрел на Публио, который под его пристальным взглядом начал обильно потеть.

— Чего вы от меня хотите? — пробормотал он запинаясь.

— Нам нужен корабль,— ответил кхитаец.— Корабль с командой, пригодной для дальнего путешествия.

— Насколько дальнего? — спросил Публио.

Ему и в голову не пришло отказать.

— Может статься, до края Вселенной,— сказал кхитаец.— До расплавленных морей преисподней, кипящих за чертою рассвета!

15

ВОЗВРАЩЕНИЕ КОРСАРА

Когда начало проясняться сознание, Конан первым делом почувствовал движение: что-то размеренно вздымалось и опускалось под ним. Потом он услышал, как гудит ветер в снастях, и, еще не открывая глаз, понял, что находится на корабле. Слышалось неразборчивое бормотание чьих-то голосов. Конана окатили водой, отчего разум очистился полностью и мгновенно. Выругавшись, киммериец вскочил и свирепо огляделся кругом. Его встретил взрыв грубого хохота; нахлынули давно не мытыми человеческими телами.

Он стоял на кормовой палубе длинной галеры, шедшей под парусом. Северный ветер туго наполнял широкое полосатое полотнище. Солнце только-только вставало, мир вокруг переливался золотом, зеленью и синью. По левому борту смутной лиловой тенью виднелся берег. Справа простирался открытый океан. Все это Конан охватил первым же взглядом, хотя больше всего его интересовал, конечно, корабль.

Типичное торговое судно южных побережий: узкое, длинное, с высоко поднятым носом и такой же кормой, с каюта-

ми на обоих концах. Конан поглядел на открытый промежуток между палубами, откуда и поднималась тошнотворная, отвратительная вонь.

Запах этот был ему знаком давно: запах гребцов, прикованных к скамьям. Их там сидело человек по сорок с каждой стороны, все — негры. Каждый из них перехвачен поперек тела цепью, прикрепленной к толстому кольцу в продольном брусе, уложенном от одной палубы до другой. Конан знал: жизнь раба-гребца на аргосской галере страшнее ада.

Корабль ходко шел по ветру, и негры отдыхали от гребли. Большинство из них происходили из страны Куш. Но около тридцати чернокожих, чьи глаза с праздным любопытством разглядывали новичка, явно вели свой род с далеких южных островов, исконного гнезда корсаров. Конан сразу отметил и выделил их стройные, мускулистые тела и правильные черты лиц. И даже узнал несколько человек: эти люди следовали за ним в прежние времена.

Конан оглядел море, корабль и гребцов в один миг, гораздо быстрее, чем можно про то рассказать. И повернулся к морякам, стоящим вокруг. Теперь он крепко стоял на широко расставленных ногах, кулаки его гневно сжимались.

Матрос, окативший его, нагло ухмылялся, держа в руках ведро. Конан выругался и непроизвольно потянулся к мечу. Оказалось, однако, что он безоружен и почти гол, если не считать кожаных коротких штанов.

— Что это за вшивая лохань? — рявкнул он.— И как я сюда попал?

Моряки — все как один коренастые бородатые аргосцы — вновь разразились хохотом. Один из них, в ком властные повадки и важный вид выдавали капитана, сложил на груди руки и высокомерно ответил:

— Мы нашли тебя валяющимся на песке. Кто-то треснул тебя по черепу и раздел. Мы решили взять тебя на корабль, у нас не хватает гребца.

— Что за корабль? — повторил Конан.

— «Смельчак» из Мессантии, с грузом зеркал, шелковых плащей, щитов, мечей и позолоченных шлемов. Собираемся продать все это шемитам за медную и золотую руду. А я — Деметрио, капитан корабля и твой хозяин отныне!

— Ладно, и мне примерно туда же,— пробормотал Конан, пропустив мимо ушей последнее замечание капитана.

Корабль быстро шел к югу, следуя плавному изгибу аргосского побережья. Торговые корабли никогда не отваживались уходить от берега далеко. И где-то там, впереди, летела на юг черная галера стигийцев.

— Не попадалась ли вам на глаза стигийская галера...— начал было Конан.

Но капитан, дородный мужчина с грубой физиономией, возмущенно выпятил бороду: с какой это стати он должен отвечать на вопросы какого-то пленника? В самом деле, пора поставить нахального оборванца на место!

— А ну, за работу! — взревел он.— Скажи спасибо, что я вообще на тебя время потратил! Я и так оказал тебе слишком много чести, пригласив на ют для знакомства, да еще и отвечал на твои дурацкие вопросы! Живо марш отсюда — и за работу, если хочешь отработать проезд!

— Да я куплю твое корыто...— сказал Конан и осекся, вспомнив, что здесь он всего лишь нищий босяк.

Но слова его были услышаны: матросы грубо заржали, капитан же побагровел, усмотрев в происходящем насмешку над своей драгоценной персоной.

— Что? Бунтовать, свинья? — зарычал он, угрожающе шагнув вперед и хватаясь за поясной нож.— За работу, пока я не приказал тебя выпороть! Да придержи свой поганый язык, не то, клянусь Митрой, тебя посадят на весло и прикуют среди черномазых!

Долготерпением Конан не отличался никогда. И никто из тех, кто осмеливался говорить с ним таким тоном, не оста-

вался в живых — даже в те времена, когда Конан еще не восседал на троне.

— Заткнись, паскуда! — рявкнул он, и голос его был подобен гулу свирепого шторма. Онемевшие моряки изумленно разинули рты.— Только попробуй вынуть из ножен эту игрушку,— продолжал Конан,— и я скормлю тебя рыбам!

— Да что ты из себя корчишь, ты...— вырвалось у капитана.

— Сейчас увидишь!

И взбешенный киммериец прыгнул к козлам, где висело оружие.

Капитан выхватил нож и с ревом кинулся наперерез, но ударить не успел — Конан перехватил его руку и одним рывком выдернул плечо из сустава. Капитан завопил от боли и кувырком покатился по палубе, ибо киммериец пренебрежительно отшвырнул его прочь. Схватив тяжелый топор, Конан мгновенно обернулся навстречу подоспевшим матросам. Они обложили его, точно неуклюжие псы, между тем как сам он был сродни разъяренной пантере. Они едва успели замахнуться ножами, когда Конан снова прыгнул вперед и, оказавшись в самой их гуще, принялся раздавать удары с такой скоростью, что глаз не успевал уследить. Хлынула кровь, разлетелись мозги... два трупа повалились на палубу.

Ножи полосовали пустое место. Вырвавшись из толпы, Конан взлетел на узкий мостик, тянувшийся с кормы на нос над головами гребцов. Команда, обозленная и напуганная смертью товарищей, с оружием в руках подступала к нему сзади и спереди.

Взмахнув топором, Конан вгляделся в обращенные к нему черные лица. Ветер развевал его густые волосы.

— Кто я такой? — прокричал он.— Протрите глаза, недоноски! Эй вы, Айонга, Ясунга, Ларанга! Кто я такой?

И снизу раздался ответный крик, тотчас перешедший в ликующий рев:

— Амра! Амра! Лев возвратился!

Матросня тоже услышала и поняла этот крик и подалась назад, белея от страха. Неужто стоявший перед ними белокожий дикарь и вправду тот самый ужас южных морей, что так таинственно исчез много лет назад, оставшись лишь в кровавых легендах?

Тем временем черные гребцы положительно сходили с ума: дружно гремя цепями и силясь их разорвать, они с пеной у рта выкрикивали имя Амры как заклинание. Даже кушиты, никогда прежде не видавшие Конана, подхватили крик. Рабы, запертые под кормовой палубой, с воплями колошматили в переборку.

Деметрио привстал на колени, упираясь в палубу здоровой рукой. Вывихнутое плечо причиняло ему жестокую боль.

— Вперед! — завизжал он.— Убейте его, дурачье, пока не расковались рабы!

Это было поистине самое страшное, что может произойти на галере. Моряков точно подстегнули. С обеих сторон хлынули они на мостик... но Конан был для них слишком быстр. Львиным прыжком кинулся он вниз и по-кошачьи встал на ноги в проходе между скамьями гребцов.

— Смерть хозяевам! — загремел его голос.

Взвился топор и, обрушившись на ближайшую цепь, разрубил ее, точно гнилушку. Освобожденный невольник с криком вскочил и принялся ломать весло, превращая его в дубину. Матросы суматошно метались по мостику, но остановить безумие рабов оказалось превыше их сил. Секира Конана взлетала и падала без перерыва, круша цепь за цепью, и каждый взмах освобождал чернокожего великана, ревущего от ненависти, жажды мести и упоения возвращенной свободой.

Моряков, которые спрыгнули вниз с намерением прикончить Конана или по крайней мере задержать его, тут же схватили и разорвали рабы, еще сидевшие на цепи. А те, что уже были освобождены, ринулись вверх безумным черным потоком, воя, точно стадо демонов. Обрывками цепей и обломками весел крушили они перед собой все живое, пуская в ход и ногти, и зубы. В самый разгар схватки невольники, запертые под кормовой палубой, сломали переборку и вырвались наружу.

Освободив с полсотни гребцов, Конан снова выскочил на мостик, и к дубинам негров добавился его иззубренный о железо топор.

Бой скоро превратился в резню. Аргосские моряки были сильны и бесстрашны, как все, прошедшие жестокую морскую школу. Но что они могли поделать против могучих разъяренных рабов, ведомых гигантом варваром, похожим на тигра?

Долгие годы страданий и унижений требовали кровавой отплаты... Смертоносный вихрь бушевал по всему кораблю. Когда же он улегся, на палубе «Смельчака» стоял один-единственный белый человек. Обезумевшие от радости негры бросались перед ним ниц и бились головами об окровавленные доски, готовые почитать его, как божество.

Конан еще тяжело дышал после битвы, пот тек по могучей груди, а с лезвия топора, зажатого в мускулистой руке, падали густые красные капли. Откинув за спину гриву черных волос, он озирался, точно какой-нибудь первобытный вождь, возглавивший пещерное племя на самой заре времен. В этот миг он не был королем Аквилонии — он снова стал вожаком черных корсаров, прорубившим себе путь наверх сквозь пламя и кровь.

— Амра! Амра! — распевали, точно молясь, уцелевшие негры.— Лев возвратился! Теперь стигийцы завоют, точно собаки в ночи, и черные псы Куша станут вторить их вою!

Пламя охватит деревни, пойдут на дно корабли! Ойя! Заплачут женщины, загремят копья...

— Довольно тявкать, дворняги! — Голос Конана перекрыл хлопанье паруса.— Десять человек — вниз, освободите тех, кто еще прикован. Остальные — на весла, к шкотам и фалам! О демоны Крома! Вы что, не видите, что нас отнесло к берегу, пока дрались? Хотите сесть на мель и снова попасть в руки аргосцам? Мертвецов — за борт! Да шевелитесь, бездельники, если шкура вам дорога!

Со смехом, воплями и дикими песнями кинулись негры исполнять приказание Амры. Мертвые тела, белые и черные, полетели в воду, где уже резали волны треугольные плавники...

И вот Конан стоял на корме, сложив на груди могучие загорелые руки и хмуро глядя на негров, ожидавших дальнейших распоряжений. Ветер трепал его волосы, отросшие за время странствий. Мало кто из аквилонских придворных узнал бы своего короля в этом диком и свирепом корсаре — диком и свирепом даже по меркам пиратов.

Наконец он возвысил голос:

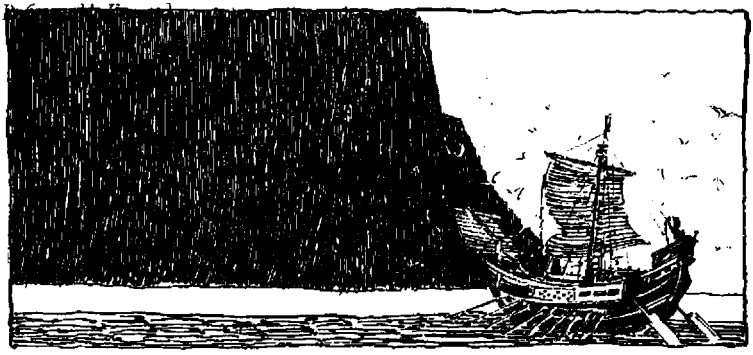
— В трюме полно еды и оружия — этот корабль вез мечи и шлемы шемитам, торгующим на побережье. Нас здесь достаточно — хватит и для сражений, и для того, чтобы управиться с кораблем. Вы гребли в цепях для аргосских собак — станете ли грести для Амры свободными?

— Да! — слитно вырвалось из десятков глоток.— Мы — твои дети! Веди нас, куда пожелаешь!

— Тогда — за дело! — приказал Конан.— Вымыть нижнюю палубу: свободным людям не пристало работать в подобной грязи. Трое — со мной: достанем из кормового трюма еду. Кром! Еще до конца плавания у вас нарастет на ребрах жирок!

Последовал новый взрыв восторженных воплей. Негры засновали, дружно впрягаясь в работу. Вновь наполнился

парус, с гулом выгибаясь под ветром. Ветер свежел — там и сям на волнах закипали пенные гребни. Конан цепко стоял на качавшейся палубе, глубоко дыша соленым воздухом и расправляя могучие плечи. Будет ли он вновь королем Аквилонии — неизвестно. Но вот королем синего океана он был по-прежнему!



16

ГОРОД ЧЕРНЫХ СТЕН — КЕМИ

«Смельчак» стрелой несся к югу: теперь на его веслах сидели свободные люди, работавшие не за страх, а на совесть. По ходу дела галера превратилась из мирной купеческой в боевую, насколько вообще это оказалось возможным сделать. На курчавых головах гребцов красовались золоченые шлемы, при бедре у каждого висел меч. Вдоль бортов появились щиты, возле мачты лежали наготове копья, луки и стрелы. Казалось, Конану помогали даже стихии. День за днем дул ровный северный ветер и наполнял широкий пурпурный парус; в гребле почти не было нужды.

Конан сутками напролет держал на макушке мачты впередсмотрящего. Однако длинная, узкая, низкобортная галера, торопившаяся к югу где-то там, впереди, так им и не показалась. Вокруг простиралось только пустынное синее море. Рыболовные суда разлетались прочь, как перепуганные птицы, при виде щитов на бортах. Других кораблей они не видели: торговый сезон почти завершился.

Появившийся наконец парус мелькнул на севере, а не на юге. У далекого горизонта возникла быстроходная галера, она мчалась, во всю ширь развернув парус. Но напрасно негры уговаривали Конана перехватить и ограбить ее — он толь-

ко покачал головой. На юг, на юг, к стигийским портам спешила стройная черная галера... Вечером, перед самым наступлением темноты, матрос видел быстроходное судно у северного горизонта: на рассвете оно оставалось все там же — далекая темная точка, казалось, повисла у них на хвосте. Конан только гадал, уж не гнались ли за ними, хотя разумному объяснению такая возможность поддавалась с трудом. Впрочем, ему было все равно. Чем дальше к югу продвигался «Смельчак», тем невыносимее снедало его нетерпение. Сомнений Конан не ведал. Сердце Аримана похитил жрец Сета, он знал это наверняка, как и то, что солнце восходит на востоке, а садится на западе. Куда жрецу Сета с ним ехать, если не в Стигию?

Чернокожие чувствовали его состояние и, понятия не имея о цели своего вождя, работали так, как никогда не работали под кнутом. Они видели впереди кровь и добычу, тем и довольствовались. Мужчины с южных островов не ведали никакого иного занятия; кушиты же, с характерной для них черствостью, были рады грабить собственный народ. Кровное родство для них значило мало. Удачливый вождь и личная выгода — чего еще надо?

Побережье постепенно менялось. Больше не нависали над водой отвесные утесы, не синели вдали холмы. От самого берега начинались широкие низменные луга, простиравшиеся до горизонта. Здесь было мало гаваней и еще меньше портовых городов. Шемитские города стояли поодаль от берега; там, среди зеленых равнин, уменьшенные расстоянием, вздымались к небу белые зиккураты.

Многочисленные стада бродили по пастбищам. Их охраняли приземистые, широкоплечие всадники в цилиндрических шлемах, с иссиня-черными бородами. Такова была страна Шем — страна городов-государств, каждое из которых насаждало свои собственные законы. Конан знал, далеко на востоке луга сменялись пустыней, где не белели городские стены — одни шатры кочевых племен.

Мимо, мимо страны зеленых саванн торопился быстрый корабль, и постепенно берег вновь начал изменяться. Гуще стали пальмовые рощи, появились заросли тамаринда. Потом вдоль моря потянулась сплошная полоса зеленых кустов и деревьев, позади которых высились голые песчаные холмы. К морю бежали речки и ручейки; растительность буйствовала на их влажных берегах.

Наконец галера миновала устье крупной реки, и впереди, у южного горизонта, показались гигантские черные стены и высокие башни. Кеми!.. Река же, впадавшая в море, была не что иное, как Стикс, естественная граница Стигии. Кеми был самым крупным портом и важнейшим стигийским городом тех времен. Король жил в древнем Луксуре, зато в Кеми правило жречество. Впрочем, если верить слухам, главный жрец их темной религии располагался далеко в глубине страны, в таинственном заброшенном городе на берегу мрачного Стикса. Никто не знал, откуда текла эта река. Людям было известно лишь то, что она текла с юга на север целую тысячу миль, потом поворачивала на запад и еще через несколько сот миль изливала свои воды в океан...

Погасив все огни, «Смельчак» глухой ночью прокрался мимо города и еще до рассвета бросил якорь в маленькой бухте несколькими милями южнее. Бухту окружала топь, зеленое кружево мангровых зарослей, путаница пальм и лиан, повсюду кишели змеи и крокодилы. Что ж, зато корабль навряд ли кто обнаружит. Конан хорошо знал эту бухту: здесь он не единожды отсиживался, когда был корсаром.

Пока они шли мимо города, мимо громадных черных бастионов на острых мысах по обе стороны гавани, они видели факелы, горевшие мертвенным светом, а до слуха доносился приглушенный грохот барабанов. В порту, не в пример аргосским, не толкались корабли. Власть и величие Стигии зиждились не па флоте. У стигийцев были и купеческие корабли, и боевые галеры, но сухопутная мощь страны далеко

превосходила морскую. К тому же большинство кораблей сновало вверх и вниз по течению великой реки, не выходя в море.

Стигийцы были очень древним народом, смуглокожим и непостижимым, безжалостным и могучим. Власть их когда-то простиралась далеко на север, за Стикс, за равнины Шема, охватывая плодородные нагорья, где жили теперь племена Кофа, Офира и Аргоса. В те времена Стигия непосредственно граничила с Ахероном. Но зловещий Ахерон пал, и предки хайборийских народов, варвары в рогатых шлемах и волчьих шкурах, устремились на юг, изгоняя прежних правителей. С тех пор минули тысячи лет, но стигийцы ничего не забыли.

Весь день «Смельчак» стоял на якоре в крохотной бухте, надежно укрытый от посторонних глаз живыми стенами зелени. В путанице ветвей прихотливо переплетались лианы, мелькали ярко оперенные, звонкоголосые птицы, пробирались не менее яркие, но молчаливые змеи. Ближе к вечеру спустили и отправили вдоль берега маленькую лодку. Конан велел своим людям поймать какого-нибудь стигийского рыбака, вышедшего в море на своей плоскодонке, и добыча вскоре попалась.

Негры втащили на палубу «Смельчака» высокого, стройного смуглого малого, серого от страха перед похитителями, которых все побережье почитало за людоедов. Он был почти наг, если не считать шелковых штанов: в Стигии, как и в Гирканнии, шелк носили даже простолюдины и рабы. В лодке нашелся еще широкий плащ из тех, что рыбаки накидывают на плечи, спасаясь от ночной прохлады.

Бедняга повалился перед Конаном на колени, ожидая пыток и смерти...

— Вставай, парень, и хватит трястись,— нетерпеливо проговорил киммериец, не в силах понять его беспричинного страха.— Никто не тронет тебя. Скажи только: не возвращалась ли в последние дни из Аргоса черная быстроходная галера?

— Да, господин,— ответил рыбак.— Вчера на рассвете из далекого плавания на север возвратился жрец Тутотмес. Люди говорят, он ездил в Мессантию.

— Что он привез из Мессантии?

— О господин, откуда мне знать...

— А зачем он ездил в Мессантию, не знаешь? — допытывался Конан.

— Не гневайся, господин, я всего лишь бедный рыбак. Кто я такой, чтобы постичь замыслы служителей Сета? Я способен говорить лишь о том, что видел сам или слышал на пристани. Поговаривают, будто с севера к нам дошли немыслимой важности новости... хотя какие именно, помилуй, не знаю... и господин Тутотмес тотчас же со всей поспешностью велел снарядить свою черную галеру. И вот он вернулся, но что он делал в Аргосе и какой груз доставил оттуда — неведомо никому, даже морякам с галеры. Еще говорят, будто он разошелся с Тот-Амоном, верховным жрецом Сета, живущим в Луксуре... По слухам, Тутотмес ищет тайных познаний, стремясь низложить Величайшего. Но кто я таков, чтобы судить? Когда ссорятся жрецы, простому смертному вроде меня остается лишь пасть ниц и надеяться, что ни те ни другие не втопчут его в пыль...

Конан только фыркнул — такая рабская философия до глубины души его возмущала — и повернулся к своим молодцам:

— Я отправляюсь в Кеми разыскивать Тутотмеса. Я пойду один. Рыбака посадить под замок, но не трогать... Демоны Крома вас побери, да прекратите вой! Вы что, воображаете, будто мы прямо так войдем в гавань и возьмем город штурмом? Нет, лучше будет, если я отправлюсь один.

Отмахиваясь от возражений, он скинул одежду и облачился в шелковые штаны и сандалии, позаимствованные у пленника. Он взял даже его головную повязку, презрев лишь короткий нож рыбака. Стигийским простолюдинам носить оружие не дозволялось, накидка же была недостаточно про-

сторна, чтобы спрятать под ней длинный меч киммерийца. И Конан пристегнул к поясу гханатский нож — оружие свирепого народа пустыни, жившего южнее стигийцев. Это был широкий, тяжелый, слегка изогнутый клинок из великолепной стали, отточенный, как бритва, и достаточно длинный, чтобы кому угодно выпустить кишки.

Оставив стигийца под охраной корсаров, Конан перебрался через борт и спустился в рыбацкую лодочку.

— Ждите меня до рассвета,— сказал он.— Если к тому времени я не вернусь, значит, не вернусь вообще, а стало быть, можете отправляться на юг, в родные места.

Негры подняли жалобный вой, Конан вновь высунул голову над бортом и выругал их, приказав немедля заткнуться. Прыгнул в лодку и схватился за весла — крохотная скорлупка полетела по волнам гораздо быстрее, чем когда-либо при прежнем владельце.

17

«ОН УБИЛ СВЯЩЕННОГО СЫНА СЕТА!»

Гавань Кеми лежала между двумя длинными мысами, далеко вдававшимися в океан. Конан обогнул южный мыс, на котором рукотворным холмом высился черный замок, и вошел в гавань в сумерках. Он подгадал время так, чтобы меркнущий свет дня позволил страже узнать лодочку и накидку рыбака, но лишних деталей рассмотреть не дал. Никто не остановил Конана, пока он осторожно пробирался между громадными боевыми галерами, с погашенными огнями стоящими на якорях. Добравшись до широких каменных ступеней, спускавшихся к самой воде, Конан привязал лодку к железному кольцу, оставив ее среди множества других таких же. Никому, кроме рыбака, подобное суденышко все равно не могло пригодиться, а рыбаки друг у друга лодок не крали.

Никто не удостоил Конана лишним взглядом, пока он поднимался по длинной лестнице, скромно избегая света факелов, что горели над тихо плескавшей черной водой. Подумаешь, еще один рыбак вернулся ни с чем, посвятив целый день бесплодным трудам в море! Конечно, если бы к нему присмотрелись пристальнее, кто-нибудь мог бы заметить, что шаг его слишком пружинист, а осанка слишком уверенна и горделива для бедного рыбака. Но Конан держался в тени и быстро покинул причал, а простые стигийцы гораз-

лы на умозаключения нисколько не более, нежели простолюдины иных, менее экзотических племен.

Телосложением Конан отчасти напоминал мужчин из стигийских воинских каст, людей высоких и мускулистых. Его бронзовая, загорелая кожа была почти такой же смуглой, как и у них, а густая черная грива, подстриженная над бровями и схваченная медной полоской, только усиливала сходство. Отличался он разве что походкой, чужеземными чертами лица и, конечно, синими глазами. Переодевание, однако, оказалось удачным. Конану осталось только держаться в тени да отворачивать голову, когда кто-нибудь из местных подходил к нему слишком близко.

Конан знал, его игра чересчур отчаянная и обман рано или поздно будет раскрыт. Слишком несхож Кеми с портовыми городами хайборийских стран, где кишели представители всех мыслимых рас и народов. Здесь единственными инородцами были рабы — шемиты и негры, на которых он походил еще меньше, чем на стигийцев. В городах Стигии не жаловали чужестранцев, допуская к себе только послов и купцов, приобретших торговую привилегию. Но даже им не разрешалось сходить на берег после наступления темноты. Да и не было в гавани ни одного хайборийского корабля.

Над городом витало некое смутное беспокойство, некое оживление древних надежд и притязаний, гулял некий шепоток, внятный лишь тем, кто шептал. Конан не особенно понимал, в чем тут дело, но обостренный инстинкт варвара подсказывал: держи ухо востро! Если его поймают, судьба его будет незавидной. Его могут убить уже за то, что он чужестранец; но если они узнают в нем Амру, предводителя корсаров, огнем и мечом опустошавшего их берега... Конан передернул широкими плечами, содрогнувшись помимо воли. Он не боялся двуногих врагов, не боялся и смерти от рук человека. Но сейчас он находился в черной стране колдовства, обители безымянного ужаса. Поговаривали, будто сам Сет, Старый Змей, изгнанный с севера хайборийцами, еще скры-

вался во тьме таинственных храмов, где у подножия мрачных святынь совершались загадочные и жуткие деяния.

Конан покинул припортовые улицы, ступенчато спускавшиеся к воде, и вступил в полутемные кварталы центральной части Кеми. И опять — ничего похожего на хайборийские города. Здесь и в помине не было яркого сияния светильников и факелов, не прогуливалась нарядная, смеющаяся толпа мимо настежь открытых мастерских и лавок, полных товара.

Здесь все закрывалось с наступлением темноты. Улицы освещались лишь считанными факелами, дымно чадившими на порядочном расстоянии один от другого. Немногочисленные пешеходы торопились куда-то: чем позже час, тем меньше их становилось. По мнению Конана, все вокруг выглядело исключительно мрачно и отдавало чем-то нереальным: молчание, необъяснимая спешка... и высоченные черные стены, вздымавшиеся по сторонам улиц. Стигийская архитектура отличалась мрачной громоздкостью; она подавляла человека, производя гнетущее впечатление.

Света в окнах почти не было — только на верхних этажах некоторых зданий. Конан знал, большая часть жителей проводила вечера на плоских крышах домов, под звездами, среди пальм висячих садов. Откуда-то негромко доносилась странная музыка. Время от времени, рокоча колесами по мостовой, проезжала бронзовая колесница, везущая какого-нибудь вельможу с ястребиным лицом, закутанного в шелковый плащ, с золотым обручем на волосах в виде вздыбившейся змеи. Нагие чернокожие колесничие напрягали узловатые мышцы, с трудом сдерживая свирепых стигийских коней.

Пешеходы же были все больше простолюдины — рабы, блудницы, работники,— и чем дальше, тем реже попадался Конану кто-либо навстречу. Он двигался к храму Сета, ибо там, вероятнее всего, можно разыскать нужного ему жреца. Оставалось надеяться, что он сумеет узнать Тутотмеса, чье

лицо всего раз мелькнуло перед ним в полутьме мессантийского переулка. А в том, что это был именно Тутотмес, Конан не сомневался. Лишь маги высокого посвящения, члены пресловутого Черного Круга, наделены властью «черной руки» — способностью убивать простым прикосновением ладони. И только такой человек решился бы противопоставить себя Тот-Амону, которого западный мир знал лишь по исполненным безотчетного ужаса мифам...

Улица сделалась шире, и Конан понял, что добрался до храмовой части города. Громадные черные здания устремлялись к тускло мерцающим звездам, свет редких факелов придавал им неописуемо мрачный и угрожающий вид. Неожиданно Конан услышал, как на другой стороне улицы и чуть впереди него тихо вскрикнула женщина — нагая куртизанка, чью замысловатую прическу венчал высокий плюмаж, знак ее ремесла. Она пятилась, прижимаясь к стене, и с ужасом смотрела на нечто, еще невидимое для Конана. Заслышав ее крик, немногочисленные пешеходы так и застыли, и в тот же миг Конан расслышал тихое, но весьма зловещее шуршание, доносившееся откуда-то спереди. Потом из-за угла дома, к которому он как раз подходил, появилась омерзительная клиновидная голова, а за ней, виток за витком, поползло чешуйчатое лоснящееся тело.

Киммериец отшатнулся, мигом вспомнив россказни, которых в свое время наслушался,— эти змеи посвящены Сету, стигийскому богу-змею. В храмах Сета держали немало подобных чудовищ; когда они чувствовали голод, их выпускали прямо на улицы за добычей. Жуткие змеиные трапезы считались жертвоприношением чешуйчатому божеству...

Стигийцы, окружившие Конана,— мужчины и женщины — падали на колени, безропотно ожидая своей участи. Сейчас громадная змея изберет среди них одного, обовьет его упругими кольцами, раздавит в кровавое месиво и проглотит, как полоз проглатывает мышь. Другие останутся жить — такова воля богов...

Но только не Конана! Между тем питон полз прямо к нему, привлеченный, возможно, тем обстоятельством, что он единственный не спешил преклонить колени. Конан сунул руку под накидку, к ножу, все еще надеясь, что адова тварь минует его. Но змея остановилась прямо перед ним, собралась в кольца и высоко подняла голову. Взгляд холодных глаз, исполненный древней змеиной жестокости, скрестился со взглядом человека, раздвоенный язык так и мелькал. И вот удав выгнул шею, собираясь ударить, но мгновением раньше Конан выхватил нож и полоснул им со скоростью молнии. Широкое лезвие рассекло клиновидную голову и глубоко врезалось в толстую шею.

Высвободив нож, Конан проворно отскочил прочь, а громадное тело забилось в судорогах, бешено свиваясь и хлеща могучим хвостом. Какое-то мгновение Конан завороженно наблюдал за агонией чудовища, а вокруг было тихо — лишь свистел и гулко бил о камни чешуйчатый хвост.

Но мгновение минуло, и потрясенные свидетели разразились ужасающим криком:

— Святотатство! Он убил священного сына Сета! Смерть ему! Смерть! Смерть!..

В Конана полетели камни. Обезумевшие стигийцы истерически закричали и бросились на него. Другие выскакивали из домов, присоединяясь к погоне. Выругавшись, Конан со всех ног кинулся в темный переулок. Он бежал, ведомый более чутьем, нежели зрением, а позади слышалось шлепанье босых ног по мостовой и яростные крики преследователей, эхом отдававшиеся от каменных стен. Нащупав левой рукой какую-то щель, Конан юркнул туда и оказался в другом переулке, еще более узком. С обеих сторон вздымались гигантские черные стены, лишь высоко над головой виднелась узенькая полоска звездного неба. Конан догадывался — стены, между которыми он спрятался, были стенами храмов. Тем временем погоня миновала его — преследователи промчались впотьмах мимо устья переулка, истошные крики по-

немногу стихли вдали. Конан пошел вперед, хотя перспектива столкнуться в темноте еще с одним «сыном Сета» вселяла в него невольную дрожь.

Спустя некоторое время впереди возник слабый движущийся отблеск — ни дать ни взять светлячок. Конан остановился и вжался в стену, нащупывая рукоять ножа. Ему навстречу, неся факел, шел человек. Вот он приблизился уже настолько, что Конан различил смуглую руку и смутный овал лица. Еще несколько шагов — и человек тоже увидит его. Конан подобрался, точно тигр перед прыжком... но факел внезапно остановился. Пламя осветило дверь. Человек повозился с ней, отворил и вошел. Кромешная темнота вновь поглотила переулок. Было что-то зловещее в этой смутной фигуре, прокравшейся во тьме переулком и исчезнувшей в потайной двери. Не иначе жрец возвращался к себе в храм, исполнив какое-нибудь недоброе поручение!

Конан ощупью добрался до двери. Убраться назад тем же путем не было возможности, он мог вновь напороться на толпу, от которой только что удрал. Чего доброго, они еще вернутся, заметят переулок и с воем ринутся на ускользнувшую жертву... Конану стало не по себе меж этих отвесных, неприступных стен, захотелось выбраться отсюда — даже если выбраться означало проникнуть внутрь одного из неведомых зданий.

Тяжелая бронзовая дверь оказалась незапертой. Приоткрыв ее, Конан заглянул в щель, увидел большую квадратную комнату, облицованную все тем же черным камнем. В стенной нише тлел факел. Комната оказалась пуста, Конан проскользнул внутрь и притворил за собой лакированную дверь.

Его обутые в сандалии ноги бесшумно ступали по черному мрамору пола. Заметив впереди еще одну дверь — на сей раз из тикового дерева,— Конан миновал ее и с ножом в руках вступил в огромное полутемное помещение, высокий потолок которого терялся во мраке. Влево и вправо тяну-

лись черные стены, прорезанные арками. Зал освещали бронзовые лампы невиданной формы, едва разгонявшие тьму. Каменными карнизами нависали над головой затененные галереи.

Конан содрогнулся: стало быть, он залез в храм какого-то стигийского бога, если не самого Сета, то какого-нибудь в том же роде. И в святилище не было пусто. Посреди громадного зала высился черный каменный алтарь — массивный, мрачный, не украшенный даже резьбой, а на нем, свернувшись, лежала одна из громадных священных змей. Змея не шевелилась, лишь радужные кольца переливались в свете масляных ламп. Конан припомнил, что жрецы якобы опаивали змей время от времени каким-то дурманом. Он решительно шагнул вперед... и тотчас шарахнулся обратно, но не в комнату, из которой только что вышел, а в нишу, завешенную бархатной шторой. Его слуха коснулся звук мягких шагов, раздавшийся где-то вблизи.

Из черной арки появился высокий крепкий мужчина в сандалиях и шелковой набедренной повязке. Широкая накидка окутывала его плечи. Лицо и всю голову скрывала чудовищная маска, в которой были смешаны воедино звериные и человеческие черты. Венчало маску колеблющееся облако страусовых перьев. В подобных масках стигийские жрецы совершали ритуалы.

Конан очень надеялся, что жрец не обнаружит его, но стигийца предостерег какой-то инстинкт. Направившись поначалу к лестнице, он вдруг повернул прямо к нише. Но едва он отдернул бархатную занавесь, как из темноты метнулась рука и, не дав закричать, схватила за глотку и втянула внутрь ниши, где жрец и напоролся на нож.

Дальнейшие действия Конана были подсказаны логикой. Он снял с головы жреца ухмыляющуюся маску и надел ее сам. Прикрыв тело убитого одеянием рыбака, он натянул на могучие плечи жреческую накидку. Судьба подарила ему личину — отчего ж не воспользоваться? Пускай теперь хоть весь Кеми гоняется за святотатцем, осмелившимся поднять

руку на священного гада. Но кому придет в голову заглянуть под маску жреца? Конан смело покинул альков и направился к первой же приглянувшейся арке. Но не успел сделать и дюжины шагов, как обостренный нюх на опасность вновь заставил его обернуться.

Вниз по лестнице один за другим спускались люди в масках, наряженные в точности так же, как он. Застигнутый на открытом месте, Конан заколебался, не зная, что делать, и остался стоять неподвижно, хотя по лбу и рукам покатились капли холодного пота. Жрецы не произнесли ни единого слова. Точно призраки, вереницей спускались они в зал и шли мимо Конана к одной из арок. Предводитель нес посох из черного дерева, на котором красовался белый ухмыляющийся череп. Конан увидел ритуальную процессию, недоступную пониманию чужестранца, но тем не менее играющую важную — и зачастую зловещую — роль в стигийской религии. Шедший последним слегка повернул голову в маске к неподвижно стоявшему киммерийцу, как бы приглашая его следовать за собой. Что делать? Не выполнить того, чего от тебя ждут, значит навлечь неминуемые подозрения... И Конан пристроился в затылок последнему, приноравливая свой шаг к их мерной походке.

Они шли темным сводчатым коридором, и Конану сделалось очень не по себе, когда он заметил, что череп на посохе начал светиться неестественным фосфорическим светом. Животная паника шевельнулась в глубине его существа, понуждая выхватить нож, искромсать потусторонние силуэты вокруг — и бежать, бежать из этого жуткого храма! Конан смог удержать себя в руках, подавив ужас, родившийся в недрах сознания и готовый населять кошмарными тенями все темные углы. И все-таки, когда они миновали громадную двустворчатую дверь и вышли под звездное небо, он едва не испустил вздох облегчения.

Некоторое время Конан раздумывал, не исчезнуть ли потихоньку в каком-нибудь переулке. Однако они шли и шли вереницей по длинной улице, и люди, попадавшиеся навстре-

чу, поспешно отворачивались и удирали. К тому же процессия держалась довольно далеко от стен: внезапный прыжок в сторону навряд ли останется незамеченным...

Пока Конан в бессильной ярости крыл про себя жрецов на все корки, шествие приблизилось к невысоким воротам в южной стене и вышло наружу. Впереди и вокруг жались друг к другу низенькие глинобитные домики, в звездном свете смутно виднелись пальмовые рощи. Теперь или никогда, подумалось Конану. Самое время *расстаться с его молчаливыми* спутниками!

Но как только за ними закрылись ворота, все их молчание как рукой сняло. Они принялись возбужденно переговариваться вполголоса. Оставили они и ритуальный размеренный шаг, предводитель бесцеремонно сунул посох с черепом себе под мышку, и вся компания, смешав ряды, поспешила вперед. Поспешил с ними и Конан. Ибо в приглушенный шепот жрецов вкралось имя, заставившее его немедля насторожиться,— Тутотмес!

18

«Я — ЖЕНЩИНА, НЕ ЗНАВШАЯ СМЕРТИ...»

Со жгучим интересом всматривался Конан в своих закрытых масками спутников. Либо один из них и был Тутотмес, либо все они шли на встречу с человеком, который так нужен Конану. Когда же за кронами пальм в темном небе возникла треугольная черная тень гигантской постройки, Конан сообразил, куда все идут.

Жрецы миновали облезлые домишки и рощицы; может, кто и видел процессию, но на глаза предпочел не показываться. Черные башни Кеми угрюмо вздымались к звездам, отражавшимся в водах гавани. Впереди, уходя в непроглядную тьму, расстилалась пустыня. Откуда-то доносилось тявканье шакала. Обутые в сандалии ноги бесшумно ступали по песку. Казалось, призраки спешат к гигантской пирамиде, возвышавшейся над темной пустыней.

При виде мрачной громады, заслонявшей звездное небо, сердце Конана заколотилось быстрее. Он был готов сойтись с Тутотмесом лицом к лицу и схватиться с ним, если придется, но к его нетерпению примешивался страх. Любого человека, приблизившегося к этому сооружению из черных камней, одолевали предчувствия. Легенды намекали — пирамиды не были выстроены стигийцами, они уже стояли здесь

в незапамятные времена, когда смуглолицый народ только-только поселился у великой реки.

Подходя к пирамиде, Конан заметил у ее основания пятнышко неяркого света. Постепенно вырисовался дверной проем, по обе стороны которого задумчиво возлежали каменные львы с женскими головами, таинственные, непостижимые — кошмарный сон, воплощенный в камне.

Предводитель процессии направился прямо ко входу, и Конан разглядел какой-то темный силуэт там, в глубине. Вот с ним поравнялся предводитель, приостановился на миг — и исчез во тьме внутри пирамиды. Один за другим за ним последовали и остальные. При этом таинственный страж останавливал всякого вступавшего в темный портал, и что-то совершалось между ними, какой-то жест или слово — Конан тщетно силился разобрать. Отчаявшись, он намеренно замешкался и, наклонившись, сделал вид, что возится с ремешками сандалий. И только когда последний носитель маски благополучно исчез, Конан выпрямился и пошел вперед.

Ему было не по себе: в голову назойливо лезли когда-то слышанные байки, он всерьез гадал, вдруг страж храма не человек. Однако волновался он зря. Бронзовый светильник, горевший за порогом, позволял видеть часть узкого длинного коридора, уходившего в темноту, и человека в широком черном плаще, молча стоявшего у входа. Жрецы в масках, надо думать, удалились по коридору.

Нижняя часть лица стигийца была скрыта плащом, но глаза так и впились в Конана пронизывающим взглядом. Вот он сделал левой рукой какой-то странный жест. Положившись на удачу, Конан повторил его. Но тотчас понял — от него ожидали чего-то другого. Правая рука стигийца вылетела из-под плаща, сверкнула сталь. Последовал убийственный удар, который, вне сомнения, пронзил бы сердце обычного человека.

Но перед стигийцем стоял воин, обладавший стремительной реакцией лесного кота. Тусклый свет едва успел отра-

зиться от лезвия, когда Конан перехватил смуглое запястье, и тотчас же его правый кулак обрушился на челюсть стигийца. Голова стража запрокинулась и ударилась о камни стены с хрустом, который ясно говорил о проломленном черепе.

Конан на миг замер над ним, чутко прислушиваясь. Светильник догорал, отбрасывая бесформенные тени. Впереди, во тьме коридора, ничто не шевелилось, но Конану показалось, будто где-то там, глубоко внизу, едва различимо пропел гонг.

Нагнувшись, киммериец оттащил мертвое тело за дверь, а потом осторожно и быстро пошел по коридору вперед, даже не гадая о том, какая судьба могла его там ожидать.

Пройдя совсем немного, он озадаченно остановился. Коридор разветвлялся, и в какую сторону отправились жрецы, Конан не знал. Наугад выбрал он левый проход. Пол слегка понижался и был гладок, точно отполированный множеством ног. Там и сям чадили факелы, разливая вокруг жутковатый трепетный полусвет. Поневоле Конан задумался, зачем и в какую из позабытых эпох построили эти каменные громады. Древней, чудовищно древней была эта земля! Никто не знал, сколько веков глядели на звезды стигийские черные храмы...

Узкие арки открывались то справа, то слева, но Конан держался главного коридора — хоть и приходил все более к убеждению, что свернул не туда. Иначе он давно уже поравнялся бы со жрецами, ведь они не так сильно его обогнали. Конан начал нервничать. Казалось, тишину можно пощупать; тем не менее ему все время мнилось — он не один здесь. Не раз, торопливо минуя темную арку, он ощущал чей-то пристальный взгляд, устремленный на него из глубины. Конан замедлил шаг, почти решив вернуться туда, где коридор раздвоился... потом резко обернулся, сжимая в руке нож.

У входа в боковой туннель стояла девушка — стояла и смотрела на киммерийца. Ее кожа цвета слоновой кости означала принадлежность к какому-то древнему стигийскому роду. Как все знатные стигийки, она была высокой, гибкой и чувственно-прекрасной. Роскошные волосы ниспадали черной вспененной волной, и среди них мерцал искристый рубин.

— Что ты здесь делаешь? — поинтересовалась она.

Ответить — значило выдать свое чужеземное происхождение. Конан молчал и не двигался — темная зловещая фигура в маске, увенчанной страусовыми перьями. Зоркие глаза его осматривали тени за спиной девушки. Но как знать, сколько воинов сбежится тотчас же, если она позовет?

Она тем временем пошла к нему — без всякого страха, но подозрительно вглядываясь.

— Ты не жрец,— сказала она.— Ты воин, это видно даже под маской. Ты отличаешься от жрецов, как мужчина от женщин. О Сет! — воскликнула девушка, внезапно остановившись, и глаза ее округлились.— По-моему, ты даже не стигиец!

Его рука метнулась вперед так стремительно, что никто не успел бы уследить, пальцы почти ласково обхватили нежную шею.

— Попробуй только пискни,— пробормотал он.

Ее гладкая кожа показалась ему холодной, как мрамор. Но в бездонных черных глазах, как и прежде, не было страха.

— Не бойся, я не выдам тебя,— ответила она спокойно.— Скажи лучше, не безумен ли ты, чужестранец, вошедший в запретный храм Сета?

— Я разыскиваю жреца Тутотмеса,— ответил Конан.— Он здесь?

— А зачем он тебе нужен? — парировала она.

— При нем... нечто, украденное у меня.

— Я тебя к нему провожу,— предложила она с такой готовностью, что в нем вновь проснулись подозрения.

— Не играй со мной, девочка,— заворчал он.

— А я и не играю с тобой. Я не люблю Тутотмеса.

Конан помедлил, потом все же решился. В конце концов, он в ее власти настолько же, насколько и она — в его.

— Иди рядом,— приказал он и, выпустив шею, схватил ее запястье.— И хорошенько думай, что делаешь. Если попробуешь шутить...

Она повела его по коридору — все вниз и вниз, пока не скрылись позади последние факелы, и он зашарил рукой по стене, не видя, лишь ощущая и чувствуя женщину, идущую рядом. Когда он что-то сказал, она повернула к нему голову, и Конан вздрогнул, заметив, что ее глаза светились во тьме, точно два золотистых огня. Смутные сомнения и еще более смутные, чудовищные подозрения зародились в его душе... и все-таки он продолжал идти. Она же вела его через лабиринт, через путаницу черных туннелей, даже его первобытное чувство направления оказалось бессильно. Мысленно Конан сто раз обозвал себя недоумком за то, что последовал за нею в это мрачное прибежище тайн. Так или иначе, поворачивать назад было поздно. К тому же он вновь ощущал в темноте вокруг себя жизнь и движение, ощущал чье-то опасное, голодное нетерпение неподалеку... И если слух его не подвел, он расслышал даже смутный скользящий шумок, который затем удалился, повинуясь приказу, который шепотом отдала девушка.

В конце концов она привела его в покой, освещенный таинственным светом семи черных свечей, горевших в канделябрах невиданной формы. Комната была квадратной, со стенами и потолком из полированного черного мрамора. Обставлена в древнестигийском духе: ложе из эбенового дерева, обтянутое черным бархатом, а рядом, на черном каменном возвышении, стоял резной саркофаг.

Конан нетерпеливо переминался, поглядывая на черные арки: в комнату сходилось сразу несколько коридоров. Но

девушка не пошла дальше. С кошачьей грацией растянулась на ложе и закинула за голову руки, глядя на Конана из-под длинных загнутых ресниц.

— Ну? — спросил он нетерпеливо.— В чем дело? Где Тутотмес?

— А куда нам спешить? — отозвалась она.— Что значит час... или день... или, если на то пошло, год или столетие? Сними маску, я хочу увидеть твое лицо.

С раздраженным ворчанием Конан стащил с себя громоздкий головной убор. Девушка окинула взглядом его темное, в шрамах лицо, горящие глаза и одобрительно кивнула:

— Я вижу в тебе силу... огромную силу. Ты мог бы задушить вола!

Конан беспокойно вглядывался в темноту проходов, держа руку на рукояти ножа. Его подозрения все возрастали.

— Если ты завела меня в ловушку, пеняй на себя,— сказал он.— Любоваться результатом тебе уже не придется. Может, слезешь с дивана и сделаешь, что обещала? Или мне тебя...

Он не договорил. Случайный взгляд, брошенный на саркофаг, упал на посмертную маску, исполненную из слоновой кости со всей дотошностью давно забытого искусства. В чертах резной маски Конану померещилось нечто знакомое, внушавшее смутное беспокойство... Потом он потрясенно осознал, в чем дело. У маски и у девушки, растянувшейся на ложе, было одно и то же лицо! Сначала он решил, что девушка послужила скульптору моделью,— но ведь саркофагу самое меньшее несколько столетий! Конан принялся рыться в памяти, выискивая обрывки познаний, которых он в течение своей бурной жизни успел-таки поднабраться. Один за другим узнавал он древние письмена и смог прочитать:

— Акиваша!

— Ты слышал о принцессе Акиваше? — спросила девушка.

— Кто же про нее не слыхал,— буркнул Конан.

Имя древней принцессы, столь же прекрасной, сколь и греховной, еще жило в легендах и песнях, которые помнил весь мир,— при том что уже десять тысячелетий миновало с тех пор, как дочь Тутхамона веселилась и пировала в черных залах древнего Луксура.

— Она любила жизнь во всех ее проявлениях — это ее единственный грех,— сказала стигийка.— Она приняла любовь смерти, чтобы получить жизнь. Ей невыносима была мысль о старости и морщинах, о смерти, будучи ссохшейся и поблекшей. Она отдалась тьме и получила в подарок жизнь — жизнь, неподвластную старости и увяданию. Она укрылась во мраке, обманув смерть...

Конан свирепо взглянул на нее сузившимися глазами. Повернувшись, он сорвал крышку с саркофага. Там было пусто. От смеха девушки, прозвучавшего за спиной, кровь застыла у него в жилах. Конан резко обернулся к ней, чувствуя, как сзади на шее шевелятся волоски.

— Ты — Акиваша!

Она вновь рассмеялась, тряхнула блестящими волосами и раскинула руки:

— Да, я — Акиваша! Я — женщина, никогда не знавшая ни смерти, ни старости. Та, которую глупцы считают вознесшейся на небо к богам, покинувшей землю во всем цвете юности и красоты, чтобы вечно царствовать в какой-нибудь небесной стране! О нет! Лишь во тьме могут смертные достигнуть бессмертия. Десять тысяч лет назад я умерла, чтобы жить вечно. Люби же меня, могучий варвар!

Гибко вскочив, она подбежала к нему, приподнялась на цыпочки и обняла его за шею. Глядя сверху вниз в ее прекрасное запрокинутое лицо, Конан ощутил пугающее влечение — и ледяной страх.

— Люби же меня,— шептала она, откинув голову, смежив глаза и приоткрыв губы.— Дай мне крови, дай обновить мою юность и поддержать вечную жизнь! Я и тебя могу сделать бессмертным. Я дам тебе мудрость всех веков, открою тебе тайны, хранившиеся во мраке храмовых подземелий тысячелетие за тысячелетием. Я сделаю тебя королем призрачных орд, пирующих меж древних могил, когда ночь окутывает пустыню и летучие мыши резвятся в лунном луче. Мне надоели жрецы, маги и пленницы, которые так истошно кричат у порога смерти. Мне нужен настоящий мужчина... Люби же меня, варвар!

Она склонила темноволосую голову на его могучую грудь, и он ощутил острый укол в основание шеи, у горла. Выругавшись, Конан оторвал девушку от себя и швырнул прочь, на ложе.

— Будь ты проклята, упириха!

Кровь тонкой струйкой сочилась из крохотной ранки.

Акиваша взметнулась на ложе, точно змея, изготовившаяся укусить. Желтое адово пламя горело в ее огромных глазах. Ее губы раздвинулись, обнажив острые белые зубы.

— Глупец! — выкрикнула она. — Ты думаешь спастись от меня? Ты кончишь свою жизнь здесь, со мной, в темноте! Я завела тебя глубоко в подземелья, и одному тебе отсюда не выбраться. Ты не сумеешь одолеть или миновать тех, кто стережет эти туннели. Если бы не я, сыны Сета давно уже набили бы твоей плотью утробы. Я еще напьюсь твоей крови, глупец!

— Прочь, пока я не изрубил тебя на куски! — зарычал Конан, и по его телу пробежала дрожь отвращения.— Может, ты и вправду бессмертна, но я тоже не шутки шучу!

Он попятился к арке прохода, сквозь который они вошли... и тут свет неожиданно погас. Все свечи потухли одновременно, хотя каким образом, Конан так и не понял: Акиваша их не касалась. Он услышал за собой смех упирихи,

сладкий, как яд, как музыка преисподней. Конан зашарил по стене в поисках выхода, покрываясь потом и чувствуя, что пропал. Нащупав проход, он ринулся наружу, не особенно разбираясь, та ли это арка, которую искал, или другая. Единственная мысль билась у него в голове: скорее покинуть зловещий чертог, где столько веков обитала прекрасная и омерзительная живая покойница.

Точно в дурном сне, мчался он вперед и вперед по темным закоулкам извилистых подземных туннелей. Сзади и по сторонам то и дело слышались шорохи ползущих тел, а однажды вновь донеслось эхо сладостного и жуткого смеха Акиваши. На каждый звук, примерещившийся или реальный, Конан отвечал яростным взмахом ножа. Один раз его клинок вспорол нечто податливое и тонкое — паутину? В отчаянии Конан чувствовал, с ним играют, завлекая его все глубже и глубже в беспредельную ночь, где его разорвут клыки и когти чудовищ...

Но к ужасу киммерийца примешивалась тошнотворная горечь открытия, которое он сделал. Древняя легенда об Акиваше повествовала не только о зле и пороке, но еще и о юности, бессмертии и красоте. Для многих и многих мечтателей, поэтов и влюбленных Акиваша не просто принцесса стигийских сказаний — она представала символом вечной молодости и красоты, сияющей в далеких чертогах богов. И вот какова оказалась отвратительная правда. Вечная жизнь была в действительности мерзостным извращением.

К физической гадливости, которую испытывал Конан, примешивалось жестокое разочарование. Рухнула мечта, которой так долго поклонялись мужчины. Сверкающее золото на поверку оказалось слизью и вселенской гнусностью. И волной накатила безысходность: а не тщета ли все? Не тщетны ли все мечты и надежды людей?..

Теперь он точно знал, слух его не обманывает: за ним гнались, и преследователи подбирались все ближе. Во тьме

звучали шорохи, каких никогда не производили звериные лапы, тем более человеческие ноги. Конан повернулся лицом к наседающим тварям и стал медленно пятиться, не видя ничего и никого. И вдруг все шорохи разом умолкли. Конан обернулся и разглядел в другом конце длинного коридора слабенький огонек.

19

В ЗАЛЕ МЕРТВЫХ

Конан осторожно крался в направлении огонька, чутко прислушиваясь к тому, что делалось за спиной. Звуков погони больше не было слышно, хотя он нутром чувствовал: там, во тьме, кто-то ждал удобного случая напасть, растерзать, кто-то охочий до человеческой плоти.

Огонек между тем не стоял на месте — он плыл вперед, слегка подпрыгивая. Потом Конан разглядел его источник. Тоннель, которым он пробирался, пересекал другой, более широкий. И по нему двигалась странная процессия — четверо рослых, изможденных людей в черных одеяниях с капюшонами. Каждый опирался на посох, а предводитель нес в руке факел, горевший неестественно ровно. Точно призраки, миновали они затаившегося киммерийца, оставив после себя лишь меркнущий отсвет. Неописуемой жутью веяло от этой четверки. Они не были стигийцами; подобных им Конан никогда не видал и даже усомнился, принадлежат ли они вообще к роду людскому. Гораздо более походили они на духов, бродящих в заколдованных подземельях...

Не дожидаясь, пока вновь сомкнется тьма и сзади нападут неведомые твари, Конан ринулся по коридору вперед. Выскочив в широкий тоннель, он снова увидел таинствен-

ную четверку — они далеко ушли и двигались прочь, окруженные сиянием факела. Конан беззвучно поспешил следом, но почти сразу вынужденно распластался по стене — остановившись, они сбились в кучку и, казалось, совещались о чем-то. Неожиданно они повернули назад, и Конан торопливо нырнул в ближайший проход. Он успел привыкнуть к темноте, хотя ночного зрения ему не было дано. Пошарив перед собой, он обнаружил, что туннель изгибается. Конан спрятался за ближайшим поворотом, не желая попасться на глаза тем четверым.

Стоя там, он услышал где-то позади себя негромкий гул — ни дать ни взять нестройные человеческие голоса. Пройдя немного по коридору, убедился, что слух его не подвел. Конан сразу оставил свое первоначальное намерение следовать за призрачной четверкой, шедшей неизвестно куда, и начал пробираться на голоса. Вот впереди забрезжил свет, и новое пересечение коридоров позволило Конану увидеть широкую арку, выходившую в какое-то освещенное помещение. И тут по левую руку от себя Конан приметил узкую каменную лестницу, уводившую вверх; звериная осторожность направила его к ней.

Голоса, которые он слышал, доносились из залитой светом арки. Пока он взбирался по лестнице, бормотание отдалилось, но затем он миновал низкую дверь и выбрался на галерею. Конан, окутанной спасительной тенью, увидел гигантский, скудно освещенный зал. Он догадался, куда его занесло,— это был Зал Мертвых, редко посещаемый кем-либо, кроме молчаливых стигийских жрецов. Вдоль черных стен ярусами стояли резные раскрашенные саркофаги, каждый помещался в отдельной нише темного камня; ряды ниш поднимались вверх, постепенно теряясь во мгле. Тысячи резных масок бесстрастно взирали на группу людей, стоявших посередине зала и казавшихся неприметными и ничтожными среди такого скопища мертвых.

Десять человек, стоявших внизу, были жрецами — они сняли маски, но Конан узнал тех, за кем шел к пирамиде. Перед ними, подле алтаря, на котором покоилась мумия в истлевших повязках, стоял высокий мужчина с ястребиным лицом. А сам алтарь, казалось, погрузился в недра живого огня, что пульсировал и сверкал, бросая на черные камни трепетные золотые блики. Это сиял огромный алый кристалл, возложенный на алтарь, и в его свете лица жрецов казались пепельно-мертвенными. Глядя вниз, Конан разом ощутил все бесконечные мили, все долгие дни и бессонные ночи изматывающей погони. Он задрожал от безумного желания ринуться вниз на безмолвных жрецов, могучими ударами клинка проложить себе путь и схватить алый камень нетерпеливыми пальцами... Но железная воля помогла ему совладать с собой и подавить порыв. Конан затаился в густой тени каменной балюстрады. Он заметил, что с галереи в зал вдоль стены вела лесенка, также скрытая тенью. Конан обводил сумеречный зал пристальным взглядом, высматривая других жрецов или свидетелей. Но, похоже, здесь находились только те, что стояли у алтаря.

Глухой голос стоявшего рядом с мумией гулко разносился по залу:

— ...И таким образом к нам на юг пришла эта весть. Ее нашептывал ночной ветер, вороны сообщали ее друг другу, каркая на лету, летучие мыши рассказывали ее совам и змеям, таящимся в древних руинах. Ее разнесли оборотни, вампиры и черные демоны, крадущиеся в ночи. Спящая Ночь Мира шевельнулась и встряхнула тяжелой гривой, в черных безднах забили барабаны, и эхо далеких жутких криков стало пугать ночных пешеходов. Ибо Сердце Аримана вернулось в мир, вернулось исполнить свое непостижимое предназначение. Не спрашивайте, каким образом я, Тутотмес из Кеми, слуга Ночи, получил эту весть прежде Тот-Амона, что зовет себя королем всех волшебников мира. Есть тайны,

не предназначенные даже для ваших ушей. Скажу лишь, Тот-Амон — не единственный владыка Черного Круга. Восприняв весть, я выехал навстречу Сердцу, двигавшемуся на юг. Смерть за смертью оставляло оно за собой, несомое вперед рекой человеческой крови. Ибо кровь притягивает и питает его, а наибольшую силу придают ему окровавленные руки убийцы, вырвавшие Сердце у прежнего обладателя. Где сияет Сердце Аримана, там льется кровь, рушатся королевства и буйствуют слепые силы природы... И все же то, что должно было свершиться, свершилось — наконец-то я стою здесь перед вами как повелитель и господин Сердца. Я тайно призвал сюда вас, немногочисленных верных, чтобы разделить с вами власть над черным королевством грядущего. Сегодня вы увидите, как рухнут цепи рабства, наложенные на нас Тот-Амоном, как зародится империя! Но кто такой я — даже я, Тутотмес,— чтобы познать и покорить силы, дремлющие в этих алых глубинах? Три тысячи лет хранило оно забытые тайны... но я их узнаю. Мне расскажут — они!

И взмахом руки он обвел безмолвные силуэты, застывшие в каменных нишах.

— Они спят, глядя на нас сквозь свои скульптурные маски,— продолжал Тутотмес.— Короли, королевы, полководцы, жрецы, чародеи, все династии, вся знать Стигии за десять тысяч лет! Прикосновение Сердца пробудит их ото сна. Долго, долго пылало и билось Сердце здесь, в Стигии, здесь был его дом в течение долгих столетий, пока его не перевезли в Ахерон. Только древним известна его полная сила, и, когда моя магия пробудит их к жизни, они расскажут мне обо всем! Я заставлю их для меня потрудиться. Воскресив их, я выведаю позабытую мудрость, познания, скрытые ныне в этих высохших черепах. С помощью мертвых поработим мы живых! О да! Ибо короли, полководцы и волшебники древних станут нам помогать, и кто тогда устоит перед нами? Взгляните! Вот эти иссохшие, скрюченные останки на ал-

таре звались когда-то Тотмекри, верховным жрецом Сета; он умер три тысячи лет назад. Он был посвященным Черного Круга. Он знал Сердце. Он научит нас, как пользоваться его силой!

Подняв лучистый кристалл, Тутотмес возложил его на бесплотную грудь мумии и, воздев руки, запел заклинание. Но завершить его ему не пришлось. Он замер на полуслове, вглядываясь во что-то за спинами жрецов, и те разом обернулись туда, куда указывал его взгляд.

Сквозь темную арку в зал один за другим вошли четверо изможденных созданий в черных плащах. Тени надвинутых капюшонов едва позволяли различить желтые овалы их лиц.

— Кто вы? — резко спросил Тутотмес, и его голос предвещал опасность не меньшую, чем шипение кобры.— Не безумны ли вы, вторгшиеся в священную обитель Сета?

Самый высокий из чужаков ответил ему голосом бесцветным, точно звук кхитайского храмового колокола:

— Мы пришли за Конаном, киммерийцем.

— Его нет здесь,— ответил Тутотмес и сдвинул плащ с правого плеча движением пантеры, выпускающей когти.

— Лжешь,— прозвучало в ответ.— Он здесь, в храме. Мы нашли труп за бронзовой дверью и пошли по следу сквозь путаницу коридоров. Потом мы натолкнулись на это сборище. Мы пойдем дальше, но сперва отдайте нам Сердце Аримана.

— Смерть — удел безумных,— пробормотал Тутотмес, понемногу придвигаясь к говорившему.

Следом, окружая чужаков, крались его жрецы, но те четверо как будто не замечали.

— Кто способен взглянуть на него и не возжелать? — продолжал кхитаец.— Мы слышали о нем еще у себя на родине. Оно даст нам власть над народом, изгнавшим нас. Ужас и слава дремлют в его алых глубинах. Отдайте его нам и не вынуждайте убивать вас...

С яростным воплем кто-то из жрецов метнулся вперед, в его руке мелькнула сталь. Но ударить он не успел: взвился чешуйчатый посох и коснулся его груди, и жрец упал, как падает только мертвый. В следующий миг равнодушные мумии стали свидетелями жуткого, кровавого боя. Сверкали и обагрялись кривые ножи, мелькали похожие на змей посохи, и люди, которых они касались, с криком падали и умирали.

Как только был нанесен первый удар, Конан вскочил на ноги и помчался вниз по ступенькам. Он лишь мельком видел тот демонский бой. Он видел, как один из кхитайцев, изрубленный почти в куски, все еще стоял на ногах, раздавая смерть, пока Тутотмес не ударил его в грудь раскрытой ладонью, и только тогда кхитаец свалился.

К тому времени, когда Конан перепрыгнул последнюю ступеньку, сражение почти завершилось. Трое кхитайцев лежали на полу мертвыми, иссеченные в клочья. Но и среди стигийцев в живых остался лишь Тутотмес.

Вот он бросился на уцелевшего кхитайца, простирая, как оружие, пустую ладонь, и ладонь его была черна. Но еще быстрее метнулся вперед посох высокого кхитайца — метнулся и, казалось, сам собой удлинился в хозяйской руке. Острие коснулось груди Тутотмеса, и тот зашатался, но устоял; посох ударил еще и еще раз, и Тутотмес покачнулся и рухнул замертво. По его лицу быстро расползлась чернота, теперь он весь стал так же темен, как его заколдованная рука.

Тогда кхитаец повернулся к драгоценному камню, что пылал на груди мумии,— и увидел перед собой Конана. Некоторое время они молча смотрели один на другого, стоя среди кровавого побоища, под взглядами тысяч мумий.

— Долго же мы следовали за тобою, аквилонский король,— проговорил кхитаец спокойно.— По большой реке, через горы, через Пуантен и Зингару, по холмам Аргоса и

морем. В Тарантии мы с трудом взяли твой след, ибо жрецы Асуры хитроумны. Мы вновь потеряли его в Зингаре, но затем отыскали шлем, брошенный тобой в лесу у подножия пограничных холмов, там, где ты сражался с лесными вурдалаками. И сегодня, в этих лабиринтах, мы едва не сбились со следа...

И Конан подумал о том, как ему повезло,— ведь он выбрался из покоев упырихи не тем путем, которым пришел. Иначе он прямо налетел бы на желтых демонов. А так он сумел издалека разглядеть, как они, подобно двуногим ищейкам, вынюхивают его след... вынюхивают его, пуская в ход какой-то жуткий сверхъестественный дар.

Кхитаец слегка покачал головой, словно прочитав его мысли.

— Все это, впрочем, неважно,— сказал он,— ибо долгий путь окончится здесь.

— Зачем вы выслеживали меня? — спросил Конан, готовый метнуться в любую сторону с быстротой спущенной пружины.

— Мы возвращали долг,— ответил кхитаец.— От тебя, обреченного смерти, бессмысленно что-либо скрывать. Мы служили Валерию, нынешнему королю Аквилонии. Долгой была наша служба, но теперь она кончена: братьев моих освободила гибель, меня же освободит исполнение клятвы. Я вернусь в Аквилонию и привезу два сердца: Сердце Аримана — для себя и сердце Конана — для Валерия. Один поцелуй посоха, вырезанного из Дерева Смерти...

Удар посоха был подобен броску гадюки, однако нож в руке Конана мелькнул мгновением раньше. Посох распался на две половины, и половины эти начали корчиться; новый взмах отточенного клинка — и голова кхитайца покатилась по полу.

Повернувшись, Конан протянул руку к Сердцу... и отпрянул. Волосы зашевелились у него на голове, кровь в жилах

так и застыла. То, что лежало на алтаре, больше не походило на ссохшуюся мумию. Камень пылал и переливался на широкой груди живого мужчины, лежавшего обнаженным среди истлевших повязок. Но жив ли он в самом деле, Конан не взялся бы утверждать. Во всяком случае, глаза его казались неподвижным черным стеклом, в котором мрачно тлел нечеловеческий пламень.

Держа камень на ладони, воскрешенный поднялся и встал во весь рост у алтаря — нагой, смуглокожий, с лицом, похожим на застывшую маску. Молча протянул Конану алый кристалл, исходивший пульсирующим огнем, точно настоящее сердце. Конан взял его, испытав жутковатое чувство — подарок из рук мертвеца! Он догадывался, что не все заклинания были пропеты, обряд не доведен до конца: жизнь вернулась в тело, но не вполне.

— Кто ты? — спросил киммериец.

— Я тот, кто был Тотмекри,— прозвучал голос, подобный монотонному падению капель со сталактита в подземной пещере.— Я мертв.

— Ну так будь добр, выведи меня из этого храма,— попросил Конан, внутренне содрогаясь.

Размеренным шагом двинулся мертвый к черной арке. Конан последовал за ним. Оглянувшись, он в последний раз увидел громадный темный зал, ряды саркофагов и мертвые тела вокруг алтаря. Отсеченная голова кхитайца все еще пялилась вверх, в наползавшую тьму...

Сверкающий камень озарил черные коридоры, словно какая-нибудь волшебная лампа. Блики золотого света метались по стенам. Однажды Конану померещился в потемках отсвет тела цвета слоновой кости, но упириха, которую когда-то звали Акиванией, попятилась перед сиянием Сердца. Нечисть и нежить разбегались с дороги, прячась во тьме.

Мертвец шел прямо вперед, не глядя по сторонам, шаг его был ровен и неизменен, точно судьба. Конан обливался

холодным потом, терзаясь сомнениями. Почем знать, к свободе ли ведет его этот жуткий проводник, восставший из прошлого? С другой стороны, в одиночку Конан никогда бы не выбрался из колдовской путаницы туннелей и коридоров. Ему ничего не оставалось, кроме как следовать за мертвым сквозь тьму, что неохотно расступалась перед ними и вновь смыкалась позади, полная крадущихся теней, ненадолго разогнанных ослепительным пламенем Сердца.

А потом впереди показалась бронзовая дверь. В лицо Конану дохнул ночной ветер пустыни. Он увидел звезды в небе, и освещенную ими пустыню, и рассекавшую ее необъятную тень пирамиды. Тотмекри молча вытянул руку, указывая в пустыню, затем повернулся и беззвучно зашагал обратно во мрак. Конан провожал его взглядом, пока он не растворился в черноте, все теми же мерными шагами идя то ли навстречу известной и неотвратимой погибели, то ли к вечному сну...

Словно очнувшись, Конан с проклятием отскочил от двери и так помчался через пески, как будто за ним гнались демоны. Он не оглядывался ни на пирамиду, ни на черные башни Кеми, смутно вырисовывавшиеся вдали. Он бежал на юг, к берегу, бежал со всей скоростью, на которую были способны его длинные ноги. Предельное усилие мышц вымело из его сознания черную паутину, чистый ветер пустыни развеял кошмары, а ужас и отвращение сменились яростным восторгом. И вот пустыню сменила болотная сырость, заблестела сквозь заросли черная гладь воды, и Конан увидел «Смельчака», стоявшего на якоре.

Он проложил себе путь сквозь влажную чащу, до бедер увязая в трясине. Потом бросился в воду и поплыл, думать не думая ни об акулах, ни о крокодилах. Он подплыл к галере и, счастливый и мокрый, полез на борт по якорной цепи, и только тут его заметили вахтенные.

— Просыпайтесь, псы! — проревел он во все горло, небрежно отмахиваясь от копья, которое перепуганный чер-

ный матрос нацелил ему в грудь.— Поднять якорь! Живо на весла! Дать рыбаку полный плем золота и отпустить его на берег! Скоро восход, а еще до рассвета мы должны влететь в ближайший зингарский порт!..

И он торжествующе размахивал над головой огромным сияющим камнем так, что по всей палубе катились волны золотого огня.

20

И ВОССТАНЕТ АХЕРОН ИЗ ПРАХА

В Аквилонию снова пришла весна. Зазеленели молодой листвою ветви деревьев, проклюнувшаяся трава радовалась теплому южному ветру. Но много полей стояло невспаханными, и лишь кучи золы и головешек указывали, где прежде стояли гордые виллы или процветающие города. Волки, не прячась, бродили по заросшим травой большакам, в лесах же таились шайки готовых на все людей, не знающих над собой господина. Только в Тарантии происходили пиры один пышнее другого и царил показной блеск.

Правление Валерия было отмечено печатью безумства. Даже те из баронов, кто поначалу приветствовал его восшествие на престол, теперь возмущались в открытую. Сборщики налогов не давали житья ни богатым, ни бедным. Все богатства ограбленного королевства стекались в Тарантию, которая все менее походила на столицу державы и все более — на осажденную крепость захватчиков в завоеванной

стране. Ее купцы богатели, но даже и богатеть было опасно. Каждого в любой миг могли под каким-нибудь дутым предлогом обвинить в измене, конфисковать нажитое, а самого бросить в тюрьму или вовсе отправить на плаху.

Валерий не делал даже попыток снискать любовь и доверие подданных, предпочитая опираться на немедийских воинов и отчаянно храбрых наемников. Он прекрасно осознавал, кем является в руках Амальрика, — марионеткой. Знал он и то, что правит лишь с молчаливого согласия немедийца. Валерий понимал — ему никогда не удастся объединить вокруг себя аквилонцев и сбросить это ярмо, ибо внешние провинции будут сопротивляться ему до последнего человека. Да и немедийцы мигом сбросят его с трона, вздумай он начать сплачивать королевство. Он попался в собственные силки. Отрава униженной гордости разъедала его душу — и Валерий пустился в разврат, предпочитая жить сегодняшним днем, не думая и не заботясь о дне завтрашнем.

Но безумие его содержало в себе и некую хитрость — хитрость столь тонкую, что даже Амальрик не сумел ее разгадать. Быть может, долгие годы ссылки наделили ум Валерия горечью, недоступной обычному пониманию, а отвращение к нынешнему положению дел превратило эту горечь в род безумия? Как знать! Во всяком случае, им владело единственное желание — губить все и всех, так или иначе связанных с ним.

Он подозревал, что его правлению придет конец, как только Амальрик решит, что он выполнил свою роль. Еще он знал: покуда он жестоко угнетает родную страну, немедийцы будут терпеть его на престоле, ведь Амальрик желал окончательно поставить Аквилонию на колени, уничтожить последние ростки независимости и неповиновения. Вот тогда-то он сам возьмет власть, расстегнет кошелек, переделывая страну по себе, используя ее людскую силу и природные богатства, чтобы отобрать у Тараска корону Немедии. Главной целью Амальрика был императорский трон, и Валерий

об этом знал. Он не знал только, догадывался ли Тараск. По крайней мере, его безжалостное правление немедийский король одобрял. Тараск ненавидел Аквилонию застарелой ненавистью, подкрепленной прежними войнами, и всей душой жаждал изничтожить западного соседа.

Валерий и собирался разорить Аквилонию так, чтобы даже богатства Амальрика не помогли ей подняться. Он ненавидел барона не меньше, чем аквилонцев, и только мечтал дожить до того дня, когда страна придет уже в полное запустение, а Амальрик с Тараском сцепятся в междоусобной войне, которая и от Немедии не оставит камня на камне.

Он полагал, что завоевание все еще не покоренных провинций — Гандерланда и Пуантена, а с ними и Боссонских Пределов — поставит на его правлении точку. Его роль будет исполнена, и Амальрик просто отделается от него. Поэтому Валерий тянул с покорением этих провинций, ограничивая свою деятельность бессмысленными грабежами, а от Амальрика, понуждавшего его к выступлению в поход, он отговаривался, как только мог.

Жизнь Валерия состояла из сплошных оргий и разгульных пиров. В его дворец свозили прекраснейших девушек королевства — в основном силой. Он богохульствовал и пьяным валялся на полу ширшественных залов прямо в золотой королевской короне, марая царственный пурпур разлитым вином. А когда у него случались приступы кровожадности, на виселицах, установленных на рыночной площади, гроздьями повисали тела, топоры палачей купались в крови, а по стране мчались немедийские конники, грабя и сжигая все на своем пути. Доведенные до отчаяния аквилонцы то тут, то там поднимали беспорядочные восстания, которые подавлялись со зверской жестокостью. Валерий грабил, насиловал и разрушал так упоенно, что даже Амальрик возмущался и предостерегал его, мол, еще немного — и обнищавшая страна уже не сможет отстроиться. Откуда мог он знать — именно таков и был замысел Валерия!

В Немедии и Аквилонии вовсю шептались о вероятном безумии короля, а в Немедии — еще и о Ксальтотуне, человеке с покрытым лицом. Немногие видели его на улицах Бельверуса. Поговаривали, будто все больше времени он проводит в горах, среди одичавших наследников древней расы — немногословных, смуглолицых, чьи предки когда-то владели обширным королевством. Ходили слухи, будто среди спящих холмов ночами бьют барабаны, горят во тьме костры, а ветер разносит странные песнопения и заклинания, утратившие смысл столетия назад, но упрямо повторяемые у очагов горных деревень, чьи обитатели столь разительно отличались от жителей долин. Смысла этих ночных бдений не ведал никто — ну, может, разве Ораст, нередко сопровождавший пифонца. И было замечено, что на лицо Ораста все чаще набегала тень беспокойства.

Но с расцветом весны гибнущее королевство обежал новый слух, буквально возродивший его к жизни. Ни дать ни взять шепчущий ветер налетел с юга, пробуждая отчаявшийся, ко всему безразличный народ. Впрочем, где именно зародились эти слухи, никто так и не понял. Кто-то рассказывал соседям о странной нелюдимой старухе, спустившейся с гор: дескать, ветер развевал ее седые волосы, а рядом, подобно послушному псу, бежал громадный серый волк. Кто-то прослышал о жрецах Асуры, возникавших, как неуловимые призраки, там и сям, от Гандерланда до пуантенских границ, от Тарантии до боссонских лесных деревень...

Как бы то ни было, слух расползался, а с ним ширилось и восстание, пожаром охватившее приграничья. Восставшие штурмовали окраинные крепости немедийцев, вырезали отряды сборщиков дани. Весь запад страны вышел из повиновения столице, и это восстание было не чета прежним: уже не отчаяние чувствовалось в нем, а свирепая решимость и вдохновенный гнев освобождения. Поднимались не только простолюдины, бароны укрепляли свои замки, заявляя о неподчинении управителям провинций. А по ту сторону гра-

ницы маячили отряды боссонских стрелков — решительных кряжистых воинов в чешуйчатых панцирях и стальных шлемах, с длинными луками. Отчаявшаяся, отупевшая, загнанная страна совершенно неожиданно для завоевателей наливалась грозными и яростными токами жизни. Амальрик со всей поспешностью сообщил об этом Тараску, и тот явился с армией.

Двое королей и Амальрик вели речь о восстании, сидя в тарантийском дворце. Они не посылали за Ксальтотуном, с головою ушедшим в какие-то тайные приготовления в немедийских горах. Со дня кровавой битвы при Валкие они ни разу не обращались к нему за магической помощью, и он жил своей жизнью, мало общаясь с ними и не проявляя к их замыслам видимого интереса.

Не посылали и за Орастом; жрец пришел сам — бледный, точно морская пена, гонимая штормом. Когда он вступил в золоченые покои, где держали совет короли, всем бросился в глаза его измученный вид и полный ужаса взгляд. Никто из них еще не видел в глазах Ораста подобного страха.

— Ты выглядишь усталым, Ораст,— сказал Амальрик.— Присядь на диван, а я пошлю раба за вином. Поездка утомила тебя...

Но Ораст вскинул руку:

— Я насмерть загнал трех коней, торопясь сюда из Бельверуса. Я не смею ни отдыхать, ни наслаждаться вином, пока не скажу того, что должен произнести.

Он заходил по комнате, словно сжигаемый неким внутренним огнем, не дававшим ему стоять неподвижно. Потом обратился к недоумевающим слушателям.

— Когда мы использовали Сердце Аримана, чтобы вернуть жизнь в мертвое тело,— начал он без обиняков,— задумывались ли мы о последствиях, которые повлечет наша возня в черной пыли прошлого? Моя в том вина, мой грех. Мы лелеяли собственные честолюбивые планы и думать не

думали, какие замыслы может взлелеять воскрешенный нами чародей. Так вот, мы выпустили в наш мир демона, исчадие преисподней, недоступное человеческому рассудку. Сам я погряз во зле глубже некуда, но есть предел, которого не переступит ни один человек нашего времени. Мои предки были чистыми людьми, не запятнавшими себя служением демонам; в бездну зла погрузился лишь я один, но и я способен грешить лишь в пределах, мне отмеренных. А за Ксальтотуном стоят тысячи веков черной магии и демонских культов, вся сила древней религии зла! Он вне нашего разумения не только потому, что сам он волшебник, он — наследник целой расы чернокнижников! Путешествуя с ним, я видел многое, перевернувшее мою душу. Я видел, как в сердце спящих гор Ксальтотун беседовал с душами мертвых и вызывал древних демонов забытого Ахерона. Я видел, как проклятые последыши проклятой империи поклонялись ему и провозглашали его своим верховным жрецом. И я понял, что у него на уме. Слушайте же: он задумал ни больше ни меньше, как возродить древнее, черное, жуткое королевство — Ахерон!

— О чем ты? — изумился Амальрик.— Ахерон давно превратился в прах, а последышей, как ты их назвал, отнюдь не достаточно для возрождения империи. Даже Ксальтотуну не под силу пробудить прах, которому три тысячи лет!

— Плохо же ты знаком с его черным могуществом,— мрачно ответствовал Ораст.— Я видел, как самые горы меняли свои очертания и под звуки его заклинаний становились такими, какими были когда-то. Я видел, как сквозь реальность проступают тени долин, лесов, озер и горных хребтов, явившиеся из прошлого. Мне показалось, я даже заметил, как поднимались в закатном тумане пурпурные башни позабытого Пифона... И вот в нашей последней поездке, когда загремели барабаны, а звероподобные почитатели Ксальтотуна завыли, катаясь в пыли, до меня дошел наконец смысл его колдовства. Говорю вам еще раз: он воз-

родит Ахерон, подкрепив свою магию кровью гигантских жертвоприношений, подобных которым еще не было под луной. Поработив мир, он потоками крови смоет с лица земли настоящее и возродит прошлое!

— Ты сошел с ума! — вырвалось у Тараска.

— *Сошел с ума?* — Измученный взгляд Ораста обратился на короля.— Да может ли сохранить рассудок увидевший то, что довелось увидеть мне? Нет, я сказал вам правду. Он задумал вернуть Ахерон — с его башнями, городами и королями, со всеми его ужасами. Потомки ахеронцев послужат ему фундаментом... но известью и камнем для строительства станет кровь и плоть ныне живущих. Каким образом — я вам сказать не могу. Но я видел! Видел своими глазами! Ахерон вновь станет Ахероном, и даже леса, реки и горы примут тот же облик, какой имели в древности. Почему бы и нет? Уж если даже я, с моими ничтожными познаниями, сумел оживить человека, пролежавшего мертвым тридцать веков,— с какой бы стати величайшему волшебнику мира не воскресить королевство, рухнувшее когда-то? Придет час — и восстанет Ахерон из праха по его слову!

— Можем ли мы помешать ему? — спросил потрясенный Тараск.

— Есть лишь один путь,— ответил Ораст.— Нужно похитить у него Сердце Аримана.

— Но я...— помимо собственной воли начал Тараск и торопливо прикусил язык.

Этого никто не заметил, и Ораст продолжал:

— Сердце Аримана — сила, которая может быть использована против него. Дайте его мне в руки — и я, пожалуй, решусь противостоять Ксальтотуну. Но как похитить его? Чародей прячет Сердце в каком-то тайнике, до которого навряд ли сумеют добраться даже заморийские воры. Я бессилен его отыскать. Если бы только он вновь заснул сном черного лотоса... но в последний раз такое было после битвы при Валкие, когда ворожба отняла у него много сил, и...

Дверь, закрытая на все замки и запоры, беззвучно растворилась. На пороге стоял Ксальтотун. С обычным своим безмятежным спокойствием поглаживал он роскошную бороду, но глаза горели адским огнем.

— Слишком многому я тебя научил,— сказал он ровным голосом.

Его палец, точно перст судьбы, указывал на Ораста. И прежде чем кто-либо успел шевельнуться, он бросил на пол к ногам замершего, как статуя, жреца горсточку пыли. Она вспыхнула и затлела, выпустив струйку синеватого дыма, который обвил Ораста тонкой спиралью. Поднявшись выше плеч, дым с внезапностью кусающей змеи обвился вокруг его горла. Вопль Ораста сменился бульканьем и затих. Он вскинул руки к шее... но глаза уже вылезли из орбит, язык вывалился изо рта. Дым душил его, как веревочная петля; потом он рассеялся и исчез, а Ораст мертвым рухнул на пол.

Ксальтотун хлопнул в ладоши. Вошли двое, которых часто видели с ним,— низкорослые, с красными косыми глазами и острыми крысиными зубами, с кожей отталкивающего темного цвета. Не произнося ни слова, они подняли и вынесли тело.

Движением руки покончив со всем происшедшим, Ксальтотун уселся за стол из слоновой кости, вокруг которого сидели побледневшие короли.

— Почему вы собрались? — спросил он.

— Аквилонцы восстали на западе,— ответил Амальрик, первым пришедший в себя от страшного потрясения, вызванного гибелью Ораста.— Эти глупцы верят, будто Конан остался в живых и возвращается во главе пуантенского войска освобождать королевство. Если бы он появился сразу после разгрома при Валкие, если бы тогда прошел слух о том, что он жив, центральные провинции не решились бы подняться, столь велик был их страх перед волшебной силой, которая тебе повинуется. Но бездарное правление Валерия довело их до такого состояния, что люди готовы пойти про-

тив нас за кем угодно, лишь бы скорая смерть избавила их от мучений и нищеты. Разумеется, слух о том, будто Конан при Валкие не погиб, все время гулял по стране, но народ как следует поверил только сейчас. Из Офира вернулся изгнанник Паллантид, он клянется, что в тот день король лежал в своем шатре, сраженный болезнью, а в его доспехах сражался простой воин. Россказням Паллантида вторит мальчишка-оруженосец, едва оправившийся от удара булавы, которым его наградили при Валкие. Еще по стране бродит какая-то бабка с ручным волком и тоже болтает, будто король Конан жив и скоро придет за своей короной. А с некоторых пор и проклятые жрецы Асуры поют эту же песню. Они возвещают, что некоторым таинственным образом якобы получили «слово» о возвращении Конана. Покамест мне не удается поймать ни жрецов, ни старуху, но все это, без сомнения, козни Троцеро. Шпионы доносят — пуантенцы явно собираются вторгнуться в Аквилонию. И я думаю, Троцеро, скорее всего, потащит с собой какого-нибудь парня, объявляя его королем Конаном...

Тараск засмеялся, но смех его прозвучал неуверенно. Он тайком пощупал шрам под одеждой и вспомнил карканье воронов, помогавших выследить беглеца. Вспомнил он и труп Аридея, своего оруженосца, которого нашли в пограничных горах чудовищно изувеченным волчьими клыками,— так, по крайней мере, утверждали напуганные воины. Еще он вспомнил об алом камне, вынутом из золотого ларца, пока спал чародей... но об этом не стоило упоминать.

А Валерий вспомнил умирающего вельможу и жуткий рассказ, вырвавшийся у него вместе с последними вздохами. И четверых кхитайцев, отбывших на юг, да так и не возвратившихся. И тоже придержал язык, ибо ненависть к союзникам глодала его подобно червю, заставляя мечтать лишь о том, чтобы и восставшие, и немедийцы поскорее отправились на тот свет, вцепившись в глотки друг другу.

Но вот Амальрик воскликнул:

— Какая чушь — верить, будто Конан жив!

Вместо ответа Ксальтотун бросил на стол свиток пергамента. Амальрик взял его и развернул, и яростный крик сорвался с его уст. На пергаменте было написано: «Ксальтотуну, главному фокуснику Немедии. Ахеронская тварь! Я возвращаюсь в свое королевство и собираюсь развесить твою шкуру на кусте ежевики. Конан».

— Подделка! — выкрикнул Амальрик.

— Письмо подлинное.— Ксальтотун покачал головой.— Я сравнивал его с подписями на государственных документах, хранящихся в библиотеке дворца. Эти каракули невозможно подделать.

— Значит,— пробормотал Амальрик,— если он и впрямь жив, нынешнее восстание будет совсем не таким, как прежние. Конан — единственный, кому под силу как следует сплотить аквилонцев. Но,— возразил он сам себе,— на Конана это мало похоже. С какой бы стати ему выдавать себя подобным хвастовством? Я бы скорее предположил, что он ударит внезапно и без предупреждения, как чаще всего и делают варвары.

— Мы и так предупреждены,— заметил Ксальтотун.— Ты сам говорил о шпионах и о том, что Пуантен готовит войну. Он все равно не сумел бы пересечь горы незамеченным. Вот он и посылает мне вызов, причем в свойственной ему манере.

— Почему же тебе? — спросил Валерий.— А не мне или Тараску?

Ксальтотун обратил к королю непроницаемый лик.

— Потому,— сказал он, помолчав,— что Конан умнее вас и понял то, чего вы, короли, никак не возьмете в толк. А именно: не ты, Тараск, не ты, Валерий, и даже не ты, Амальрик, суть повелители западных народов. Их хозяин — я, Ксальтотун!

Никто не произнес ни слова; все трое молча смотрели на чародея.

— Мне пристала одна дорога — имперская,— продолжал меж тем Ксальтотун.— Но для начала надо раздавить Конана. Я не знаю, каким образом он спасся от меня в Бельверусе; мне не дано знать, что происходит, пока я сплю сном черного лотоса. Но, так или иначе, он на юге, и он готовит удар. Это его отчаянный, последний удар, ставший возможным лишь благодаря ярости народа, натерпевшегося от Валерия. Пусть поднимаются: все их судьбы лежат у меня на ладони. Мы подождем, пока он двинется нам навстречу, и тогда сокрушим его — раз и навсегда! После чего сомнем Пуантен, Гандерланд и глупых боссонцев. Затем придет черед Офира, Аргоса, Зингары, Кофа — все народы мира сплавим мы вместе, выковав мою империю! Вы станете моими сатрапами и тем обретете большее величие, чем ныне, когда вас зовут королями. Я непобедим — ибо Сердце Аримана спрятано так, что ни один человек более не сумеет использовать его против меня!

Тут Тараск поспешно отвел глаза, дабы Ксальтотун, чего доброго, не прочитал его мыслей. Значит, волшебник не заглядывал в золотой ларец, на крышке которого спали змеи, казавшиеся живыми,— не заглядывал с тех самых пор, как положил туда Сердце Аримана! Как ни удивительно, Ксальтотун по сей день не подозревал о похищении Сердца. Видимо, странный камень оказался превыше его черного знания и не подчинялся ему; во всяком случае, сверхъестественные таланты мага не подсказали ему, что ларчик пуст. К тому же Тараску не верилось, чтобы Ксальтотун полностью представлял себе весь смысл откровений Ораста: то-то пифонец говорил не о возрождении Ахерона, а лишь о создании новой земной империи. И Тараск пришел к выводу — Ксальтотун еще не до конца уверен в собственных силах. Им троим необходима его помощь, но и он в них нуждался не меньше.

В конце концов, магия тоже до некоторой степени зависела от ударов мечей и рыцарских копий. Король перехватил взгляд Амальрика, брошенный исподтишка, и уловил его смысл. Пусть маг применит свое искусство, помогая им избавиться от опаснейшего врага. Позже они еще выберут время и ополчатся против него. И уж как-нибудь да превозмогут темную силу, которую сами же пробудили.

21

БАРАБАНЫ В ТУМАНЕ

Война началась, когда пуантенская армия в десять тысяч человек под развернутыми знаменами, точно стальная река, стекла с южных перевалов на аквилонские равнины. Шпионы божились, будто во главе войска ехал гигант в черных доспехах, с королевским львом Аквилонии, вышитым золотой нитью на груди его шелковой накидки. Итак, Конан был жив! Король возвращался! Теперь никто уже в этом не сомневался, ни друзья, ни враги. Одновременно с южным нашествием пришли недобрые вести и с севера. Всадники, примчавшиеся на запаленных конях, сообщили: из Гандерланда в Аквилонию тоже двигалось войско, причем бароны северо-запада и северные боссонцы спешили присоединиться к нему.

Тараск немедленно выступил с армией в тридцать одну тысячу воинов к городу Галпарану, стоявшему на реке Ширке: если гандеры направлялись к городам, еще удерживаемым немедийцами, они должны переправиться именно здесь. Ширка была быстрой и бурной рекой, мчавшейся на юго-запад сквозь сплошные теснины и труднопроходимые каньоны. Нелегко будет переправить целую армию через поток, вздувшийся от весеннего половодья. И поскольку вся страна восточнее Ширки была еще в руках немедийцев, логичным выглядело предположение, что гандеры попробуют пере-

правиться либо у Галпарана, либо у Танасула, лежавшего южнее. Со дня на день ждали подкреплений из Немедии, но вместо подкреплений пришла весть: южным границам страны угрожает Офир и выслать дополнительные войска — значит оголить Немедию и спровоцировать вторжение с юга.

Амальрик и Валерий вышли из Тарантии с двадцатипятитысячной армией, оставив в городе большой гарнизон для предотвращения возможных волнений. Им было необходимо встретить и разгромить Конана прежде, чем он успеет соединиться с мятежными аквилонцами. Однако король и его пуантенцы, спустившись с гор, внезапно исчезли неизвестно куда. Они не ввязывались в сражения, не осаждали крепостей и городов. Оставалось только предполагать, что они повернули на запад, в дикие, малонаселенные холмы, и ушли в Боссонские топи, обрастая по пути добровольцами. Амальрик и Валерий с их войском, состоявшим из немедийцев, аквилонских изменников и свирепых наемников, в раздражении и гневе рыскали по стране, ища врага, но враг не спешил появляться.

Амальрику приходилось довольствоваться лишь смутными слухами о передвижениях армии Конана. Отряды разведчиков таинственным образом исчезали, едва выехав из лагеря. Соглядатаев нередко находили распятыми на дубах. Страна била захватчиков по-крестьянски: жестоко, скрытно — и насмерть. Удалось достоверно выведать одно — севернее его войска, за Ширкой, двигался большой отряд гандеров и северных боссонцев, а Конан с пуантенцами и южными боссонцами находился где-то на юго-западе. Но вот где?

Амальрик беспокоился: если они с Валерием еще больше углубятся в здешние дебри, Конан может вовсе обойти их и проникнуть в центральные провинции у них за спиной. Амальрик отступил от Ширки и встал лагерем на равнине, в одном дне езды от Галпарана, опасаясь, что Конан замани-

васт его на юг, желая пропустить гандеров в королевство через северный брод...

Ксальтотун прибыл в лагерь Амальрика на своей колеснице, запряженной странными, не знающими устали скакунами. И вошел в шатер, застав барона с Валерием над картой, разложенной на походном столике из слоновой кости.

Карту Ксальтотун скомкал и отшвырнул прочь.

— Сведения, которых никак не могут добыть ваши соглядатаи, приносят мне мои,— сказал он.— Хотя, по правде сказать, их сообщения странно расплывчаты и неполны, как если бы против меня действовали незримые, но весьма могучие силы... Так вот, Конан движется вдоль реки Ширки с десятью тысячами пуантенцев, тремя тысячами южных боссонцев и баронскими дружинами юга и запада, общим числом около шести тысяч. Им навстречу с севера идет тридцатитысячное войско гандеров и северных боссонцев. Они обмениваются тайными посланиями с помощью проклятых жрецов Асуры, которые посмели противопоставить себя мне — мне! — и которых, клянусь Сетом, я скормлю змеям после сражения! Оба войска направляются к бродам у Танасула, но не думаю, чтобы гандеры стали переправляться; скорее уж Конан перейдет на тот берег и присоединится к ним.

— А зачем ему переправляться? — спросил Амальрик.

— Ему выгодно оттягивать битву. Чем дольше он прождет, тем больше сил к нему соберется, наше же положение только будет становиться опасней. Холмы за рекой так и кишат людьми, готовыми голову за него положить, — всеми, кого изгнала из родных мест жестокость Валерия. Со всей страны, поодиночке и группами, к Конану сбегаются люди. А у нас что ни день гибнут отряды, угодившие в крестьянские засады! В центральных провинциях неспокойно, того и гляди открыто восстанут. Одними гарнизонами там не обойтись, а немедийских подкреплений пока ждать не приходится. Касаемо возни на офирской границе, я усматриваю здесь

руку Паллантида — у него в Офире родня. Одним словом, если мы не перехватим и не раздавим Конана в самое ближайшее время, у нас за спиной вспыхнет бунт. Придется отступать в Тарантию, чтобы хоть удержать однажды захваченное, и при этом прорываться с боями. А Конан подоспеет следом и заставит нас отсиживаться в городе, где тоже хватает врагов... Нет, медлить нам нельзя. Надо уничтожить Конана, прежде чем его армия как следует разрастется, прежде чем восстанут центральные провинции. Как только люди увидят над воротами Тарантии его голову, сам собой утихнет и мятеж.

— Но коли так, почему бы тебе не околдовать его армию и не уложить всех одним заклинанием? — не без насмешки осведомился Валерий.

Ксальтотун воззрился на аквилонца так, словно провидел не только насмешку, но и безумие, тлевшее в капризном взгляде правителя.

— Тебе не о чем беспокоиться,— сказал он, помолчав.— Мое искусство в итоге сокрушит Конана, точно ящерицу под каблуком. Но даже колдовству должны помочь копье и меч!

— Если он перейдет реку и встанет в Горалийских холмах, его не так-то просто будет выковырять оттуда,— заметил Амальрик.— Но если мы перехватим его по эту сторону, в долине, то сотрем его в порошок. Далеко ли Конан от Танасула?

— Если он будет двигаться с той же скоростью, что и теперь, то достигнет бродов завтра к вечеру. Его люди выносливы, и гонит он их без остановки. Он прибудет туда, опередив гандеров самое большее на день.

— Отлично! — Амальрик решительно грохнул по столу кулаком.— Я доберусь до Танасула прежде него. Надо скорее отправить к Тараску гонца, пусть выступает немедля туда же! К тому времени, когда он подоспеет, я отрежу Конана от переправы и разобью его наголову. А потом вместе с Тараском мы перейдем на ту сторону и расправимся с гандерами...

Но Ксальтотун только покачал головой:

— Это был бы неплохой план, если бы перед тобой стоял не Конан. Однако твоих двадцати пяти тысяч воинов отнюдь не достаточно, чтобы покончить с его девятнадцатью до подхода гандеров. Они будут сражаться, как раненые пантеры! А если в разгар битвы подоспеют еще и гандеры? Ты окажешься между двух огней и будешь уничтожен к приходу Тараска. Как бы он ни спешил, выручить тебя он не успеет.

— Ну так что же нам делать, по-твоему? — хмуро спросил Амальрик.

— Нужно идти на Конана объединенными силами,— ответствовал ахеронец.— Пошли всадника к Тараску, пусть двигается сюда. Дождемся его, потом вместе выступим на Танасул.

— Но пока мы будем ждать, Конан уйдет за реку и соединится с гандерами! — возразил Амальрик.

— Конан не сможет перейти реку,— заверил его Ксальтотун.

Вскинув голову, Амальрик прямо взглянул в бездонные глаза мага:

— К чему ты клонишь?

— Предположим, далеко на севере, в верховьях Ширки, разразятся проливные дожди, а значит, река у Танасула вспухнет, переправа будет невозможной. Тогда мы сможем без лишней спешки собрать войска, прижать Конана к берегу и раздавить, как жука. А потом, когда полая вода схлынет,— я полагаю, это произойдет уже на другой день,— мы перейдем реку, чтобы прикончить и гандеров. Таким образом, дважды наша полная сила будет использована против меньших отрядов.

Валерий расхохотался, как всегда, когда недалека была чья-нибудь гибель — все равно, друга или врага,— и беспокойно, резким движением пригладил непослушные желтые

кудри. Амальрик взирал на ахеронца со смесью ужаса и восхищения.

— Если мы загоним Конана в долину Ширки, чтобы по правую руку у него были отроги холмов, а слева — бешеная река, наши с Тараском армии вправду оставят от него мокрое место,— проговорил он.— Значит, ты думаешь... ты уверен, что возможны такие дожди?

— Я пойду в свой шатер,— вставая, сказал Ксальтотун.— Некромантия не совершается одним взмахом жезла. Отправьте к Тараску гонца. И чтобы никто не смел приближаться к моему шатру!

Без последнего приказа вполне можно было обойтись. Ни один воин во всем войске ни за какие деньги не подошел бы к таинственному шатру из черного шелка, входные занавеси которого были всегда плотно задернуты. Туда никогда не входил никто, кроме самого Ксальтотуна; тем не менее из шатра часто слышались загадочные голоса, полотнища стен трепетали при полном безветрии, раздавалась жутковатая музыка. А иногда, в глухой полуночный час, черный шелк подсвечивало изнутри багровое пламя, а по стенам начинали метаться бесформенные тени...

В ту ночь, лежа в своей палатке, Амальрик слышал бормотание барабана, доносившееся из шатра Ксальтотуна. Барабан гремел и гремел во тьме, и немедиец мог бы поклясться — время от времени ему вторил низкий каркающий голос. Амальрик содрогался, ибо знал, что голос принадлежал не Ксальтотуну. Словно дальний гром, звучал барабан, и Амальрик, выглянув из палатки под утро, заметил у северного горизонта багровые сполохи молний; в иных сторонах света и над головой по-прежнему горели большие белые звезды. Сполохи мелькали почти беспрерывно, словно блики огня на блестящем клинке...

На другой день, на закате, явился с войском Тараск — пропыленный, измотанный дальним переходом; пешие воины на несколько часов отстали от конных. Тараск встал лагерем

возле Амальрика, и уже на рассвете объединенная армия двинулась к западу.

Амальрик выслал вперед множество разведчиков и с нетерпением ждал вестей о пуантенцах, беспомощно топчущихся на берегу взбесившейся Ширки. Но вот наконец вернулись разведчики и сообщили, что Конан перешел реку!

— Как? — Амальрик не верил своим ушам.— Значит, он управился до наводнения?

— Никакого наводнения не было,— отвечали сбитые с толку соглядатаи.— Вчера поздно вечером он подошел к Танасулу и перебрался на ту сторону без всяких помех.

— Как — не было наводнения? — воскликнул ошеломленный Ксальтотун.— Невозможно! В верховьях Ширки и позавчера, и вчера бушевал ливень!

— Может, и так, о повелитель,— ответствовал разведчик.— Вода в реке и впрямь мутная, и жители Танасула говорят, что вчера она поднималась примерно на фут. Но для того, чтобы остановить Конана, этого, видать, не хватило.

Волшебство Ксальтотуна не сработало! Эта мысль, точно молот, стучала в висках у Амальрика. С той ночи в Бельверусе, когда он увидел своими глазами, как бурая засохшая мумия наливается плотью и становится человеком, его страх перед этим созданием все возрастал. Гибель Ораста лишь подтвердила худшие опасения немедийца. В глубине души его зрело жуткое убеждение: этот волшебник — или демон — непобедим. А теперь перед ним зримое свидетельство неудачи!

Но может быть, думал барон Торский, нынешняя неудача случайна? Даже величайший из магов время от времени допускает ошибки... Как бы то ни было, еще не время становиться поперек пути ахеронцу. Ораст вон попробовал — и угодил один Митра знает в какой круг преисподней. Амальрик понимал: его меч навряд ли вырвет победу там, где оказалась бесполезна черная сила бывшего жреца.

В конце концов, ужасы и непотребства, задуманные Ксальтотуном, дело отдаленного и еще неясного будущего. Зато Конан с его войском близкая и вполне реальная угрозой. Почему бы не использовать против него магию Ксальтотуна? А там поглядим!

Они прибыли в Танасул – небольшое укрепленное поселение, близ которого естественная россыпь скал составляла как бы природную дамбу через реку, непроходимую разве что во время сильнейшего паводка. Разведчики, снова высланные вперед, сообщили: Конан занял позицию в Горалийских холмах, отстоявших от реки примерно на милю. А к исходу дня в его лагерь прибыли гандеры.

Стояла ночь. Амальрик поглядывал на Ксальтотуна: в ярком свете факелов таинственный маг казался существом из другого мира.

— Что же нам делать теперь? — спросил барон.— Твоя магия не сработала, Конан стоит перед нами с войском, почти равным нашему, да еще и занял выгодную позицию. Нужно выбрать меньшее из двух зол: либо встать здесь и ждать, когда он нападет, либо отходить к Тарантии и ждать подкреплений!

— Промедление для нас — гибель,— отвечал Ксальтотун.— Переходите реку и разбивайте лагерь у берега. Мы нанесем удар на рассвете.

— Но у него настолько выгодная позиция...— начал Амальрик.

— Глупец! — Ксальтотун впервые сбросил маску извечного спокойствия.— Уже позабыл произошедшее при Валкие? Ты усомнился в моем могуществе из-за того лишь, что некий слепой природный закон помешал наводнению? Я желал, чтобы с врагом покончили ваши копья, но страшиться тебе нечего: мое искусство сокрушит его войско. Конан в ловушке. Он не увидит завтрашнего заката. Переходите реку!

Переправлялись при факельном свете. Кони цокали копытами по мокрым камням и с плеском одолевали мелководье. *Пламя факелов отражалось в нагрудниках и щитах*, бросая на черную воду зловещие кровавые блики. Скальная перемычка была довольно широкой, и тем не менее войско расположилось на отдых лишь после полуночи. *Издалека*, с возвышенностей, светил огоньками неприятельский лагерь. Конан собирался дать решительный бой в Горалийских холмах; не одному аквилонскому государю послужили они последним оплотом...

Покинув палатку, Амальрик беспокойно прохаживался по лагерю. Он видел загадочный свет, исходивший из шатра Ксальтотуна. Вновь раздавалось глухое бормотание барабана — на сей раз скорее шорох, чем гром — и вопли демонов, время от времени прорезавшие сдержанный гул.

Ночь и волнение обострили инстинкты Амальрика; он чувствовал: Ксальтотуну противостояло нечто большее, нежели физическая мощь вражеских войск. И сомнения в могуществе колдуна вновь одолели барона. Он обвел взглядом огни, горевшие по высотам, и угрюмые морщины легли на лицо. Он сам и его армия находились посреди враждебной страны. А там, в холмах, засели те, в чьих душах и сердцах давно выгорели все чувства, кроме беспощадной ненависти к захватчикам и безумной жажды отмщения. Поражение будет означать для немедийцев погибель, ибо отступление через враждебную, кровожадно настроенную страну ничем иным обернуться не может. С рассветом Амальрику предстояло бросить свою армию против величайшего воина западных стран и его войска, утратившего страх смерти. И если Ксальтотун со своими чарами опять их подведет...

В это время из глубоких потемок возникло с полдюжины воинов. Отсветы огня плясали по их нагрудникам и навершиям шлемов. Воины не то вели, не то волокли изможденного человека в драных лохмотьях.

— Государь,— отсалютовав барону, заговорили воины.— Этот человек сам вышел к лагерю. Он говорит, ему позарез надо сказать что-то важное королю Валерию. Он аквилонец.

Правду сказать, походил он больше на волка — на волка, оставившего лапу в капкане. На лодыжках и запястьях виднелись застарелые язвы, причинить которые могли только кандалы. Клеймо, нанесенное каленым железом, уродовало лицо. Он упал на колени перед бароном, и тот видел только глаза, горевшие из-под спутанных грязных волос.

— Кто ты, смердящий пес? — спросил немедиец.

— Зови меня Тиберием,— ответил тот и судорожно лязгнул зубами.— Я пришел рассказать тебе, как подстроить Конану ловушку...

— Своих предаешь? — зарычал барон.

— Я слыхал, у тебя много золота,— вздрагивая, просипел человек.— Поделись со мной! Дай мне золота, а я покажу, как победить короля!

Его глаза горели безумием, руки, простертые ладонями вверх, больше походили на когтистые лапы...

Амальрик с отвращением передернул плечами. Впрочем, он никогда не гнушался и самыми низменными средствами — лишь бы они вели к победе.

— Если ты говоришь правду, тебе дадут золота больше, чем ты в состоянии унести,— сказал он.— Если же выяснится, что ты лжец и шпион, тебя распнут вниз головой. Ведите его за мной!

Явившись к Валерию, барон указал ему на перебежчика, который скорчился перед ним на земле, зябко кутаясь в рванье.

— Он уверяет, будто может помочь нам в завтрашней битве. И эта помощь будет не лишней, особенно если у Ксальтотуна опять что-нибудь не заладится. Говори, пес!

По телу оборванца прошла судорога, слова хлынули невнятным потоком:

— Конан разбил лагерь в верхней части Львиной долины... Она имеет форму веера: с обеих сторон крутые холмы. Если вы ударите завтра, вам придется атаковать прямо в лоб — холмы по сторонам неприступны. Но если король Валерий снизойдет до моих услуг, я проведу его тайной тропой меж холмов и покажу, как выйти королю Конану в тыл. Но для этого нужно выехать немедленно. Путь займет много часов... Придется долго ехать на запад, потом на север, потом повернуть на восток, но зато мы войдем в Львиную долину с тыла — так же, как прошли туда гандеры...

Амальрик в немалом сомнении мял рукой подбородок. В нынешние времена не так уж редки стали люди, готовые душу продать за горстку монет.

— Если заведешь меня куда-нибудь, будешь убит,— сказал Валерий.— Надеюсь, тебе это известно?

Оборванца опять затрясло, но горящий взгляд не дрогнул.

— Если я обману, убей меня!

— Конан не решится разделить свое войско,— вслух размышлял между тем Амальрик.— Ему понадобятся все силы на отражение нашей атаки. Не думаю, чтобы в горах ждали заставы. С другой стороны, этот малый знает — в случае чего ему несдобровать. А чтобы такое ничтожество пожертвовало собой... нет, немыслимо. Я думаю, он не обманывает, Валерий.

— Обманывает, и еще как: хочет продать своего освободителя,— засмеялся Валерий.— Что ж, хорошо. Посмотрим, куда приведет меня этот пес. Сколько воинов ты мне дашь?

— Пожалуй, пяти тысяч будет достаточно,— ответил Амальрик.— Неожиданная атака с тыла смешает их ряды. Я буду ждать твоего появления около полудня!

— Я думаю, ты сразу заметишь, когда я появлюсь,— сказал Валерий.

Вернувшись к себе, Амальрик с удовлетворением убедился, что Ксальтотун еще пребывал в своем шатре — судя по

нечеловеческим воплям, от которых то и дело вздрагивала ночь. Потом до слуха барона донесся лязг стальных доспехов и звяканье сбруи. Амальрик с мрачным удовлетворением улыбнулся во тьме. Валерий, пожалуй, ему больше не нужен. Конан, как раненый лев, даже в агонии будет рвать и крушить. Будем надеяться, когда Валерий ударит Конану в спину, киммериец успеет уложить его прежде, чем будет убит сам. Пускай Валерий вымостит своими костями немедийцам путь к победе, после этого можно будет обойтись и без него.

Пять тысяч всадников, отряженные с Валерием, большей частью были отпетыми аквилонскими перебежчиками. В бледном сиянии звезд выехали они из спящего лагеря, следуя западному изгибу гряды высоких холмов, чьи гигантские тени чернели на небосводе. Валерий скакал первым, а рядом с ним ехал Тиберий. Ременная петля охватывала пояс предателя; другой конец ремня крепко держал воин, ехавший по другую сторону. Остальные всадники прижимались друг к другу, держа мечи наголо.

— Попробуешь обмануть — умрешь немедля,— еще раз предупредил Валерий.— Я не знаю этих холмов до последней тропинки, но в каком направлении ехать, чтобы выйти сзади к Львиной долине, уж как-нибудь разберусь. Имей в виду!

Тиберий втянул голову в плечи и, клацая зубами, принялся многословно убеждать короля в своей искренней верности. При этом он с самым дурацким видом поглядывал на знамя, реявшее над головой. На знамени была вышита золотая змея — эмблема прежней династии.

Обойдя отроги холмов, прикрывавших Львиную долину, отряд направился к западу. Еще через час всадники повернули на север и углубились в труднопроходимую, дикую местность, пробираясь извилистыми, едва различимыми тропами. Рассвет застал их в нескольких милях к северо-запа-

ду от позиции Конана. Здесь проводник повернул на восток и повел отряд сквозь путаницу ущелий. Валерий находил взглядом знакомые вершины и удовлетворенно кивал. Он неплохо представлял себе, куда они едут, и знал, что покамест все правильно.

И вдруг с севера стала наползать волокнистая масса тумана. Она растекалась по долинам, окутывая склоны. Вот скрылось солнце; мир превратился в серое ничто, дальше нескольких ярдов ничего невозможно было разобрать. Теперь отряд двигался чуть не ползком, с трудом нащупывая дорогу. Валерий сыпал проклятиями. Туман скрыл вершины, служившие ему ориентирами. Поневоле приходилось полностью довериться проводнику. Знамя с золотой змеей обвисло в безветренном воздухе...

Валерию показалось, что и Тиберий был в замешательстве: он остановился, неуверенно оглядываясь.

— Заблудился, собака? — резко спросил Валерий.

— Слушай! — ответил тот.

Где-то впереди едва слышно забили барабаны.

— Это барабаны Конана! — воскликнул аквилонец.

— Если мы подошли так близко, что слышны даже барабаны,— сказал Валерий,— то где же шум сражения? Ведь оно наверняка уже началось!

— Эхо в ущельях способно сыграть любую шутку,— стуча зубами, ответил Тиберий.

Его бил жестокий озноб — удел всякого, много времени проведшего в сырости подземных казематов.

— Слушай!

И в самом деле, вскоре донесся глухой рев.

— Бой идет вон там, в долине! — закричал Тиберий.— А барабаны бьют на холмах! Поспешим же!..

С этими словами он поскакал прямо на гул далеких барабанов; замешательства как и не бывало. Валерий поехал следом, проклиная туман. Потом ему пришло в голову, что

туман поможет им приблизиться скрытно. Конан их не заметит. Прежде чем полуденное солнце разгонит туман, они окажутся как раз за спиной киммерийца!

Теперь Валерий не имел уже вовсе никакого понятия о том, что лежало по сторонам: кручи, теснины или зеленые чащи. Барабаны все еще били, звук, приближаясь, делался громче. Валерий утратил всякое чувство направления и даже вздрогнул, когда в густых прядях тумана слева и справа выросли серые скальные стены: стало быть, они проезжали узким ущельем. И хотя проводник держался с полным спокойствием, Валерий облегченно вздохнул, когда стены расступились и исчезли из виду. Если бы их ожидала засада, ее устроили бы в самой теснине.

В это время Тиберий снова остановился. Барабанный бой сделался громче, но Валерий никак не мог решить, откуда слышался звук: слева или справа, спереди или сзади. Сидя на боевом коне, он раздраженно оглядывался. Кругом плавал туман, на доспехах оседали капельки влаги. Позади него длинная вереница закованных в латы всадников уходила во мглу, напоминая шествие призраков.

— Что медлишь, собака? — спросил он проводника.

Тот, казалось, прислушивался к невидимым барабанам. Но вот он медленно выпрямился в седле и повернулся к Валерию. Он улыбался, и страшна была его улыбка.

— Туман редеет, Валерий,— сказал он совсем другим голосом, костлявый палец указывал вверх.— Смотри же!

Барабаны внезапно умолкли. Туман быстро рассеивался. Из серых облаков выступили сначала вершины утесов, и почему-то дрожь брала от их вида. Ниже, ниже стлался туман, рассеиваясь и редея... И Валерий привстал в стременах, испустив крик, на который эхом откликнулись его воины. Впереди не было ничего похожего на широкую, ровную долину, которую они ожидали увидеть. Ущелье кончалось тупиком. Со всех сторон высились отвесные скалы в

сотни футов высотой. Сюда можно попасть лишь узкой теснниной, которую они только что миновали.

— Сволочь! — Стиснув кольчужный кулак, Валерий с размаху ударил Тиберия по зубам.— Что еще за шутки?

Тиберий выплюнул кровь изо рта и засмеялся — жутко и грозно:

— Скоро в мире станет одной мразью меньше... Смотри внимательнее, ты, мразь!

И Валерий вскрикнул опять — не от страха, больше от ярости.

Вход в ущелье перегородили какие-то люди, стоявшие неподвижно и молча. Оборванные, заросшие, страшные люди, сжимавшие в руках копья. Их там были многие сотни. А высоко на скалах уже возникали другие — тысячи других — истощенные, свирепые, меченные огнем, железом и голодом.

— Хитрость Конана! — бешено крикнул Валерий.

— Конан и не знает об этом,— засмеялся Тиберий.— Это заговор тех, кто по твоей милости все потерял и превратился в зверей. Прав был Амальрик: Конан не разделил своего войска. Мы — сброд, следовавший за ним, мы — волки, скрывшиеся в холмах, люди без крова и без надежды. Мы сами все задумали, а жрецы Асуры помогли нам, вызвав туман. Посмотри, посмотри на нас, Валерий! На каждом — твое клеймо, если не на теле, так на душе! Посмотри на меня! Ты не узнаешь меня, верно? Твой палач выжег рубец у меня на лице. А ведь когда-то ты меня знал. Я был владетелем Амилия... я тот, чьих сыновей ты казнил, чью дочь обесчестили и убили твои насмники. Ты по-прежнему уверен, что я не принесу себя в жертву, заманивая тебя в ловушку? Всемогущие боги! Да будь у меня хоть тысяча жизней, я все бы их отдал, только бы сжить тебя со свету! И я это сделал! Смотри, смотри на погубленных тобою людей, на тех, кого ты считал мертвецами... Они все-таки дождались своего часа! Ты сто-

ишь в могиле, Валерий! Попробуй, взберись на скалы! Они круты и высоки! Попробуй, вырвись отсюда — копья остановят тебя, а сверху обрушатся валуны! Я подожду тебя в преисподней, мразь!

Откинув голову, он захохотал, скалы откликнулись эхом. Привстав в седле, Валерий сплеча рубанул его громадным двуручным мечом. Лезвие рассекло плечо и глубоко вошло в грудь. Тиберий осел наземь, захлебываясь кровью, но продолжал смеяться.

Гортанный гром барабанов вновь огласил ущелье. Сотрясая землю, покатились вниз огромные валуны. Крики гибнущих мешались со свистом стрел, тучами полетевших с утесов...

22

ДОРОГА В АХЕРОН

Небо на востоке едва начинало светлеть, когда войско Амальрика вошло в устье Львиной долины. По сторонам ее поднимались невысокие, но очень крутые холмы, дно же, начиная от устья, постепенно повышалось, образуя несколько природных террас неправильной формы. На самой верхней из них и стояла, ожидая врага, армия Конана. И надо сказать, отряд, пришедший к нему из Гандерланда, состоял не из одних только копейщиков. С ними явились еще семь тысяч боссонских стрелков, а кроме того, баронские дружины западных и северных провинций: четыре тысячи конных воинов, пополнивших ряды кавалерии.

Копейщики тесным клином выстроились в дальнем, суженном конце долины. Их было девятнадцать тысяч — большей частью гандеры, лишь около четырех тысяч пришли из других аквилонских провинций. С каждой стороны пеший клин прикрывало по пять тысяч боссонских стрелков. А позади копейщиков, держа наготове длинные пики, неподвижно сидели в седлах конные рыцари: десять тысяч пуантенцев и девять тысяч аквилонцев, не считая баронских дружин.

Позиция, занятая Конаном, была превосходна, обойти его с флангов невозможно: никто не смог бы преодолеть ле-

систые кручи холмов под градом стрел метких боссонцев. Лагерь же располагался непосредственно позади войска, в узкой, сжатой крутыми скальными стенами ложбине — естественном продолжении Львиной долины, лишь чуть выше расположенном. Так что и удара в спину можно не бояться. Он знал, холмы позади него кишат бездомными беглецами, отчаянными людьми, в чьей верности сомневаться не приходилось.

Лишь один недостаток имела позиция аквилонцев: в случае поражения отступать некуда. Львиная долина была не только природной крепостью, но и ловушкой для тех, кто держал в ней оборону: выбраться из нее можно единственным узким ущельем. Только тот отважился бы принять здесь решительный бой, кто намерен или победить, или погибнуть.

Ксальтотун поднялся на холм, стоящий у широкого устья долины, по левую руку. Этот холм господствовал над остальными; назывался он Алтарем Королей, но почему — не помнил уже никто. Помнил лишь Ксальтотун, ведь его память хранила тысячелетия. С ним шли двое приближенных, те самые, красноглазые, волосатые, темнокожие. Они тащили юную аквилонскую девушку, связанную по рукам и ногам. Взойдя на вершину, они положили девушку на древний камень, и в самом деле похожий на жертвенник. Много веков точили его дожди, солнце и ветер, так что ныне живущие видели в нем лишь удивительное творение природы. Но Ксальтотун знал, чем в действительности был этот камень и почему он здесь стоял. Вот удалились слуги, сутулые, точно молчаливые гномы, и Ксальтотун остался один. Он стоял у каменного алтаря, глядя в долину, и утренний ветер развевал его темную бороду.

Отсюда было хорошо видно извилистое русло Ширки и холмы позади Львиной долины. Ксальтотун видел стальной клин, изготовившийся для боя, видел шлемы стрелков, поблескивавшие среди кустов и камней, видел неподвижных рыцарей, молча сидевших на боевых скакунах. Ветер трогал плюмажи на шлемах, пики топорщились, точно иглы ежа.

А с другой стороны стеной надвигались сплоченные ряды немедийцев. За их спинами равнина до самой реки пестрела яркими шатрами предводителей и липкими палатками простых воинов. Точно река расплавленной стали, вливались немедийцы в долину, и алый дракон Немедии плыл по ветру над их головами. Самыми первыми двигались арбалетчики: стрелы лежали на тетивах, пальцы — на спусковых крючках. Следом шли копейщики, а за копейщиками — главная ударная сила армии, конные рыцари. Они ехали под развернутыми знаменами, подняв пики, громадные кони выступали торжественным шагом, как на смотру.

Немедийских рыцарей было тридцать тысяч. По обычаю всех хайборийских народов решить исход битвы предстояло именно им; пешее войско должно лишь расчистить дорогу. Пеших — копейщиков и стрелков — была двадцать одна тысяча.

Арбалетчики принялись стрелять на ходу; стрелы с гудением и визгом уходили с тетивы, но либо падали наземь, не долетев, либо отскакивали от сомкнутых щитов гандерских пехотинцев. Боссонские стрелки не дали немедийцам безнаказанно подойти на убойное расстояние: из-за камней, из кустов ударили длинные стрелы.

Довольно скоро арбалетчики начали пятиться, а затем и отступать в беспорядке. Их самострелы не могли равняться с боссонскими луками, а доспехи были слишком легки. К тому же они сознавали, их всего лишь используют для того, чтобы расчистить рыцарям дорогу; легко догадаться — повышению боевого духа это отнюдь не способствовало.

Смешав ряды, арбалетчики расступились и пропустили вперед пеших копейщиков. Эти были все больше наемники: их хозяева без всяких угрызений совести приносили их в жертву. Они отвлекали внимание от рыцарей, давая тем подойти поближе. Разойдясь по флангам, арбалетчики продолжали стрелять, между тем как копейщики двинулись мерным шагом навстречу вихрю стрел. Позади них ехали рыцари.

Наемники уже готовы были дрогнуть под убийственным градом, летевшим на них с высоты, но тут пропела труба, пешие отряды подались в стороны, и закованные в железо рыцари рванули вперед.

Им пришлось скакать сквозь жалящее облако смерти. Длинные стрелы безошибочно находили каждую щелку лат, каждое отверстие конских доспехов. Едва взобравшись на очередную террасу, иные лошади вставали на дыбы и скатывались вниз, унося с собой седоков. Неподвижные тела в стальных латах усеяли склоны. Рыцарская атака захлебнулась и повернула назад.

Амальрик перестраивал ряды, отступив к устью долины. Тараск с обнаженным мечом дрался под своим флагом, но боем командовал барон Торский. Амальрик бешено ругался, глядя на неподвижный лес пик, хорошо видимый над шлемами гандеров. Он так надеялся, что его отход заставит аквилонских рыцарей броситься за ними вниз по склону и погибнуть под стрелами арбалетчиков, под ударами превосходящих сил конницы. Но — проклятье! — они так и не сдвинулись с места. Слуги сбивались с ног, таская в бурдюках воду из реки, рыцари снимали шлемы и освежали потные головы. Раненые, оставшиеся на склонах, тщетно просили пить. Зато у аквилонского войска были под рукой родники, так что, несмотря на жаркий весенний день, от жажды они не страдали.

Ксальтотун наблюдал за ходом битвы, стоя на вершине Алтаря Королей у резного древнего камня. Вот, опустив пики, снова рванулись вперед рыцари с развевающимися султанами на шлемах. На сей раз они прорвались сквозь свистящее облако стрел и, подобно волне, с громом обрушились на живую стену щитов. Над пернатыми шлемами взлетали и падали топоры, снизу вверх били копья, валя и всадников, и коней. Честь гандеров не уступала рыцарской. Таких воинов не посылают на убой, чтобы господа могли снискать себе славу. Это была лучшая в мире пехота, и давняя традиция

делала ее боевой дух непоколебимым. Короли Аквилонии с незапамятных пор ценили ее по достоинству. Не дрогнули гандеры и теперь. Знамя со львом развевалось над их стальными рядами, а в самой вершине клина вздымал окровавленный топор гигант в вороненых доспехах, с равной легкостью сокрушая и кости, и стальную броню.

Немедийцы были отважными воинами и сражались упорно, как велел им рыцарский долг. Но железный клин сломать так и не удалось, а с лесистых круч, высившихся слева и справа, дождем сыпались стрелы, производя в их тесно скученных рядах страшное опустошение. Арбалетчики здесь ничем помочь не могли, а копейщикам не под силу было одолеть крутизну и добраться до боссонцев. Нехотя отступили упрямые рыцари, и гандеры проводили их торжествующим криком. Защитники долины сомкнули ряды, заступая место павших товарищей. Пот катился из-под стальных шлемов; крепко сжимая копья, гандеры ждали новых атак, и сердца их наполнялись гордостью оттого, что среди них, как простой воин, рубился сам король. Аквилонские рыцари, сидевшие в седлах позади копейщиков, так и не пошевелились. Неподвижные, угрюмые, они молча ожидали своего часа.

Вот рыцарь на взмыленном коне взлетел на вершину Алтаря Королей. С горечью и гневом глянул он на Ксальтотуна.

— Амальрик велел передать: пришло время пускать в ход твою магию, чародей,— сказал он.— Мы мрем, как мухи, в проклятой долине! Мы не можем проломить их ряды!

Ксальтотун, казалось, стал еще выше ростом и шире в плечах, весь облик его дышал жутким величием.

— Возвращайся к Амальрику,— сказал он.— Скажи ему: пусть строит своих людей для атаки, но повременит, пока я не дам сигнала. И прежде чем будет дан сигнал, он увидит такое, чего ему не забыть до смертного ложа!

Рыцарь отсалютовал ему без особой охоты и сломя голову умчался вниз по склону холма.

Ксальтотун стоял возле темного алтарного камня, глядя в долину — на мертвых и раненых, густо усеявших тер-

расы, на угрюмых, окровавленных аквилонцев, на пыльные отряды латников, перестраивавшихся внизу. Потом он возвел глаза к небу и наконец обратил взор на тоненькое девичье тело в белом платье, распростертое на алтаре. Подняв кинжал, сплошь усеянный архаическими письменами, Ксальтотун повел незапамятно древнее заклинание:

— О Сет! Бог тьмы, чешуйчатый повелитель теней! Кровью девственницы и семикратным символом призываю я из черных недр земли твоих сыновей! Дети глубин, спящие под красной и черной землей, пробудитесь и встряхните своими ужасными гривами! Пусть дрогнут холмы, обрушивая на моих врагов лавины камней! Пусть небеса потемнеют над ними, а земля уйдет из-под ног! Пусть ветер, вырвавшийся из глубин, опутает их ноги, выпьет силы, иссушит и...

Он так и замер с занесенным кинжалом в руке. Стало тихо, лишь ветер доносил из долины нестройный гул множества людей. Перед Ксальтотуном, по другую сторону алтаря, стоял человек в черном плаще. Капюшон бросал тень на его бледное, с тонкими чертами, лицо и спокойные, задумчивые глаза.

— Собака асурит! — подобно рассерженной змее, зашипел Ксальтотун.— Безумец, уж не за смертью ли ты явился сюда? Эй, Баал, Хирон, живо ко мне!

— Зови, зови громче, ахеронец! — ответил человек и засмеялся.— Им, должно быть, нелегко расслышать тебя из преисподней!

Тотчас из чащи, окаймлявшей вершину холма, показалась высокая старуха в крестьянской одежде. Ее седые волосы развевал ветер, а по пятам бежал большой волк.

— Жрец, ведьма и волк,— с презрительным смешком пробормотал Ксальтотун.— Глупцы! Что значат ваши жалкие фокусы по сравнению с моей силой! Движением руки смету я вас со своего пути...

— Сила твоя — подхваченная ветром солома, ничтожный пифонец,— отвечал асурит.— Как ты думаешь, почему река

не вспухла потоком и не заперла Конана на том берегу? Я разгадал твой умысел, приметив ночную грозу, и мои заклятия разогнали собранные тобой облака, не дав им пролиться дождем. А ты и не понял, что твоя магия так и не вызвала ливня.

— Лжешь! — закричал Ксальтотун, однако уверенность его была поколеблена.— Я ощущал, против меня действует могущественное колдовство. Но магию дождя может рассеять лишь тот, кому подвластно самое сердце волшбы! Тебе ли это под силу?

— Но ведь наводнения, задуманного тобой, так и не произошло,— проговорил жрец.— Взгляни на своих союзников, пифонец! Ты привел их сюда на погибель! Ловушка захлопнулась, и ты уже не властен помочь. Смотри!

Тонкая рука Хадрата указывала вниз. Из ущелья, из верхней долины за спинами пуантенцев галопом вылетел всадник. Он бешено размахивал над головой чем-то блестящим. Бесстрашно промчался он вниз по склону, между расступившимися гандерами, и те с торжествующим ревом принялись бить копьями в щиты, наполнив громом долину. Выскочив на террасу, разделявшую два войска, взмыленный конь завертелся на месте, взвиваясь на дыбы. Седок кричал не своим голосом, продолжая размахивать рукой, в которой был обрывок алого знамени: солнце играло и переливалось на чешуе золотой змеи, украшавшей полотнище.

— Валерий мертв! — зазвенел голос Хадрата.— Барабаны в тумане привели его к гибели! Я собрал этот туман, ничтожный пифонец, я же и развеял его с помощью своей магии, которая куда сильнее твоей!

— Что мне до Валерия? — возвысил голос Ксальтотун.

На него было страшно смотреть: глаза горели, судорога коверкала черты.

— Мне больше не нужен этот глупец! Я сокрушу Конана и без помощи смертных людишек...

— Почему же ты медлишь? — насмешливо осведомился Хадрат.— Чего ради ты позволил стольким своим сторонникам умереть под стрелами и на копьях?

— Для великого колдовства нужна кровь! — загремел Ксальтотун, и скалы содрогнулись от его голоса. Мертвенное сияние переливалось вокруг его головы.— Ни один волшебник не тратит сил попусту! Я сохранил свою мощь для великих дел будущего, не желая расходовать ее ради какой-то потасовки в холмах! Но теперь, клянусь Сетом, я дам ей полную волю! Смотри же, пес, бессильный жрец давно умершего бога, смотри, и рассудок навсегда оставит тебя!

Но Хадрат откинул голову и рассмеялся, и было в его смехе обещание ада.

— И ты смотри, черный демон Пифона!

Его рука нырнула под плащ и извлекла нечто, затмившее даже яркий солнечный свет. Всю вершину холма объяло пульсирующее золотое сияние, и Ксальтотун вдруг сделался похож на мертвеца.

Он вскрикнул, словно ощутив смертельную рану:

— Сердце! Сердце Аримана!

— Да! — прогремел ответ.— И тебе не превозмочь его силу!

Казалось, Ксальтотун начал стариться и усыхать: бороду и волосы на глазах усыпала седина.

— Сердце! — повторил он невнятно.— Ты украл его, собака... вор...

— Нет, я не крал его. Оно побывало далеко в южных странах, и долгим оказалось его путешествие. Но теперь оно у меня в руках, и против него тебе не поможет вся твоя черная сила. Сердце воскресило тебя — оно же и отбросит тебя обратно во тьму, из которой ты был вызван. Отправляйся же в Ахерон по темной дороге, сквозь сумрак и тишину. Пусть черная империя, которую ты хотел возродить, навеки пребудет лишь страшной легендой и затеряется в памяти человечества. Конан снова будет править страной, а Сердце Аримана вернется домой — в пещеру под храмом Митры. Тысячу лет оно будет гореть там как символ могущества Аквилонии!

Ксальтотун взмахнул кинжалом и с нечеловеческим криком бросился на Хадрата, огибая алтарь. Но тут же откуда-то — то ли с небес, то ли из самого камня, сиявшего на ладони Хадрата,— ударил слепящий голубой луч. Он вонзился прямо в грудь Ксальтотуну, и громовой раскат эхом раскатился в холмах. Ахеронский волшебник рухнул на землю, но, еще не коснувшись ее, его тело претерпело жуткие изменения. Не труп лежал возле алтаря — иссохшая, сморщенная мумия, скорчившаяся внутри истлевших повязок.

Зелата задумчиво смотрела на то, что лежало у ее ног.

— Он и не жил по-настоящему,— сказала она.— Сердце придало ему пустую видимость жизни, он и сам обманулся. А я всегда видела в нем лишь мумию!

Хадрат склонился над алтарем и освободил девушку, лежавшую без чувств. И в это время из-за деревьев появилось нечто странное: колесница Ксальтотуна, влекомая демоническими конями. Медленным шагом подошли они к алтарю и остановились. Бронзовое колесо почти касалось того, что уже не было человеком. Хадрат поднял высохшие останки и положил их в колесницу. Тотчас же тронулись с места волшебные кони и поскакали на юг, вниз по склону холма. Хадрат, Зелата и волк долго следили за тем, как они удалялись. Перед ними лежала долгая дорога в Ахерон, недоступная глазам смертного человека.

А внизу, в долине, Амальрик так и замер в седле при виде безумного всадника, что гарцевал между армиями, размахивая окровавленным клоком знамени с золотой змеей. Потом некое чувство заставило его вскинуть голову и обернуться к холму, звавшемуся Алтарем Королей... и раскрыть рот в изумлении. Вся долина увидела то же, что и барон: с вершины холма взвился луч слепящего света, окутанный брызгами золотого огня. Высоко над головами людей вспыхнуло такое сияние, что, казалось, даже солнце на миг побледнело.

— Сигнал Ксальтотуна! — взревел барон.

— Нет! — крикнул Тараск.— Это сигнал аквилонцам! Гляди!

Там, наверху, наконец-то шевельнулся доселе неподвижный рыцарский строй. Долина огласилась густым, низким ревом множества глоток.

— Ксальтотун подвел нас...— в ярости вырвалось у Амальрика.— И Валерий! Мы в ловушке! Проклятие Митры на голову Ксальтотуна — он привел нас сюда! Трубач! Труби отступление!

— Поздно! — завопил Тараск.— Слишком поздно!

Дрогнул, опускаясь, железный лес пик. Ряды гандеров раздвинулись, точно занавес, отхлынув влево и вправо. С ураганным гулом ринулись вниз по склону рыцари Аквилонии.

Ничто не могло противостоять такой атаке. Стрелы, выпущенные перепуганными арбалетчиками, отскакивали от щитов и шлемов. Развевались цветные султаны, сеяли смерть склоненные копья... Дрогнувшие копейщики немедийцев были сметены в один миг, и стальная лавина понеслась дальше.

Срывая голос, Амальрик выкрикнул приказ, и его рыцари, пришпорив коней, с отчаянным мужеством устремились навстречу. Они все еще имели численный перевес, но это были усталые воины на усталых конях, к тому же скакавшие вверх по склонам, между тем как их противники впервые за весь день обнажили мечи. Они неслись вниз с силой и яростью бури — и, подобно буре, смяли они немедийцев, смешав их ряды, расчленив строй. Опрокинули — и погнали уцелевших к устью долины.

А за ними бегом поспешали пешие гандеры, жаждущие вражеской крови. С круч кувырком скатывались боссонцы и на ходу выпускали в неприятеля стрелу за стрелой... Вниз, вниз, с террасы на террасу катился кровавый поток и нес с собой ошарашенных, сломленных немедийцев. Арбалетчики бросали оружие и разбегались. Копейщики, пережившие сокрушительную рыцарскую атаку, были вырезаны гандерами без всякой пощады.

Миновав устье долины, битва выплеснулась в чистое поле. По всей равнине туда и сюда мчались воины, удирая, преследуя и убивая. Кто-то сходился один на один, кто-то, подняв коня на дыбы, разил двуручным мечом. Немедийцы еще дрались, но были уже не способны хоть как-то сомкнуть ряды и дать отпор. Целые сотни их покидали сражение и мчались к реке. Многим удалось достичь ее, выбраться на тот берег и ускакать на восток. Но огонь восстания уже охватил всю страну, жители охотились на бывших захватчиков, как на волков. До Тарантии добрались единицы.

Окончательно подорвала дух немедийцев гибель Амальрика. Бросив безуспешные попытки собрать и построить своих, барон устремился на вражеских рыцарей, следовавших за исполином в вороненых доспехах: царственный лев украшал его плащ, а над головой вилось черное аквилонское знамя с золотым львом и рядом с ним — малиновый леопард Пуантена. Высокий воин в сверкающих латах опустил пику и поскакал навстречу Амальрику. Они столкнулись с грохотом. Пика немедийца, угодив противнику в шлем, сорвала ремни и застежки: шлем слетел, обнаружив черты Паллантида. Пика аквилонца пробила и щит, и нагрудник, и сердце барона, сбросив его мертвое тело с седла, и под тяжестью пронзенного тела переломилась.

Поднялся отчаянный крик, сопротивление немедийцев было сломлено бесповоротно. Так приливная волна наконец прорывает и сносит подмытую дамбу. В слепом ужасе побежденные толпами устремились к реке... Кончился Час Дракона!

Тараск не побежал с поля сражения. Амальрик пал, погиб знаменосец, и королевское знамя Немедии было втоптано в кровавую грязь. Большая часть ее рыцарей скакала прочь, по пятам преследуемая аквилонцами. Тараск понимал, что битва проиграна, и с горсткой верных воинов метался по равнине, одержимый лишь одной мыслью — встретиться с Конаном. И наконец он встретил его. К тому времени отряды успели окончательно рассыпаться и перемешаться.

Пернатый шлем Троцеро сверкал в одном конце поля, шлемы Просперо и Паллантида — в другом. Конан был один. Тараск тоже: все его люди погибли. Два короля сошлись в поединке.

Они уже ринулись друг на друга, но тут конь Тараска захрипел и осел наземь. Конан тоже покинул седло и побежал навстречу противнику. Тараск поднялся, с трудом выпутавшись из сбруи. Ослепительно сверкнули клинки и встретились с лязгом, разбрызгивая синие искры... потом загремели доспехи: Тараск растянулся на земле, сбитый с ног страшным ударом меча.

Киммериец поставил латный башмак на грудь врагу и снова занес меч. На нем уже не было шлема; он встряхнул густой черной гривой, синие глаза горели прежним огнем:

— Сдаешься, ты...

— Ты хочешь меня пощадить? — удивленно спросил немедиец.

— Да, хочу. Хотя ты, собака, меня в свое время и не думал щадить. Живи! И пусть живут все твои, кто бросил оружие. А уж как чешутся руки раскроить тебе башку...— добавил киммериец.

Тараск, как мог, вывернул шею и оглядел поле. Остатки немедийского войска удирали по каменной дамбе. Победоносные аквилонцы висели у них на плечах, рубя со всей яростью сбывшейся мести. Гандеры и боссонцы наводнили вражеский лагерь, раздирая палатки в поисках поживы, ловя пленников, вспарывая тюки и переворачивая повозки.

Тараск грязно выругался и передернул плечами — насколько он вообще мог это сделать, прижатый к земле.

— Что ж, выбора у меня нет... Каковы твои условия?

— Ты отдашь все, чем успел завладеть в Аквилонии. Пусть твои вояки сложат оружие и выметаются изо всех замков и городов, да поживее. Ты выкупишь и вернешь на родину всех аквилонцев, проданных в рабство. А потом, когда мы в полной мере подсчитаем убытки, нанесенные войной,

ты их возместишь. И будешь сидеть у меня заложником, пока это все не будет исполнено!

— Хорошо,— сдался Тараск.— Мои гарнизоны оставят города и замки без боя... и все прочее, как ты сказал. Ну а за мою шкуру какой выкуп назначишь?

Конан засмеялся и убрал ногу с груди врага, а потом одним рывком поставил его на ноги, взяв за плечо. Он хотел что-то сказать, но заметил шедшего к ним Хадрата. Жрец, как обычно невозмутимый, осторожно пробирался между грудами мертвых тел, конских и человеческих.

Окровавленной рукой Конан утер с лица пыль и пот. Он бился весь день: сначала — пешим, среди гандерских конейщиков, потом пересел в седло и возглавил рыцарскую атаку. Он лишился плаща, залитые кровью доспехи были измяты ударами множества мечей, булав и секир. Он стоял во весь рост посреди ужасного побоища, похожий на языческого героя древней легенды.

— Ты хорошо поработал, Хадрат! — загремел он весело.— О Кром! Как же я обрадовался, разглядев твой сигнал! Мои рыцари с ума сходили от нетерпения, уж очень хотелось им взяться поскорей за мечи. Еще немного, и я не смог бы их удержать... А что там наш чародей?

— Отправился путем мрака обратно в Ахерон,— ответил Хадрат.— Мне же пора вернуться в Тарантию. Здесь я больше не нужен, зато в храме Митры меня ждет одно неотложное дело. Все мы совершили здесь, что могли... На этом поле мы спасли Аквилонию, и не только ее. Твое возвращение в столицу станет триумфальным шествием по шальной от счастья стране. Вся Аквилония выйдет приветствовать возвращение своего короля! Итак, до встречи в Тарантии, в тронном зале дворца!

Конан молча проводил глазами жреца. Со всех сторон к нему уже спешили верные рыцари. Он разглядел Паллантида, Троцеро, Просперо и Сервия Галанна в политых кровью доспехах. Шум битвы постепенно смолкал, сменяясь

многоголосым ликующим ревом. Все взгляды, горящие яростью и восторгом выигранной битвы, устремились к исполинской черной фигуре короля, руки в латных рукавицах потрясали обагренными клинками. Отовсюду неслся могучий громовой крик, подобный гулу морского прибоя:

— Слава Конану, королю Аквилонии! Слава!

— Ты еще не назвал моего выкупа,— мрачно буркнул Тараск.

Рассмеявшись, Конан со стуком вдвинул меч в ножны. Расправив плечи, он провел пятерней по волосам, словно бы ощущая на них отвоеванную корону.

— В твоем серале,— сказал он,— есть одна девушка. Ее имя Зенобия.

— Да... да, кажется, есть.

— Вот и отлично.— Король улыбнулся, словно вспомнив о чем-то очень хорошем.— Она станет твоим выкупом, больше мне ничего не надо. Я приеду за ней в Бельверус, как и обещал. В Немедии она была рабыней, а в Аквилонии я сделаю ее королевой!

...И родится ведьма

1

КРОВАВЫЙ ПОЛУМЕСЯЦ

Тарамис, королева страны Хауран, пробудилась от неспокойного сна, тишина, окутавшая ночной дворец, отчего-то показалась ей сродни тягостному молчанию мрачных катакомб. Некоторое время молодая правительница лежала неподвижно, вглядываясь во тьму и пытаясь понять, с какой стати в золотых канделябрах погасли все свечи. Она видела лишь, как мерцали звезды в маленьком окошке, забранном золотыми решетками. Вдруг Тарамис обнаружила прямо перед собой в темноте слабо светящуюся точку. Она замерла от удивления, а между тем сияние медленно разгоралось и ширилось — и вот уже на фоне темных бархатных занавесей перед королевой парил целый диск мертвенно-зловещего света. У Тарамис перехватило дыхание, она встрепенулась и села, заметив внутри свечения темный предмет... Там была человеческая голова!

© Перевод М. Семёновой.

Охваченная внезапным ужасом, королева открыла было рот, чтобы позвать служанок, но удержалась. Свечение становилось все ярче, позволяя разглядеть, что это женская головка — маленькая, скульптурно-изящная, гордо посаженная, с роскошными черными волосами, уложенными в высокую прическу. Вскоре проявились черты лица... крик застрял в горле королевы!

Перед ней парило ее собственное лицо, словно отражение в зеркале,— вот только отражение чуть-чуть дополняло оригинал, добавляя глазам хищный кошачий блеск, заставляя губы кривиться в усмешке мстительного торжества.

— О Иштар!..— вырвалось у Тарамис.— Меня околдовали!..

К ее ужасу, «отражение» отозвалось. Его голос потек отравленным медом:

— Околдовали?.. Нет, милая сестричка, никакого колдовства здесь нет!

— Сестричка?..— запинаясь, повторила ошеломленная девушка.— Но у меня нет сестер...

— В самом деле? — снова прозвучал мелодичный издевательский голос.— Значит, не было у тебя сестренки-близняшки, чья нежная плоть так же отзывчива на ласку — и так же уязвима, как твоя собственная?

— Ну... нас правда родилось двое,— ответила Тарамис, по-прежнему уверенная, что ей снится кошмар.— Но она умерла...

Прекрасный лик внутри светящейся сферы исказила неуправляемая ярость, и Тарамис в ужасе отшатнулась: ей показалось, будто аспидные локоны «отражения» вот-вот оживут и, зашипев, вскинутся над божественно очерченным лбом.

— Ты лжешь! — Алые губы, растянувшиеся в оскале, исторгли обвинение, словно плевок.— Твоя сестра не умерла! Смотри, дура безмозглая! Хватит притворства — смотри, и да ослепнут твои глаза!..

Призрачный огонь змеями пробежал по занавесям, свечи в золотых канделябрах чудесным образом вспыхнули вновь. Тарамис сжалась в комок, испуганно подобрав точеные ножки и глядя округлившимися глазами на девушку-пантеру, что стояла перед ней и, продолжая насмехаться, позволяла себя рассмотреть... Не покидало впечатление, словно королева глядит на другую Тарамис, схожую с ней самой каждой черточкой лица и тела,— однако одушевленную совсем другой, чуждой и злой личностью. Облик «отражения» дышал качествами, прямо противоположными тем, которые отличали юную государыню. В блестящих глазах мерцали похоть и тайна, изгиб пухлых алых губ таил жестокость... А в остальном — те же танцующие движения, та же прическа, позолоченные сандалии в точности как те, что Тарамис надевала в своем будуаре... И даже рубашка без рукавов, с глубоким вырезом, перехваченная пояском из золотой парчи, один к одному повторяла ночное одеяние королевы.

— Кто ты? — выдохнула Тарамис.

По спине пробежал холодок.

— Объяснись, а не то велю служанкам позвать стражу!

— Можешь кричать, пока не растрескаются стропила,— раздался бессердечный ответ.— Твои придворные шлюхи не проснутся до рассвета, даже если крыша загорится у них над головами. И стражники ничего не услышат: их заблаговременно отослали вон...

— Что?! — воскликнула Тарамис, чья оскорбленная царственность на время победила испуг.— Да кто посмел дать моей охране подобный приказ?

— Я, милая сестричка. Я это сделала,— издевательски отозвалось «отражение».— Совсем недавно, прежде чем проникнуть сюда. Глупцы уверены — с ними говорила их ненаглядная королева. Ха-ха, моя игра была поистине безупречна! С каким властительным достоинством, должным обра-

зом смягченным ласковой женственностью, обращалась я к этим дуболомам, — и пентюхи, закованные в броню, преклоняли передо мною колена и пернатые шлемы!..

Тарамис почувствовала, как сеть колдовства и обмана опутывает ее.

— Да кто же ты? — в отчаянии вскричала она.— Что означает это безумие? Зачем ты сюда пришла?..

— Кто я?..— негромко переспросила пришелица, и ее голос был подобен зловещему шипению кобры.

«Отражение» сделало еще шаг вперед, оказавшись у самого края ложа, и, яростно сжав пальцами белые плечи королевы, нагнулось к самому ее лицу, близко глядя в недоумевающие и испуганные глаза. И такова была гипнотическая власть злых глаз, что Тарамис позабыла даже возмутиться небывалым насилием.

— Дура! — проскрипела зубами девушка-двойник.— Она еще спрашивает! Она изумляется!.. Я — Саломэ!

— Саломэ,— выдохнула Тарамис, и волосы шевельнулись у нее на затылке.

До королевы медленно доходил невероятный смысл сказанного.

— Я думала... Ты умерла в самый час рождения...— еле слышно выговорила она.

— Многие так думали,— отозвалась назвавшая себя Саломэ.— Меня отнесли в пустыню и бросили там умирать, да будут они прокляты! Я ведь была всего лишь беспомощным, писклявым новорожденным младенцем, чья слабая жизнь трепетала, точно свеча на ветру!.. Тебе известно хотя бы, за что мне вынесли такой приговор?

— Я... я слышала какую-то историю...— заикаясь, пробормотала Тарамис.

Саломэ разразилась яростным смехом, а потом указала туда, где глубокий вырез рубашки открывал часть ложбинки между крепкими грудями.

Там виднелась необычная отметина — кроваво-красное родимое пятно в форме полумесяца...

— Знак ведьмы! — вскрикнув, отшатнулась Тарамис.

— Вот именно! — Напоенный ненавистью смех Саломэ разил не хуже кинжала.— Вот оно, проклятие королей Хаурана! Благочестивые недоумки болтают об этом на рынках, закатывая глаза и тряся бородами. Все слыхали о том, как праматерь нашего рода спуталась с нечистым духом и родила ему дочь, о которой до наших дней ходят темные легенды... С тех-то пор всякое столетие в династии Асхауров рождается девочка, отмеченная судьбоносным полумесяцем между грудей, ибо гласит древнее проклятие: «...И каждый век родится ведьма». Так оно на самом деле и происходит, сестренка! Многих убили при рождении, как пытались убить меня. Другие прошли по земле ведьмами — свободные, гордые дочери Хаурана, и адская луна сияла на груди у каждой из них! И каждую звали Саломэ! Так зовут и меня! Всегда существовала ведьма по имени Саломэ. И будет всегда — хотя бы с севера надвинулись ледяные горы и стерли с лица земли эту цивилизацию, а на пепелищах возник новый мир! На свете вечно будут жить Саломэ, и колдовством завоевывать людские сердца, и плясать перед царями земли, и те станут по их прихоти срубать головы мудрецам!..

— Но... но ты...— кое-как выдавила Тарамис.

— Я? — В мерцающих глазах пылали колдовские огни.— Меня отнесли в пустыню, подальше от городских стен, и, голенькую, положили на горячий песок, под жгучее солнце... А потом уехали прочь и оставили меня шакалам, стервятникам и пустынным волкам!.. Однако жизнь держалась во мне крепче, чем в каком-нибудь ребенке простолюдинов, ведь ее питали темные силы, непостижимые для смертных умов. Шли часы, и солнечный свет обрушивался на меня, точно раскаленная лава из преисподней, а я все не умирала... Да, представь, я еще смутно помню ту пытку жарой, смут-

но и отдаленно, как другие помнят неясный и расплывчатый сон... А потом появились верблюды. На них приехали желтокожие люди, облаченные в шелка, они разговаривали на удивительном языке. Они сбились с обычной караванной тропы и вышли прямо туда, где мучилась я; их предводитель заметил меня и узнал красный полумесяц на моем младенческом теле. Он поднял меня на руки и возвратил к жизни... Это был маг из далекого Кхитая, направлявшийся домой после путешествия в Стигию. Он увез меня с собой туда, где высятся пурпурные башни Пайканга, где стройные минареты возносятся над пышными лианами джунглей... Там я выросла и повзрослела, он же состарился, но возраст лишь укрепил его связь с Тьмой и власть над силами мрака. Он очень многому меня научил...— Тут она помедлила, загадочно улыбаясь, темные глаза хранили зловещую тайну.

Потом Саломэ тряхнула головой и продолжала:

— В конце концов наставник прогнал меня прочь, заявив, что я — всего лишь обычная ведьма, которой не впрок ученичество, мол, я все равно не способна постичь ту бездну черных наук, которую он мог бы мне преподать... Он сказал, окажись я достойна, он сделал бы меня царицей мира и повелевал бы через меня всеми народами... но, по его словам, я, увы, оказалась всего лишь распутницей, предавшейся мраку. Однако что мне с того? Запереться в золотой башне и проводить бессчетные часы, вперяя глаза в хрустальный шар или бормоча заклинания, начертанные кровью девственниц на змеиной коже, вчитываться в запылесневелые фолианты на давно забытых языках — ну уж нет, такое не для меня! И пусть наставник порицал меня, называя слишком земной душой, не приспособленной к постижению величайших вершин и глубин вселенского волшебства! В этом бренном земном мире содержится все, чего я когда-либо желала,— власть, богатство и почести, красивые мужчины и покорные женщины, готовые стать моими любовниками и

рабынями. Наставник объяснил мне, кто я такая, рассказал о моем наследии и проклятии... И я вернулась взять то, на что имею равные с тобою права! Теперь все это мое по праву рождения!

— О чем ты говоришь? — Тарамис наконец-то превозмогла страх и встала лицом к лицу с сестрой.— Неужели ты полагаешь, будто, опоив несколько служанок и обманув горстку стражников, сможешь тем самым заявить свои права на трон Хаурана? Не забывай, королевой являюсь все-таки я! Я велю окружить тебя почетом, как свою сестру, но...

Саломэ расхохоталась, и сколько же ненависти было в ее смехе!

— Какое великодушие, милая сестричка, какая доброта с твоей стороны!.. Но прежде чем окружать меня почестями, быть может, ты расскажешь, чьи войска раскинули лагерь под стенами города?

Тарамис ответила:

— Свободный Отряд — шемитские наемники Констанция, воеводы из Кофа...

— Да? И что они делают в Хауране? — проворковала Саломэ.

Тарамис чувствовала, сестра над ней издевается, но все же ответила, силясь сохранить остатки достоинства:

— Констанций держит путь в Туран и попросил разрешения пройти нашими землями. Он предложил себя самого в заложники, отвечая за доброе поведение своих воинов в наших пределах...

— Этот Констанций,— подхватила Саломэ,— он, случайно, сегодня твоей руки не просил?

Тарамис окинула ее взглядом, полным смутного подозрения:

— Откуда ты знаешь?..

Саломэ издевательски передернула изящными обнаженными плечиками.

— И ты, конечно, ему отказала, милая сестричка?

— Конечно! — рассердилась Тарамис.— Ты сама принцесса из рода Асхауров, так неужели можешь предположить, будто хауранская королева способна милостиво принять подобное предложение? Взять в мужья забрызганного кровью наемника, изгнанного с родины за совершенные им преступления, предводителя наспех сколоченной шайки грабителей и убийц?! Да я вовсе не позволила бы ему привести своих чернобородых головорезов к нам в Хауран,— но он сам сдался в плен и сейчас сидит в южной башне, а мои воины его охраняют... Завтра по моему требованию он прикажет войску покинуть нашу страну, а покамест мои люди неусыпно бдят на стенах, и я предупредила Констанция, что он ответит за любые обиды, нанесенные его наемниками нашим земледельцам и пастухам...

— Стало быть, он сидит в южной башне под замком? — спросила Саломэ.

— Я уже сказала тебе... Зачем переспрашиваешь?

Вместо ответа Саломэ хлопнула в ладоши и, возвысив голос, прозвеневший жестоким весельем, позвала:

— Королева намерена удостоить тебя аудиенции, Сокол!

Распахнулась инкрустированная золотом дверь, и через порог шагнул рослый мужчина, при виде которого у Тарамис вырвался вскрик изумления и негодования.

— Констанций!.. И ты посмел явиться сюда!..

— Как видишь, государыня! — Наемник отвесил королеве шутовской поклон.

Констанций, которому воины дали прозвище Сокол, был высок ростом, широкоплеч, тонок в поясе, силен и гибок, точно стальной клинок. Даже красив — этакой ястребиной, безжалостной красотой. Его лицо дотемна сожгло солнце, иссиня-черные волосы далеко отступали с высокого узкого лба. Темные глаза смотрели бдительно и проницательно,

тонкие усы лишь отчасти смягчали жесткую линию рта. На Констанции были сапоги кордавской кожи, его штаны и камзол из простого темного шелка прожгли походные костры и отметили ржавчиной железные латы.

Покручивая ус, он беззастенчиво разглядывал полуодетую королеву, и наглый взгляд заставлял ее вздрагивать и сжиматься.

— О Иштар! — проговорил он вкрадчиво.— А знаешь, Тарамис, в ночной рубашке ты куда соблазнительней, чем в царственных ризах... Какая ночь, право!

Глаза несчастной государыни наполнились ужасом. Что бы ни говорила Саломэ, королева была далеко не дурой и понимала: Констанций никогда бы не отважился на подобную наглость, не будучи полностью уверенным в себе.

— Ты сошел с ума,— сказала она.— Быть может, в этом чертоге я и нахожусь в твоей власти. Но и ты сам — во власти моих подданных, которые на куски тебя разорвут, посмей ты ко мне прикоснуться. Если хочешь жить — уходи отсюда немедленно!

Двое, стоявшие перед ней, расхохотались, и Саломэ нетерпеливо махнула рукой.

— Хватит комедию ломать! — воскликнула она.— Пора переходить ко второму акту нашего действа!.. Слушай же, сестренка: Констанция привела сюда я. Когда решила прибрать к рукам трон Хаурана, я стала искать человека, способного мне помочь, и мой выбор пал на Сокола. Ибо в нем начисто отсутствует то, что глупые люди называют добром!

— Моя принцесса, я польщен...— ядовито пробормотал Констанций, отвешивая низкий поклон.

— Я послала его в Хауран,— продолжала Саломэ,— и, как только его люди разбили лагерь за городскими стенами, проникла внутрь сквозь ту дверку в западной стене...

Олухи, стоявшие на страже, решили, что ты возвращаешься после каких-то ночных приключений...

— Ах ты дрянь!..— Щеки Тарамис так и вспыхнули, царственная выдержка не помогла отмахнуться от оскорбления.

Тарамис очень дорожила своей репутацией добродетельной королевы.

Саломэ ответила с жестокой улыбкой:

— О да, они были весьма удивлены и даже потрясены, однако пропустили меня, не задавая вопросов. Потом я тем же способом вошла во дворец и отослала прочь стражников. Они тоже удивились, но послушно убрались прочь. А за ними и те, что стерегли в южной башне Констанция... И вот я пришла сюда, не забыв по дороге позаботиться о твоих служанках, моя дорогая!

Тарамис, бледнея, сжала кулаки. Налицо чудовищный заговор — а она ничего не могла сделать.

— И что же дальше? — спросила она, голос предательски дрогнул.

— А ты прислушайся,— ответила Саломэ и наклонила голову.

Сквозь окошко смутно доносился металлический лязг — маршировали латники. Грубые голоса выкрикивали команды на чужом языке, откуда-то уже долетали тревожные крики...

— Горожане просыпаются, им страшно,— едко усмехнулся Констанций.— Не пора ли тебе пойти подбодрить их, Саломэ!

— Зови меня Тарамис,— ответила та.— Пора привыкать к этому имени.

— Что ты наделала!..— закричала истинная Тарамис.— Что ты наделала!..

— Всего лишь прогулялась к воротам и велела воинам открыть их,— пожала плечами Саломэ.— Они ничего по-

добного не ожидали, но, как и все прочие, подчинились... И теперь ты слышишь, как в город входит армия Сокола!

— Демоница! — закричала Тарамис.— Ты приняла мой облик и предала мой город! Меня сочтут изменницей! Сейчас я выйду к ним и...

Но Саломэ с кровожадным смешком ухватила сестру за запястье и рванула назад. Королева была ловкой и гибкой, но месть и ненависть наделили ведьму поистине стальной силой.

Тарамис беспомощно билась в крепких руках сестры.

— Ты знаешь, как проникнуть отсюда в дворцовые подземелья? — обратилась Саломэ к Констанцию. — Знаешь? Вот и отлично. Оттащи туда эту драчунью и запри ее в самую надежную камеру! Все смотрители подвалов крепко спят, мое зелье сработало... Пошли кого-нибудь, пусть глотки им перережет, пока не проснулись. Никто и никогда не должен догадаться, что произошло... Отныне и навсегда я стану Тарамис, а прежняя Тарамис превратится в безымянную узницу в темнице!

Крепкие белые зубы Констанция сверкнули из-под усов.

— Отлично,— проговорил он.— Но прежде чем это случится, ты ведь не откажешь мне в праве немножко... э-э-э... поразвлечься?

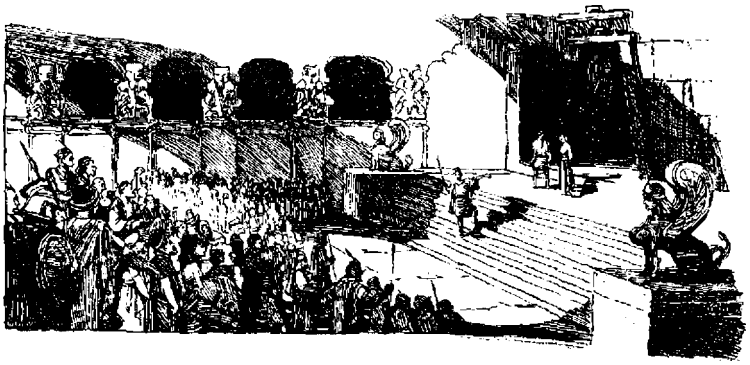
— И не подумаю! Укрощай эту сучку, как пожелаешь! — И Саломэ со смешком швырнула сестру прямо в руки кофийцу, после чего вышла сквозь дверь, выводившую во внешний коридор.

Прекрасные глаза Тарамис расширились от ужаса, она извивалась и билась, силясь вырваться из объятий Констанция...

Вооруженные латники на улицах города, поругание ее королевской короны — все забылось перед угрозой жестокого мужского насилия.

Ужас и стыд захлестнули девичью душу — в глазах Констанция не было ни намека на жалость, его руки мяли и ломали ее тело...

Торопливо идя по коридору, Саломэ явственно услышала крик отчаяния и беспросветной муки, раздавшийся за спиной. Довольная улыбка скользнула по ее губам...



2

ДРЕВО СМЕРТИ

Штаны и рубашка юного воина, пропитанные по́том, были сплошь в засохших кровавых потеках, а запыленная одежда утратила цвет. Кровь еще сочилась из глубоких ран на бедре, груди и плече. По лицу парня тек пот, пальцы судорожно стискивали покрывало с топчана, на котором он лежал. Однако голос выдавал душевную муку, затмевавшую все страдания тела.

— Она, верно, утратила разум!..— повторял он снова и снова, явно не в силах переварить нечто совершенно чудовищное и невозможное.— Кошмар какой-то!.. Наша Тарамис, любимица всей страны, предает свой народ! Отдает его *исчадию зла, этому кофийскому выродку*!.. О Иштар, и почему меня не убили?.. Легче умереть, чем вот так наблюдать, как наша королева становится растленной изменницей...

— *Лежи тихо, Валерий,*— упрашивала молодого воина возвышаяся над ним девушка.

Она промывала и перевязывала его раны, и руки у бедняжки дрожали.

— *Лежи, милый, не двигайся! Так ты только раны разбередишь! Тебе лекарь нужен, но я не смею за ним пойти...*

— Ты права,— отозвался ее подопечный.— Синебородые головорезы Констанция наверняка прочесывают кварталы, выискивая раненых хауранцев... Они вздернут всякого, кто против них дрался и чьи раны послужат уликой. Ох, Тарамис, Тарамис!.. Как могла ты предать народ, который любил тебя и преклонялся перед тобой?..

И несчастный парень корчился на ложе, плача от ярости и стыда. Испуганная девушка обнимала его, прижимала к своей груди его голову, силясь успокоить.

— Лучше смерть, чем срам, обрушившийся сегодня на Хауран,— простонал Валерий.— Ты ведь тоже все видела, Ивга?

— Нет, милый,— ответила она.

Ласковые и умелые руки снова взялись за работу, бережно промывая зияющие раны и сводя их края.

— Меня разбудил шум боя на улице... Я выглянула в окошко и увидела, как шемиты режут наших соседей... А потом услышала, как ты, раненый, еле слышно зовешь меня из переулка, из-за задней двери...

— Я с места сдвинуться не мог,— сказал Валерий.— Свалился там, возле черного хода, и понял, что встать уже не смогу. Я знал, они меня вот-вот обнаружат, если я так и буду лежать там... Иштар свидетельница, я убил троих синебородых! Не шляться им по улицам Хаурана, не осквернять его древние камни! Демоны преисподней сразу утащили их в ад...

Девушка по имени Ивга хлопотала над ним, утешая любимого, точно больного ребенка, касалась его воспаленных губ своими — нежными и прохладными. Однако его душа полыхала неутоленным огнем, Валерий беспокойно метался и говорил без конца.

— Меня не было на стене, когда шемиты вошли в город,— рассказывал он.— Я сдал свою стражу и спал в казарме, как все. Наш старший вбежал к нам перед самым рассветом, бледный как смерть.

«Шемиты вошли в город,— сказал он нам.— Сама государыня явилась к южным воротам и приказала впустить их! Она велела всем покинуть стены, где мы несли караул с тех самых пор, как в пределах королевства появился Констанций. Я ничего не понял, и другие военачальники тоже не поняли, но я сам слышал, как она отдавала приказы, и мы послушались ее, как всегда... Теперь нам велено собраться на площади у дворца. Давайте-ка стройтесь перед казармой — и шагом марш ко дворцу. Да, латы и оружие велено оставить здесь... Одной Иштар известно, что это значит, но такова королевская воля!..»

Мы построились и вышли ко дворцу, а там, как раз напротив, уже стояли пешие шемиты — десять тысяч синебородых мерзавцев, все в полном вооружении. Из каждого окна, выходившего на площадь, торчали головы горожан, и все прилегающие улицы были забиты недоумевающим народом. Тарамис стояла на ступенях дворца, сопровождаемая одним Констанцием,— и тот знай поглаживал усы, точно кот, только что сожравший воробушка... А чуть ниже, на ступенях, выстроилось полсотни шемитов с луками в руках.

Там, где они стояли, полагалось бы находиться охранникам королевы, но их разместили в самом низу лестницы. Они тоже ничего не могли понять, но хоть вышли — вопреки приказу — полностью снаряженными для боя...

Когда мы встали на площади, к нам обратилась Тарамис. Она сказала, что поразмыслила над предложением Констанция — над тем самым, которое она только вчера гневно отвергла на глазах у всего двора! — и переменила свое мнение, надумав сделать его своим царственным супругом. Объяснять, зачем она таким вероломным образом впустила в город шемитов, королева и не подумала... Зато объявила, что, поскольку Констанций повелевает большим отрядом опытных воинов, Хаурану нет больше нужды держать свою армию, а посему она ее распускает. Идите, мол, ребята, спокойно по домам...

Привычка повиноваться королеве давно вошла в нашу кровь, но тут уж мы просто дар речи утратили! И повели себя, точно пыльным мешком ударенные: смешали ряды, даже не успев ничего сообразить...

Но когда Тарамис обратилась с таким же приказом к охранникам своего дворца, вмешался их капитан, Конан. Как рассказывали ребята, накануне вечером он был свободен от караула и крепко надрался. Не знаю, так или нет, а только на площади он совершенно точно стоял ни в одном глазу. Он сразу заорал своим людям, чтобы стояли как стоят, пока он сам не отдаст им приказа,— и они послушались его даже вопреки распоряжению королевы — надо знать этого Конана и его власть над людьми. И вот он поднялся по дворцовым ступенькам, пристально вгляделся в Тарамис — и вдруг как взревет.

«Да это вовсе не королева! Она не наша Тарамис! Перед нами какая-то демоница, похитившая ее облик!»

И тогда-то все понеслось!.. Я там был, Ивга, но и то не решусь утверждать, что именно произошло. Надо думать, какой-то шемит ударил Конана, и Конан его убил. А в следующий миг вся дворцовая площадь обернулась полем сражения... Шемиты насели на стражников, их копья и стрелы поразили многих солдат, начавших уже расходиться... Некоторые из нас подхватили оружие, до которого смогли дотянуться, и принялись отбиваться. Мы скверно понимали, за что бьемся, мы просто защищались от Констанция и его негодяев! Всеми богами клянусь, мы и мысли не держали выступить против Тарамис,— а Констанций знай кричал: «Бейте предателей!» Но какие же мы предатели?..

Голос Валерия дрожал от недоумения, отчаяния и боли. Девушка ахала и ужасалась, не особенно понимая, что к чему, больше из сострадания любимому.

— Народ не знал, чью сторону принять,— продолжал свою горестную повесть Валерий.— Сумасшедший дом, да и только! У нас, воинов, не имелось ни малейшего шанса от-

биться, ведь мы смешали ряды, а вооружились кто чем успел. Стражники Конана были в полном вооружении и выстроились квадратом, но их насчитывалось всего пять сотен! Погибая, они забрали с собой уйму шемитов, но у подобного боя мог быть только один исход... А Тарамис, наша Тарамис — пока ее людей убивали у нее на глазах, она стояла там, на дворцовых ступенях, и Констанций обнимал ее за талию, и она смеялась — точно прекрасная, но бессердечная демоница!.. Боги! Весь мир спятил... Но знаешь, Ивга, ни разу еще я не видел, чтобы человек дрался так, как капитан Конан... Он встал спиной к стене — и прежде, чем его смяли числом, он нагромоздил перед собой кучу трупов по пояс высотой! Их там была сотня против одного, и наконец его повалили... Когда я увидел, что Конан упал, то из последних сил потащился прочь, чувствуя себя так, словно весь мир рассыпался у меня под ногами... Я слышал, как Констанций кричал своим непременно захватить Конана живым... Он распоряжался и все поглаживал усы... с этой своей проклятой улыбочкой, чтоб ему сдохнуть!..

...Знать бы Валерию, как «та самая улыбочка» скривила губы Констанция в данный момент. Он сидел в седле среди своих воинов — кряжистых крючконосых шемитов с иссиня-черными вьющимися бородами. Заходящее солнце играло на остроконечных шлемах и посеребренных чешуйках брони. Примерно в миле за их спинами поднимались среди лугов стены и башни города Хаурана.

У обочины караванной дороги торчал тяжелый деревянный крест, и на кресте висел человек, прибитый громадными железными гвоздями, пронзившими ступни и ладони. Почти обнаженный — ему оставили только набедренную повязку — он выглядел сущим исполином. Напряженные мышцы резко выделялись на руках и на теле, натягивая кожу, давно продубленную солнцем. От боли по лицу и широкой груди человека стекал пот, но из-под спутанной черной гри-

вы, падавшей на низкий широкий лоб, неукротимым огнем горели синие глаза. Кровь лениво точилась из ран, обтекая шляпки гвоздей...

Констанций, издеваясь, отдал ему воинское приветствие.

— Прошу простить меня, капитан,— сказал он,— за то, что не имею возможности остаться и утешать тебя в последние часы жизни... Кое-какие обязанности призывают меня назад в город. Не могу же я, действительно, заставить томиться в ожидании нашу восхитительную королеву! — И он негромко рассмеялся.— Итак, предоставляю тебя судьбе... и обществу вот этих милашек! — Констанций со значением указал на черные крылатые силуэты, безостановочно кружащие в вышине.— Да, если бы не они, ты со своей звериной силой, пожалуй, мог бы протянуть здесь даже и несколько дней... Вот только не советовал бы я тебе лелеять какие-то надежды на спасение, хоть и оставляю тебя без охраны. Я, знаешь ли, велел объявить во всеуслышание, что всякий, осмелившийся снять твое тело — мертвое или живое — с креста, будет заживо освежеван на городской площади, и с ним все члены его семьи... А мое положение в Хауране успело упрочиться, подобный приказ заменяет целый отряд стражи. Я решил никого не оставлять здесь потому, что в присутствии охраны стервятники не станут к тебе приближаться, а я бы не хотел ничем их стеснять. По этой же причине я велел вывезти тебя так далеко за стены: пустынные трупоеды ближе к городу не подходят... Итак, храбрый капитан, прощай навсегда! Через какой-нибудь час, лежа в объятиях Тарамис, я буду вспоминать о тебе...

При этих словах распятый человек судорожно сжал тяжеленные кулаки, и из пронзенных ладоней заново потекла кровь. Мышцы вздулись железными буграми — Конан, насколько смог, подался вперед и яростно плюнул в Констанция. Воевода ответил невозмутимым смешком, смахнул плевок с нагрудника и повернул коня прочь.

— Припомни меня, когда стервятники начнут с тебя живого сдирать мясо,— глумливо прокричал он напоследок.— Эти мусорщики пустыни — настоящие мастера своего дела! Сколько я видел людей, распятых на крестах, без глаз и ушей, без кожи на черепе, покуда острые клювы добирались до их жизненных органов!..

И, более не оглядываясь, Констанций поскакал в сторону города, сверкая начищенной броней, прямой, стройный и сильный, в окружении коренастых чернобородых подручных. Пыль, поднявшаяся из-под конских копыт на старой дороге, некоторое время висела в воздухе, отмечая их путь...

Наконец распятый остался в полном одиночестве посреди пустынной предзакатной степи. Город Хауран, лежащий в какой-то миле отсюда, с таким же успехом мог бы находиться на другом конце света и в иной эпохе. Стряхивая капли пота, Конан невидяще смотрел на знакомые луга... По сторонам города и за ним лежали тучные пастбища, где бродил скот, а дальше простирались виноградники и поля. На западе и севере по горизонту угадывались силуэты деревень, уменьшенные расстоянием. Чуть ближе, на юго-востоке, серебрилась река, а непосредственно за ней начиналась песчаная пустыня, она тянулась далеко за горизонт. Конан смотрел на недосягаемый простор, как пойманный ястреб смотрит в отнятое у него небо... Когда же на глаза ему попались мерцающие башни Хаурана, киммериец всем телом вздрогнул от отвращения. Город предал его. Город подстроил ему ловушку, и в итоге Конан висел на кресте, точно заяц, пригвожденный к дереву стрелой удачливого охотника. Вот бы спуститься с этого древа пыток — и затеряться в беспредельных просторах, навсегда повернуться спиной к миру тесных кривых улиц и таких же кривых душ, без зазрения совести предающих святое...

Впрочем, безнадежные мысли скоро исчезли, смытые багровым приливом неутоленной жажды отмщения. Конан то принимался сыпать проклятиями, то замолкал. Его силы

сосредоточились вокруг четырех железных шипов, отделявших его от свободы и самой жизни. Мощные мышцы натягивались подобно стальным канатам и дрожали от напряжения. Серея от боли и обливаясь потом, Конан пытался найти точку опоры, чтобы расшатать и вытащить проклятые гвозди. Все тщетно! Их вбили слишком глубоко и надежно. Тогда он попытался сорвать с них ладони. Чудовищная боль пронзала сознание, и все-таки Конан прекратил свои попытки не оттого, что мука оказалась чрезмерной. У гвоздей оказались слишком широкие и толстые шляпки, которые никак не удавалось протащить сквозь раны...

Впервые в жизни великан киммериец чувствовал себя полностью беспомощным, и отчаяние было готово коснуться его сердца... Черноволосая голова поникла на грудь, Конан повис неподвижно, прикрыв веки от режущего света низкого солнца...

Хлопанье крыльев заставило его вскинуть глаза — и как раз вовремя, потому что сверху вниз к нему кинулась из поднебесья пернатая тень. Острый клюв, нацеленный в глаз, рассек щеку — Конан успел отдернуть голову, спасая глаза. У него вырвался крик, хриплый, отчаянный и угрожающий. Этот крик заставил спустившихся было стервятников испуганно отпрянуть и вновь подняться повыше, чтобы возобновить терпеливое и опасливое кружение над крестом. Струйка крови затекла Конану в рот, он непроизвольно облизал губы и выплюнул соленую влагу.

Теперь ко всем его мукам добавилась еще и жажда. Вчера вечером он в самом деле изрядно напился, а сегодня с самого рассвета, когда случился бой у дворца, ему не перепало ни единой капли воды. А ведь бой, как известно,— работенка не только грязная, но и донельзя потная... В общем, Конан смотрел на далекую и недостижимую реку, как мученик ада смотрел бы из-за раскаленной решетки. Ему виделись бурные паводки, которые он в свое время одолевал,

виделись озера, которые он когда-то переходил по самые плечи в прохладной зеленой воде... А чего стоили объемистые рога пенного эля и большие кружки игристого вина, которые он беззаботно выхлебывал, а то и расплескивал по полу бессчетных таверн!.. Конан даже закусил губу, потому что от подобных воспоминаний недолго взреветь, как ревет страдающий зверь.

Солнце уходило за горизонт — багрово-огненный шар, расплавленный в кровавом океане... Башни города дрожали и плыли на алом фоне заката, бесплотные, точно мираж. У Конана мутилось в глазах, само небо казалось ему залитым кровью. Он облизывал сухие губы и все смотрел на далекую реку. Она словно тоже текла кровью, а с востока к ней подползали непроглядные тени...

В ушах шумело, но все же Конан услышал громкое хлопанье крыльев. Он поднял голову, и в его глазах снова зажглись волчьи неукротимые огоньки — он следил за крылатыми тенями, опять спускавшимися к кресту. Стервятники основательно проголодались. и он понимал, что криками их теперь не отгонишь. Вот один из них лег на крыло и пошел вниз... вниз... Конан как мог откинул голову назад и стал ждать — с жутким хладнокровием истинного сына диких пустошей, привыкшего наблюдать и терпеть...

Вот свистнули перья — трупоед устремился к цели. Молнией сверкнул отточенный клюв — и угодил Конану в подбородок. Успев убрать голову, киммериец в свою очередь рванулся вперед — и, прежде чем птица успела отпрянуть, по-волчьи сомкнул зубы на ее голой жилистой шее. И стиснул, пустив в ход всю силу челюстных мышц.

Стервятник отчаянно заверещал и забился, пытаясь освободиться. Хлещущие крылья ослепили распятого, острые когти рвали кожу у него на груди... Конан с мрачным упорством удерживал свою жертву, только на скулах вздулись бугры желваков. И вот наконец шейные кости трупоеда хру-

стнули у него на зубах, птица судорожно дернулась в последний раз и обвисла. Конан выпустил мертвое тело и принялся отплевываться от крови. Остальные стервятники, напуганные участью собрата, успели отлететь к далекому дереву — и расселись там на ветвях, точно демоны, собравшиеся на совет.

Мутное сознание Конана озарилось угрюмым пламенем торжества, токи жизни яростней застучали в его жилах. Он мог убивать — значит, он был еще жив!.. Каждое чувство сейчас служило для него посрамлением смерти, каждое ощущение, даже боль...

— Клянусь Митрой!..— достиг его слуха чей-то голос, то ли реальный, то ли нет.— Сколько на свете живу, а ничего подобного не видал!..

Кое-как проморгавшись от крови и пота, разлепив ресницы, Конан увидел в сумерках четверых конников. Сидя в седлах, они рассматривали его, распятого на кресте. Трое поджарых, ястребиного вида людей в белых одеждах — без сомнения, наездники из племени зуагиров, кочевники из-за реки. Четвертый одет в точности как его спутники — подпоясанный белый халат и просторный головной платок, удерживаемый тройным шнуром из верблюжьей шерсти. Только вот черты лица у него не шемитские. Сумерки еще не успели сгуститься, а у Конана не настолько померкло в глазах, чтобы он не сумел как следует рассмотреть этого человека.

Ростом тот, пожалуй, с самого Конана, разве не такой мускулистый. Широкоплечий и гибкий, он казался выкованным из упругой стали. Коротко подстриженная черная борода не скрывала властно выставленной челюсти, серые глаза смотрели с холодной проницательностью — не взгляд, а клинок, поблескивающий из-под распахнутой кефии. Движением опытной руки успокоив топтавшегося коня, человек заговорил снова:

— О Митра, да я, похоже, узнаю этого парня!..

— Да, да,— гортанными голосами подтвердили зуагиры.— Тот киммериец, капитан стражников королевы!

— Похоже, она стала избавляться от прежних любимцев,— пробормотал предводитель.— Право слово, вот уж чего трудно было ожидать от королевы Тарамис!.. Впрочем, я предпочел бы войну, желательно долгую и кровавую. Мы, жители пустыни, хоть пограбили бы вдосталь... А то вот подобрались почти к самым стенам города — и что нам перепало за наши труды? Несчастная кляча,— тут он показал на прекрасного мерина, которого вел один из кочевников,— да полудохлый пес...

Конан приподнял окровавленную голову.

— Если бы я смог отсюда слезть,— проскрипел он сквозь зубы,— я бы из тебя самого дохлого пса сделал, запорожский ворюга...

— Митра! Да никак прохвост меня знает! — воскликнул наездник.— Эй, мерзавец, ты знаешь меня?

— В здешних местах твоей породы — раз, два и обчелся,— пробормотал Конан.— Ты — Ольгерд Владислав, вожак объявленных вне закона!

— Точно! И бывший гетман козаков с реки Запорожки, как ты совершенно правильно догадался... Жить хочешь?

Конан отозвался, трудно дыша:

— Вот дурацкий вопрос...

— Я вообще-то мягкосердечием не страдаю,— сообщил ему Ольгерд.— И если что-то в людях уважаю, так это стойкость... Посмотрим теперь, кто ты есть: мужчина, достойный жить, или дворняга, которой впору сдохнуть!

— Если мы срубим крест, это могут заметить с городских стен...— возразил один из кочевников.

Ольгерд покачал головой:

— Сумерки сгущаются, им нас не разглядеть. Возьми топор, Джебал. Руби у самой земли!

— Если крест упадет вперед, парня раздавит,— задумался Джебал.— Я, конечно, могу завалить крест и назад, но при

падении у бедняги либо череп расколется, либо кишки наружу выскочат...

— Если он вправду достоин ездить со мной — вытерпит и переживет,— отозвался Ольгерд невозмутимо.— А если не выдюжит, значит, туда ему и дорога. Руби!

Первый удар боевого топора по дереву и вызванное им сотрясение отозвались чудовищной болью в распухших руках и ногах киммерийца. Вновь и вновь обрушивался топор, посылая огненные волны по воспаленным первам в охваченный пламенем мозг... Конан стиснул зубы и не издал ни единого звука. И вот топор нанес последний удар, подрубленный крест покачнулся на расщепленном основании и повалился навзничь. Конан напрягся всем телом, как мог прижался затылком к перекладине и стал ждать сокрушительного удара. Крест тяжело рухнул, слегка отскочил от земли и остался лежать. Все раны рвануло так, что сознание на миг помутилось. Конан страшным усилием отогнал волну наползающей черноты. Его мутило, голова шла кругом... Однако почти сразу он понял — стальная упругость мышц в который раз уберегла его от увечий и смерти.

Дурнота спазмами сводила живот, из ноздрей текла кровь, но он опять умудрился ни единым звуком не выдать страдания. Одобрительно ворча, Джебал склонился над ним с клещами, предназначенными для ухналей в лошадиных подковах. Прилаживая клещи к головке гвоздя, торчащего в правой ладони, он разворотил ему всю руку, потому что шляпка глубоко ушла в распухшую плоть, да и клещи оказались маловаты для подобной работы, Джебал кряхтел и ругался, так и этак раскачивая неподатливый гвоздь и безбожно терзая живое тело. Кровь текла вовсю, заливая Конану пальцы... Киммериец лежал до того неподвижно, что вполне сошел бы за мертвого — если бы не судорожные вздохи, вздымавшие широкую грудь... Наконец гвоздь зашатался, Джебал выдернул его и с торжеством поднял над головой, потом

отшвырнул окровавленный штырь и нагнулся над следующим.

Пытка повторилась... Завершив ее, Джебал взялся было за приколоченные ноги Конана. Однако киммериец, кое-как приподнявшись, отобрал у него клещи и оттолкнул своего мучителя — да так, что тот едва не упал. Кисти рук у Конана распухли почти вдвое против обычного, пальцы превратились в бесформенные сосиски... Простое движение — сжать кулак — отозвалось такой болью, что он до крови прокусил губу. Тем не менее Конан сумел ухватить непослушными руками клещи — и выдрал гвоздь сперва из одной ноги, потом из другой. На его счастье, они были вбиты не так надежно, как верхние...

И он поднялся, качаясь, как пьяный, на изувеченных, распухших ногах. Ледяной пот катился по его лицу и телу. Мышцы сводило судорогой, последние силы уходили на то, чтобы отогнать рвотный позыв...

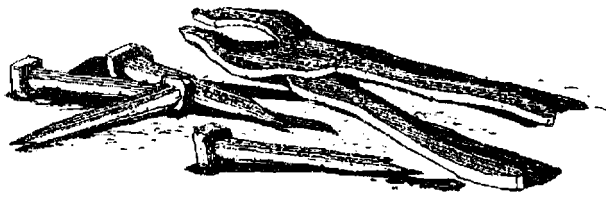
И Ольгерд, все это время внешне безучастно наблюдавший за ним, махнул рукой, указывая на краденого коня. Конан, спотыкаясь, поплелся вперед. Каждый шаг давался ему отчаянной мукой, кровавая пена выступила на губах. И вот изуродованная рука почти вслепую нашарила луку седла, окровавленная ступня с трудом просунулась в стремя... Бешено стиснув зубы, Конан попытался вскочить на коня — и это усилие едва не лишило его сознания. Все же он должным образом опустился в седло, и тут Ольгерд еще и огрел хлыстом его мерина. Испуганный конь вскинулся на дыбы, всадник, мало не вылетевший из седла, мотнулся неуклюже и тяжело, точно мешок с песком. Пытаясь хоть как-то справляться с конем, киммериец был вынужден намотать повод на обе руки. Пальцы сомкнулись в судорожной хватке. Конан принял повод на себя, он уже плохо соображал, что делает, но силы у него покамест хватало... Конь заржал и наконец подчинился — всадник едва не вывихнул ему челюсть.

Один из шемитов нерешительно взялся за фляжку с водой...

Ольгерд отрицательно покачал головой.

— Пусть потерпит, пока не доберемся до лагеря,— сказал он.— Туда всего-то десять миль ехать. Если малый годен для жизни в пустыне, ничего с ним до тех пор не сделается и без питья!

И всадники легкими призраками понеслись в сторону реки. Мчась среди них, Конан, точно пьяный, шатался в седле. Налитые кровью глаза стекленели, ветер сушил пену на почерневших губах...



3

ПИСЬМО В НЕМЕДИЮ

Странствующий мудрец носил имя Астрей. Ученый скиталец, вечно взыскующий истины, путешествовал по странам Востока, составляя суждение обо всем, что происходило в этих землях, вечно окутанных в представлении жителей Запада манящим флером таинственности.

Теперь почтенный мудрец писал письмо в родную Немедию, повествуя об увиденном Альсемиду — своему старинному другу и собрату-философу.

«...Здравый ум не в силах представить, добрый Альсемид, что творится в этом крохотном королевстве с тех пор, как государыня Тарамис приняла к себе Констанция с его наемниками (событие, которое я вкратце и впопыхах описал тебе в предыдущем письме). Миновало уже семь месяцев, и ощущение такое, будто несчастную страну заполучил в лапы демон. Тарамис положительно утратила разум: если прежде она славилась незапятнанной добродетелью, справедливостью и миролюбием, то теперь стала знаменита качествами в точности противоположными. Ее личная жизнь являет собой сущее посрамление нравственности... Пожалуй, слово "личная" я употребил здесь напрасно, ибо королева даже

не пытается скрыть разврат, царящий при дворе. Сама она постоянно предается откровенно безнравственным развлечениям, да еще и насильственно вовлекает в свои оргии юных придворных дам, не считаясь ни с девственностью, ни с узами молодого супружества.

Она не озаботилась даже тем, чтобы законно сочетаться со своим любовником, Констанцием, который восседает с ней рядом на троне и правит в качестве царственного супруга. Подручные последнего рады следовать примеру своего предводителя и напропалую бесчестят любую приглянувшуюся женщину, невзирая на ее родовитость и положение. Зажиточная прежде страна буквально стонет, изнывая под бременем непосильных налогов, земледельческие хозяйства разоряются одно за другим, а купцы ходят в лохмотьях — сборщики налогов попросту раздевают их догола! И ограбленным не до нарядов — эти несчастные еще радуются, если удается сохранить в целости собственную шкуру!..

Добрый друг мой, я сердцем чувствую снедающее тебя недоверие. Ты полагаешь, Альсемид, будто я преувеличиваю творящееся в Хауране? Согласен, ни в одной из стран Запада подобное невозможно. Но задумайся над глубокими различиями между Западом и Востоком, учти особенности этой части восточных земель. Во-первых, Хауран совсем невелик, всего лишь одно из множества маленьких княжеств, некогда составлявших *восточное пограничье империи Коф*. В наши дни города-государства вернули себе независимость, присущую им в древнейшие времена. Так вот, здешняя часть мира состоит из крохотных царств, едва ли сравнимых как с великими королевствами Запада, так и с обширными восточными султанатами. Однако малые страны сидят на караванных путях, что, как ты понимаешь, делает их значимыми и богатыми.

Хауран занимает место на самом юго-востоке. Он непосредственно граничит с пустынями восточного Шема. Столица, также именуемая Хаураном,— единственный сколь-

ко-нибудь заметный город в стране, и с его сторожевых башен видна река, отделяющая зеленые пастбища от бесплодных песков. Земля Хаурана столь плодородна, что приносит по три-четыре урожая в год, к северу и западу от столицы расположено множество деревень. Дома мы с тобой привыкли к загородным имениям с широкими полями и бесчисленными стадами скота, нам кажутся непривычными лоскутные посевы и крохотные виноградники, тем не менее щедрость земных плодов заставляет вспомнить о роге изобилия. Земледелие для жителей деревень — основное и единственное занятие. Здешний народ, имеющий смешанное происхождение, по природе своей совсем не воинствен, люди едва ли способны за себя постоять, да и ношение оружия им запрещено. Солдаты всегда служили им прикрытием, и, как ты понимаешь, при нынешних обстоятельствах селяне беспомощны и беззащитны. А народное восстание, которое непременно произошло бы в любой из западных держав, здесь попросту невозможно.

Пахари и пастухи безропотно трудятся под железной пятой захватчика. Чернобородые шемиты знай разъезжают по сельским угодьям с хлыстами в руках, точно надсмотрщики над черными рабами, что трудятся в усадьбах южной Зингары...

Впрочем, горожанам приходится нисколько не легче! У них отобрано едва ли не все имущество, их прекрасные дочери вынуждены служить ненасытной похоти Констанция и его наемников. Этим последним неведомы ни жалость, ни сострадание, зато присущи все качества, которым ужасались наши воины во время с сражений с шемитскими союзниками Аргоса,— нечеловеческая жестокость, извращенная страсть и поистине звериная свирепость. Между тем хауранские горожане являют собой правящую касту страны: в основном это хайборийцы, мужественные и не чуждые воинской доблести. Увы, предательство, совершенное королевой, ввергло их во власть жестоких гонителей. Шемиты те-

перь составляют в Хауране единственную вооруженную силу, и любого местного жителя, у которого обнаружат оружие, ждет самая зверская расправа. Мало того, захватчики искореняют молодых мужчин, способных к сопротивлению. Многих безжалостно уничтожили, других обратили в рабство и продали туранцам. Тысячи беглецов покинули королевство и пошли на службу к правителям иных стран либо примкнули к бесчисленным шайкам объявленных вне закона, скитающимся вдоль границ.

Непосредственно сейчас существует вероятность вторжения из пустыни, где обитают племена шемитов-кочевников. Наемники Констанция происходят из городов западного Шема, я имею в виду Пелиштим, Анаким, Акхарим. Зуагиры и другие кочующие племена люто их ненавидят. Как тебе отлично известно, добрый мой Альсемид, страны, населенные этими варварами, подразделяются на тучные западные, где стоят большие города и вдали простирается океан,— и пустыни востока, где бродят иссушенные солнцем кочевники. И, как водится, между оседлыми и номадами редко бывает мир.

Зуагиры много столетий совершали грабительские набеги на Хауран. В этом они особо не преуспели, однако завоевание Хаурана западными родичами немало их раздражает. Более того, ходят слухи, будто эту давнюю вражду всячески подогревает некий человек, бывший прежде начальником охраны королевы. В день переворота Констанций велел распять его на кресте, что и было исполнено, однако тот каким-то образом спасся и бежал в пустыню, к кочевникам. Зовут его Конан, и он сам из варваров,— между прочим, из тех самых киммерийцев, чью угрюмую ярость наши солдаты знают, увы, даже слишком хорошо... Поговаривают, будто Конан даже сделался правой рукой некоего искателя приключений по имени Ольгерд Владислав, козака, который в свое время явился сюда из северных степей и возглавил шайку зуагиров. И наконец, в народе передают, что

якобы за последнее время их шайка многократно разрослась, а посему вышеупомянутый Ольгерд — вне сомнения, подстрекаемый Конаном — начал замышлять против Хаурана большой военный поход.

Надобно полагать, Хауран ждет лишь разбойное нападение и ни в коем случае не война по правилам: зуагиры не располагают осадными машинами и понятия не имеют о тактике осады крупного города. К тому же история подтверждает, что кочевники рассыпным строем — я скорее назвал бы это отсутствием всякого строя — в ближнем бою не способны противостоять сплоченному, хорошо обученному и вооруженному войску шемитских горожан. Остается лишь предполагать, что простые хауранцы, по всей вероятности, даже обрадовались бы возможности подобного завоевания, ведь кочевники при всем желании не смогли бы обращаться с ними хуже нынешних хозяев страны, а вздумай зуагиры вообще всех перерезать — даже такая участь предпочтительнее той жалкой и страдальческой жизни, которую они ныне влачат. Другое дело, что эти робкие и забитые люди и помощи своим освободителям оказать не сумеют...

Воистину, невозможно без душевного участия наблюдать постигшую их участь!.. Тарамис, положительно одержимая демоном, не ведает предела ни в чем. Только представь себе: она упразднила поклонение Иштар, превратив городской храм в кумирню, где молятся истуканам. Она велела разрушить изваянную из слоновой кости статую богини, чтимой обитающей здесь восточной ветвью хайборийцев (конечно же, данная религия уступает великому учению Митры, которое признаем мы на Западе, но это все же не шемитское демонопоклонство!), и наполнила храм Иштар всеми видами непотребства. Теперь здесь можно видеть изваяния темных богов и богинь, до того непристойные и извращенные, что, воистину, дойти до подобного мог лишь полностью разложившийся разум!.. Среди идолов можно узнать нечистых божков, коим поклоняются шемиты, туранцы, жители Вен-

дии и Кхитая. Другие образы суть наследие жуткого полузабытого прошлого, смутные тени родом из невнятных легенд... Откуда молодая королева почерпнула подобное знание, я не отваживаюсь даже предполагать!

Увы, она успела ввести человеческие жертвоприношения, и с того времени, когда она заключила с Констанцием столь неблагословенный союз, сия скорбная участь постигла не менее пяти сотен мужчин, женщин и детей. Иные умерли на храмовых алтарях, и я слышал, будто королева самолично орудовала жертвенными кинжалами... Остальные, насколько мне известно, познали судьбу еще более жуткую.

Дело в том, что Тарамис поселила в подвале под храмом какое-то чудище... Что это за тварь и откуда она появилась, не ведомо никому. Но вскорости после того, как государыня подавила отчаянный бунт своих же солдат, направленный против Констанция, она уединилась в осквернённом храме на целую ночь, взяв с собой лишь дюжину связанных пленников, и горожане в ужасе следили за тем, как над куполом поднимался жирный, густой, омерзительно пахнувший дым. Всю ночь королева неистово выпевала жуткие заклинания, и ее пению вторили крики истязаемых пленников, а под утро к кошмарному хору присоединился еще один голос — нечеловеческое скрипучее кваканье, от которого кровь стыла в жилах... На рассвете Тарамис вышла наружу, обессиленная, нетвердая в ногах, но глаза ее светились демоническим торжеством! Несчастных пленников никто никогда больше не видел, и квакающий голос с тех пор более не звучал. Но в храме есть помещение, куда не заходит ни единая живая душа, кроме самой королевы,— и каждый раз, когда открывается его дверь, Тарамис уводит туда с собой человека для принесения в жертву. Обратно она всегда выходит одна... Из этого люди вполне закономерно сделали вывод, что в уединенном покое содержится существо, вызванное колдовством из темной бездны веков. Ему-то и скармливает беспомощных жертв Тарамис.

...Друг мой, я ловлю себя на том, что более не могу видеть в ней обычную смертную женщину, пусть сколь угодно порочную! Мне так и видится безумная демонница, устроившая себе мерзкое логово и возлежащая там среди людских костей, и на руках у нее не пальцы, а крючковатые когти, замаранные кровью невинных! И то, что боги так долго позволяют ей осквернять собой землю, поистине может поколебать веру в божественную справедливость, менее крепкую, чем моя!

Когда я пытаюсь сопоставить нынешнее поведение королевы с тем, которому был свидетелем по прибытии в Хауран,— мне не удается найти разумного объяснения переменам. Пожалуй, я склонен разделять мнение большинства простолюдинов, полагающих, будто в тело Тарамис вселился кровожадный демон. Впрочем, один из моих собеседников, юный воин по имени Валерий, утверждает иное. Он убежден, будто некая ловкая ведьма сумела принять облик, в точности повторяющий внешность обожаемой народом государыни Хаурана. Молодой воитель думает, что истинную Тарамис магическим образом похитили в ночь мятежа и теперь содержат в темнице, а тварь, самозвано занявшая ее трон,— всего лишь колдунья. Валерий поклялся отыскать и вернуть истинную королеву, если только та еще жива... Увы, мне приходится опасаться, не стал ли мой собеседник очередной жертвой жестокости Констанция. Он ведь участвовал в восстании дворцовой охраны, бежал и потом был вынужден скрываться, упрямо отказываясь искать убежища вне пределов страны, именно тогда мне довелось встретиться с ним и выслушать его мнение о случившемся...

Позже Валерий бесследно исчез, как многие ныне исчезают, и об их судьбе люди не отваживаются даже задумываться. Как бы не оказалось, что его узнал кто-то из ищеек Констанция!..

...Засим, друг мой, я завершаю письмо и доверяю его быстрокрылому почтовому голубю. Проворная птица отнесет мое

послание туда, где я ее купил,— на границу Кофа. Далее всадники и караваны верблюдов станут передавать его из рук в руки, пока со временем письмо не доберется к тебе. Скоро рассвет, мне приходится торопиться... Сейчас глубокая ночь, над висячими садами хауранской столицы светят яркие звезды. Мне кажется, друг мой, город содрогается от ужаса в ночной тишине, нарушаемой лишь угрюмым биением барабана далеко в храмовых стенах... Должно быть, Тарамис сейчас там — замышляет что-нибудь нечистому на потребу...»

Однако почтенный мудрец ошибался в своем предположении о нынешнем времяпрепровождении женщины, известной ему под именем Тарамис. Молодая женщина, самозваная хауранская королева, стояла в темном подземелье, озаренном трепетным пламенем одинокого факела, и отсветы огня прихотливо играли на ее лице, подчеркивая сверхъестественную жестокость, сквозившую в прекрасных чертах.

На голых камнях у ее ног съежилась девушка, чью наготу едва прикрывали рваные тряпки.

Вот Саломэ презрительно ткнула узницу носком позолоченной сандалии, а когда несчастная вздрогнула и отшатнулась, губы ведьмы искривила улыбка мстительного торжества.

— Что, милая сестричка, не нравятся тебе мои ласки?

Тарамис еще не до конца утратила прежнюю красоту, она оставалась прекрасной даже в грязи и мерзких лохмотьях, даже после семи месяцев заточения и издевательств. Она ничего не ответила на насмешки сестры, лишь опустила голову, как человек, успевший притерпеться к насилию и оскорблениям.

Саломэ не понравилось отрешенное равнодушие. Прикусив алую губку, она нахмурилась и некоторое время молча стояла над неподвижной узницей, притопывая сандалией по холодному камню... Королева-самозванка была разодета со всем варварским великолепием уроженки Шушана. Са-

моцветы переливались на ней буквально с головы до ног — и на сандалиях, и на золотых нагрудных пластинах, и на тонких цепочках, эти пластины скреплявших. При каждом движении на лодыжках позвякивали золотые браслеты, обнаженные руки отягощало золото, унизанное дорогими камнями. Голову Саломэ венчала высокая прическа по шемитской моде, в ушах красовались золотые кольца с нефритовыми подвесками; каждое надменное движение царственной головы заставляло украшения сверкать и звенеть. Расшитый самоцветами поясок поддерживал шелковую юбку, до того тонкую и прозрачную, что ткань не столько ограждала стыдливость Саломэ, сколько служила насмешкой над нравственностью, требующей прикрывать наготу.

Плечи и спину королевы кутал темно-красный шелковый плащ. Саломэ небрежно бросила его на локоть, до времени пряча узелок, который держала в руке. Внезапно нагнувшись, ведьма запустила свободную ладонь в спутанные волосы сестры, заставляя ту поднять голову и посмотреть ей в глаза.

— У тебя, я смотрю, последнее время что-то слезы пересохли, сестричка. Раньше, бывало, ты их ручьями лила...

Тарамис, не дрогнув, выдержала тигриный взгляд Саломэ.

— Не видать тебе больше моих слез,— тихо отвечала она.— Слишком часто ты наслаждалась, глядя, как хаурданская королева ползает перед тобой на коленях и всхлипывает, моля о пощаде. Я ведь знаю — ты сохранила мне жизнь лишь затем, чтобы мучить. Потому и все пытки, которым ты меня подвергаешь, не уродуют меня навечно и не лишают жизни... Но довольно: отныне я тебя не боюсь. Ты погасила во мне всю надежду, а с нею последние искры стыда и боязни. Убей же меня, ибо мои слезы более не порадуют тебя, ты, демоница, явившаяся из ада!

— Льстишь ты себе, милая сестричка,— промурлыкала Саломэ.— До сих пор я вынуждала страдать лишь смазливое тело, уничтожая твою гордость и достоинство. Но не за-

бывай: в отличие от меня, ты подвержена еще и мукам душевным! Я подметила это, когда развлекала тебя, вспоминая, как забавлялась кое с кем из твоих глупцов-подданных. Так вот, сегодня я принесла самое что ни есть весомое свидетельство моих невинных забав... Известно ли тебе, к примеру, что твой верный советник Краллид, укрывшийся было в Туране, тайно вернулся в страну и был схвачен?

Тарамис так и побелела.

— Что... что ты с ним сделала?..

Вместо ответа Саломэ извлекла из-под плаща свой таинственный узелок. Развернула шелковые покровы и подняла над собой отсеченную голову молодого мужчины. Черты безжизненного лица застыли в жуткой гримасе — смерть явно постигла несчастного после невообразимых мучений...

Тарамис вскрикнула, словно ей в сердце вонзили клинок:

— О Иштар!.. Краллид!..

— Он самый. Твой недоумок, знаешь ли, пытался подстрекать против меня народ. Он говорил людям, дескать, Конан был прав, утверждая, будто я — не Тарамис. Но как ты себе представляешь восстание народа против шемитов моего Сокола?.. С чем пойдут на них хауранцы? С камнями и палками? Фу, глупость... Так вот, обезглавленное тело Краллида рвут на базарной площади бродячие псы, а эту падаль я сейчас брошу догнивать в сточной канаве... Ну? Как тебе, сестричка? — Саломэ помолчала, наслаждаясь страданием своей жертвы.— О, да никак у тебя все-таки обнаружился запас непролитых слез?.. Ну вот и отлично. Не зря я приберегла душевные муки, так сказать, на десерт... Ты у меня еще налюбуешься подобными зрелищами, моя дорогая!..

Освещенная факельным светом, с отрубленной головой в воздетой руке, прекрасная Саломэ уже не выглядела дочерью смертной женщины... Впрочем, Тарамис на нее и не смотрела. Распростершись на осклизлом полу, она безудержно рыдала, колотя бессильными кулачками по холодному

камню... Саломэ танцующей походкой пошла к двери, ее драгоценный наряд звенел, сверкал и переливался.

Через несколько мгновений она вышла из-под угрюмой каменной арки, пересекла дворик и оказалась в извилистом переулке. К ней повернулся стоявший там человек — великан-шемит с мрачным взглядом и налитыми буйволиной силой плечами. Черная бородища гиганта стелилась по серебряным звеньям кольчуги.

— Плакала? — спросил он. Низкий голос отдавал то ли бычьим ревом, то ли раскатами далекой грозы. Это был старший предводитель наемников, один из немногих приспешников Констанция, посвященных в тайну двух королев.

— О да, Хумбанигаш, она плакала! Оказывается, в ее душе есть множество тайников, до которых я еще не добралась... Как только одно чувство притупится страданием, я немедленно отыщу новое, свежее, готовое чувствовать и болеть... Эй, поди сюда, пес!

Она обращалась к косматому, неописуемо грязному, едва волочившему ноги уличному бродяге, каких много развелось в Хауране за последние месяцы. Дрожа, побирушка приблизился, и Саломэ швырнула ему голову.

— Держи, глухое ничтожество! Ступай и выкинь в помойку... Объясни ему знаками, Хумбанигаш, он вправду не слышит!

Военачальник сделал, как было велено, и всклокоченный бродяга, мучительно хромая, поплелся прочь.

— На что тебе нужна такая таинственность, не пойму? — прогудел Хумбанигаш.— Ты, по-моему, сидишь на троне до того крепко, что тебя вряд ли кто сбросит! Почему бы и не открыть дуракам-хауранцам всю правду? Все равно они ничего сделать не смогут! Объявила бы ты им, кто ты на самом деле. А потом предъявила бы им драгоценную королеву — да и отрубила ей голову принародно...

— Нет, добрый мой Хумбанигаш. Пока еще не время...

Стрельчатая дверь закрылась за ними, заглушив и резкий говор Саломэ, и грозовой рокот Хумбанигаша. Глухонемой калека остался в *одиночестве посреди двора*. Теперь некому было увидеть, как дрожали его руки, поддерживающие голову мученика,— загорелые, жилистые, сильные руки, не сочетающиеся с обликом скрюченного бродяги во вшивом тряпье.

— Я знал!..— еле слышно прозвучал напряженный, яростный шепот.— Она жива!.. Твоя жертва была не напрасна, верный Краллид!.. Стало быть, ее заперли в том подземелье! О Иштар!.. Услышь меня, богиня! Тебе ведь по душе преданность — так помоги же мне теперь!..

4

ВОЛКИ ПУСТЫНИ

Ольгерд Владислав наполнил драгоценный кубок рубиновым вином из золотого кувшина и протянул сосуд Конану-киммерийцу. Они сидели за столиком из черного дерева,— роскошь, которой окружил себя Ольгерд, соответствовала тщеславию гетмана с Запорожки.

Его халат из белого шелка был расшит на груди переливчатыми жемчугами. Талию предводителя перстягивал бахориотский ремень, а полы халата, подвернутые назад, открывали взгляду широкие шелковые шаровары, заправленные в короткие сапожки мягкой зеленой кожи, вышитые опять-таки золотой нитью. На голове красовался зеленый шелковый тюрбан, обернутый кругом остроконечного шлема, отделанного золотой чеканкой. Единственным оружием Ольгерда был широкий кривой черкесский нож в ножнах из слоновой кости, помещенный, по козацкому обыкновению, высоко на левом бедре. Откинувшись в резном позоло-

ченном кресле, Ольгерд с довольным вздохом вытянул ноги и, шумно чмокая, принялся смаковать алое искрящееся вино.

По сравнению с таким утонченным великолепием киммериец, расположивший напротив, выглядел неотесанным чурбаном. Громадный, дочерна загорелый, с густой черной гривой, подстриженной надо лбом, и синими пламенеющими глазами. Вороненая кольчуга, меч в простых вытертых ножнах... Золотом блестела только пряжка поясного ремня.

Они вдвоем сидели в просторном шелковом шатре, увешанном златотканными занавесями и устланном пушистыми коврами и бархатными подушками — добыча, взятая при разграблении караванов. Снаружи еле слышно доносился неразборчивый гул, какой всегда стоит над большими скоплениями людей, будь то лагерь или войско в походе. Над кровом шатра пустынный ветер шевелил перистые листья пальм.

— Сегодня — тень, завтра — солнышко,— проговорил Ольгерд, ослабляя алый пояс и вновь протягивая руку к кувшину с вином.— Такова жизнь! Когда-то я жил на реке Запорожке и звался гетманом, теперь я предводитель воинов пустыни. Семь месяцев назад ты висел на кресте за стенами Хаурана... А теперь стал правой рукой величайшего грабителя караванов на всем пространстве от туранских границ до лугов Запада. Не хочешь меня поблагодарить?

— За что? За признание моей полезности? — рассмеялся Конан и в свою очередь взялся за кувшин.— Когда ты позволяешь кому-либо возвыситься, ты это делаешь в основном для собственной выгоды... Все, что у меня есть, я заработал собственными потом и кровью!

И он покосился на шрамы у себя на ладонях. Минувшие семь месяцев наградили его еще и иными отметинами на теле.

— Верно,— согласился Ольгерд,— ты дерешься, точно целый отряд демонов. Но только не воображай, будто но-

вобранцы, в великом множестве пополнившие наши ряды, явились сюда в основном ради тебя! Не-ет, их привлекли слухи о наших удачных набегах, — а за эти успехи следует благодарить мой ум. Кочевники всегда ищут себе удачливого вождя, и так уж получается, что чужестранцы привлекают их больше, нежели соплеменники... Знаешь, когда я думаю, чего мы можем добиться, я не вижу предела совершенству. Сейчас у нас одиннадцать тысяч бойцов. Еще год, и вокруг нас соберется втрое больше. До сих пор мы ограничивались набегами на туранское пограничье и западные города-государства. Но с тридцатью или сорока тысячами можно подумать и о настоящих делах! Почему бы мне не завоевать себе королевство и не взойти на трон? Положим, я стану императором Шема, а ты — моим визирем... Конечно, если будешь по-прежнему беспрекословно исполнять мою волю... А до тех пор — давай для начала двинемся на восток да захватим туранскую крепость Везек, где платят пошлину караваны!

Но Конан покачал головой:

— Я думаю о другом.

Вспыльчивый Ольгерд раздраженно свел брови:

— Как это — он думает о другом? Войско мое, и думаю здесь — я!

— Здесь достаточно народу для моей цели,— продолжал Конан.— У меня, знаешь ли, должок не оплачен, и я устал ждать.

— Вот как!..— нахмурился было Ольгерд, но потом, отпив еще вина, усмехнулся: — Стало быть, тебе тот крест покоя не дает? Люблю, право, таких, кто способен от души ненавидеть... Впрочем, месть подождет.

— Ты говорил когда-то, что поможешь мне взять Хауран,— сказал Конан.

— Да, говорил,— кивнул Ольгерд,— но то было прежде, чем я осмыслил все возможности, которые открывает наше нынешнее могущество. Я думал о том, как славно когда-ни-

будь обобрать этот город... Однако теперь, когда перед нами будущее, я не хочу тратить силы без толку и выгоды. Хауран — слишком крепкий орешек, сейчас трудновато его разгрызть. Вот через годик...

— Через неделю,— ответил Конан, и определенность, прозвучавшая в его голосе, заставила козака вздрогнуть.

— Послушай-ка,— сказал Ольгерд.— Даже если бы я пошел у тебя на поводу и решил ради глупой прихоти пожертвовать войском — неужели ты полагаешь, будто эти пустынные волки действительно сумеют осадить и взять укрепленный город вроде Хаурана?..

— Осады не будет,— проговорил киммериец.— Я знаю, как выманить Констанция за ворота.

— Ну выманишь ты его, и что дальше? — воскликнул Ольгерд, сопроводив свою вспышку проклятием.— Нам и в перестрелке-то не устоять, потому что ассуры закованы в отличную броню, а о рукопашной я уж вовсе молчу! Их сомкнутый строй взрежет и рассеет наше войско, точно ветер мякину!

— Если три тысячи отчаянных конников-хайборийцев составят бронированный клин — а этому приему я способен их обучить,— подобного не произойдет.

— Может, объяснишь мне, где это ты возьмешь аж три тысячи хайборийцев? — язвительно осведомился Ольгерд.— Или ты собираешься наколдовать их прямо из воздуха?

— У меня они уже есть,— ответил Конан невозмутимо.— Три тысячи хауранцев, жаждущих боя, стоят лагерем у оазиса Акрель и ждут лишь моего слова.

Ольгерд оскалился, точно потревоженный волк.

— Что?..

— Что слышал. Люди, бежавшие от гнета Констанция. Они скитались в пустынях восточнее города. Жизнь изгоев сделала их поджарыми и свирепыми, они отчаянны и кровожадны, точно тигры, попробовавшие человечины. Каж-

дый из них живьем сожрет троих толстопузых наемников, за это я поручусь. Тяготы и обиды, знаешь ли, выковывают людей, сообщая телам и сердцам железную крепость... Множеству мелких шаек требовался только вожак, способный объединить их. Я послал к ним всадников, и они мне поверили. Они собрались у оазиса и теперь ждут, чтобы я ими распорядился.

В глазах Ольгерда начали разгораться нехорошие огоньки, рука потянулась к поясу с ножнами.

— И ты проделал все это,— проговорил он медленно,— даже не ставя меня в известность?

— Они,— сказал Конан,— хотели видеть своим вожаком меня, а не тебя.

— Чего же ты наобещал этим бездомным, раз они готовы броситься за тобой в огонь? — спросил Ольгерд, и в его голосе зазвучали опасные нотки.

— Я сказал им, что волки пустыни помогут им уничтожить Констанция и вернуть Хауран тем, кто жил в нем от века.

— Недоумок! — прошипел Ольгерд.— Ты считаешь себя вождем главнее меня?

Теперь двое мужчин стояли друг против друга, разделенные лишь изящным эбеновым столиком. В холодных серых глазах Ольгерда плясали демонические огни. Жесткие губы киммерийца кривила мрачная усмешка.

— Я велю разорвать тебя, привязав к четырем пальмам...— спокойно пообещал козак.

— Давай,— с вызовом кивнул Конан.— Позови воинов и прикажи им, посмотрим, послушаются ли они тебя.

Ольгерд яростно оцерился, вскинул было руку... и замер. Уверенность, которой дышала загорелая физиономия киммерийца, заставила его передумать. Зато глаза бывшего гетмана разгорелись по-волчьи.

— Ты, подонок с западных холмов...— пробормотал он сквозь зубы.— Да как ты решился посягать на мою власть?

— А мне и не понадобилось на нее посягать,— сказал Конан.— Она сама упала мне в руки. Ты ведь неправду сказал, будто новобранцы пришли сюда вовсе не ради меня. Очень даже ради меня! Они, может, и слушались твоих приказов, но в бою следовали за мной... И, как я посмотрю, двум вождям у зуагиров не быть. Они отлично знают, из нас двоих я — сильней. Я лучше понимаю этих людей, а они — меня, ведь я варвар, как и они.

Ольгерд ядовито спросил:

— А что они скажут, когда ты попросишь их драться за хауранцев?

— Они пойдут туда, куда я их позову. Я пообещаю им караван верблюдов, набитый золотом из дворца. И Хауран с радостью отсыплет им золото как плату за избавление от Констанция... А потом я их поведу против туранцев, как ты и намеревался. Зуагиры жаждут добычи — а с кем сражаться, с Констанцием или с кем-то еще, им по большому счету разницы нет.

Ольгерд мало-помалу осознавал, что потерпел поражение. Кажется он слишком размечтался о будущей империи — и упустил из виду происходящее прямо под носом. Вот теперь, когда стало поздно, он вспомнил уйму всяких мелочей, которым не придавал значения,— и понял, насколько Конан далек от праздного бахвальства. Стоявший перед ним гигант в черной кольчуге являлся истинным вождем зуагиров. А он, Ольгерд, успел стать никем. И ничем.

— Умри же,— выдохнул бывший гетман, и его ладонь стремительно метнулась к ножу. Но не достигла: рука Конана с кошачьей быстротой выстрелила вперед, железные пальцы сомкнулись у Ольгерда на предплечье...

Было слышно, как хрустнули кости...

На какое-то мгновение противники замерли, точно два изваяния, лишь по лбу Ольгерда каплями покатился пот... Потом Конан рассмеялся — впрочем, не разжимая хватки.

— Ну что? — сказал он.— Достоин ты жить, Ольгерд?

По-прежнему улыбаясь, он усилил нажим, так что мышцы взбугрили кожу у него на руке, а пальцы вмялись в трепещущую плоть козака. Обломки костей начали крошиться один о другой. Лицо Ольгерда стало пепельно-серым, из прокушенной губы потекла кровь, но все-таки он не издал ни звука.

Снова засмеявшись, Конан выпустил его и отступил прочь. Ольгерд зашатался и вынужден был схватиться за край столика здоровой рукой, чтобы не упасть.

— Я оставлю тебе жизнь, Ольгерд, как ты когда-то оставил ее мне,— проговорил Конан спокойно.— Хотя ты тогда велел снять меня с креста лишь ради выгоды. Помнишь, какому жестокому испытанию ты меня подверг? Сам ты не выдержал бы его. И никто бы не выдержал — кроме варвара с запада!.. Бери своего коня, Ольгерд, и уезжай. Конь привязан там, за шатром, и в седельных сумках припасены еда и питье. Никто не заметит твоего отъезда, но лучше не мешкай! Свергнутым вождям нет пощады в пустыне. Если воины увидят тебя покалеченного и низложенного — живым тебе из лагеря не уйти...

Ольгерд ничего ему не ответил. Молча, медленно он повернулся и пошел к выходу из шатра, где ветер трепал шелковые занавеси. Так же без звука взобрался в седло крупного белого жеребца, ждавшего его у коновязи под пальмой... Развернул коня и, укрыв больную руку под просторным халатом, поехал на восток — в бескрайнюю пустыню, прочь из племени зуагиров.

Оставшись один, Конан для начала опустошил винный кувшин. Утерев губы, он закинул посудину в угол, поправил пояс и вышел наружу. Ненадолго остановился, чтобы окинуть взглядом ряды палаток из верблюжьей шерсти, раскинувшиеся поодаль... Между палатками бродили люди в белых одеждах. Они пели, ругались, спорили, чинили конскую сбрую, острили кривые мечи-тальвары...

Затем Конан возвысил голос, и его призыв громом раскатился по лагерю.

— Эй, псы, ну-ка навострите уши и слушайте, что скажу! Подходите поближе, у меня тут для вас есть словечко-другое...

5

ГОЛОС ИЗ КРИСТАЛЛА

В комнате внутри одной из башен близ городских стен собралось несколько человек. Один из них держал речь, остальные внимательно слушали. Все присутствовавшие были молоды, всех отличала особая жесткость черт и жилистая стать от постоянной готовности к бою не на жизнь, а на смерть. Все были в потертых кожаных одеждах, при оружии и в кольчугах.

— Я знал — Конан правду сказал, утверждая, что это была не Тарамис! — возбужденно говорил оратор. — Много месяцев я болтался у дворца под личиной глухонемого бродяги и наконец доподлинно вызнал — я не ошибся, предполагая, будто нашу бедную королеву держат в темнице, в одном из подземелий, примыкающих ко дворцу. Дождавшись удобного случая, я перехватил шемита-тюремщика — стукнул его по затылку, когда поздно ночью он выходил со двора, затащил в погреб поблизости и как следует допросил. Прежде чем испустить дух, палач поведал мне все, что я вам сейчас рассказал, подтвердив: как мы с вами и подозревали, под личиной Тарамис Хаураном правит ведьма по имени Саломэ. Тарамис же томится в глухом застенке, в самом глубоком из тюремных подвалов...

Так вот, вторжение зуагиров дает нам шанс, о котором мы и мечтать не смели! Что в действительности задумал Конан — судить не берусь. Возможно, он стремится лишь отомстить Констанцию. Возможно, он хочет разграбить город и даже разрушить его... Он же варвар — почем знать мысли варвара?

Я так вам скажу: наша с вами задача — спасти королеву, пока будет длиться сражение. Констанций выводит войска на равнину, желая задать Конану бой. Я видел — уже сейчас его люди садятся на лошадей... В городе все равно слишком мало продовольствия, чтобы выдержать осаду. Конан неожиданно налетел из пустыни, запасов не подвезти... Зато сам киммериец к осаде вполне готов. Лазутчики утверждают, будто у зуагиров даже появились осадные машины, построенные, без сомнения, опять-таки под руководством Конана, опытного в воинской науке западных стран.

Итак, Констанций постарается избегнуть долгой осады, он выведет своих людей на равнину в надежде разметать кочевников Конана одним решительным ударом. Таким образом, в городе останутся лишь несколько сотен наемников, и все они будут, скорее всего, на стенах и при воротах, а возле тюрьмы многочисленной охраны стоять не должно.

Когда же мы освободим Тарамис... Вот вызволим ее — тогда и посмотрим, как быть дальше. Если Конан одержит верх — покажем народу настоящую королеву и призовем горожан к восстанию. Я уверен, люди поднимутся! Непременно поднимутся!.. Они так натерпелись, что голыми руками разорвут оставленных в городе шемитов и захлопнут ворота, отгораживаясь и от наемников, и от зуагиров. Мы никого к себе больше не пустим... После пригласим Конана на переговоры. Мы помним, как он всегда уважал и любил королеву. Если он узнает правду, и в особенности если Тарамис сама к нему обратится,— надобно думать, он пощадит город... Если же победа достанется Констанцию, а Конан будет разбит... что, к сожалению, более вероятно... Тогда при-

дется тайно выбираться с королевой из города и искать спасения в бегстве... Все ясно, друзья мои?

Собравшиеся дружно закивали.

— Так возьмемся же за оружие,— воскликнул говоривший,— вручим наши души Иштар и двинемся к подземной темнице, ибо насмники уже выходят через южные ворота!..

...Дело обстояло именно так, как он говорил. Солнце играло на остроконечных шлемах и разноцветном убранстве боевых коней — насмное воинство широкой рекой втягивалось под каменную арку. Предполагалось, что сражение примет на себя в основном конница — так, как это водилось в странах Востока. И всадники стальной лавиной двигались навстречу своей судьбе — вороненые и серебристые кольчуги, завитые бороды, горбатые носы, безжалостные глаза, не ведающие жалости и сомнений.

Жители безмолвной толпой собирались вдоль улиц и стен. Хауранцы глядели на чужаков, уходивших вроде бы защищать их родной город... Никто не произносил ни слова, обнищавший, оборванный народ просто стоял и смотрел, держа шапки в руках...

В башне у окна с видом на широкую улицу, что вела к южным воротам, на бархатном диване нежилась Саломэ. И не без насмешки наблюдала, как Констанций препоясывает поджарые чресла широким боевым ремнем и натягивает латные рукавицы. Кроме них двоих, в комнате никого не было, лишь снаружи сквозь золотую оконную решетку долетал ритмичный цокот копыт и глухой лязг оружия.

— Еще до заката у тебя наберется полным-полно пленников на корм твоему храмовому демону,— покручивая тонкий ус, пообещал Констанций.— А то его, небось, уже тошнит от мягкой плоти изнеженных горожан. Сегодня он узнает, каковы на вкус закаленные воины из пустыни!

— Смотри, сам не угоди на обед чудищу пострашней Цога,— предостерегла девушка.— Ты, случаем, не забыл, кто стоит во главе этих двуногих животных?

— Забудешь его, пожалуй,— буркнул наемник.— Думаешь, почему я решил выйти ему навстречу? Негодяй сражался на западе, он знает, как брать город измором. Мои разведчики еле сумели подобраться к его войску на марше,— он выставил охранение, а у этих зуагиров глаза ястребиные,— но все-таки мои люди подошли достаточно близко, чтобы заметить машины, поставленные на колеса, влекомые упряжками верблюдов. Тараны, катапульты, баллисты... О Иштар! У него там, похоже, десять тысяч человек день и ночь трудились не покладая рук, причем не менее месяца!.. И где он столько дерева набрал, вот чего не пойму. Не иначе, с туранцами договорился, они его и снабдили...

А впрочем, оно ему все равно не поможет. Мне доводилось биться с волками пустыни, я наперед знаю, как все будет. Сперва перестрелка — и тут моих людей защитит надежная броня,— а после атака, в которой наш сплоченный строй рассечет беспорядочные рои зуагиров, развернется и довершит разгром, рассеивая их на все четыре ветра. Говорю тебе, еще до заката я въеду в южные ворота, и за хвостом моего коня будут плестись сотни голых связанных пленников. Вечером мы устроим праздник на площади перед дворцом! Моим молодцам, знаешь ли, нравится живьем сдирать с пленников кожу,— вот и устроим им доброе развлечение, а тонкошеих горожан заставим смотреть!.. Что до Конана... Если удастся захватить его живым, я уж не откажу себе в удовольствии. Посажу его на кол прямо на ступенях дворца...

— Да на здоровье, сдирай шкуры хоть со всех сразу,— зевнула колдунья.— Давно хотела пошить себе платье из человеческой кожи, тщательно выделанной... Оставь мне только сотню с чем-нибудь пленных — для алтаря и для Цога.

— Все сделаю, как пожелаешь,— пообещал Констанций, рукой в железной рукавице убирая редеющие волосы с высокого залысого лба, покрытого густым загаром.— Буду биться за победу и во имя непорочной чести Тарамис!..—

добавил он ядовито, беря под мышку свой шлем с забралом и вскидывая руку в шутовском салюте.

Лязгая латами, он покинул чертог. Еще некоторое время Саломэ слышала, как он резким голосом отдавал приказы своим военачальникам. Когда все стихло, она откинулась на подушки, зевнула, сладко потянулась — гибкая, точно кошка,— и громко позвала:

— Занг!..

Сейчас же беззвучно вошел жрец, чья желтая кожа напоминала пергамент, туго натянутый прямо на череп. Саломэ повернулась туда, где на подставке из слоновой кости покоились два хрустальных шара, и, взяв меньший из двух, протянула жрецу.

— Езжай с Констанцием,— сказала она.— Я хочу знать, что произойдет на поле сражения. Ступай!

Череполицый низко поклонился, явно понимая госпожу с полуслова. И, спрятав блестящий шар под темным плащом, поспешно вышел из комнаты.

Снаружи, в городе, пока стояла тишина — если не считать постепенно отдалявшегося топота множества копыт, а потом — короткого лязга закрываемых ворот. По широкой мраморной лестнице Саломэ поднялась на плоскую крышу, затененную шатром и окруженную каменной балюстрадой, на самое высокое здание города. С него были хорошо видны пустые улицы и безлюдная площадь перед дворцом... Правду сказать, площадь последнее время в основном так и выглядела — народ выучился избегать зловещего храма напротив дворца,— но сегодня как будто вымер весь город. Какие-то признаки жизни удалось заметить лишь на южной стене да на крышах, с которых открывался вид на равнину. Вот где народ толпился по-настоящему густо!.. Хауранцы не выкрикивали никаких пожеланий войску, вышедшему сражаться, потому что не знали, чего желать Констанцию, поражения или победы. Победа определенно сулила дальнейшее прозябание под рукой немилостивого правителя.

В случае поражения не исключался разгром города и кровавая резня. Чего ждать от Конана, не ведал никто. Все помнили его по прежним временам, но он был варваром, а душа варвара, как известно,— потемки... К тому же от него не поступало никаких вестей с самого времени переворота... И люди просто стояли на крышах, молча ожидая развязки. А когда молчит такая толпа, тишина кажется неестественной и зловещей...

Между тем отряды наемников выстраивались на равнине в боевые порядки. Вдалеке, возле самой реки, можно было видеть темную надвигающуюся массу — оттуда шел неприятель. Только очень острое зрение могло различить всадников и коней. На дальнем берегу выделялись более крупные силуэты. Конан предпочел оставить осадные машины за рекой, явно опасаясь, что Констанций нападет во время переправы. Киммериец привел на хауранскую сторону одних всадников. Солнце поднималось выше, и в темной туче близившегося войска огнистыми молниями засверкали оружие и доспехи. Шемиты Констанция закончили построение и подняли коней в галоп. До людей на стенах докатился низкий глухой рев...

Отряды конницы и пехоты накатывались друг на друга, сливались, перемешивались. Издали они казались сплошным живым морем — не выхватить отдельного воина, не отличить атаку от контратаки. Над равнинами росли тучи взбитой копытами пыли, то и дело из нее выплескивались и снова исчезали конные лавы; сверкали наконечники копий.

Пожав плечами, Саломэ двинулась вниз по лестнице. Дворец тонул в тишине — рабы перебрались на крепостную стену и смешались с городскими зеваками.

Она вошла в комнату, где недавно разговаривала с Констанцием, и приблизилась к пьедесталу, заметив, что хрустальный шар полон тумана, серого, пронизанного крова-

выми струями. Что-то не так! Ведьма склонилась над шаром, шепча проклятия.

— Занг! — позвала она.— Занг!

Клубящийся в сфере дым чуть разредился и обернулся тучами пыли, в них мелькали неузнаваемые черные силуэты и молниями сверкала сталь. Внезапно лик занга сделался абсолютно ясным, его круглые от страха глаза воззрились на Саломэ. Из раны на голом черепе сочилась кровь, кожа посерела от смешавшейся с потом пыли. Раздвинулись кривящиеся губы, и любой другой на месте Саломэ решил бы, что этот рот напрасно силится исторгнуть страдальческие крики. Но до ее ушей слетавшие с бледных губ звуки доносились так же, как если бы жрец стоял рядом, а не вопил в меньший кристалл, находясь во многих полетах стрелы от дворца. О том, что за невидимые волшебные нити протянулись между двумя мерцающими сферами, знали, наверное, только боги тьмы.

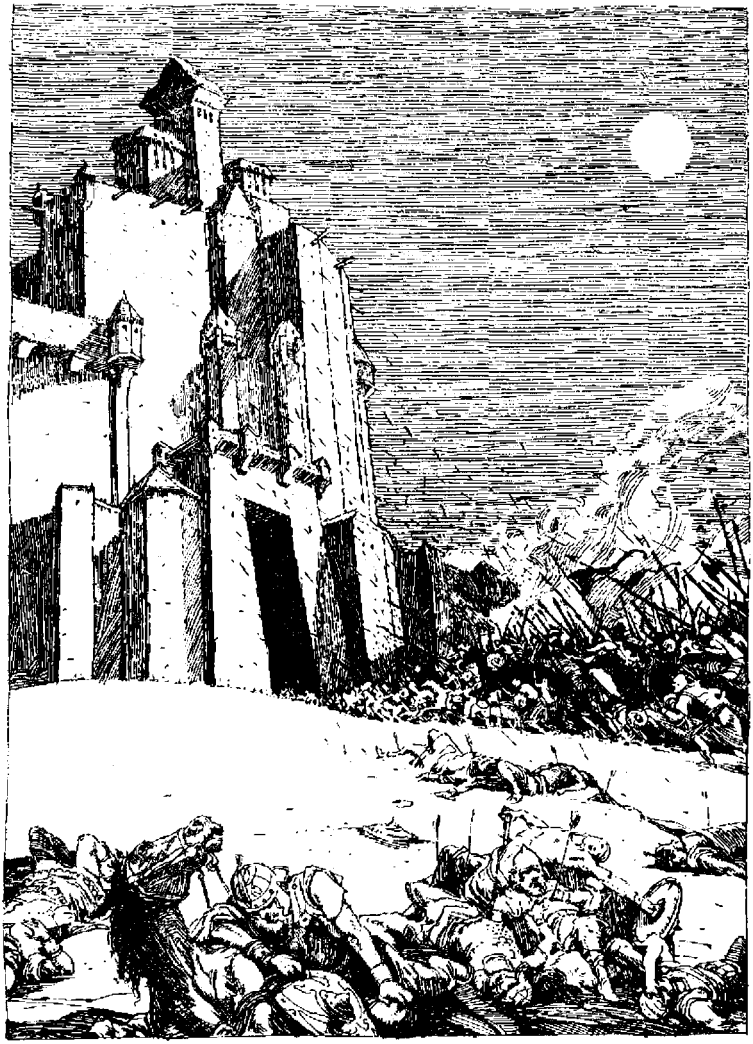
— Саломэ! — кричала окровавленная голова.— Саломэ!

— Я слышу! — воскликнула женщина.— Докладывай, как идет битва?

— Мы пропали! — заходился жрец криком.— Хауран обречен! Подо мной пала лошадь, я беспомощен! Вокруг как мухи гибнут люди в серебристых кольчугах!

— Не рыдай словно баба, говори толком! — прорычала она.

— Когда мы двинулись на волков пустыни, они выступили навстречу,— подвывая, объяснил жрец.— В тучах пыли засвистели тысячи стрел, заставив кочевников попятиться. Констанций приказал атаковать, и мы ровными рядами, с грозным топотом копыт устремились вперед. Но тут вражья орда распалась надвое, а брешь вмиг заполнили три тысячи хайборийских всадников, и откуда они только взялись! Это свирепые хауранцы! Закованные в железо исполины на могучих конях! Обрушились на нас подобно молнии, раскололи, как стальной клин раскалывает гнилое по-



лено! И прежде чем мы успели оправиться от потрясения, с обоих флангов ударили разбойники пустыни. Смяли наши ряды, рассеяли армию! Конан, будь проклят этот демон во плоти, обманул нас, как младенцев! Выставил поддельные осадные машины — наши разведчики издали не разглядели пальмовые каркасы и крашеный шелк. Ему надо было выманить нас, и он своего добился! Теперь наши воины бегут! Пал Хумбанигаш, его зарубил сам Конан. Среди охваченных паникой толп кровожадными львами рыщут хауранцы, а зуагиры безнаказанно пронзают наших воинов стрелами. Я... А-а-а!..

В кристалле будто молния полыхнула, а может, то сверкнула боевая сталь. Плеснула яркая кровь, и шар опустел, только перекошенное злобой лицо Саломэ отражалось в нем теперь.

Несколько мгновений она простояла в полной неподвижности, вытянувшись в струнку и глядя в пустоту. Наконец хлопнула в ладоши, и в комнату вошел бритоголовый священник, такой же молчаливо-послушный, как и первый.

— Плохи наши дела,— объяснила она, не мешкая.— Констанций разбит, еще час, и Конан снесет крепостные ворота. И у меня нет сомнений: если попадусь к нему в лапы, пощады не будет. Но сначала я позабочусь о том, чтобы моя проклятая сестренка не взошла обратно на трон. Иди за мной! Сделаем, что в наших силах, устроим Цогу добрый пир!

Шагая по лестницам и дворцовым галереям, Саломэ слышала растущий гул с далеких стен. Там зеваки сообразили, чем оборачивается для города поражение Констанция. В тучах пыли уже удавалось различить наступающие массы конницы.

От дворца отходила длинная крытая галерея с высокими мрачными сводами. Самозваная королева и жрец преодолели ее чуть ли не бегом, отворили тяжелую дверь и очутились в тюремном сумраке. Широкий коридор привел их

к лестнице, спускавшейся во мрак. Саломэ резко остановилась и выругалась. На ступеньках неподвижно сидел шемит, задрав кверху короткую бороду. Женщина съежилась, разглядев полуразрубленную шею тюремщика.

Тут снизу долетели голоса запыхавшихся от бега людей, и она прянула назад в сумрак коридора, одной рукой отталкивая с пути жреца, другой хватаясь за подвешенный к поясу мешочек.

6

ХИЩНЫЕ КРЫЛЬЯ

От сна, в котором Тарамис, королева Хаурана, пыталась найти забвение, ее пробудил чадный свет факела. Приподнявшись на ложе, она расчесала пальцами спутанные волосы и проморгалась. Неужто опять пришла Саломэ, неужто опять будут насмешки и изощренные пытки? Но тут она услышала радостный голос:

— Тарамис! О моя королева!

И столь неожиданным был этот зов, что она усомнилась в своем пробуждении.

За факелом угадывались силуэты, поблескивал металл. Над королевой склонились пятеро, но не смуглые от природы крючконосые лица были у них, а узкие, с ястребиными чертами и солнечным загаром.

Один резко опустился на колено перед одетой в лохмотья девушкой:

— О Тарамис! Мы нашли тебя, хвала Иштар! Я Валерий, неужели не помнишь? Разве не с твоих уст слетела хвала верному слуге, когда он одержал победу при Корвеке?

— Валерий...— пролепетала она.

И тут же из глаз брызнули слезы.

— Валерий! О нет, я сплю! Это новые козни Саломэ, это колдовство, это пытка!

— Нет! — ударил по каменным стенам полный страсти возглас.— Это к тебе на выручку пришли верные вассалы. И мы должны поспешить. Констанций выступил против Конана, который перевел через реку зуагиров, но три сотни шемитов остались оборонять город. Мы убили тюремщика и забрали ключи, и, хотя других стражей здесь вроде бы нет, медлить опасно. Идем!

Но королеву не держали ноги, и не слабость была тому причиной, а глубокое потрясение. Валерий поднял ее как младенца и заспешил вслед за факелоносцем к скользкой каменной лестнице. Она казалась бесконечной, но все же настал тот миг, когда беглянка и ее спасители очутились в широком сводчатом коридоре.

Не успели они сделать и двух шагов, как шедший впереди хауранец выронил факел и закричал в смертной муке. Мглу коридора разорвал голубой сполох, осветив на миг искаженное лютой злобой лицо Саломэ и скорчившуюся рядом с ней звероподобную тварь. А уже в следующий миг воцарилась мгла — вспышка ослепила недругов ведьмы.

Валерий с королевой на руках двинулся наугад. Словно в бреду, он слышал, как лютые когти и зубы раздирают человеческую плоть; слышал хрип умирающих товарищей и голодное ворчание монстра. Внезапно из его рук вырвали драгоценную ношу, и жестокий удар по шлему поверг его на пол.

Кое-как он поднялся на ноги, тряся головой, чтобы отделаться от синего пламени — оно все еще плясало в глазах. Когда наконец вернулось зрение, Валерий понял, что остался один в коридоре, покойники не в счет. Четверо лежали в собственной крови, черепа расколоты, вспороты животы. Ослепленные и оглушенные адским огнем, его спутники не оказали никакого сопротивления убийце. Королева исчезла.

Проклиная коварство ведьмы и собственную неосторожность, Валерий подобрал меч, стащил с головы шлем и бросил его на каменный пол. По лицу текла кровь из раны на темени.

Не успел он задаться вопросом, что предпринять, как услышал отчаянный зов:

— Валерий! Валерий!

Шатаясь и спотыкаясь от слабости, он побрел на голос. Едва повернул за угол, как в его объятиях очутилось тугое и жаркое тело.

— Игва! Ты с ума сошла?

— Я не могла не прийти! — всхлипнула девушка.— Прокралась вслед за тобой и спряталась под аркой во внешнем дворе. Только что я видела, как Саломэ вышла из дворца в сопровождении чудовища, которое несло женщину. Как тут было не догадаться, что ты не сумел вызволить Тарамис. О, ты ранен!

— Царапина.— Он высвободился из ее хватких рук.— Скорей говори, куда они направились.

— Через площадь, к храму.

Он побледнел.

— О Иштар! Это исчадие ада вздумало принести Тарамис в жертву своим обожаемым демонам! Игва, нельзя медлить. На южной стене много людей, они следят за битвой. Скорей беги к ним, скажи, что отыскалась настоящая королева, но самозванка тащит ее в храм. Беги же!

Заливаясь слезами, девушка унеслась прочь — лишь легкие сандалики простучали по каменной мостовой. Валерий же со всех ног полетел через двор, затем по улице и наконец — через широкую площадь, к огромному, некогда величественному зданию, высившемуся против дворца.

Измеряя мрамор отчаянными прыжками, он взвился по широким ступеням, промчался между колоннами портика... Судя по всему, обреченная пленница отчаянно сопротивлялась. Понимая, что за судьба ей уготована, Тарамис дралась изо всех сил, насколько было к тому способно ее гибкое юное

тело. Один раз ей удалось даже вырваться из лап страхолюдного жреца, но ее снова схватили...

Теперь ее тащили через обширный неф. Уже виднелся жуткий алтарь и за ним — громадная металлическая дверь, покрытая изображениями самого развратного свойства. Множество народа прошло сквозь эту дверь, но только в одну сторону, возвращалась всегда лишь Саломэ. Тарамис из последних сил хватала ртом воздух, в пылу борьбы чужие руки сорвали с нее последние тряпки, скрывавшие наготу, и она билась в руках обезьяноподобного жреца, словно белокожая нимфа в волосатых лапах сатира. Саломэ не без удовольствия наблюдала за ее тщетными попытками вырваться. Все вместе они двигались к ужасной двери, а из потемок под сводами за ними наблюдали богомерзкие изваяния, ни дать ни взять одушевленные противоестественной жизнью...

Задыхаясь от ярости, Валерий с мечом в руке несся через храмовый зал... Услышав предостерегающий крик Саломэ, черепоцицый жрец оглянулся, отбросил Тарамис, выхватил широкий, замаранный кровью нож и устремился навстречу юному хауранцу. И вот тут оказалось, что резать беспомощных, ослепленных колдовской вспышкой людей — одно, а биться с крепким и жилистым молодым хайборийцем, воспламененным ненавистью и праведным гневом,— совсем другое!

Взметнулся окровавленный нож... но прежде, чем он смог опуститься, длинный, тонкий, отточенный клинок Валерия со свистом распорол воздух, и кулак с ножом отлетел прочь, сопровождаемый фонтаном крови из обрубленного запястья. В ярости Валерий располосовал поверженного жреца еще несколькими ударами, с равной легкостью рассекавшими кости и плоть... Покатилась по полу обтянутая желтой кожей голова, следом рухнул разрубленный почти надвое торс...

Расправившись с супостатом, Валерий крутанулся, проворный, точно лесной кот, ища взглядом Саломэ... Похоже,

в тюремном коридоре ведьма успела израсходовать свой огненный порошок. Она склонялась над Тарамис, намотав на руку пышные локоны сестры... Другая рука заносила кинжал...

Валерий бешено закричал и всадил меч ей в грудь с такой стремительной силой, что лезвие выскочило из спины. Страшно завизжав, ведьма упала и забилась в конвульсиях, хватаясь за обнаженный клинок... Валерий выдернул его, покрытый дымящейся кровью... В глазах Саломэ больше не было ничего человеческого. Пугало и упорство, с которым она цеплялась за жизнь, толчками вытекавшую из раны, рассекшей багровый полумесяц у нее на груди. Корчась в агонии, колдунья царапала и кусала каменный пол...

Отведя взор тошнотворного зрелища, Валерий нагнулся и вновь поднял на руки вконец обессилевшую королеву. И, спотыкаясь, побежал к выходу, прочь от извивающейся в муках Саломэ.

Выскочив под портик, он остановился на верху храмовых ступеней... Площадь перед ним кишела народом. Кто-то прибежал сюда, привлеченный невнятными призывами Ивги, другие покинули стены, напуганные зрелищем войска, идущего к городу из пустыни: людям всегда кажется, что в центре города безопасней, нежели на окраинах. Куда только подевалась молчаливая отрешенность жителей города! Площадь бурлила, кричала и переговаривалась, а откуда-то издалека доносился звук сокрушаемого камня и дерева...

Потом в толпу врезался отряд угрюмых шемитов. Это были стражи северных ворот, направлявшиеся к южным, на помощь своим товарищам. При виде юноши на ступенях храма они натянули поводья, останавливая коней, и уставились на белое девичье тело, обмякшее у него на руках. Вслед за ними начал поворачивать головы и народ. Валерий отчетливо видел, как у людей буквально падали челюсти.

— Вот ваша королева!..— во все горло закричал молодой хауранец, пытаясь перекрыть шум.

Толпа ответила недоумевающим ропотом. Никто ничего не понимал. Валерий закричал снова, но объяснить что-либо людям было свыше его сил.

Шемиты двинулись к храму, копьями прокладывая путь сквозь людское скопище...

В это время безумие возобладало, ибо из темноты храма за спиной у Валерия явилось еще одно действующее лицо, и поистине страшен был его вид! Тонкий, белый женский силуэт, густо перечеркнутый алым... Люди испуганно закричали. Валерий только что объявил их королевой девушку, которую держал на руках, между тем вторая, стоявшая, пошатываясь, между колоннами, выглядела совершенным подобием первой. Горожане не знали, что и думать. Валерий оглянулся, увидел ведьму, и кровь застыла у него в жилах. Меч пронзил ее насквозь, попав прямо в сердце. Ей давно полагалось бы испустить дух — по всем законам естества она должна была умереть!.. И все-таки она стояла здесь, перед ним, и жизнь все не покидала ее!..

— Цог!..— завизжала она, качаясь как пьяная.— Цог!..

И в ответ на этот жуткий призыв из глубин храма низким громом прозвучало чудовищное кваканье. А потом затрещало дерево и гулко лопнул металл.

— Вот королева! — вскидывая лук, прокричал предводитель шемитов.— Стреляйте в преступника и самозванку!..

Но тут уже народ разразился угрожающим криком. Люди наконец-то распознали правду и поняли отчаянные призывы Валерия. Девушка, чья голова бессильно поникла ему на плечо, действительно была их истинная королева! Их любимая Тарамис!.. И они не собирались отдавать ее на расправу шемитским наемникам. Они с голыми руками накинулись на стражу, пуская в ход кулаки, зубы и ногти...

А наверху, на ступенях, ведьма Саломэ зашаталась и рухнула на мраморные плиты. Наконец-то до нее добралась смерть.

Мимо ушей Валерия просвистели стрелы — он кинулся за колонны, прикрывая королеву собственным телом. Шеми-

ты отбивались от разъяренной толпы и понемногу продвигались в сторону храма. Валерий бросился было обратно внутрь... и, уже приготовившись прыгнуть через порог, замер на месте, крик ужаса и отвращения вырвался у него.

Оттуда, из сумерек, царивших в дальнем конце зала, вздымалось нечто бесформенное и громадное. И оно приближалось к Валерию, передвигаясь лягушачьими прыжками. На морде сверкали глаза, не принадлежавшие к этому миру, в полутьме блестели клыки и когти чудовища... Молодой хауранец в ужасе шарахнулся прочь, но тут совсем рядом свистнула очередная стрела, и Валерий понял, что оказался меж двух огней.

В отчаянии он огляделся... Четверо или пятеро шемитов прорубились-таки сквозь толпу и погнали коней вверх по ступеням, держа луки наготове. Валерий успел спрятаться за колонной, и головки стрел расщепились о камень. Бедная Тарамис без чувств висела у него в объятиях, и он не знал, теплилась ли в ней еще жизнь.

Шемиты готовились заново натянуть луки, когда дверной проем заполнила чудовищная тень... С воплями несусветного ужаса наемники развернули коней и очертя голову кинулись обратно в толпу — и внезапно та отхлынула прочь, гонимая страхом. Кто-то упал и оказался тотчас затоптан...

Но, казалось, жуткую тварь интересовал только Валерий — и девушка, которую он пытался спасти. Вот студенистое тело протиснулось сквозь двери, и монстр запрыгал прямо к ним. Валерий со всех ног кинулся прочь, чувствуя, как его накрывает кошмарная тень. Тень, выглядевшая сущим посрамлением природы, изваянным из самого сердца ночной тьмы,— черная и бесформенная, лишенная каких-либо внятных черт, кроме пристальных глаз и алчно оцеренных клыков...

В это время по площади неожиданной лавиной прогрохотали копыта: со стороны южных ворот явились растерзан-

ные, окровавленные, разгромленные наемники. На всем скаку они вломились в толпу, а за ними... За ними, размахивая кровавым оружием, неслась победоносная конница, кричавшая на родном для хауранцев языке. Прежние изгои возвращались домой, и с ними скакало полсотни чернобородых наездников из пустыни, а возглавлял воинство великан в вороненой кольчуге.

— Конан!..— из последних сил закричал Валерий.— Конан!!!

Великан отдал команду. Кочевники на полном скаку подхватили луки, натянули и спустили тетивы. Целая туча стрел пронеслась над площадью, поверх людских голов и до самых перьев погрузилась в тело чудовища. Порождение мрака вздрогнуло, замерло, потом вскинулось на дыбы — бесформенная черная клякса на фоне белого мрамора колонн... И вновь жалящим облаком пронеслись стрелы. И еще. И еще... Страшная тварь безжизненным комом скатилась вниз по ступеням, мертвая, как и та, что вызвала его колдовством из вековой тьмы.

Подъехав к самому портику, Конан остановил коня и покинул седло. Валерий успел уложить королеву на мрамор лестницы — и сам в полном изнеможении поник с нею рядом. Люди столпились вокруг, но Конан рявкнул на зевак, отгоняя их, и бережно приподнял темноволосую голову Тарамис, устраивая ее у себя на облитом кольчугой плече.

— О Кром! — проворчал он.— Ну-ка, кто тут у нас? Не иначе, настоящая Тарамис! Боги свидетели, это она! Но, прах побери, кто же тогда лежит возле двери?..

Валерий ответил, с трудом переводя дух:

— Демоница, присвоившая ее облик.

От души выругавшись, Конан сдернул плащ с плеч ближайшего воина и закутал им обнаженную королеву. И вот наконец дрогнули длинные пушистые ресницы, Тарамис открыла глаза и, явно не веря себе, уставилась на знакомое, покрытое шрамами лицо киммерийца.

— Конан,— ахнула она, и слабые пальчики стиснули его загрубелую ладонь.— Конан! Неужели я сплю?.. Она говорила мне, что ты умер, что тебя...

— Не дождутся! — Конан жестко усмехнулся углом рта.— Ты не спишь, королева. Хауран снова принадлежит тебе. Я разбил Констанция — там, у реки. Большинство негодяев даже не добежало до городских стен, я не велел брать пленных — кроме самого Констанция. Стража попыталась было захлопнуть перед нами ворота, но мы их высадили. Своих волков я оставил снаружи, взяв с собой только полсотни, а то как бы сгоряча не набедокурили в городе. Я решил, славные хауранцы с городской стражей вполне справятся сами...

— Какой кошмар мы пережили!..— всхлипнула королева.— Мой бедный народ!.. Ты ведь поможешь мне восстановить все, что мы потеряли? Стань моим военачальником и первым советником, Конан!..

Конан рассмеялся, но все-таки отрицательно покачал головой. Поднявшись, он поставил королеву на ноги и махнул рукой отряду своих хауранцев, которые задержались на площади, не преследуя сбежавших шемитов. Воины немедленно спрыгнули с коней, готовые исполнять приказы своей ненаглядной, заново обретенной королевы.

— Нет, девочка моя,— обращаясь к Тарамис, проговорил киммериец.— Служба при твоем дворе осталась у меня в прошлом. Я теперь заделался зуагирским вождем, я обещал своим ребятам, что поведу их соскребать с туранцев лишний жирок, и не могу нарушить данного слова. Вот этот малый, Валерий, послужит тебе куда лучше, чем мог бы послужить я... Ну не создан я для жизни среди мраморных стен, что поделаешь!.. А теперь оставлю-ка я тебя и пойду завершать свои дела. В Хауране еще остались недорезанные шемиты...

Ликующая толпа расступалась перед Тарамис, образуя живой коридор. Валерий уже двинулся за своей государыней ко дворцу, когда нежная ручка несмело легла в его же-

сткую ладонь, и, обернувшись, молодой воин заключил в объятия верную Ивгу. Прижав девушку к груди, он осыпал ее поцелуями со всей страстью усталого рубаки, наконец-то прорвавшегося сквозь все тернии к миру и желанной награде.

Но не все люди подобны этим двоим, иные рождаются со штормовым ветром в крови, их дорога — сплошная череда войн и кровавых битв, и иного пути им не дано...

И снова вставало солнце. Древняя караванная дорога кишмя кишела всадниками в белых одеждах. Живая вереница тянулась от самых стен Хаурана далеко в степь. Возглавляя растянувшееся войско, Конан-киммериец смотрел с седла на измочаленный обрубок деревянного бруса, торчавший возле обочины. Теперь рядом с этим обрубком высился другой крест, и на нем, пригвожденный за руки и ноги, висел человек.

— Семь месяцев назад,— сказал ему Конан,— здесь был распят я, а ты, Констанций, сидел на коне.

Констанций ничего ему не ответил. Он беспрестанно облизывал посеревшие губы, глаза остекленели от боли и ужаса. Мышцы на поджаром теле натягивались и опадали, точно канаты.

— Как я погляжу, пытать других у тебя лучше получается, чем самому терпеть пытку,— проговорил Конан задумчиво.— Я угодил на крест в точности как ты сейчас, но выжил — благодаря счастливому стечению обстоятельств и выносливости, присущей нам, варварам. Вы же, цивилизованные люди, мягкотелы и не склонны зубами держаться за жизнь, как мы. Ты пытал меня и любовался собственной крутостью — поди-ка теперь выдержи то, что выдержал я! Думаю, ты испустишь дух еще до заката... Эй, Сокол пустыни, я оставляю тебя в обществе других птиц, живущих в песках!

И он указал на кружившихся стервятников, чьи тени скользили мимо них по земле. С губ Констанция сорвался нечеловеческий вопль ужаса и отчаяния...

Конан же подобрал повод и поскакал вперед — к реке, переливавшейся серебром в утреннем свете. Белые всадники у него за спиной пустили коней рысью. Проезжая мимо креста, они безразлично поглядывали на распятого, чья худая фигура черным силуэтом выделялась на фоне солнечного восхода. Детям пустыни не свойственны жалость и сострадание... Земля похоронным колоколом гудела под копытами коней. Хищные крылья голодных стервятников шелестели все ниже...

THE END

Приложение

Синопсис без названия («Люди Черного Круга»)

Король Вендии Бунда Чанд умирал в своем дворце в столице королевства Айодии. Его младшая сестра Деви Жасмина не могла понять, отчего он умирает, поскольку его не отравили и не ранили. Лежа на смертном одре, он обратился к ней голосом, словно доносившимся из продуваемой ветрами бездны, и сказал, что чародеи заточили его душу в каменную башню на высокой горе, где ветер завывает в ночи среди упирающихся в звезды вершин. Они пытались поместить его душу в тело мерзкой ночной твари, и, когда его сознание на мгновение прояснилось, он умолил сестру вонзить клинок с украшенной драгоценными камнями рукояткой и золотой гардой в его сердце, чтобы отправить его душу к Асуре, прежде чем чародеи смогут вновь утащить ее в башню на каменном утесе. Пока он умирал, в городе стонали и гремели колокола храмов и гудели раковины, а в комнате, решетчатый балкон которой выходил на длинную улицу, где факелы отбрасывали мертвенно-бледный свет, человек по имени Керим Шах, дворянин из Иранистана, с таинственным видом наблюдал за тысячами рыдающих людей. Обратившись к человеку по имени Хемса, носившему простой плащ из верблюжьей шерсти, он спросил, почему молодого

© Перевод К. Плешкова.

короля нельзя было уничтожить таким же образом месяцы или годы тому назад. На что Хемса ответил, что даже магией правят звезды. Звезды расположились надлежащим образом для уничтожения Бунды Чанда — Змеи в Королевском доме. Он сказал, что прядь черных волос короля была отправлена верблюжьим караваном через реку Юмда в Пешкаури, охраняющий перевал Забар, вверх по Забару в холмы Гулистана. Прядь волос в золотой шкатулке, инкрустированной драгоценными камнями, была похищена у принцессы Хосалы, которая безответно любила Бунду Чанда и выпросила у него этот маленький подарок на память. С помощью пряди волос, образовавшей связь между королем и ними — ибо отрезанные части человеческого тела обладают невидимой связью с живым телом,— культ чародеев, которых называли Ракшасами, а сами они называли себя Черными Колдунами, совершил колдовство, лишившее молодого короля жизни и почти лишившее его души. Керим Шах признался в разговоре, о чем Хемса уже знал, что он не принц из Иранистана, но гирканец, вождь из Турана и посланник Ездигерда, короля Турана и самого могущественного императора Востока, правившего на берегах моря Вилайет. Бунда Чанд победил туранцев в великой битве на реке Юмда. Ездигерд, замышляя его умерщвление, послал Керим Шаха в Вендию, чтобы тот попытался победить воинов-кшатриев с помощью колдовства, там где не удастся сделать этого силой. Тем временем во дворце Деви Жасмина пронзила сердце брата кинжалом, чтобы спасти его душу, а затем упала без чувств на устланный тростником пол, в то время как снаружи жрецы выли и наносили себе раны медными кинжалами под резкий звон гонгов.

Затем действие переместилось в Пешкаури, в тень гор Гулистана. Племена Гулистана состояли в родстве с жителями Иранистана, но были более дикими. Войска Турана прошли через их долины, но не победили горные племена. Главные города были в руках туранцев, но столица Гулиста-

на, чье правление племена признавали редко, была свободна, и туранцы не пытались обложить налогами или как-то иначе притеснять горцев. Правитель Пешкаури захватил в плен семерых афгулов и в соответствии с указаниями из Айодии послал известие в горы, что их вождь, Конан, бродяга с запада, ставший известным горным бандитом, должен явиться и лично вести переговоры об их освобождении. Но Конан был осторожен, так как кшатрии не всегда соблюдали свои договоренности с горными племенами. Ночью правитель был в своих покоях, широкое окно которых, открытое, чтобы прохладный горный ветер умерил жару равнин, находилось рядом с крепостной стеной. Через него он мог видеть синее химелийское ночное небо, испещренное большими белыми звездами. Он писал письмо на пергаменте золотым пером, окуная его в сок лотоса, когда к нему пришла женщина в маске и тонком полупрозрачном плаще, который не скрывал богатого шелкового жилета, пояса и шаровар; туфли были расшиты золотом, а головной убор, поддерживавший падавшую ниже груди вуаль, был перевязан позолоченным шнуром, украшенным золотым полумесяцем. Правитель узнал Деви и заговорил с ней, упомянув о беспорядках среди горных племен и о неистовстве их вождя-чужака Конана, совершавшего набеги до самых стен Пешкаури. На самом деле это происходило не внутри стен, но в большой крепости за ними, у подножия холмов. Она ответила, что ей стало известно о причастности к смерти ее брата чародеев, известных как Черные Колдуны, а поскольку было бы недальновидно вести в горы войско кшатриев, она намеревалась отомстить с помощью одного из племенных вождей. Она приказала правителю потребовать в качестве цены за жизнь семерых афгулов уничтожение Черных Колдунов. Затем она ушла, но, еще не добравшись до своих покоев, вспомнила, что хотела сказать ему кое-что еще, и вернулась. Возможно, она увидела коня у внешней стены.

Тем временем правитель услышал, как что-то упало на крепостную стену с башни, а мгновение спустя в окно прыгнул человек с длинным, в целый ярд, забарским ножом в руке и приказал правителю молчать. Это был Конан, вождь афгулов, высокий, сильный и крепко сложенный, одетый как горец, что казалось несколько неуместным, поскольку он был не уроженцем Востока, а варваром-киммерийцем. Он требовательно спросил, чего хотел от него правитель, и, когда тот ответил, у разбойника возникли подозрения. В это мгновение вошла Деви, правитель встревоженно выкрикнул ее имя, и Конан, поняв, кто она такая, оглушил правителя рукояткой ножа, схватил Деви, выпрыгнул через окно на карниз, вскочил на коня и с ликующим криком поскакал в горы. Правитель отправил в погоню за ним группу всадников.

Тем временем девушка, игравшая роль шпионки Хемсы, принесла ему известие. Правитель и Керим Шах последовали за Деви в Пешкаури. Девушка посоветовала Хемсе воспользоваться своими знаниями черной магии — знаниями, которыми учителя запретили ему пользоваться без их разрешения,— и стать богатым. Идея ее заключалась в том, чтобы уничтожить семерых пленников — поскольку она знала, что частью выкупа, которую Конан потребует за Деви, станет их освобождение,— а затем последовать за Конаном в горы, забрать у него девушку и получить выкуп самим. Убив пленников, они могли выиграть время. Хемса проник в тюрьму и убил их с помощью черной магии, и они с девушкой отправились в горы. Тем временем Керим Шах услышал о похищении — хотя правитель пытался сохранить это в тайне — и послал гонца в Секундерам, чтобы сообщить о случившемся тамошнему сатрапу и убедить его послать на юг достаточно сильное войско, чтобы отобрать Деви у горцев. Сам же отправился в горы, взяв с собой несколько человек из Иракзая, которых он подкупил. Тем временем Конан, направлявшийся в страну афгулов, граничившую с Забарским перевалом, покалечил коня и, преследуемый кшатриями, был

вынужден искать убежища среди вазулов. Вождь вазулов был его другом, но Хемса, следовавший за ним по пятам, убил вождя, и воины попытались отобрать у Конана Деви. После яростного сражения Конан победил, забрав ее с собой, а встретив Хемсу, не поддался его магии, после чего увидел, как его и девушку уничтожает магия более сильная. Черные Колдуны наконец дали о себе знать. Они забрали у него Деви и унесли в свою башню. Он случайно встретился с Керим Шахом, и туранец, услышав, что Черные Колдуны обратились против него, пошел вместе со своими иракзаями и Конаном. Во время штурма башни погибли все, кроме Конана и Керим Шаха. Затем им пришлось сражаться за девушку, и Конан победил. Тем временем со стороны Секундерама подошло войско и обрушилось на афгулов, захватив их врасплох. Войско кшатриев наступало со стороны долины, и Деви завоевала себе свободу, заключив договор с Конаном и бросив своих воинов в битву, в которой туранцы были сокрушены и обращены в бегство. Затем он вернул ее целой и невредимой ее народу.

Синопсис без названия

Амальрик, сын дворянина из великого рода Валериев из западной Аквилонии, остановился возле окруженного пальмами источника в лежащей к югу от Стигии обширной пустыне, вместе с двумя своими спутниками из разбойничьего племени ганатов, негритянского народа с примесью шемитской крови. Ганатов, которые были с Амальриком, звали Гобир и Сайду. На самом закате, когда они собирались съесть свой скромный ужин из сушеных фиников, подъехал третий их соплеменник — Тилутан, черный гигант, знаменитый своей жестокостью и владением мечом. Через луку его седла была перекинута бесчувственная белая девушка, которую он нашел в пустыне умирающей от истощения и жажды, когда охотился на редкую пустынную антилопу. Опустив девушку на землю возле источника, он начал приводить ее в сознание. Гобир и Сайду смотрели на Амальрика, ожидая, что тот попытается ее спасти, но он притворился, будто судьба ее ему безразлична, и лишь спросил, кто из них возьмет девушку после того, как Тилутан от нее устанет. Начался спор, и он бросил пару костей, сказав, чтобы ганаты разыграли ее между собой. Когда они склонились над костями, он вытащил меч и рассек череп Гобира. Сайду тут же набросился на него, и Тилутан, бросив девушку, кинулся к нему на подмогу. Амальрик развернулся кругом, вынудив Сай-

---

© Перевод К. Плешкова.

ду принять удар на себя, и, швырнув раненого в объятия Тилутана, сцепился с гигантом. Тилутан повалил Амальрика на землю и начал его душить, а затем поднялся, чтобы вытащить свою грозную саблю и отсечь голову аквилонцу. Но когда он бросился на противника, его пояс размотался, он наступил на него и упал. Сабля вылетела из его руки, Амальрик схватил ее и почти снес Тилутану голову, после чего лишился чувств. Когда он снова пришел в себя, девушка брызгала ему в лицо водой. Выяснилось, что она говорит на языке, похожем на кофийский, и они могут понимать друг друга. Она сообщила, что ее зовут Лисса; она оказалась очень красивой, с белой нежной кожей, фиолетовыми глазами и волнистыми волосами. При виде ее невинности дикому молодому солдату удачи стало стыдно, и он отказался от своего намерения ее изнасиловать. Она предположила, что он сражался со своими спутниками лишь ради того, чтобы ее спасти, и он не стал ее разубеждать. Она сказала, что родом из города Газала, находившегося недалеко на юго-востоке. Она убежала из Газала пешком, у нее кончились запасы воды, и она лишилась чувств незадолго до того, как ее обнаружил Тилутан. Амальрик посадил ее на верблюда, сам сел на лошадь — остальные животные разорвали веревки и убежали в пустыню во время драки своих хозяев,— и рассвет застал путников на пути к Газалу. Амальрик был потрясен, увидев, что город лежит в руинах, за исключением башни на юго-восточной окраине. Когда он сказал об этом, Лисса побледнела и стала умолять его больше на эту тему не говорить. Он обнаружил, что тамошний народ состоит из добродушных мечтателей, не обладавших практичным складом ума и в основном предававшихся стихосложению и праздным размышлениям. Племя было немногочисленным, и оно вымирало. Эти люди пришли в пустыню и построили город в оазисе много лет назад — культурный и ученый народ, не знавший войн. На них никогда не нападали свирепые и жестокие племена кочевников, поскольку Газал внушал им суе-

верный страх, и они поклонялись существу, обитавшему в юго-восточной башне. Амальрик рассказал Лиссе свою историю — о том, что он был солдатом войска Аргоса, под командованием зингарского принца Запайо да Кова, который прошел на кораблях вдоль кушитского побережья, высадился в южной Стигии и пытался вторгнуться в королевство с этого направления, в то время как войска Кофа наступали с севера. Но Коф предательски заключил мир со Стигией и войско на юге оказалось в ловушке. Путь к бегству в сторону моря был отрезан, и они пытались пробиваться на восток надеясь захватить земли шемитов. Но войско было полностью уничтожено в пустыне. Амальрик бежал вместе со своим товарищем Конаном, великаном-киммерийцем, но на них напала банда диких смуглых всадников в странной одежде и Конан был сражен. Уйдя с места трагедии под покровом ночи, Амальрик блуждал в пустыне, страдая от голода и жажды, пока не наткнулся на троих стервятников-ганатов. Он говорил о нереальности города Газала, и Лисса рассказала ему о своем детском, но страстном желании вырваться из застойного окружения и увидеть мир. Она отдалась ему столь же естественно, как и любой ребенок, и, когда они лежали вместе на устланном шелками ложе в освещенной лишь звездным светом комнате, из близлежащего строения послышались жуткие крики. Амальрик хотел пойти посмотреть, что там происходит, но Лисса прижалась к нему, дрожа, и рассказала о тайне одинокой башни. Там обитало сверхъестественное чудовище, которое время от времени спускалось в город и пожирало одного из его жителей. Что это было за существо, Лисса не знала. Но она рассказывала о летучих мышах, вылетавших на закате из башни и возвращавшихся на рассвете, и о жалобных воплях жертв, уносимых в таинственную башню. Слова ее устрашили Амальрика, он узнал в этом существе таинственное божество, культ которого исповедовали некоторые негритянские племена. Он убедил Лиссу бежать вместе с ним до рассвета — жите-

ли Газала настолько утратили инициативу, что стали полностью беспомощными, не способными сражаться или спасаться, словно загипнотизированные, что, как полагал молодой аквилонец, и имело место. Он пошел подготовить верховых животных, а когда возвращался, услышал жуткий вопль Лиссы. Бросившись в комнату, он обнаружил, что та пуста. Уверенный, что Лиссу схватило чудовище, он устремился к башне, взбежал по лестнице и оказался в помещении, где обнаружил белого мужчину странной красоты. Вспомнив древнее заклинание, услышанное от старого кушитского жреца одного из соперничающих культов, Амальрик произнес его, связав демона в его человеческой форме. Затем последовала страшная битва, в которой он пронзил мечом сердце чудовища. Умирая, оно жутко завопило, призывая к мести, и ему ответили голоса из воздуха. Затем оно обрело свой истинный облик, и Амальрик в ужасе бежал. У подножия лестницы он встретил Лиссу. Ее напугал вид твари, тащившей по коридорам свою человеческую добычу, и она, охваченная неудержимой паникой, убежала и спряталась. Поняв, что ее любовник отправился в башню ее искать, она пришла разделить с ним его судьбу. Обняв, он повел ее туда, где оставил животных. Был уже рассвет, когда они выехали из города — она на верблюде, а он на лошади. Оглянувшись на спящий город, в котором вообще не было животных, они увидели, что их преследуют семеро всадников в черных одеждах на худых черных лошадях. Беглецов охватила паника, поскольку они поняли, что эти всадники — не люди. Весь день они безжалостно гнали своих животных на запад, к далекому побережью. Они не нашли воды, и лошадь выбилась из сил незадолго до захода солнца. Все это время черные фигуры неустанно преследовали их, и, когда наступили сумерки, они начали быстро приближаться. Амальрик понял, что это мерзкие твари, вызванные из преисподней предсмертным криком чудовища в башне. Когда стемнело, преследователи были уже рядом. Тень в форме летучей мыши засло-

нила луну, и беглецы почувствовали могильный запах охотников. Внезапно верблюд споткнулся и упал, и демоны окружили его. Лисса закричала. Затем раздался стук копыт, кто-то рявкнул, и демонов смела прочь стремительная атака группы всадников. Их предводитель спешился и склонился над обессиленными юношей и девушкой, а когда показалась луна, выругался знакомым голосом. Это был киммериец Конан. Разбили лагерь, и беглецам дали еды и воды. Спутниками Конана были смуглые люди дикого вида, до этого напавшие на него и Амальрика,— всадники из Томбалку, полумифического пустынного города, короли которого подчинили себе племена юго-западной пустыни и негритянские народы степей. Конан рассказал им, что его оглушили и увезли в далекий город, чтобы показать королям Томбалку. Королей этих всегда было двое, хотя один из них был, как правило, лишь номинальной фигурой. Представ перед королями, он был обречен умереть под пытками, но потребовал, чтобы ему дали выпить, а затем осыпал обоих королей ругательствами. Услышав это, один из них очнулся от дремоты и с интересом посмотрел на него. Король этот был большим толстым негром, второй же — худым смуглым человеком по имени Зебех. Негр уставился на Конана и приветствовал его именем Амра — Лев. Чернокожего звали Сакумбе, и он был искателем приключений с западного побережья, знавшим Конана по тем временам, когда тот опустошал побережье корсарскими набегами. Он стал одним из королей Томбалку отчасти благодаря поддержке негритянского населения, отчасти же благодаря махинациям фанатика-жреца Аскии, который имел власть над жрецом Зебеха Даурой. Конан тотчас же был освобожден и назначен на высокий пост генерала всех всадников — поскольку, по странному совпадению, прежний его обладатель, некий Кордофо, был отравлен. В Томбалку существовали различные группировки — Зебех и его смуглые жрецы, родственники Кордофо, ненавидевшие как Зебеха, так и Сакумбе, и Сакумбе со сво-

ими сторонниками, из которых наиболее могущественным был сам Конан. Все это Конан рассказал Амальрику, и на следующий день они двинулись в сторону Томбалку. Конан ехал туда, чтобы изгнать с той земли воров-ганатов. Через три дня они добрались до Томбалку, фантастического города, находившегося среди песков пустыни, рядом с оазисом со множеством источников. В этом городе говорили на многих языках. Господствующей кастой были основатели города, воинственный смуглый народ потомков афаки, шемитского племени, которое пришло в пустыню несколько столетий назад и слилось с негритянскими народами. Подчинявшиеся им племена включали в себя тибу, пустынный народ смешанной негритянско-стигийской крови, а также багирми, мандинго, донгола, борну и другие негритянские племена южных саванн. Они прибыли в Томбалку как раз вовремя, чтобы стать свидетелями ужасной казни Дауры, жреца афаки, которую совершил Аския. Афаки были в ярости, но ничего не могли поделать против решимости и стойкости их черных вассалов, которых они учили искусству войны. Сакумбе, когда-то отличавшийся отвагой, энергией и искусством политики, деградировал в горообразную массу жира, которую не интересовало ничего, кроме женщин и вина. Конан сыграл с ним в кости и, подпоив, предложил совместными силами устранить Зебеха. Киммериец сам хотел стать королем Томбалку. Аскию обманом уговорили обвинить Зебеха, за чем последовала кровавая гражданская война, в которой афаки были побеждены, а Зебех бежал из города вместе со своими всадниками. Конан занял место рядом с Сакумбе, но, несмотря на все его старания, оказалось, что негр — настоящий правитель города, в силу своего происхождения от черной расы. Тем временем у Аскии возникли подозрения в отношении Амальрика, и в конце концов он обвинил его в убийстве бога, жрецом которого он был, и потребовал, чтобы его и девушку подвергли пыткам. Конан отказался, и Сакумбе, полностью находивший-

ся во власти киммерийца, его поддержал. Тогда Аския обратил свой гнев против Сакумбе и уничтожил его с помощью ужасной магии. Конан, поняв, что после гибели Сакумбе чернокожие растерзают его и его друзей, позвал за собой Амальрика и начал прокладывать себе путь через толпу разъяренных воинов. Пока оба товарища пытались добраться до внешних стен, Зебех и его афаки атаковали город, и в дикой кроваво-огненной бойне Томбалку был почти полностью уничтожен. Конану, Амальрику и Лиссе удалось бежать.

Черновик без названия

Глава 1

Трое сидели на корточках возле источника под закатными лучами солнца, окрашивавшими пустыню в коричнево-красные тона. Один из них был белым, и его звали Амальрик; двое других были ганатами, одетыми в лохмотья, едва прикрывавшие их жилистые черные фигуры. Звали их Гобир и Сайду; сгорбившись возле источника, они напоминали стервятников.

Рядом шумно пережевывал свою жвачку верблюд, и пара усталых лошадей тщетно тыкалась мордами в голый песок. Люди угрюмо жевали сушеные финики; чернокожие сосредоточенно работали челюстями, белый же время от времени бросал взгляд на тусклое красное небо или вдаль на однообразную равнину, туда, где собирались и сгущались тени. Он первым увидел всадника, который подъехал к ним и резко дернул за поводья, подняв коня на дыбы.

Всадник был гигантского роста, и его еще более черная, чем у других двоих, кожа, так же как толстые губы и раздувающиеся ноздри, выдавали в нем негритянскую кровь. Его широкие шелковые шаровары, собранные вокруг голых лодыжек, поддерживал широкий пояс, несколько раз обмотанный вокруг громадного живота, и на поясе этом висела кривая сабля, которую мало кто смог бы поднять одной рукой.

© Перевод К. Плешкова.

Сабля эта была знаменита повсюду, где ездили на своих лошадях темнокожие сыны пустыни. Это был Тилутан, гордость ганатов.

Поперек луки его седла лежала или, вернее, свисала безвольная фигура. Сквозь зубы ганатов со свистом вырвался воздух, когда они увидели белые руки и ноги. Через луку седла Тилутана была переброшена белая девушка, лицом вниз, и ее длинные волосы черной волной падали на стремя. Негр улыбнулся, сверкнув белыми зубами, и небрежно сбросил ее на песок, где она так и осталась лежать без чувств. Гобир и Сайду инстинктивно повернулись к Амальрику, и Тилутан посмотрел на него, сидя в седле. Трое черных против одного белого. Появление на сцене белой женщины слегка меняло атмосферу.

Амальрик был единственным, кто, казалось, не обращал внимания на возникшую напряженность. Рассеянно отбросив назад непослушные желтые волосы, он безразлично посмотрел на обмякшее тело девушки. Если в его серых глазах на мгновение что-то и промелькнуло, то остальные этого не заметили.

Тилутан спрыгнул с седла, пренебрежительно бросив поводья Амальрику.

— Займись моим конем,— сказал он.— Видит Джил, я так и не нашел пустынную антилопу, зато нашел эту девчонку. Она шла, шатаясь, через пески и упала незадолго до моего приближения. Видимо, лишилась чувств от усталости и жажды. Освободите место, шакалы, чтобы я смог напоить ее.

Рослый негр уложил девушку возле источника и начал омывать ей лицо и запястья, а затем влил несколько капель между ее потрескавшихся губ. Вскоре она застонала и слабо пошевелилась. Гобир и Сайду присели на корточки, положив руки на колени и глядя на нее через большое плечо Тилутана. Амальрик стоял чуть поодаль, не проявляя особого интереса.

— Приходит в себя,— сообщил Гобир.

Сайду ничего не сказал, но невольно по-звериному облизнул толстые губы.

Амальрик окинул бесстрастным взглядом простертую на земле фигуру, от рваных сандалий до копны блестящих черных волос. Единственную ее одежду составляло подпоясанное кушаком платье. Руки, шея и часть груди оставались открытыми, а юбка заканчивалась в нескольких дюймах выше колен. Именно к ним были прикованы напряженные хищные взгляды гигантов, вбирая в себя мягкие очертания ее тела, почти детские, но уже округлившиеся от расцветающей женственности.

Амальрик пожал плечами.

— Кто после Тилутана? — небрежно спросил он.

Две головы с налитыми кровью глазами повернулись к нему, затем чернокожие уставились друг на друга. Казалось, между ними внезапно проскочила электрическая искра.

— Не деритесь,— посоветовал Амальрик.— Бросьте кости.

Он полез под поношенную рубаху и уронил перед ними пару костей. Их тут же схватила похожая на клешню рука.

— Ага! — согласился Гобир.— Бросим — и победитель идет после Тилутана!

Амальрик покосился на черного гиганта, который все еще склонялся над пленницей, возвращая жизнь в ее измученное тело. Ее окаймленные длинными ресницами веки шевельнулись и фиолетовые глаза в замешательстве уставились в лицо плотоядно смотревшего на нее чернокожего. С толстых губ Тилутана сорвался радостный возглас. Сняв с пояса фляту, он поднес ее ко рту девушки. Она машинально выпила вина. Амальрик избегал ее блуждающего взгляда; один белый и трое черных — и каждый из них равен ему по силам.

Гобир и Сайду склонились над костями; Сайду взял их в ладонь, подышал на них на счастье, встряхнул и бросил.

Две головы, похожие на головы стервятников, склонились над вращающимися в тусклом свете кубиками. Амальрик вытащил меч и ударил — одним движением. Клинок рассек толстую шею, разрубив горло, и Гобир упал на кости, разбрызгивая вокруг кровь. Голова его висела на клочке кожи.

В то же мгновение Сайду вскочил со свойственной жителю пустыни быстротой на ноги и яростно рубанул по голове убийцы. Амальрик едва успел принять удар на поднятый меч. Просвистевшая в воздухе сабля зацепила тупой стороной клинка голову Амальрика, и он пошатнулся. Выпустив меч, он обхватил Сайду обеими руками, не давая ему воспользоваться саблей. Казалось, будто жилистое тело под лохмотьями пустынного жителя состоит из стальных канатов.

Тилутан, сразу же поняв, что происходит, бросил девушку и, взревев, поднялся. Размахивая огромной саблей, он бросился к дерущимся, словно разъяренный бык. При виде его Амальрик похолодел. Сайду дергался и извивался — ему мешала сабля, которую он все еще тщетно пытался применить против своего противника. Их ноги вздымали песок, их тела бились друг о друга. Амальрик ударил пяткой сандалии по голой ступне ганата, чувствуя, как поддаются кости. Сайду взвыл и, судорожно дернувшись, навалился на Амальрика всем телом. Они шатались, словно пьяные, когда Тилутан нанес удар, вложив в него всю силу своих широких плеч. Амальрик почувствовал под своей рукой скрежет стали, глубоко вошедшей в тело Сайду. Ганат издал предсмертный вопль и, извиваясь в конвульсиях, вырвался из захвата Амальрика. Тилутан взревел, яростно ругаясь, и, освободив саблю, отшвырнул умирающего в сторону, но, прежде чем он успел нанести новый удар, Амальрик, по коже которого бежали мурашки от ужаса перед громадным кривым клинком, сцепился с ним.

Его охватило отчаяние, когда он ощутил силу негра. Тилутан оказался умнее, чем Сайду. Бросив саблю, он с ревом схва-

тил Амальрика обеими руками за горло. Громадные черные пальцы были подобны железу, и Амальрик, тщетно пытаясь освободиться, упал, прижатый к земле огромным весом ганата. Он трясся, словно крыса в зубах собаки. Голова его с силой ударялась о песок. Точно в красном тумане он увидел разъяренную физиономию негра, растянутые в зверской ухмылке черные губы, оскал блестящих зубов. Из черного горла раздавалось звериное рычание.

— Ты хочешь ее, белый пес? — рычал ганат, охваченный яростью и похотью. — Аррррrх! Я сломаю тебе шею! Я вырву твое горло! Я отрублю тебе голову и заставлю девчонку ее целовать!

Голова Амальрика в последний раз жестоко ударилась о плотный песок, и Тилутан, приподняв, швырнул его на землю, охваченный звериной страстью. Поднявшись, негр побежал, ссутулившись, словно обезьяна, к тому месту, где лежала, словно огромный стальной полумесяц, его сабля, и подхватил ее. С яростным воплем он повернулся и бросился на Амальрика, высоко подняв клинок. Амальрик медленно поднялся ему навстречу, ошеломленный и потрясенный, едва держась на ногах.

Пояс Тилутана размотался во время схватки, и теперь конец его обвился вокруг ног. Споткнувшись, он упал головой вперед, выбросив перед собой руки. Сабля вылетела из его ладони.

Амальрик схватил саблю и, пошатываясь, шагнул вперед. Пустыня плыла у него перед глазами. В полутьме он вдруг увидел, как лицо Тилутана внезапно стало пепельно-серым. Широкий рот раскрылся, глаза закатились. Негр застыл, опираясь на колено и одну руку, словно не в силах пошевелиться. Затем сабля опустилась, разрубив круглую бритую голову до подбородка, где ее остановила тошнотворная судорога. Амальрику показалось, будто черное лицо разделила красная линия, растворяющаяся в сумерках, а затем его мгновенно окутала тьма.

Что-то мягкое и холодное настойчиво касалось лица Амальрика. Он слепо пошарил рукой, наткнувшись на теплое и упругое. Затем его зрение прояснилось, и он увидел перед собой лицо, обрамленное блестящими черными волосами. Словно в трансе, он смотрел на него, не в силах произнести ни слова, жадно задерживая взгляд на каждой детали полных красных губ, фиолетовых глаз и алебастровой шеи. С удивлением он обнаружил, что видение что-то говорит ему тихим мелодичным голосом. Слова были чужими, но казались знакомыми. Маленькая белая рука, державшая мокрый комок шелка, мягко прошлась по его гудящей голове и лицу. Он сел, чувствуя легкое головокружение.

Была ночь, и небо было усеяно звездами. Верблюд все так же продолжал жевать жвачку, беспокойно ржала лошадь. Невдалеке лежало громадное черное тело, вокруг рассеченной головы которого расплывалась кошмарная лужа из крови и мозгов. Амальрик посмотрел на девушку, которая сидела рядом, что-то говоря на своем незнакомом языке. По мере того как туман у него в голове рассеивался, он начал ее понимать. Вызвав в памяти полузабытые языки, которые он изучал и на которых говорил в прошлом, он вспомнил язык, которым пользовались ученые в южной провинции Коф.

— Кто ты? — спросил он, беря маленькую руку в свои жесткие пальцы.

— Я Лисса.— Имя ее звучало почти как шепот, журчание небольшого ручейка.— Я рада, что ты пришел в себя. Я боялась, что ты умер.

— Еще немного, и так бы оно и было,— пробормотал он, глядя на внушавший ужас труп, который еще недавно был Тилутаном.

Она побледнела и не стала смотреть в ту сторону. Рука ее дрожала, и Амальрику показалось, будто он чувствует, как быстро бьется ее сердце.

— Это было ужасно,— проговорила она.— Словно кошмарный сон. Ярость... и удары... и кровь...

— Могло быть и хуже,— проворчал он.

Казалось, будто она ощущает любую перемену в его голосе или настроении. Ее свободная рука робко потянулась к его плечу.

— Я вовсе не хотела тебя обидеть. Очень смело с твоей стороны рисковать жизнью ради незнакомого человека. Ты столь же благороден, как и рыцари, о которых я читала.

Он быстро посмотрел на нее. Взгляд ее широко раскрытых глаз встретился с ее взглядом, отражая лишь ту мысль, которую она только что высказала вслух. Он заговорил было, но передумал и сказал другое.

— Что ты делаешь в пустыне?

— Я пришла из Газала,— ответила она.— Я... я убежала. Я не могла больше выдержать. Но было очень жарко, я была одна и очень устала, и вокруг был один только песок и песок — и сверкающее голубое небо. Песок жег мне ноги, и мои сандалии быстро порвались. Мне очень хотелось пить, и моя фляжка быстро опустела. А потом мне захотелось вернуться в Газал, но я не знала, в какую сторону идти — все выглядело совершенно одинаково. Я страшно перепугалась и побежала в ту сторону, где, как я думала, должен был быть Газал. Потом я почти ничего не помню; я бежала, пока больше не смогла бежать, и, видимо, прилегла на горячий песок. Я помню, как я поднялась и пошла, шатаясь, дальше, а потом, кажется, кто-то закричал, и я увидела чернокожего человека, который ехал ко мне на черном коне, а потом ничего больше не помню... А когда пришла в себя, обнаружила, что моя голова лежит на коленях у мужчины, а он поит меня вином. Потом были крики, сражение...— Она содрогнулась.— Как только все закончилось, я перебралась туда, где ты лежал словно мертвый, и попыталась привести тебя в...

— Почему? — спросил он.

Девушка, похоже, слегка растерялась.

— Ну,— пробормотала она,— ведь ты был ранен, и... в общем, любой поступил бы так же. Кроме того, я поняла,

что ты сражался, чтобы защитить меня от этих чернокожих. Люди в Газале всегда говорили, что черные злые и что они нападают на беспомощных.

— Это касается далеко не только черных,— заметил Амальрик.— Где этот Газал?

— Вряд ли далеко,— ответила она.— Я шла целый день — и не знаю, как далеко увез меня чернокожий, после того как нашел. Но он, скорее всего, обнаружил меня незадолго до заката, так что вряд ли мог далеко уехать.

— В какой стороне? — спросил он.

— Не знаю. Я шла на восток, когда покинула город.

— Город? — пробормотал он.— В дне пути от этого места? Я думал, тут на тысячи миль только пустыня.

— Газал находится в пустыне,— ответила она.— Он построен среди пальм, в оазисе.

Отодвинув девушку в сторону, он поднялся на ноги и негромко выругался, ощупав горло: кожа была вся в царапинах и ссадинах. Осмотрев по очереди троих чернокожих, он понял, что все они мертвы. Затем оттащил их одного за другим подальше в пустыню. Где-то начали тявкать шакалы. Вернувшись к источнику, возле которого терпеливо продолжала сидеть девушка, он снова выругался, найдя лишь черного коня Тилутана и верблюда. Остальные лошади оборвали привязь и ускакали прочь во время схватки.

Подойдя к девушке, Амальрик протянул ей горсть сушеных фиников. Она жадно принялась есть, пока он сидел и смотрел на нее, подперев руками подбородок и чувствуя, как в нем нарастает нетерпение.

— Почему ты сбежала? — неожиданно спросил он.— Ты рабыня?

— У нас в Газале нет рабов,— ответила она.— Я просто устала — устала от вечного однообразия. Я желала посмотреть мир, хоть частицу его. Скажи, из какой ты страны?

— Я родился в западных горах Аквилонии,— ответил он.

Она хлопнула в ладоши, словно обрадованный ребенок.

— Я знаю, где это! Я видела ее на картах. Это самая западная страна хайборийцев, и король там — Эпей-меченосец!

Амальрик резко поднял голову, ошеломленно уставившись на свою спутницу.

— Эпей? Да ведь Эпей умер девятьсот лет назад. Короля зовут Вилерий.

— Ну да, конечно,— смущенно проговорила она.— Я глупая. Конечно, Эпей был королем девятьсот лет назад, как ты говоришь. Но расскажи мне... расскажи о мире!

— Ну... мир очень велик,— в некотором замешательстве ответил он.— Ты никогда не путешествовала?

— Я впервые оказалась за стенами Газала,— заявила она.

Взгляд его был прикован к белым округлостям ее груди. Сейчас его не интересовали ее приключения, и Газал мог с тем же успехом быть самой преисподней.

Он попытался что-то сказать, затем, передумав, грубо обнял ее, напрягшись в ожидании борьбы. Но никакого сопротивления не встретил. Ее мягкое податливое тело лежало у него на коленях, и она смотрела на него — слегка удивленно, но без страха или смущения, словно ребенок, подчиняющийся какой-то новой игре. Что-то в ее прямом взгляде привело его в замешательство. Если бы она кричала, плакала, сопротивлялась или понимающе улыбалась, он бы знал, что с ней делать.

— Кто ты? — грубо спросил он.— У тебя не солнечный удар, и ты не играешь со мной в какую-то игру. Судя по твоей речи, ты отнюдь не деревенская девица, невинная в своем невежестве. И тем не менее, похоже, ты ничего не знаешь о мире и его обычаях.

— Я дочь Газала,— беспомощно ответила она.— Если бы ты увидел Газал, возможно, ты бы понял.

Он поднял ее и уложил на песок. Встав, он принес и расстелил попону.

— Спи, Лисса.— Голос его звучал хрипло из-за борющихся друг с другом чувств.— Завтра я собираюсь увидеть Газал.

На рассвете они двинулись на запад. Альмарик посадил Лиссу на верблюда, показав ей, как держать равновесие. Она вцепилась в седло обеими руками, демонстрируя, что ничего не знает о верблюдах, к очередному удивлению молодого аквилонца. Выросшая в пустыне, она никогда прежде не сидела на верблюде, так же как до предыдущей ночи не ездила на лошади. Амальрик соорудил ей нечто вроде плаща, и она надела его, не спрашивая, откуда он взялся, приняв дар так же, как и все, что он для нее делал, – с благодарностью, но слепо, не выясняя причины. Амальрик умолчал о том, что защищающий ее от солнца шелк когда-то прикрывал черную кожу ее похитителя.

Пока они ехали, она снова стала просить его рассказать что-нибудь о мире – так ребенок просит сказку.

— Я знаю, что Аквилония далеко от этой пустыни,— сказала она.— Между ними лежит Стигия, и земли Шема, и другие страны. Как так получилось, что ты оказался здесь, столь далеко от родины?

Какое-то время он ехал молча, держа в руке повод верблюда.

— Аргос и Стигия воевали друг с другом,— неожиданно сказал он.— В войну оказался втянут Коф. Кофийцы требовали одновременного вторжения в Стигию. Аргос поднял армию наемников, которые сели на корабли и поплыли вдоль побережья на юг. В то же время войско Кофа собиралось вторгнуться в Стигию по земле. Я был одним из этих наемников. Мы встретились со стигийским флотом и победили его, заставив отступить назад в Хем. Мы должны были высадиться и разграбить город, а затем продвигаться по те-

чению Стикса — но адмирал был осторожен. Нашим предводителем был принц Запайо да Кова, зингарец. Мы шли на юг, пока не достигли покрытых джунглями побережий Куша. Там корабли бросили якорь, и мы пошли на восток, вдоль стигийской границы, сжигая и грабя все на своем пути. Мы намеревались повернуть в определенном месте на север и нанести удар в сердце Стигии, соединившись с кофийцами, которые должны были наступать с севера. Затем пришло известие, что нас предали. Коф заключил сепаратный мир со стигийцами. Одна стигийская армия шла на юг, чтобы перехватить нас, в то время как другая уже отрезала нас от побережья.

У принца Запайо в отчаянии возникла безумная идея идти на восток, надеясь пройти вдоль стигийской границы и в конце концов достичь восточных земель Шема. Но армия с севера нас догнала. Мы повернулись и побежали. Весь день мы сражались и теснили их к нашему лагерю. Но на следующий день преследовавшая нас армия подошла с запада, и наше войско перестало существовать. Мы были разбиты, сокрушены, уничтожены. Мало кому удалось бежать. Но когда наступила ночь, я сумел вырваться вместе со своим товарищем, киммерийцем по имени Конан, человеком с силой быка.

Мы двинулись на юг в пустыню, поскольку идти больше было некуда. Конан уже бывал раньше в этой части мира и считал, что у нас есть шанс выжить. Далеко на юге мы нашли оазис, но стигийские всадники напали на нас, и снова пришлось бежать от оазиса к оазису, страдая от голода и жажды, пока мы не оказались в незнакомой бесплодной местности, где не было ничего, кроме сверкающего неба и голого песка. Мы ехали и ехали, и лошади уже шатались под нами, а мы сами сходили с ума. Однажды ночью мы увидели огни и поехали на них, в отчаянии надеясь обрести друзей. Как только мы подъехали ближе, нас встретил град

стрел. Лошадь Конана была ранена и встала на дыбы, сбросив всадника. Вероятно, он сломал шею, поскольку больше не шевелился. Мне как-то удалось скрыться в темноте, хотя лошадь пала подо мной. Я успел лишь мельком увидеть нападавших — высоких, стройных и смуглых, в непривычной моему глазу варварской одежде.

Я двинулся пешком через пустыню и наткнулся на троих стервятников, которых ты видела вчера. Это были шакалы-ганаты из воровского племени, люди смешанной крови — негритянской и Митре одному известно, какой еще. При мне не было ничего, что могло бы им пригодиться,— только поэтому меня и не убили. Целый месяц я бродил и воровал вместе с ними, поскольку больше мне ничего не оставалось.

— Я не знала, что так бывает,— тихо произнесла девушка.— У нас ходят разговоры о царящих в мире войнах и жестокости, но ведь это так далеко, что вообще кажется сном... Но когда ты рассказываешь о предательстве и сражениях, я как будто я сама все это вижу.

— Что, неужели враги никогда не нападали на Газал? — спросил Амальрик.

Она покачала головой:

— Люди обходят Газал далеко стороной. Иногда я видела на горизонте вереницы черных точек, по словам стариков, это войска, идущие на войну, но они не приближались к Газалу.

Амальрику стало не по себе. В этой безжизненной на вид пустыне обитали некоторые из самых жестоких племен на земле — ганаты, рыскавшие далеко на востоке; тибу, люди в масках, ушедшие, как он считал, дальше на юг; а где-то на юго-западе простиралась полумифическая империя Томбалку, ею правили варвары. Казалось невероятным, что город посреди этих диких земель мог существовать в столь глухой изоляции.

Когда он отвел взгляд, его охватили сомнения. Не случился ли у девушки солнечный удар? Не демон ли это в женском обличье, вышедший из пустыни, чтобы заманить его в смертельную ловушку? Одного взгляда на то, как она по-детски цепляется за высокую луку верблюжьего седла, было достаточно, чтобы развеять подобные подозрения. Однако его вновь охватили сомнения. Не околдован ли он ею?

Они продвигались на запад, лишь однажды остановились чтобы поесть фиников и выпить воды. Амальрик соорудил хрупкое укрытие из своего меча, ножен и попон, чтобы защитить ее от пылающего солнца. Девушка так устала от верховой езды, что ее пришлось снимать с верблюда. Вновь ощутив возбуждающую сладость ее мягкого тела, он почувствовал, как его охватывает страсть, и несколько мгновений стоял неподвижно, опьяненный ее близостью, прежде чем уложить ее в тени импровизированной палатки.

Его чуть ли не злил ее прямой взгляд, ее покорность, с которой она отдавала свое юное тело в его объятия. Казалось, будто она не осознает того, что может ей повредить; эта невинная доверчивость вызывала у него чувство стыда и беспричинный гнев.

Когда они ели, он не ощущал вкуса фиников, жадно любуясь гибкой юной фигурой. Она же, казалось, этого не замечала. Когда он поднимал ее, чтобы снова посадить на верблюда, и ее руки инстинктивно обхватили его за шею, он вздрогнул, но все же усадил девушку в седло, и они опять двинулись в путь.

Солнце уже садилось. Лисса показала вперед и крикнула:

— Смотри! Башни Газала!

Он увидел их на краю пустыни — шпили и минареты, возвышавшиеся зеленым пятном на фоне голубого неба. Не будь рядом девушки, он бы подумал, что это город-призрак или мираж. Он с любопытством посмотрел на Лиссу; та не

проявляла особой радости по поводу возвращения домой. Она вздохнула, и ее стройные плечи слегка опустились.

По мере того как они приближались к городу, стали видны новые подробности. Прямо из песка пустыни вырастала стена, окружавшая башни. Амальрик увидел, что стена во многих местах осыпается. Башни тоже выглядели не лучшим образом. Крыши провалились, на стене недоставало зубцов, шпили кренились словно пьяные. Его охватил страх; не едет ли он в город мертвых в сопровождении вампира? Быстрый взгляд на девушку придал ему уверенности. Никакой демон не может скрываться под столь божественной внешностью. Она посмотрела на него, и в глазах ее словно застыл немой вопрос. Девушка нерешительно повернулась в сторону пустыни, затем, глубоко вздохнув, вновь обратила свой взгляд на город, словно охваченная странным отчаянием человека, покорившегося судьбе.

Через дыры в зеленой стене Амальрик увидел двигавшиеся внутри города человеческие силуэты. Никто не приветствовал их, когда они въехали через широкий пролом в стене и оказались на широкой улице. Вблизи, в лучах заходящего солнца, картина упадка стала более явной. Трава росла прямо на улицах, пробиваясь сквозь разбитую мостовую; травой покрылись и небольшие площади. Улицы и дворы были усыпаны кусками отвалившейся каменной кладки.

Купола потрескались, с них слезла краска. Повсюду следы разрушения. И тут Амальрик увидел уцелевшее строение — сверкающую красную круглую башню на юго-восточной окраине города. Она резко выделялась на фоне руин.

Амальрик показал:

— Почему эта башня не разрушена, как остальные?

Лисса побледнела, вся дрожа, и вцепилась в его руку.

— Не говори о ней! — прошептала она.— Не смотри! И даже не думай!

Амальрик нахмурился. Теперь башня казалась змеиной головой, возвышавшейся среди руин и запустения.

Молодой аквилонец осторожно огляделся. Он вовсе не был уверен, что жители Газала примут его с распростертыми объятиями. Он видел бродивших по улицам людей. Они останавливались и смотрели на него, и почему-то у него по коже бежали мурашки. Вид у жителей города был вполне доброжелательный, и взгляды их были спокойны. Но их, казалось, почти ничто не интересовало. Они не пытались ни подойти к нему, ни заговорить с ним. Конечно, появление в городе вооруженного всадника из пустыни могло быть самым обычным делом, но Амальрик знал, что это не так, и от столь легкомысленного приема со стороны жителей Газала ему становилось не по себе.

К ним обратилась Лисса, показывая на Амальрика, которого держала за руку, словно любящий ребенок.

— Это Амальрик из Аквилонии, он спас меня от чернокожих и доставил домой.

Послышался вежливый приветственный ропот, и несколько горожан подошли к ним, протягивая руки. Амальрик подумал, что ему никогда не приходилось видеть столь доброжелательно-отсутствующих лиц; в глазах не читалось ни страха, ни удивления. Однако это не были глаза тупых баранов — скорее людей, погруженных в мечты.

У него возникло ощущение нереальности происходящего; он с трудом понимал, что ему говорят эти странные люди в шелковых туниках и мягких сандалиях, рассеянно и бесцельно перемещавшиеся среди блеклых руин. Рай, мираж? Но мысль о зловещей красной башне вносила диссонирующую ноту.

Один из прохожих, с гладким лицом, но серебристыми волосами, спросил:

— Аквилония? Мы слышали, что в нее вторгся король Немедии Брагор. Чем закончилась война?

— Его прогнали,— коротко ответил Амальрик, едва сдерживая дрожь. Прошло девятьсот лет с тех пор, как Брагор повел своих воинов через границу Аквилонии.

Вопросов больше не последовало, люди разошлись, и Лисса потянула его за руку. Он повернулся, пожирая ее глазами; в мире иллюзий и мечты лишь она одна была реальной, и тело ее было ароматным и осязаемым, словно сливки и мед.

— Идем, нужно отдохнуть и поесть.

— А эти люди? — возразил он.— Ты не расскажешь им о своих приключениях?

— Их это не заинтересует, разве что на несколько минут,— ответила она.— Они немного послушают, а потом разойдутся. Вряд ли они даже знали о моем отсутствии. Идем!

Амальрик повел верблюда и лошадь в закрытый дворик, где росла высокая трава и из разбитого фонтана сочилась в мраморный желоб вода. Привязав там животных, он последовал за Лиссой. Взяв за руку, она повела его через двор под арку. Наступила ночь. В открытом небе над двором ярко сверкали звезды, подчеркивая очертания зубчатых башен. Лисса прошла через ряд темных комнат — судя по тому, как уверенно она двигалась, здешняя обстановка была ей хорошо знакома. Амальрик осторожно шел следом за ней, держась за руку. Путь оказался не слишком приятным. В кромешной тьме висел запах пыли и гнили. Под ногами иногда попадались осколки черепицы и ветхие ковры. Затем сквозь пролом в крыше снова проглянули звезды, и он увидел тусклый извилистый коридор, увешанный гнилыми гобеленами. Они шелестели на слабом ветру, и звук этот напоминал шепот ведьм; от него дыбом вставали волосы.

Они вошли в комнату, слабо освещенную звездами через открытые окна, и Лисса, отпустив его руку, пошарила в темноте и достала нечто вроде светильника — стеклянный шарик, испускавший золотое сияние. Она поставила его на мраморный стол и показала Амальрику на устланное шелками ложе. Снова пошарив в таинственной нише, достала золотой сосуд с вином и другие, с незнакомой Амальрику

слой. Там были плоды, напоминавшие финики; прочие, бледные и показавшиеся ему безвкусными, он не узнал. Вино было приятным на вкус, но совсем не крепким.

Сев на мраморное сиденье напротив, Лисса приступила к неспешной трапезе.

— Что это за место? — спросил он.— Ты такая же, как те люди,— но странным образом на них непохожа.

— Говорят, что я похожа на наших предков,— ответила Лисса.— Много лет назад они пришли в пустыню и построили этот город в большом оазисе, который на самом деле состоит лишь из нескольких источников. Камень они взяли из руин гораздо более древнего города. Только красная башня...— Голос ее оборвался, и она бросила беспокойный взгляд на усыпанное звездами небо за окном.— Только красная башня уже тогда стояла здесь. И была пуста.

Наши предки, которые назывались газали, когда-то жили в южном Кофе. Они славились своей ученостью и мудростью. Но они хотели возродить культ Митры, от которого кофийцы давно отказались, и король изгнал их из своего королевства. И они ушли на юг — жрецы, ученые, мудрецы, учителя, вместе со своими рабами-шемитами.

Они возвели в пустыне Газал; но почти сразу же после завершения строительства рабы взбунтовались и бежали, смешавшись с дикими племенами пустыни. К ним вовсе не плохо относились, но однажды ночью пришло некое известие, заставившее их в ужасе бежать из города в пустыню.

Мой народ остался жить здесь, научившись производить еду и питье из подручных материалов. Его познания были просто удивительны. Когда рабы бежали, они забрали с собой всех верблюдов, лошадей и ослов. Никакой связи с внешним миром не было. В Газале есть целые комнаты, полные книг и свитков, но всем им самое меньшее девятьсот лет — именно столько времени прошло с тех пор, как мой народ бежал из Кофа. С тех пор ни один человек из внешнего мира

никогда не бывал в Газале. И племя медленно исчезает. Люди столь глубоко ушли в себя, в свои мечты, что лишились всех человеческих страстей и стремлений. Город превращается в руины, и никто и пальцем не пошевелит, чтобы его отстроить. А когда...— она вздрогнула,— когда пришел ужас, они не смогли ни бежать, ни сражаться.

— О чем ты? — прошептал он, чувствуя, как по спине пробежал холодок.

Шорох истлевших портьер в темных коридорах вселял неясный страх в его душу.

Лисса покачала головой. Встав, она обошла вокруг мраморного стола и положила руки Амальрику на плечи. В ее глазах застыли слезы и ужас, а еще отчаянная тоска, от которой у него перехватило горло. Машинально он провел рукой по ее гибкому телу и почувствовал, что она вся дрожит.

— Обними меня! — умоляюще попросила она.— Мне страшно! О, я мечтала о таком мужчине, как ты. Я не такая, как мой народ; они мертвецы, бродящие по забытым улицам, но я живая. Я теплая и чувствующая. Я испытываю голод и жажду, и я хочу жить. Мне невыносимы молчаливые улицы, разрушенные залы и унылые люди Газала, хотя ничего другого я никогда не знала. Вот почему я сбежала — мне хотелось жить...

Она неудержимо разрыдалась в его объятиях. Волосы ее упали на его лицо; от ее запаха у него закружилась голова. Ее тугое тело напряглось. Она лежала у него на коленях, обхватив его руками за шею. Прижав ее к груди, он приник губами к ее губам. Он покрывал горячими поцелуями ее глаза, губы, щеки, волосы, горло, грудь, пока ее рыдания не сменились судорожными вздохами. Охватившая его страсть не имела ничего общего с жестокостью насильника. Страсть, спавшая в ней, пробудилась, нахлынув одной всеобъемлющей волной. Светящийся золотой шар, сбитый его рукой, упал на пол и погас. Лишь звезды заглядывали в окна.

Лежа в объятиях Амальрика на устланном шелками ложе, Лисса раскрыла ему свою душу, шепча о мечтах, надеждах и желаниях — детских, трогательных, страшных.

— Я заберу тебя отсюда,— пробормотал он.— Завтра. Ты права. Газал — город мертвых; мы найдем жизнь во внешнем мире. Он жесток, груб, безжалостен — но все равно лучше, чем эта живая смерть...

Ночь разорвал пронзительный предсмертный крик, полный ужаса и отчаяния. От этого звука на коже Амальрика проступил холодный пот. Он хотел было вскочить, но Лисса в страхе цеплялась за него.

— Нет, нет! — судорожно шептала она.— Не уходи! Останься!

— Но там кого-то убивают! — воскликнул он, нашаривая меч.

Крики, казалось, доносились с другой стороны двора. С ними смешивался неописуемый звук раздираемой плоти. Крики становились все тише, полные безнадежной агонии, пока не смолкли окончательно.

— Я слышал подобные крики от людей, умирающих под пытками! — пробормотал Амальрик, дрожа от ужаса.— Что там происходит?

Лисса тряслась от страха. Он чувствовал, как отчаянно бьется ее сердце.

— Это тот самый ужас, о котором я говорила! — прошептала она.— Ужас, обитающий в красной башне. Он появился очень давно — некоторые говорят, будто он жил там еще в древние времена и вернулся после постройки Газала. Он пожирает людей. Из башни вылетают летучие мыши. Никто не знает, что он такое, поскольку из видевших его никто не остался в живых. Это бог или демон. Вот почему бежали рабы; вот почему жители пустыни обходят Газал стороной. Многие из нас погибли в его чудовищном брюхе. В конце концов не останется никого, и он станет править опустев-

шим городом; говорят, что он правил руинами, из которых построили Газал.

— Почему люди остались здесь и отдают себя на съедение? — спросил он.

— Не знаю,— всхлипнула она,— они словно во сне...

— Гипноз,— пробормотал Амальрик.— Гипноз вкупе с упадком. Я видел их глаза. Этот демон их загипнотизировал. О Митра, что за омерзительная тайна?

Лисса прижалась к нему, уткнувшись лицом в грудь.

— Но что нам делать? — тревожно спросил он.

— Сделать ничего нельзя,— прошептала она.— Твой меч не поможет. Возможно, ужас не причинит нам зла. Он уже взял сегодня свою жертву. Нам придется ждать, словно овцам — мясника.

— Будь я проклят, если стану ждать! — возбужденно воскликнул Амальрик.— Мы не будем дожидаться утра. Уедем сейчас. Собери еды и питья. Я возьму лошадь и верблюда и выведу их со двора. Встретимся на улице!

Поскольку неизвестное чудовище уже нанесло удар, Амальрик считал, что оставить девушку одну на несколько минут будет вполне безопасно. Однако по коже у него ползли мурашки, пока он пробирался на ощупь по петляющему коридору и через темные комнаты с шелестящими на стенах портьерами. Животные беспокойно жались друг к другу во дворе, где он их оставил. Жеребец тревожно заржал и ткнулся в него мордой, словно чуя беду в безветренной ночи.

Оседлав и взнуздав животных, он поспешно повел их через узкий проход со двора. Несколько минут спустя он уже стоял на освещенной звездами улице. Через мгновение раздался отчаянный вопль, от которого у него пошел мороз по коже. Крик доносился со стороны комнаты, где он оставил Лиссу.

Дико заорав в ответ, он выхватил меч и, пробежав через двор, нырнул в окно. Золотой шар снова светился, отбрасы-

вая по углам черные тени. Шелка были разбросаны на полу, мраморное сиденье опрокинуто. Но комната была пуста.

Ощутив внезапный приступ слабости, Амальрик оперся о мраморный стол, чувствуя, как тусклый свет плывет перед глазами. Затем его охватила безумная ярость. Красная башня! Наверняка именно туда демон унес свою жертву!

Снова метнувшись через двор, он помчался по улицам в сторону башни, светившейся адским сиянием на фоне звезд. Улицы шли не прямо, и он бежал напролом через молчаливые черные здания и дворы, где ночной ветер качал высокий бурьян.

Впереди него, окружая красную башню, возвышались руины, еще более древние, чем весь остальной город. Судя по всему, здесь никто не жил. Осыпающаяся каменная кладка угрожающе шаталась и раскачивалась, а красная башня поднималась среди этих останков, словно ядовитый цветок над развалинами склепа.

Чтобы добраться до башни, нужно было преодолеть руины. Он безрассудно устремился к черной громаде. Найдя дверь, вошел внутрь, выставив перед собой меч. Затем его взору явилось то, что порой можно увидеть в фантастических снах. Далеко впереди тянулся длинный коридор, залитый тусклым светом; с черных стен свисали загадочные гобелены, от вида которых бросало в дрожь. В дальнем конце коридора он увидел удаляющийся силуэт... Затем видение исчезло, и вместе с ним исчезло зловещее сияние. Альмарик стоял в безмолвной темноте, ничего не видя и не слыша и думая лишь о сгорбленной белой фигуре, тащившей безжизненное человеческое тело по длинному черному коридору.

Пробираясь на ощупь вперед, он вдруг вспомнил мрачную легенду, которую бормотали ему возле угасающего костра в увенчанной черепами хижине черного колдуна,— легенду о боге, обитавшем в красном доме в разрушенном городе, которому поклонялись последователи мрачного культа в тем-

ных джунглях по берегам медленных угрюмых рек. Вспомнилось ему и заклинание, которое шептали ему на ухо жуткие голоса, когда ночь затаила дыхание, прекратили рычать львы у реки и даже листья пальм перестали тереться друг о друга.

«Оллам-онга»,— шептал черный ветер в темном коридоре. «Оллам-онга»,— шептала пыль под его осторожными шагами. На лбу у него выступил пот, меч дрожал в руке. Он пробирался через обитель бога, и страх сжимал ему горло костлявой рукой. «Обитель бога» — эти слова наполняли его безотчетным ужасом. На него обрушились все древние первобытные страхи, словно пытаясь раздавить его слабую человеческую сущность, пока он шел через темный дом.

Перед ним возникло сияние, столь слабое, что его едва можно было различить; он понял, что приближается к самой башне. Вскоре он нашел сводчатую дверь и начал карабкаться по лестнице с чересчур высокими ступенями. По мере того как он поднимался, в нем все больше закипала слепая ярость — последняя защита человечества от колдовства и всех враждебных сил Вселенной — и он забыл о своих страхах. Он лез все выше и выше в густой зловещей тьме, пока не оказался в комнате, освещенной странным сиянием.

Амальрик остановился, чувствуя, как язык прилипает к небу. Голый белый мужчина смотрел на него, сложив на алебастровой груди могучие руки. Черты его лица были классическими, идеально очерченными, нечеловеческой красоты. Но в глазах пылал огонь, какого нельзя увидеть в глазах человека. В глазах этих Амальрик увидел пламя преисподней, застывшее среди чудовищного сумрака.

Затем очертания стоящей перед ним фигуры начали расплываться и мерцать. Страшным усилием воли разорвав путы молчания, аквилонец произнес таинственное заклинание. И когда жуткие слова нарушили тишину, белый великан замер, и его очертания вновь стали ясными и четкими на золотом фоне.

— Нападай же, будь ты проклят! — истерически крикнул Амальрик.— Я пленил тебя в твоей человеческой оболочке! Черный колдун говорил правду! Он на самом деле дал мне повелевающее слово! Нападай, Оллам-онга,— пока ты не разрушишь заклятие, сожрав мое сердце, ты такой же человек, как и я!

С ревом, подобным завыванию черного ветра, существо бросилось на него. Амальрик отскочил в сторону, избежав рук, обладавших силой смерча. Единственный когтистый палец, зацепившийся за его рубаху, сорвал ее, словно гнилые лохмотья. Но Амальрик, которому ужас придал быстроты, развернулся и вонзил меч в спину твари, так что конец его вышел на фут из широкой груди.

Адский предсмертный вопль сотряс башню; чудовище кинулось на Амальрика, но юноша отскочил и взбежал по ступеням на возвышение. Схватив мраморное кресло, он бросил его вниз. Массивный снаряд попал прямо в лицо монстру, и тот покатился по ступеням. Истекая кровью, чудовище поднялось и вновь попыталось добраться до Амальрика. В отчаянии он поднял нефритовую скамью, застонав от напряжения, и швырнул ее.

От удара каменной громады Оллам-онга опрокинулся на ступени и остался лежать среди обломков мрамора, залитых его кровью. Последним отчаянным усилием он приподнялся на руках, закатил глаза и издал жуткий вопль. Амальрик вздрогнул и в страхе попятился. И на крик чудовища ответили. Откуда-то сверху, словно эхо, донеслись такие же вопли. Затем искалеченная белая фигура обмякла среди окровавленных обломков. И Амальрик понял, что одного из богов Куша больше нет. Вместе с этой мыслью пришел слепой, безрассудный страх.

Словно в тумане, он сбежал по ступеням, стараясь держаться подальше от лежавшей на полу твари. Казалось, сама ночь взывает к мести, ошеломленная подобным святотат-

ством. На него нахлынула волна страха, готового поглотить его торжествующий над победой разум.

Едва успев поставить ногу на первую ступень лестницы, он замер как вкопанный. Из темноты к нему поднималась Лисса, протягивая белые руки. Глаза ее были полны ужаса.

— Амальрик! — послышался ее крик.

Он заключил ее в объятия.

— Я увидела,— всхлипнула она,— как он тащит по коридору мертвеца, закричала и убежала. А потом вернулась, услышала твой крик и поняла, что ты отправился искать меня в красную башню...

— И пришла, чтобы разделить со мной судьбу,— едва слышно проговорил он.

Дрожа, она попыталась заглянуть ему за спину, но он закрыл ей глаза руками и развернул ее кругом. Ей лучше было не видеть того, что лежало на залитом кровью полу. Когда он отчасти вел, отчасти нес ее по темной лестнице, он оглянулся через плечо и увидел, что обнаженной белой фигуры среди разбитого мрамора больше нет. Заклинание удерживало Оллам-онгу в его человеческой форме при жизни, но не после смерти. Амальрика на мгновение охватила слепота, затем он поспешно повел Лиссу вниз по лестнице и через темные руины.

Он не замедлял шага, пока они не добрались до улицы, где жались друг к другу верблюд и жеребец. Быстро посадив девушку на верблюда, он вскочил на жеребца. Взяв верблюда под уздцы, он направился прямо к разбитой стене. Несколько минут спустя он облегченно вздохнул. Прохладный воздух пустыни остудил его кровь; в нем больше не чувствовалось запаха разложения и омерзительной древности.

С луки его седла свисала маленькая фляга с водой. У них не было еды, а меч остался в красной башне — он не осмелился к нему прикоснуться. Им предстоял путь через пус-

тыню без воды и оружия; но это казалось меньшей неприятностью, чем ужас оставшегося позади города.

Они ехали молча. Амальрик направился на юг — где-то в той стороне был источник. На рассвете, когда они поднялись на песчаный холм, он оглянулся и посмотрел на Газал, казавшийся нереальным в розовом свете,— и оцепенел, а Лисса вскрикнула. Через пролом в стене выехали семеро всадников на черных верховых животных, одетые в черное с головы до ног. В Газале не было лошадей. Амальрика охватил ужас, и, повернувшись, он поспешил дальше.

Взошло солнце — сперва красное, потом золотое, а потом оно превратилось в белый огненный шар. Беглецы продолжали свой путь, шатаясь от жары и усталости, ослепленные ярким солнцем. Время от времени они смачивали водой губы. А позади них размеренно двигались семь черных точек. Наступал вечер, солнце покраснело и начало опускаться к краю пустыни. Словно холодная лапа сжала сердце Амальрика — по мере того как становилось все темнее, всадники все приближались. Амальрик посмотрел на Лиссу, и у него вырвался стон. Его жеребец споткнулся и упал. Солнце зашло, и луну внезапно заслонила тень в форме летучей мыши. В наступившей тьме вспыхнули красным звезды, и Амальрик услышал позади нарастающий гул, похожий на шум ветра. На фоне ночного неба возникла быстро приближающаяся черная масса, в которой мерцали внушающие страх огни.

— Беги, девочка! — в отчаянии крикнул он.— Уходи, спасайся — им нужен я!

В ответ она соскользнула с верблюда и обхватила Амальрика руками.

— Я умру с тобой!

Семь черных силуэтов мчались подобно вихрю. Под капюшонами сверкали зловещие огни; казалось, будто беглецы слышат клацанье челюстей. Неожиданно мимо Амальрика и его жеребца промчалась лошадь, неясные очертания

которой вырисовывались в неестественной тьме. Послышался звук столкновения — неизвестный наездник врезался в приближающуюся группу. Лошадь отчаянно заржала, и незнакомый голос что-то проревел на странном языке. Где-то в ночи ему ответили другие голоса.

Судя по всему, происходила жестокая схватка. Стучали конские копыта, слышались звуки чудовищных ударов, и крепко ругался все тот же зычный голос. Затем неожиданно взошла луна, осветив фантастическую сцену.

Человек на гигантской лошади вертелся на месте, нанося удары словно по воздуху, а с другой стороны приближалась дикая орда всадников, их кривые мечи сверкали в лунном свете. За вершиной холма исчезали семь черных фигур, плащи которых развевались подобно крыльям летучих мышей.

Амальрика окружили дикари, которые спрыгнули со своих лошадей и столпились вокруг. Его схватили жилистые голые руки, что-то рычали яростные, похожие на ястребиные, смуглые лица. Лисса закричала. Затем нападавших разбросал в стороны человек на огромной лошади, проехавший через толпу. Наклонившись в седле, он внимательно посмотрел на Амальрика.

— Демон! — прорычал он.— Амальрик из Аквилонии!

— Конан! — изумленно воскликнул Амальрик.— Конан! Ты жив!

— Более жив, чем ты, похоже,— ответил тот.— Клянусь Кромом, ты выглядишь так, будто все демоны этой пустыни охотились за тобой всю ночь! Что за твари за тобой гнались? Я объезжал наш лагерь, чтобы убедиться, что нигде не скрываются враги, как вдруг услышал топот и поехал на него. Видит Кром, я оказался среди этих демонов, прежде чем успел понять, что происходит. У меня был в руке меч, и я начал разить направо и налево — клянусь, их глаза сверкали во тьме подобно огню! Я знаю, что мой клинок не прома-

хивался, но, когда вышла луна, они исчезли, словно дуновение ветра. Кто они, люди или демоны?

— Вампиры, посланные из преисподней,— содрогнувшись, ответил Амальрик.— Не спрашивай меня больше; есть кое-что, чего не стоит обсуждать.

Конан не стал настаивать и никак не проявил своего недоверия.

— Вижу, ты сумел найти себе женщину даже в пустыне,— покосился он на Лиссу, которая прижалась к Амальрику, в страхе глядя на окруживших их дикарей.— Вина! — прорычал Конан.— Несите фляги! Сюда! — Схватив брошенную ему кожаную флягу, он вложил ее в руку Амальрика.— Дай глоток девушке и выпей сам,— посоветовал он.— Потом мы посадим вас на лошадей и отвезем в лагерь. Вам нужны еда, отдых и сон.

Привели укрытую богатой попоной лошадь, и Амальрику помогли сесть в седло; затем ему передали на руки девушку, и они двинулись на юг, в окружении жилистых смуглых полуголых всадников. Конан ехал впереди, напевая походную песню наемников.

— Кто это? — прошептала Лисса, обнимая Амальрика за шею; он держал ее в седле перед собой.

— Конан из Киммерии,— ответил Амальрик.— Человек, с которым я блуждал в пустыне после разгрома наемников. Это те самые люди, которые свалили его с коня. Я оставил его лежать под их копьями, думая, что он мертв. А теперь он явно ими командует, и они его уважают.

— Он ужасный человек,— сказала она.

Амальрик улыбнулся:

— Ты никогда прежде не видела белого варвара. Он бродяга, мародер и убийца, но у него есть свой моральный кодекс. Не думаю, что нам стоит его опасаться.

В душе он не был в этом столь уверен. В определенном смысле можно было считать, что он лишился дружбы Ко-

нана, когда уехал в пустыню, оставив бесчувственного киммерийца лежать на земле. Но он не знал тогда, что Конан не мертв. Амальрика преследовали сомнения. Будучи по-дикарски преданной своим товарищам, дикая натура Конана не видела причин, по которым нельзя было грабить весь остальной мир. Он жил своим мечом. Амальрик едва подавил дрожь при мысли о том, что может случиться, если Конан пожелает себе Лиссу.

Позднее, когда они поели и напились в лагере всадников, Амальрик сидел у костра перед палаткой Конана; Лисса, укрытая шелковой накидкой, дремала, положив голову ему на колени. А напротив него играли отблески огня на лице Конана, сменяя свет тенью.

— Кто эти люди? — спросил молодой аквилонец.

— Всадники Томбалку,— ответил киммериец.

— Томбалку! — воскликнул Амальрик.— Значит, это не миф!

— Вовсе нет! — подтвердил Конан.— Когда моя проклятая лошадь упала вместе со мной, меня оглушило, а когда я пришел в себя, эти демоны связали меня по рукам и ногам. Это меня разозлило, и я разорвал несколько веревок, но они сразу же набрасывали новые — мне не удалось полностью освободить даже руку. Но им моя сила казалась невероятной...

Амальрик молча смотрел на Конана. Он был столь же высок и широкоплеч, как и Тилутан, но без излишнего веса, которым обладал негр. Киммериец мог сломать гнату шею голыми руками.

— Они решили отвезти меня в свой город, вместо того чтобы убить на месте,— продолжал Конан.— Считали, что такой человек, как я, будет долго умирать под пытками и они смогут как следует развлечься. Они связали меня, посадили на лошадь без седла, и мы поехали в Томбалку. В Томбалку два короля. Меня поставили перед ними — худым

смуглым демоном по имени Зебех и большим толстым негром, который дремал на троне из слоновой кости. Они говорили на диалекте, который я немного понимал, очень похожем на язык западных мандинго, живущих на побережье. Зебех спросил смуглого жреца Дауру, что со мной делать, и Даура бросил кости, а потом сказал, что с меня следует живьем содрать кожу перед алтарем Джила. Все бурно возрадовались, и их голоса разбудили короля-негра.

Я плюнул в Дауру и откровенно его обругал, как и самих королей, и потребовал хорошего вина перед казнью и проклял их, назвав ворами, трусами и сыновьями шлюх.

Услышав это, черный король очнулся, сел и вытаращился на меня, а потом встал и крикнул: «Амра!» Я узнал его — Сакумбе из племени суба с Черного побережья, толстый искатель приключений, которого я хорошо знал, когда был корсаром в тех краях. Он торговал слоновой костью, золотым песком и рабами и мог обмануть самого демона; так вот, когда этот черный вонючий демон узнал меня, он сошел с трона и радостно обнял и снял путы собственными руками. Затем он объявил, что я Амра, Лев, его друг, и что меня никто не смеет тронуть. Последовал долгий спор, поскольку Зебех и Даура хотели моей шкуры. Но Сакумбе позвал своего чародея Аскию, и он пришел, весь в перьях, колокольчиках и змеиной коже,— колдун с Черного побережья и сын демона, если таковой существует.

Аския танцевал и читал заклинания, а затем объявил, что Сакумбе — избранник Аджуджо Темного, и все чернокожие из Томбалку закричали, и Зебеху пришлось уступить.

Дело в том, что чернокожие в Томбалку обладают реальной властью. Несколько веков назад афаки, шемитский народ, пришли в южную пустыню и основали королевство Томбалку. Они смешались с пустынными неграми, и в результате возникла смуглая раса с прямыми волосами, которая до сих пор скорее белая, чем черная. Они являются

господствующей кастой в Томбалку, но находятся в меньшинстве, и черный король всегда сидит на троне рядом с правителем-афаки.

Афаки победили кочевников юго-западной пустыни и негритянские племена саванн, которые лежат на юге. Например, эти всадники — из народа тибу, смешанной стигийской и негритянской крови.

Так вот, Сакумбе — посредством Аскии — реально правит Томбалку. Афаки поклоняются Джилу, но черные поклоняются Аджуджо Темному и его родне. Аския пришел в Томбалку вместе с Сакумбе и возродил культ Аджуджо, который пришел в упадок из-за жрецов-афаки. Аския с помощью черной магии победил колдовство афаки, и чернокожие провозгласили его пророком, посланным темными богами.

Влияние Сакумбе и Аскии растет, в то время как Зебеха и Дауры — убывает.

Итак, поскольку я оказался другом Сакумбе и Аския высказался в мою пользу, чернокожие встретили меня аплодисментами. Сакумбе подстроил так, чтобы Кордофо, командира конницы, отравили, и дал мне его пост, что обрадовало негров и возмутило афаки.

Тебе понравится Томбалку! Он создан для таких людей, как мы! Здесь полдюжины могущественных группировок, которые строят заговоры и интриги друг против друга; в тавернах и на улицах постоянные драки, все время совершаются тайные убийства, увечья, казни. И здесь есть женщины, золото, вино — все, что нужно наемнику! А я в почете, и у меня есть власть!

Клянусь Кромом, Амальрик, ты появился как раз вовремя! Что такое, в чем дело? Что-то не вижу у тебя того энтузиазма, что был когда-то!

— Прости меня, Конан,— вздохнул Амальрик.— Мне интересно, но я устал и хочу спать.

Но аквилонец думал совсем не о золоте, женщинах и интригах, а о девушке, которая дремала у него на коленях; его вовсе не радовала мысль о том, что она может оказаться в описанной Конаном стихии интриг и кровопролитий. Что-то слегка изменилось в Амальрике, хотя сам он этого почти не осознавал.

Синопсис без названия («Час Дракона»)

В начале сюжета четыре человека в покоях немедийского замка вернули к жизни стигийскую мумию, которой было много тысяч лет. Один из них был могущественным немедийским бароном с немалыми амбициями. Второй — младший брат короля Немедии. Третий был претендентом на трон Аквилонии. Четвертый — жрецом Митры, которого изгнали из ордена за изучение запрещенного искусства магии. Мумия принадлежала древнему чародею, хайборийцу из королевства, уничтоженного немедийцами, аквилонцами и аргосцами. Королевство это называлось Ахерон, а его столица — Пифон. Много веков назад народ Ахерона, более цивилизованный, чем их соседи на востоке и западе, правил империей, которая включала в себя территории, позднее ставшие южной Немедией и Британией, большую часть Коринфии, большую часть Офира, западный Коф и западные земли Шема, северный Аргос и восточную Аквилонию. После захвата и разрушения Ахерона его более дикими западными соседями их величайший чародей бежал в Стигию и жил там, пока его не отравил стигийский жрец Сета Старый

© Перевод К. Плешкова.

Змей. Затем его мумифицировали с помощью необычной процедуры, не удаляя никаких жизненно важных органов, и мумию поместили в тайный храм. Оттуда, по наущению заговорщиков, ее похитили воры из Заморы. Немедийского барона звали Амальрик; брата короля звали Тараск; аквилонского претендента звали Валерий; жреца звали Ораст; чародея звали Ксальтотун. Валерий был беззаботным молодым бродягой, высоким и светловолосым, насмехавшимся над самим собой и всем остальным, но отважным бойцом. Он был дальним родственником аквилонского короля, убитого Конаном из Киммерии, когда тот занял трон Аквилонии. Король изгнал его, и он скитался по миру как солдат удачи, пока интриги Амальрика не заставили его вернуться. Он должен был помочь заговорщикам посадить Тараска на немедийский трон, а затем его самого должны были посадить на трон Аквилонии. Амальрик был крепко сложен, смугл и безжалостен, и у него имелись свои собственные цели. Он хотел посадить на трон своих марионеток, а затем свергнуть обоих, чтобы в конце концов самому сесть на трон объединенных государств. Тараск был невысоким смуглым молодым человеком, хитрым, отважным и чувственным, но при этом марионеткой в руках Амальрика. Ораст был высокого роста, с мягкими белыми руками, дилетант в черной магии. Ксальтотун, которого заклинания вернули к жизни, был высоким, с быстрыми сильными руками, странным завораживающим взглядом и густыми черными волосами. Он выслушал рассказ обо всем, что произошло после его смерти, и согласился им помочь. Но прежде чем он сможет вернуть себе полную магическую силу, они должны украсть для него драгоценный камень, называвшийся Сердце Аримана, который хранился в тайном месте в королевстве Аквилония. Камень этот отобрали у него, когда пал Пифон, и потому он вынужден был бежать в Стигию. Чародей тайно планировал восстановить древнее королевство Ахерон.

Потомков народа Ахерона было намного больше, чем считалось; они жили в горных крепостях, сообществами в больших городах или были разбросаны по всему королевству, выполняя роль жрецов, слуг, секретарей и писцов. Камень был похищен, король Немедии убит с помощью черной магии, и Тараск сел на трон. Затем войска Немедии выступили против Аквилонии. В палатке ночью перед сражением Конану из Киммерии приснился сон, в котором он увидел многие события из своего прошлого. Он видел странные фигуры и события и, проснувшись в поту от страха, позвал к себе своих капитанов. Наступал рассвет, и войска пришли в движение. В палатке короля появилась странная фигура в капюшоне, и Конана охватил непонятный паралич. Он не мог выехать на битву, и тогда привели обычного воина, который был очень на него похож, надели на него королевские доспехи, и он двинулся вперед под большим знаменем с изображением льва. Но он погиб, отважно сражаясь, и разбитое аквилонское войско обратилось в бегство. На Конана, беспомощно лежавшего в своей палатке, напали немедийские рыцари, его охрану зарезали. Он сражался мечом, держась за шест палатки, пока Ксальтотун не победил его с помощью магии. Его тайно посадили в повозку и переправили в столицу Немедии, поскольку Амальрик не хотел, чтобы стало известно о том, что погиб вовсе не король. Конана бросили в яму под дворцом, где на него напала гигантская обезьяна. Но девушка из обоза Тараска дала Конану кинжал, которым он убил зверя, после чего сбежал. Придя во дворец Тараска, чтобы его убить, он увидел, как король дает какому-то человеку драгоценный камень и мешок золота и приказывает бросить камень в море. Камень этот, хотя Конан о том и не знал, был Сердцем Аримана, которое Тараск похитил у чародея, поскольку боялся его и слабо представлял себе намерения Ксальтотуна. Конан ударил Тараска кинжалом, но промахнулся, а затем, покинув город, начал проби-

раться к аквилонской границе. Добравшись до границы, он узнал, что его народ считает его мертвым, что бароны воюют друг с другом, что Валерий, появившийся на восточной границе вместе с немедийской армией, разбил войска, посланные против него баронами, захватил столицу и толпа, опасавшаяся чужеземного вторжения, объявила его своим королем. Гандерланд на севере и Пуантен на юге сохранили независимость, Гандерланд отчасти, а Пуантен полностью, и Конан направился на юг, чтобы объединиться с графом Тросеро, своим советником, который удерживал перевалы, ведущие к равнинам Зингары. Но сперва он поехал в свою столицу, которая была в руках Валерия, так как старый колдун в горах восточной Аквилонии рассказал ему таинственную историю о Сердце Аримана и показал видения внутри плававшего в дыму кристалла — о ворах из Заморы, ограбивших стигийский храм и похитивших огненный драгоценный камень из подземной пещеры под городом. Туда Конан и отправился, и его признали и помогли ему его преданные вассалы, а спустившись в пещеру, он обнаружил, что камень исчез, и ему пришлось жестоко сражаться с невидимой тварью, которая его охраняла. Вырвавшись из пещеры, он наконец понял, что Сердце Аримана — тот самый драгоценный камень, который Тараск дал незнакомцу; однако он надежно спрятал лошадь и доспехи и отправился в Пуантен, где обнаружил Тросеро, удерживавшего горные перевалы от войск Валерия. Тем временем Ксальтотун не знал о потере своего камня, поскольку хранил его в навсегда запертой золотой шкатулке и без устали применял к нему свою магию. Лишь более сильной магии могло потребоваться Сердце Аримана. Но Конана узнали в его столице, и за ним пустились в погоню, в то время как другие отправились с этой новостью в Немедию. Конан сразился на перевалах и вместе с пуантенцами разбил немедийцев. Но у Тросеро было недостаточно воинов, чтобы вторгнуть-

ся в Аквилонию и победить немедийцев и поддерживавших Валерия баронов, и его люди боялись магии Ксальтотуна. Они убедили Конана остаться и править ими как отдельным королевством, а также завоевать Зингару, но он решил последовать за человеком, забравшим Сердце Аримана, и поехал в сторону ворот Аргоса.

Синопсис без названия («...И родится ведьма»)

В начале сюжета Тарамис, королева Хаурана, проснулась в своих покоях, увидев на покрытой бархатными портьерами стене светящееся пятно. В этом пятне она разглядела голову своей сестры Саломэ, которую вскоре после рождения отнесли в пустыню умирать, так как на груди у нее была колдовская метка — кроваво-красный полумесяц. Из последовавшего разговора стало ясно, что, поскольку много веков назад тогдашняя королева Хаурана сожительствовала с демоном из незапамятных времен, время от времени в королевской семье должна рождаться ведьма. Саломэ сказала, что ведьмы всегда носили имя Саломэ и так будет всегда. Ее, сестру-близнеца, отнесли в пустыню, но ее нашел кхитайский маг, путешествовавший из Стигии с караваном. Он узнал колдовскую метку, подобрал девочку и воспитал ее, обучив многим тайным искусствам. Теперь она вернулась, чтобы захватить трон. Ее учитель прогнал ее, так как она не овладела истинным колдовством во вселенских масштабах и стала лишь шлюхой-ведьмой. Ей встретился кофийский искатель приключений, командовавший армией профессиональных бойцов из западных городов Шема. Человек этот пришел в Хауран и попросил руки королевы Тарамис. В то время он стоял лагерем со своим войском за го-

© Перевод К. Плешкова.

родскими стенами. Ворота тщательно охранялись, поскольку Тарамис ему не доверяла. Саломэ сказала Тарамис, что пришла во дворец тайно, опоив всех королевских слуг. Она сказала также, что ее, Тарамис, бросят в тюрьму, а она, Саломэ, будет править вместо нее. В это мгновение вошел кофиец, и Саломэ цинично отдала ему свою сестру, чтобы тот ее изнасиловал, а сама пошла к воротам и распорядилась впустить шемитов.

В следующей сцене молодого воина перевязывает его перепуганная возлюбленная, в то время как он рассказывает ей о предательстве. Королева Тарамис, судя по всему, приказала своим ошеломленным ратникам впустить шемитов в город. После этого она объявила, что сделает кофийца королем, который будет править рядом с ней. Из верных войск у Тарамис оставалась только личная гвардия, ее вырезали шемиты, за исключением капитана гвардии, киммерийца Конана, который отказался поверить, что Тарамис — действительно Тарамис. Он клялся, что это некий демон, обретший ее форму, и отчаянно сражался, прежде чем его одолели. Молодой воин сказал, что кофиец приказал распять его за городской стеной. Так и случилось; Конан отгонял стервятников зубами и привлек внимание вожака разбойников, который рыскал возле стен в надежде на поживу. Это был Ольгерд Владислав, запорожец, или козак, который пришел из степей и обосновался среди кочевых шемитских племен пустыни. Он освободил Конана и взял его к себе в шайку после жестокой проверки на выносливость.

Тем временем — как следовало из письма посетившего Хауран ученого — Саломэ, выдавая себя за Тарамис, упразднила культ Иштар, заполнила храмы непристойными изображениями, ввела человеческие жертвоприношения и поместила в святилище чудовищного монстра из преисподней. Молодой воин, убежденный, что Тарамис убили или посадили в тюрьму и на ее месте правит обманщица, проник во дворец и тюрьму, переодетый нищим, и Саломэ, которая пыта-

ла сестру, показывая ей голову ее верного советника, бросила голову нищему, чтобы от нее избавиться, и невольно выдала тайну. Он поспешил к Конану с новостями. Конан тем временем, желая отомстить кофийцу, собрал большое войско из кочевников. Олыгерд намеревался захватить и разграбить Хауран, но Конан сверг его и объявил о своем намерении спасти Тарамис и вернуть ее на трон.

Молодой воин освободил Тарамис из тюрьмы, но Саломэ загнала их в храм. Конан победил кофийца, ворвался в город и уничтожил монстра. Кофийца распяли, и Тарамис снова вернулась на трон.

Сотворение Хайбории

Часть 2

1933 год закончился для Роберта И. Говарда на гораздо более позитивной ноте, чем начинался, хотя и обещал стать катастрофическим. В 1932 году издательство «Фикшн Хаус» прекратило издание «Файт сториз» и «Экшн сториз», двух журналов, которые платили скромно, но регулярно, обеспечивая Говарду скудный, но постоянный доход. Появление «Стрэндж тэйлз» — прямого конкурента «Уэйрд тэйлз»,— где хорошо платили, причем сразу же после приема рукописи, а не после публикации, стало некоторой компенсацией, но в конце 1932 года Говард узнал, что этот журнал также прекращает выходить. В начале 1933 года его предельно сузившийся рынок сбыта включал в себя новый ежеквартальный журнал Фэрнсуорта Райта «Мэджик капет» и «Уэйрд тэйлз». Ничего больше не оставалось делать, и за несколько недель Говард буквально завалил «Уэйрд тэйлз» рукописями, с одной очевидной целью: продать как можно больше. Среди присланных материалов была бóльшая часть второстепенных рассказов о Конане, написанных с явным желанием заработать денег. Лишь весной 1933 года, когда впечатляющее количество рассказов о Конане ожидало публикации в журнале Райта («Ползучая тень», «Королева Черного побережья», «Колодец черных демонов», «Тени в лунном све-

© Перевод К. Плешкова.

те» и «Черный колосс»), Говард уделил внимание новым рынкам. Наняв Отиса Эделберта Клайна в качестве своего агента, техасец провел несколько недель в попытках продать рассказы о боксерах, а также освоить новые для него жанры детектива и вестерна. Он начал серьезно рассматривать вопрос о правах на свои произведения, а также возможность публикации сборника рассказов в Англии.

В октябре 1933 года Говард вновь вернулся к Конану. «Уэйрд тэйлз» уже напечатали три из пяти рассказов о Конане из своего портфеля, по мере того как становилось ясно, что персонаж пользуется немалой популярностью. «Железный демон», законченный примерно в октябре 1933 года, представляет собой довольно слабую попытку Говарда сделать что-то новое, учитывая, что тот не писал о Конане уже шесть месяцев. Многое в нем было позаимствовано из более раннего рассказа, «Тени в лунном свете». Оба рассказа демонстрировали, что Говард был во многом обязан Гарольду Лэмбу, одному из столпов «Эдвенче», издания, оказавшего на Говарда, пожалуй, большее влияние, чем «Уэйрд тэйлз».

Если Говард и был ранним поклонником «Уэйрд тэйлз» — известно, что он уже знал о существовании журнала меньше чем через полгода после того, как тот появился в продаже,— первой любовью техасца явно была приключенческая литература, в намного большей степени, чем фантастика. В памяти его надолго осталось воспоминание о том, как он впервые обнаружил «Эдвенче»: «Журналы были еще более редки, чем книги. Именно после того, как я переехал в "город" (в относительном смысле), я начал покупать журналы. Хорошо помню самый первый. Мне было пятнадцать лет. Я купил его однажды летним вечером, когда не мог усидеть на месте из-за странного беспокойства и у меня дома закончилось все, что можно было читать. Никогда не забуду, какой трепет я испытал. Почему-то мне раньше не при-

ходило в голову, что можно купить журнал. Это был "Эдвенче". У меня до сих пор сохранился экземпляр. После этого я покупал "Эдвенче" в течение многих лет, хотя иногда мне попросту не хватало денег. Тогда этот журнал выходил три раза в месяц... Я ужимался и экономил от одного журнала к следующему; я покупал номер и записывал его себе в долг, а когда выходил другой, я платил за тот, который у меня уже был, и записывал в долг новый, и так далее».

К 1921 году, когда Говард узнал о существовании «Эдвенче», журнал был твердо стоявшим на ногах изданием, одним из ведущих, если не ведущим литературным журналом своего времени, на страницах которого постоянно печатались такие таланты, как Тэлбот Мандн и Гарольд Лэмб. Артур Д. Хоуден-Смит поставлял рассказы о приключениях викингов, а летом 1921 года страницы журнала впервые удостоил своим творчеством Рафаэль Сабатини. Эти авторы повлияли на Роберта И. Говарда в намного большей степени, чем кто-либо из авторов «Уэйрд тэйлз». Интерес Говарда к «Эдвенче» простирался дальше простого чтения рассказов; два его письма были опубликованы в журнале в 1924 году, и он более или менее регулярно переписывался с Р. В. Гордоном, отвечавшим за отдел народной песни. Вероятно, именно благодаря «Эдвенче» у Говарда возникло желание стать писателем: «Я написал свой первый рассказ, когда мне было пятнадцать, и отправил его, кажется, в "Эдвенче". Три года спустя я сумел пробиться в "Уэйрд тэйлз". Три года писательства, за которые мне не удалось продать ни строчки. (Я так и не сумел продать что-либо в "Эдвенче"; а ведь моя первая попытка могла связать меня с ними навсегда!)» Эти строки были написаны летом 1933 года, за несколько недель до того, как техасец начал писать приключенческую литературу. За отчасти удивленным, отчасти раздраженным тоном Говарда чувствуется его разочарование тем, что он так ни разу и не опубликовался в этом

журнале. Все сохранившееся раннее творчество Говарда 1922–1923 годов можно считать искренними попытками подростка воспроизвести то, что он читал в «Эдвенче»: он начал, но так и не закончил десяток рассказов с участием Фрэнка Гордона, чьи приключения были позаимствованы у Тэлбота Манди, а прозвище Эль Борак Проворный – у Сабатини.

Весьма символично, что, когда Говард вновь стал писать приключенческие рассказы в октябре 1933 года, процесс начался с воскресения столь же невероятного, как воскресение Ксальтотуна в «Часе Дракона»: главным героем его первого взрослого приключенческого рассказа был Фрэнсис Кс. Гордон, Эль Борак, переработанный вариант его подросткового творения. Таким образом, он не исследовал новые земли, но наводил мост через десятилетие. Во втором рассказе о Гордоне, «Дочь Эрлик-хана», Гордон исследует город Йолган, скрытый внутри таинственной восточной горы, где держат в плену прекрасную Жасмину. В следующем рассказе техасца, истории о Конане «Люди Черного Круга», таинственная восточная гора называется Имш, и именно там Конан спасает еще одну прекрасную Жасмину. Как воскликнул Говард, прочитав первые романы Манди в 1923 году: «Жасмина? Вот это героиня, разве нет?»

Многое было написано о влиянии Тэлбота Манди на этот конкретный рассказ о Конане, но, хотя еще предстоит определить, что послужило Говарду источником материала для этого рассказа, Манди, скорее всего, не имеет к этому отношения. Вполне вероятно, что разработки Говарда для его «восточных приключений» также послужили основой для новых произведений о Конане. В «Железном демоне», к примеру, Говард поменял имя туранского царя с Илдиза (в «Тенях в лунном свете») на Эздигерда. Большая часть действия этого рассказа происходит на острове Ксапур; вполне вероятно, что имена происходят от исторического Ездигерда

герда — персидского царя и завоевателя — и Шапура, его отца. Ездигерд вновь появился в «Людях Черного Круга», и вместе с ним несколько новых географических элементов, которые Говард добавил в этом рассказе к своему Хайборийскому миру, такие как Химелийские горы, Афгулистан и Вендия.

«Люди Черного Круга» были самым длинным на тот момент произведением Говарда о Конане — настоящая, и притом успешная повесть, а не просто длинный рассказ. Произведение такой величины не могло держаться на одних лишь плечах Конана, и Жасмина стала долгожданной заменой готовых отдаться женщин из прежних рассказов. Однако наиболее запоминающимся второстепенным персонажем стал Хемса, разрывающийся между преданностью хозяевам и любовью к Гитаре, между духовными и земными желаниями. Ибо, как и подобает рассказу, описывающему Восток и Запад, «Люди Черного Круга» основаны на дуализме — брат и сестра, одна жива, другой мертв; две противоположные друг другу пары, Конан и Жасмина против Хемсы и Гитары (две пары, в которых соперничество за власть является существенным фактором их взаимоотношений). Но если первые — повелители (соответственно, вождь и королева), то вторые — всего лишь слуги вождей. Противостояние между первобытными горцами и колдунами с Имша, то есть между физическим и духовным, вероятно, возникло на основе длившихся целый год дебатов на эту тему, которые занимали Говарда и Г. Ф. Лавкрафта большую часть 1933 года.

Если в рассказе порой и чувствуется присущая Манди склонность к мистицизму, у Говарда он воспринимается совершенно иначе. Собственно, техасцу вряд ли требовалось обращаться к Манди за вдохновением для мистицизма — он буквально купался в нем многие годы. Более того, если убрать восточный колорит рассказа, повествование странным образом соприкасается со многими моментами в исто-

рии семьи самого Говарда. Его отец, доктор Айзек М. Говард, всю жизнь интересовался мистикой, йогой и гипнозом. Он регулярно практиковал гипноз на своих пациентах, иногда в присутствии юного Роберта, и снабдил примечаниями свои экземпляры «Индусской науки дыхания» и «Четырнадцати уроков философии йоги» Йога Рамачараки. Если Говарду нужны были документы по восточному мистицизму, ему незачем было перечитывать Манди, поскольку у него имелся намного более серьезный источник информации в собственном доме. Начальная сцена — в которой описывается смерть брата Жасмины у нее на руках — является еще одним поразительным автобиографическим примером. В литературной плоскости она побуждает к сравнению с несколькими другими рассказами, в особенности с «Погибелью Дэймода», в котором героя сверх всякой меры потрясает смерть его сестры-близнеца. В произведениях Говарда братья и сестры часто разлучаются, и обычно при трагических обстоятельствах. Причиной подобной навязчивой идеи вполне может быть упоминаемый (хотя и недокументированный) выкидыш у матери Говарда в 1908 году, когда Роберту было два года. Это побуждает нас провести параллель между Жасминой и Говардом, которые оба пережили потерю брата. Однако, как это обычно бывает в произведениях Говарда, эти биографические элементы вскоре размываются и теряются в истории, которую техасец должен был рассказать, чтобы продать ее Фэрнсуорту Райту. «Люди Черного Круга» — особенно удачный рассказ о Конане во всех отношениях. Ему не чужд эскапизм, и он намного опережает стандартные дешевые сюжеты, отличаясь всесторонней глубиной, что ставит его среди трех или четырех лучших рассказов о Конане, написанных Говардом на тот момент.

На Фэрнсуорта Райта он, судя по всему, произвел неплохое впечатление, поскольку первая его часть была опубли-

кована меньше чем через пять месяцев после того, как рассказ был принят. Однако куда меньше ему нравилась все возрастающая фамильярность, которую Говард допускал в диалогах, и откровенность некоторых ситуаций, из-за чего ему несколько раз приходилось серьезно смягчать ругательства Конана и сексуальные намеки.

В начале января 1934 года, когда Говард писал «Людей Черного Круга», он наконец получил известие о сборнике рассказов, которые отправил Денису Арчеру в Англию в июне прошлого года. Ответ не был положительным. Хотя редактор и счел рассказы «чрезвычайно интересными», этого было недостаточно: «Сложность с книжной публикацией состоит в том, что сейчас слишком сильно предубеждение к сборникам рассказов, и я с большой неохотой вынужден вернуть рассказы вам. Однако, как только у вас появится возможность написать полноразмерную повесть в 70–75 тысяч слов в духе этих рассказов, моя родственная компания, "Поулинг и Несс Лтд.", которая имеет дело с библиотеками и в состоянии продать первый тираж в 5000 экземпляров, будет рада ее опубликовать».

За исключением отчасти биографической «Высокие дубы и песчаные холмы» (1928), Говард никогда не писал больших повестей, хотя продемонстрировал свои способности новеллой «Люди Черного Круга», которая в окончательном варианте имеет объем в 31 тысячу слов. Многие другие писатели сдались бы, столкнувшись с издателем, которому потребовалось полгода на то, чтобы дать отрицательный ответ, отклонив сборник рассказов, которые он сам в первую очередь просил. Однако позже в том же месяце Говард писал Огасту Дерлету: «Английская фирма, продержав несколько месяцев мои рассказы, наконец вернула их обратно, сказав, что против сборников сейчас существует предубеждение — я имею в виду сборники рассказов,— и предложила мне написать для них повесть. Но я не испытываю на этот

счет особого энтузиазма, поскольку я слишком разочарован. Конечно, попробую сделать, что смогу».

Говард, вероятно, начал работать над повестью в феврале 1934 года, но ему пришлось оставить ее несколько недель спустя.

«Альмарик» — поскольку, вероятнее всего, именно эту повесть Говард начал писать для английского издателя — был брошен на полпути, написан был лишь первый вариант и половина второго. Это должна была быть третья — и последняя — история Говарда о Жасмине, после «Дочери Эрлик-хана» и «Железного демона». Как и ее тезки, эта Жасмина тоже жила внутри странной горы под названием Ютла. Почему Говард настоял на том, чтобы его Жасмины обитали внутри гор, видимо, останется тайной. В повести использовалось несколько ключевых сцен из рассказов, ранее направленных издателю. Крылатый Яга из «Альмарика», например, явно кое-чем обязан крылатым созданиям из рассказа о Соломоне Кейне «Крылья в ночи». Говард действительно делал все, чтобы его повесть была «в духе рассказов», которые он посылал до этого. Тем не менее Говард оставил «Альмарика» незаконченным по неизвестным до сих пор причинам. (Повесть пролежала несколько лет, пока наконец не была опубликована на страницах «Уэйрд тэйлз» после смерти Говарда, законченная другим автором.)

Бросив «Альмарик», Говард, вероятно, понял, что единственно логичным выходом для него было сделать главным героем повести Конана; продажи «Людей Черного Круга» в конце февраля или марте 1934 года продемонстрировали, что он может успешно писать об этом персонаже. Еще важнее было то, что место и время действия — Хайборийская эра — и сам главный герой глубоко укоренились в мозгу Говарда и почти не требовалось труда, чтобы создать основу для предполагаемой повести. Наконец, рассказы о Конане были также включены в первый сборник, отправ-

ленный Арчеру; он мог снова представить материал «в духе» того, что уже предложил британскому издателю.

Сохранившийся план и 29-страничный черновик первой попытки написать повесть о Конане интригуют уже хотя бы тем, что резко отличаются от других историй о киммерийце. Этот черновик под названием «Томбалку» был начат и брошен после того, как Говард закончил «Людей Черного Круга» и бросил «Альмарик», со всей вероятностью, в середине марта 1934 года. Конан не является его главным героем; эта роль выпадает на долю некоего Амальрика (чье имя вызывает в памяти Альмарика). Читая синопсис и первый черновик, достаточно легко понять, что автору не хватало хорошего материала для повести; фактически ему не хватало хорошего материала вообще. Связь между первой частью и тем, что должно было стать главами «Томбалку», неубедительна, и сюжет явно уходил в никуда. Говард вскоре понял это и снова бросил начатое, чтобы приступить к работе над последней — окончательной и удачной — попыткой написать свою повесть «Час Дракона».

Из плодов двух предыдущих попыток Говард не использовал почти ничего. Действительно, мало что говорит о том, что три истории были написаны примерно в одно и то же время: в «Часе Дракона» Конан коротко упоминает нож гханатов, племени, отметившемся лишь в незаконченном черновике «Томбалку».

В раннем варианте повести мы узнаем, что Конана когда-то звали Железная Рука, то же самое прозвище, которое носил Исау Каирн на планете Альмарик. В «Часе Дракона» есть также упоминание о «принце Альмарике», но, возможно, скорее имеется в виду его тезка в «Ползучей тени» — другой принц, нашедший свою гибель в руках стигийцев,— чем повесть с таким же названием.

Однако один отрывок из «Томбалку» вполне мог вдохновить техасца на идею его повести:

Один из прохожих, с гладким лицом, но серебристыми волосами, спросил:

— Аквилония? Мы слышали, что в нее вторгся король Немедии Брагор. Чем закончилась война?

— Его прогнали,— коротко ответил Амальрик, едва сдерживая дрожь. Прошло девятьсот лет с тех пор, как Брагор повел своих воинов через границу Аквилонии.

Вот она, завязка сюжета «Часа Дракона»: вторжение в Аквилонию ее соседей из Немедии. Семь таинственных всадников также, вероятно, превратились в «Часе Дракона» в четырех чародеев из Кхитая. Амра, второе имя Конана в те времена, когда он разбойничал на море среди черных пиратов, также перешло из черновика в повесть, а тема соперничающих королей, очевидно, стала существенной его составляющей. Многое из этого уже послужило основой для раннего рассказа о Конане под названием «Алая цитадель», в числе других посланного в Англию, в котором Конан выступал под именем Амра и описывалось вторжение (в данном случае из Кофа и Офира). Воскресение Ксальтотуна в немалой степени напоминает воскресение Туграхотана в «Черном колоссе», хотя этого рассказа не было среди тех, что отправились в Англию в середине 1933 года.

Говард знал, что ему следует делать с «Часом Дракона» и как: он повторно использовал некоторые элементы прошлых рассказов о Конане и в то же время пытался завоевать нового читателя. Таким образом, ему приходилось излагать как можно больше сведений о своей Хайборийской эре и ее возможностях предполагаемым новым читателям, и он без всяких угрызений совести воспроизводил некоторые фрагменты прошлых рассказов о Конане, поскольку британский рынок не был расположен к публикации короткой формы. Читатель получал некоторую информацию о Стигии, о землях, соответствовавших в Хайборийской эре африканским

королевствам, даже кое-какие намеки — с помощью таинственных чародеев — на страны к востоку от Вилайета, в произведении, центром которого, однако, оставались хайборийские страны, предположительно уже знакомые этому читателю королевства, соответствовавшие современной восточной Европе.

Прошло немало времени с тех пор, как Говард писал о Конане как о короле, и мог бы возникнуть вопрос, почему он решил вернуться к теме, давно исчезнувшей из его рассказов. Ответ, вероятно, снова кроется в предполагаемом рынке сбыта книги. Британскую публику всегда остро интересовала тема мифических королей, как и самого Говарда: разве он не писал в «Фениксе на мече» о короле, который выигрывает битву с помощью волшебного меча, очень похожего на Экскалибур? Разве он не писал в «Алой цитадели» о том, что король — единое целое со своим королевством и тот, кто убивает короля, разрубает связующие нити королевства? Разве не был король Конан готов признать свое родство с самым знаменитым из кельтских королей, Артуром?

В «Часе Дракона» Конан попадает в плен из-за предательства и в конечном счете добивается победы посредством выдающейся военной стратегии. В повести паралич Конана носит явно сверхъестественную природу, и это выясняется, когда Ксальтотун предостерегает Конана от участия в сражении. Парализующая Конана магия разрывает важнейшую связь — король отрезан от своей армии, и именно это привело к ее поражению. Как заявляет Паллантид: «Только он мог повести нас сегодня к победе». После мнимой смерти Конана, короля Аквилонии, исчезает все единство Аквилонии и ее мощь. Как позднее говорит Конану ополченец: «Прости, государь, но ты был для них чем-то вроде веревки, удерживающей вместе вязанку хвороста. Не стало веревки — и развалилась вязанка». Лишь предполагаемая смерть

Конана позволяет Валерию занять трон. «Пока Конан жив — он опасен. Он способен объединить Аквилонию»,— заявляет Тараск. «Защититься можно только в единстве»,— позже вторит ему Конан. Валерию, несмотря на его военную победу, не удается восстановить потерянное единство королевства и получить поддержку народа. И вновь слова Конана: «Одно дело — когда народ вручает тебе трон и сам соглашается на твое правление. И совсем другое — захватить чужую страну и властвовать с помощью страха». Оказывается, что Конан по праву является королем Аквилонии, и только магия может победить его единство с народом.

Вовсе не Сердце Аримана стало причиной поражения Конана. Сердце — не орудие зла. Хадрат, жрец Асуры, позже подтверждает, что «Сердце подобно мечу. Ксальтотун не способен разить им, но сам может быть им поражен. Сердце дает жизнь, но может и отнять. Ксальтотун прибрал его к рукам не для того, чтобы обратить против врагов,— затем лишь, чтобы с его помощью они не погубили его самого...» И заканчивает словами: «В нем — судьба Аквилонии». Почему Сердце заключает в себе судьбу Аквилонии? В начале повести мы узнаем, что это сокровище «хранилось в пещере под храмом Митры в Тарантии». Символизм очевиден: Сердце, как предполагает его название, находилось в сердце, то есть в центре королевства. К тому же митраизм в Хайборийской эре является ближайшим эквивалентом организованной религии, официальной религией Аквилонии, так же как и наиболее упорядоченным из хайборийских культов; отсюда и его «центральное» положение. Тарантия требует некоторого обсуждения. В «Алой цитадели» столица Аквилонии называется Шамар; Тарантией она называется в повести «Час Дракона». Смена названия Говардом была не «очевидной ошибкой», по словам некоторых редакторов, но результатом тщательного выбора: Тарантия происходит от Тары, мистической и политической столицы Ирландии, которую ирландские кельты считали сердцем

своего королевства. «И тебе не бывать больше на троне, если ты не разыщешь Сердце своего королевства!» — говорит Зелата Конану, и он уточняет: «Ты имеешь в виду город? Тарантию?» Таким образом, Сердце — это мистический камень, точный центр страны, символ связи, соединяющей людей и землю с их королем. Как только эта связь разрушена, «королевство лишается сердца», последствия чего для людей и страны ужасны и скоротечны:

Но теперь лишь угли и пепел позволяли угадать, где стояли раньше дома земледельцев и виллы вельмож. ...Потому-то к западу от предгорий через всю страну протянулась широкая полоса пожарищ и разрушений. Конан ругался сквозь зубы, пересекая черные пепелища, бывшие когда-то тучными нивами, в стороне от которых вздымались к небесам остовы сгоревших домов. Земли вокруг были пусты и безлюдны, и Конан казался себе самому призраком, явившимся из давно забытого прошлого.

Все это вполне логично, поскольку в историях о Граале страна превращается в бесплодную и опустошенную землю с того момента, когда король больше не может надлежащим образом править своим королевством: последствия поражения Конана от руки заговорщиков простираются намного дальше, чем пленение и лишения киммерийца. Проблема «Часа Дракона» состоит в том, что Конан, похоже, сперва не осознает мистическую связь между ним и его страной. Желание вернуть себе трон, отобрав его у врагов, обречено с самого начала, и даже его самые лояльные подданные отказываются участвовать в том, что они считают самоубийственным предприятием. Только когда Конан все понимает, он может отправляться на поиски приключений: «Нет, какой же я дурень! Сердце Аримана! Сердце моего королевства! "Разыщи Сердце своего королевства",— сказала Зелата».

Таким образом, примерно к середине повести начинаются приключения, подобные путешествию Артура в поисках Грааля. За артуровской легендой просматривается известное стремление кельтов иметь общего короля, которого исторически у них никогда не было, того, кто должен был объединить их племена против общих врагов. Этот король, «рекс», в противоположность римскому «императору», постоянному представителю сильной и централизованной власти, большую часть времени являлся военным лидером. И Говард рассказывает нам именно об этом: путешествие Конана в поисках Сердца — это поиск верного пути к тому, чтобы исполнить свой долг как короля-рекса, а не императора-тирана. Это отчетливо демонстрирует диалог между Конаном и Троцеро в середине книги:

— Так давай присоединим Зингару к Пуантену,— предложил Троцеро.— Там теперь не менее полудюжины принцев, и все рвут глотки друг другу. Мы легко завоюем ее, одну провинцию за другой, и присоединим к твоим владениям. Потом с помощью зингарцев покорим Аргос и Офир. Уж если кто создаст империю, так это мы!

И вновь Конан отрицательно покачал головой:

— Об империях пускай мечтают другие, я же хочу сохранить принадлежащее мне. Я не стремлюсь к тому, чтобы править империей, сколоченной огнем и мечом... Одно дело — когда народ вручает тебе трон и сам соглашается на твое правление. И совсем другое — захватить чужую страну и властвовать с помощью страха. Чтобы я превратился во второго Валерия? Нет, Троцеро. Я намерен править всей Аквилонией — и не более. Или ничем!

Тот, кому пришла в голову мысль переименовать повесть Говарда в «Конана-завоевателя», очевидно, не понял его суть: Конан по своей природе кто угодно, только не завоеватель. Если королевский титул Конана рассматривать как в некотором роде цель его жизни, то вывод из этого совершенно иной, чем тот, который предполагался многие годы:

Конан-король обладает намного меньшей свободой и властью (поступать так, как он захочет), чем Конан-киммериец.

Если Конан — это Артур, возникает вопрос, где его Гвиневра. Королева играла особую роль в кельтских странах, и ее отсутствие в повести Говарда может показаться странным, по крайней мере читателю, не знакомому с киммерийцем. Многих читателей «Уэйрд тэйлз» наверняка потрясло, когда в конце повести Конан поклялся жениться на Зенобии. Может возникнуть вопрос, и он действительно возникал у некоторых критиков, сдержал ли Конан свое слово. У нас нет возможности ответить на подобный вопрос, хотя мы можем отметить, что коронация Зенобии еще больше приблизила бы повесть к артуровскому мифу.

Фактически каждая из трех женщин в повести — Зенобия, Зелата и Альбиона — похоже, воплощает в себе часть символической роли, предназначенной артуровской королеве. Зенобии (носившей в ранних вариантах повести имя Сабина) предстоит (вскоре) стать женой короля. Зелата играет свою роль на начальном этапе путешествия Конана — именно она помогает ему понять символизм Сердца Аримана, связи между королем и его королевством. Альбиона наделена именем и положением, которые помогают нам отождествить трех женщин в повести с составным образом артурианской королевы. Она, конечно, принадлежит к высшим слоям общества, но этимология имени ее выдает, поскольку Альбиона происходит от «альба», что по латыни означает «белый». Имя жены Артура имеет отчетливое кельтское происхождение: «гвен», корень, присутствующий во всех вариантах имени жены короля Артура (Гвиневра, Гвенивра, Гвенлвифар и т. д., гэльское «Йинн»), означает «белый» (или «светлый»).

Эквивалент для путешествия в поисках Грааля в Хайборийской эре можно затем обнаружить в последующих гла-

вах повести, после того как Конан узнает, насколько важна роль Сердца Аримана. В этих эпизодах описываются разнообразные приключения и битвы, подобные тем, что можно найти в большинстве артурианских текстов. Таково происхождение эпизодов о крепости Вальборзо и упырях в лесу, о Публии, о мятеже на корабле, о Хеми и об Акиваше, который, строго говоря, ничего не добавляет к повести, настолько, что Карл Вагнер предположил, что эта глава вполне могла потеряться в пути между английским издателем и страницами «Уэйрд тэйлз» и никто этой потери не заметил бы.

Возвращение Конана на трон начинается с того, что он находит Сердце Аримана. Это происходит в конце девятнадцатой главы: «И он торжествующе размахивал над головой огромным сияющим камнем так, что по всей палубе катились волны золотого огня». Следующая глава начинается со слов: «В Аквилонию снова пришла весна. Зазеленели молодой листвою ветви деревьев, проклюнувшаяся трава радовалась теплому южному ветру». Сердце вновь оказалось в надлежащих руках, и жизнь воскресла, бесплодная земля снова стала изобильной, землей Грааля. «...С расцветом весны гибнущее королевство обежал новый слух, буквально возродивший его к жизни». Эта картина страны, возвращающейся к жизни с появлением всадников с Граалем, неодолимо вызывает в памяти аналогичную сцену из «Экскалибура» Джона Бурмана. Поражение Ксальтотуна — теперь лишь вопрос времени. Заговорщики разобщены, в то время как силы Конана вновь объединились. Восстановление королевского трона и страны теперь неизбежно.

Говард явно писал свою повесть, имея в виду будущего читателя, и, вероятно, не случайно, что повесть содержит выражения признательности британским писателям. Начало «Сэра Найджела» сэра Артура Конана Дойла с большой вероятностью подсказало Говарду эпизод с чумой в

его повести. Что еще важнее, он в очередной раз выразил почтение одному из своих любимых драматургов, Шекспиру, чей «Гамлет», похоже, постоянно присутствовал рядом с Говардом во время сочинения повести: фраза «Есть последовательность в его безумии» в главе 3 явно перекликается с самой знаменитой пьесой драматурга. (Говард явно хотел, чтобы эта фраза появилась в его повести, поскольку она появлялась три раза во втором его варианте!) Собственно, многие из произведений Говарда, где идет речь о королевской власти, напрашиваются на сравнение с этой пьесой. В случае «Часа Дракона» параллели очевидны, поскольку в обоих произведениях идет речь о деяниях короля (или будущего короля), низложенного узурпатором, которого он считал союзником! Конан, лишенный трона и мертвый (или считающийся таковым), фактически обладает всеми качествами датского короля-призрака. При виде Конана, которого он считал мертвым, пуантенский воин ведет себя подобно шекспировскому герою, и может показаться, будто мы находимся на стенах Эльсинора: «Он ахнул, и бледность расползлась по румяным щекам. "Изыди! — вырвалось у него.— Зачем ты вернулся из серых долин смерти и пугаешь меня? Пока ты ходил по земле, я всегда был тебе верен..."»

Говард написал пять вариантов повести, некоторые их части переписывались два или три раза. Хотя он говорил другим, что писать ему не составляет никакого труда, работа шла тяжело. Синопсис повести представляет собой прекрасный пример метода работы Говарда: занимая три плотно заполненные текстом страницы, он описывает первые пять глав в мельчайших подробностях, лишь с некоторыми отличиями от опубликованной версии, в то время как последующие главы гораздо менее детальны, а вторая часть произведения не описывается вообще. Говард построил на осно-

вании этого свои первые черновики, разрабатывая сцены и диалоги. Таким образом, мотивы Ксальтотуна, по которым он пощадил Конана, менялись несколько раз, по мере того как Говард в процессе написания черновиков все больше осваивался со своими героями и тем, как они должны действовать и взаимодействовать в разных ситуациях. Фрагмент, в котором Тиберий жертвует собой, поведя Валерия с пятьюстами воинами в смертельную ловушку в ущелье, был добавлен на последнем этапе, предлагая читателю ряд запоминающихся моментов и насыщая финал ощущением напряженности и неуверенности, которых иначе бы ему недоставало.

Изучение рукописей показывает, что Говард не начинал работу над своей повестью о Конане, пока не закончил как «Людей Черного Круга», так и детективный рассказ, полученные его агентом 10 марта. Вероятно, на самом деле он не начинал повесть, пока не отправил еще один рассказ своему агенту 17 марта. Есть предположение, что повесть была начата в День святого Патрика. Записи показывают, что агент Говарда ничего не получал от него в период между 19 марта и 20 июня. Если принять 17 марта плюс-минус несколько дней за дату начала работы над повестью, то «Час Дракона» был создан менее чем за два месяца: 20 мая 1934 года Говард писал Денису Арчеру в Англию: «Как Вы несомненно помните, в вашем письме от 9 января 1934 года Вы предложили мне написать полноразмерную повесть, на основе ранее представленных рассказов, для вашей компании-партнера "Поулинг и Несс, Лтд.". Под отдельной обложкой я посылаю вам повесть в 75 тысяч слов, озаглавленную "Час Дракона" и написанную в соответствии с вашими предложениями. Надеюсь, она окажется приемлемой...»

В течение этих двух месяцев Говард, видимо, не писал никаких других рассказов, сосредоточив все свои усилия

на повести, примерно по пять тысяч слов в день, семь дней в неделю. В тот день, когда он отправил повесть в Англию, 20 мая, Говард написал четыре коротких письма. В эти два месяца «Час Дракона» занимал почти все его время. Единственным, что отвлекло его за эти два месяца, был, вероятно, краткий визит Эдгара Хоффмана Прайса. Для того, кто не ожидал многого от британского рынка, два полных месяца работы, похоже, были серьезной затратой сил. Можно предположить, что Говард возлагал на свою повесть намного больше веры и надежды, чем он готов был признать. Он понимал, что если его повесть будет принята — и опубликована,— это будет для него, возможно, самым большим прорывом.

Как и следовало ожидать, Говард в июне сделал в работе перерыв на несколько дней: «После нескольких недель непрерывного труда я нахожу несколько часов для того, чтобы расслабиться и попытаться привести в порядок переписку, которой у меня накопилось чудовищное количество». Говард устроил себе небольшой отпуск и побывал в Карлсбадских пещерах, что в дальнейшем вдохновило его на очередной рассказ о Конане. Между завершением «Людей Черного Круга» и началом «Часа Дракона» прошло всего несколько дней. Вполне вероятно, что перерыв между «Часом Дракона» и следующей историей о Конане был таким же.

Рассказ «...И родится ведьма» был написан в конце мая или начале июня 1934 года, вероятно, в течение нескольких дней. Очевидно, он должен был пополнить запас историй о Конане, имевшихся у Фэрнсуорта Райта. В апреле 1934 года Райт опубликовал «Тени в лунном свете», за ним в мае последовала «Королева Черного побережья», и Говард знал, что «Железный демон» и «Люди Черного Круга» запланированы на август 1934 года. Для техасца это была совершен-

но новая ситуация. Теперь Райт принимал рассказы о Конане, как только они появлялись, иллюстрации к ним почти постоянно украшали обложку («Королева Черного побережья», «Железный демон», «Люди Черного Круга», «...И родится ведьма», опубликованные в течение семи месяцев, были представлены на обложке). Популярность Конана росла, и персонаж, вполне вероятно, привлекал новых читателей к «Уэйрд тэйлз». Женщины писали в журнал, прося больше Конана, которого они представляли себе, отчасти благодаря цензуре Райта, романтическим варваром. Для рассказа «...И родится ведьма» потребовалось всего два варианта, прежде чем Говард удовлетворился результатом. Нет никакого сомнения, что это в точности соответствовало ожиданиям Райта. В письме Роберту Х. Барлоу, датированном 5 июля 1934 года, Говард писал: «Вот наконец то, что я обещал вам какое-то время назад. "...И родится ведьма". Это мой самый последний рассказ о Конане, и, как говорит мистер Райт, мой самый лучший».

Вряд ли «...И родится ведьма» — самый лучший рассказ Говарда, но это особая история о Конане в том смысле, что хотя она и достаточно проходная, но содержит самую знаменитую или скорее самую запоминающуюся сцену из всего цикла. При чтении рассказа может создаться впечатление, что Говард просто заимствовал идеи из написанного им за год. Чудовище в финале рассказа выглядит двоюродным братом того, что появляется в последней главе «Альмарика». Тарамис и Саломэ напоминают нам о том, что Говард был увлечен идеей братьев и сестер (в очередной раз трагически разлученных при рождении), а также о его интересе к двойственности. Паранойя, тема, проходящая через творчество Говарда начиная с рассказа о Кулле «Королевство теней» (1926–1927), главенствует и здесь, причем Говард не раз повторяет, что люди далеко не всегда таковы, какими кажутся. У Говарда часто можно прочесть, что зло таится за

внешне невинными чертами. В рассказе «...И родится ведьма», похоже, лишь Конан — или Говард? — располагает всеми фактами. Все остальные персонажи столь же слепы к тому, что происходит прямо у них перед глазами, как и Ольгерд Владислав.

Конан в «...И родится ведьма» становится персонажем-сверхчеловеком. Говард был все больше уверен в собственном творении, о чем свидетельствует структура рассказа. Здесь нет ничего похожего на обычную дешевую формулу: Конан — главный герой — дает жизнь всему произведению, присутствуя лишь в двух его главах. Заманчиво провести параллель между Конаном и тем, чего, по мысли Говарда, он достиг своим циклом о нем: техасец знал, что он победитель и что сможет справиться с чем угодно, даже если ведущий персонаж рассказа будет присутствовать лишь в его центральных главах. Конан доминирует во всем рассказе, и это становится ясно в сцене распятия. Как можно убить персонажа — в буквальном или переносном смысле, который в состоянии пережить сцену, подобную этой? Ибо сцена распятия автоматически побуждает к сравнению с Христом. Конан, вероятно, стал в этой сцене «бессмертным», и вопрос лишь в том, до какой степени сам Говард желал, чтобы это было так. Рассказ — сам по себе средний — выделяется уверенностью Говарда в своем творении. Он был с радостью принят Фэрнсуортом Райтом, опубликован следом за четырьмя последовательными выпусками «Уэйрд тэйлз», где звездой был киммериец, и снова попал на обложку. У Говарда были все причины для уверенности.

В начале 1933 года у Говарда был лишь один постоянный рынок сбыта. В середине 1934 года он появлялся почти в каждом выпуске «Уэйрд тэйлз», успешно пробился еще на один рынок, в «Эдвенче», где его печатали в каждом выпус-

ке, полагал, что у него есть еще один постоянный рынок в «Файт сториз» Джека Демпси, публиковал свои рассказы в еще нескольких журналах благодаря своему агенту Отису Эделберту Клайну и, более того, считал, что только что продал повесть на британский рынок.

Это была настоящая идиллия.

Но она длилась недолго.

Патрис Луине

Содержание

Предисловие *(перевод К. Плешкова)* 7

Вступление *(перевод К. Плешкова)* 10

Люди Черного Круга *(перевод М. Семёновой)* 17

Час Дракона *(перевод М. Семёновой)* 127

...И родится ведьма *(перевод М. Семёновой)* 393

Приложение 467

Синопсис без названия («Люди Черного Круга») *(перевод К. Плешкова)* 469

Синопсис без названия *(перевод К. Плешкова)* 474

Черновик без названия *(перевод К. Плешкова)* 481

Синопсис без названия («Час Дракона») *(перевод К. Плешкова)* 512

Синопсис без названия («...И родится ведьма») *(перевод К. Плешкова)* 517

Сотворение Хайбории. Часть 2 *(перевод К. Плешкова)* 520

Литературно-художественное издание

Роберт Ирвин Говард

КОНАН

КРОВАВЫЙ ВЕНЕЦ

Ответственный редактор *Г. Корчагин*
Выпускающий редактор *Е. Березина*
Редактор *Е. Барышева*
Художественный редактор *А. Матвеев*
Технический редактор *О. Шубик*
Компьютерная верстка *О. Шубик*
Корректоры *Л. Самойлова, Н. Тюрина*

ООО «Издательский дом «Домино».
191014, Санкт-Петербург, ул. Некрасова, д. 60.
Тел./факс (812) 272-99-39. E-mail: dominospb@hotbox.ru

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Подписано в печать 12.01.2010.
Формат 60x90$^{1}/_{16}$. Печать офсетная. Усл. печ. л. 34,0.
Тираж 5000 экз. Заказ 466.

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 978-5-699-39448-7

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: **reception@eksmo-sale.ru**

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями *обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»*
E-mail: **international@eksmo-sale.ru**

International Sales: *International wholesale customers should contact Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.*
international@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении,
обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118.
E-mail: **vipzakaz@eksmo.ru**

Оптовая торговля бумажно-беловыми и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, в/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: **kanc@eksmo-sale.ru**, сайт: **www.kanc-eksmo.ru**

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5.
Тел. (843) 570-40-45/46.
В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.
Тел. (863) 220-19-34.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-66-70.
В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.
В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9.
Тел./факс: (044) 495-79-80/81.
Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.
В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.
В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:
В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.
Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12. Тел. 346-99-95.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.
В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо» обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.

ХАЙБОРИЙСКАЯ ЭРА
МОРЕ ЗАПАДА
ВАНАХЕЙМ
АСГАРД
ГИПЕРБОРЕЯ
ТУНДРЫ
СТЕПИ
ПУСТЫНИ
ГИРКАНИЯ
КИММЕРИЯ
БОССОНСКИЕ ПРЕДЕЛЫ
ГАНДЕРЛАНД
ПОГРАНИЧНОЕ КОРОЛЕВСТВО
ДЕБРИ ПИКТОВ
НЕМЕДИЯ
БРИТУНИЯ
ЗИНГАРА
ТАУРАН
АКВИЛОНИЯ
КОРИНФИЯ
ЗАМОРА
ОФИР
ХАУРАН
ХОРАЙЯ
ШЕМ
АРГОС
СТИГИЯ
КУШ
ДАРФАР
КЕШАН
ПУНТ
УЭМБАБВЕ
ЧЕРНЫЕ КОРОЛЕВСТВА
ИРАНИСТАН
ЗЕНДИЯ
КХИТАЙ
МОРЕ ВИЛАЙЕТ
Р. ЧЕРНАЯ
Р. ГРОМБОЛА
Р. ШИРИА
Р. ХОРОТ
Р. ХУАНТЕМ
Р. КИРОВАН
Р. СТИКС
Р. ЗАРЕЗВА
Р. ЗАЛИСОНА
Р. ЗАРЕЗВА
Карпашские горы
Рабирийские горы
Черные горы
Горы Кезанкия
Горы Хелоя
Горы Кезанкия
Горы Кезанкия
Горы Кезанкия

КОНАН®

Роберт Ирвин Говард прославился как создатель жанра, позднее получившего название «меч и магия». Кроме того, он подарил читателям героического фэнтези бессмертную плеяду героев: выходца из Атлантиды Кулла, вождя мятежных пиктов Брана Мак Морна, странствующего пуританина Соломона Кейна. Но самым ярким в этом созвездии стал — без преувеличения, по праву сильного — хмуроглазый могучий варвар, рожденный в снежных горах таинственной Киммерии.

Во второй том историй о Конане вошел единственный роман Говарда «Час Дракона», а также повесть и рассказ в переводе известной писательницы Марии Семёновой. Книга украшена иллюстрациями Гэри Джианни.

ROBERT E. HOWARD
OFFICIAL LICENSE

ISBN 978-5-699-39448-7

9 785699 394487 >

HYBORIA®

КОНАН®

Роберт Ирвин Говард прославился как создатель жанра, позднее получившего название «меч и магия». Кроме того, он подарил читателям героического фэнтези бессмертную плеяду героев: выходца из Атлантиды Кулла, вождя мятежных пиктов Брана Мак Морна, странствующего пуританина Соломона Кейна. Но самым ярким в этом созвездии стал — без преувеличения, по праву сильного — хмуроглазый могучий варвар, рожденный в снежных горах таинственной Киммерии.

Во второй том историй о Конане вошел единственный роман Говарда «Час Дракона», а также повесть и рассказ в переводе известной писательницы Марии Семёновой. Книга украшена иллюстрациями Гэри Джианни.

ROBERT E. HOWARD® OFFICIAL LICENSE

ISBN 978-5-699-39448-7

HYBORIA™